

ISBN 2782-3067 (Print)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 1(19) | No. 1(19)
МАРТ | MARCH 2026

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
рекомендации

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

---

*Искусство диалога
и доверия*

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

– печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека

Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка».

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»

119034, Российская Федерация,

Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>

Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты.

Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстрановых и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2026

© АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций», 2026

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 1 >

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2026-4-1(19)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»

– print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

All articles and materials published in the journal are indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) database on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and they are also available through the website of the scientific electronic library "CyberLeninka". The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of a dissertation for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»
22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84 www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»
Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
Russian Federation
Website: <https://www.russia-world.ru/jour>
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.

The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2026

© ANO «National Communications Development Research Institution», 2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиадеятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П.Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Россия)

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почетный доктор Института социологии РАН (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия); профессор Дипломатической академии МИД РФ (Россия)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистан, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В.Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Research of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P.Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia); professor of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Russia)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

АТЛАГИЧ Синиша – доктор философских наук, профессор, директор Центра русских исследований Белградского университета (Сербия)

ДЖОРОБЕКОВА Айнура Эшимбековна – доктор политических наук, директор Центра российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына, заведующая кафедрой международных отношений и права Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики имени К.Дикамбаева (Кыргызстан)

ИСКАНДАРОВА Косимшо – доктор исторических наук, профессор, главный ученый секретарь Национальной академии наук Таджикистана (Таджикистан)

КИКНАДЗЕ Тамар – доктор политических наук, профессор, руководитель Департамента политических наук и международных отношений Грузинского технического университета (Грузия)

МАРТИНОВИЧ Владимир Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии, доктор теологии Венского университета (Беларусь)

ПОГОСЯН Геворг Арамович – доктор социологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Армения, иностранный член РАН (Армения)

УСАРОВА Феруза Халматовна – кандидат политических наук, и.о. директора Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Вячеслав Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Sinisha ATLAGIC – DSc (Philos.), Professor, Director of the Center for Russian Studies at the University of Belgrade (Serbia)

Ainur E. JOROBKOVA – DSc (Polit.), Director of the Center for Russian Studies of the Kyrgyz National University named after J.Balasagyn, Head of the Department of International Relations and Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K.Dikambayev (Kyrgyzstan)

Kosimsho ISKANDAROV – DSc (Hist.), Professor, Chief Scientific Secretary of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan)

Tamar KIKNADZE – DSc (Polit.), Professor, Head of the Department of Political Sciences and International Relations, Georgian Technical University (Georgia)

Vladimir A. MARTINOVICH – DSc (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of Apologetics at the Minsk Theological Academy, DSc (Theology) at the University of Vienna (Belarus)

Gevorg A. POGHOSYAN – DSc (Soc.), Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Armenia)

Feruzha Kh. USAROVA – CandSc (Polit.), Acting Director of the Coordination and Methodological Center for the Modern History of Uzbekistan of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В. 16

От главного редактора

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Бордунос А.К., Кошелева С.В., Севрюков С.Ю., Волкова Н.В. 24

Тематическое моделирование в исследованиях цифровой дипломатии: обзор практик и методические рекомендации

Колотаев Ю.Ю., Базлуцкая М.М. 43

Возможности и ограничения научного использования LLM: первичный анализ данных, проблемы предвзятости и валидация

Вакарчук Д.О. 64

Границы применимости временных экспоненциальных моделей случайных графов (TERGM) для анализа региональных сетей альянсов на примере постсоветского пространства

Смирнова В.А. 81

Применение LLM для тематического анализа региональных стратегий обеспечения продовольственной безопасности в Китае (2021–2025 гг.)

Павлюченко А.А., Каплина Д.Э., Габукова Е.В. 95

Сетевой анализ в цифровой дипломатии: трансформация коммуникативной стратегии посольства США в России от Б.Обамы до Дж.Байдена

Бреславцева А.А. 110

Тематическое моделирование в исследовании регулирования иностранного землевладения в американских штатах в 2018–2025 гг.

Гореликов Е.С. 132

Мировой опыт миротворчества: анализ и перспективы для российской внешней политики

Комлева В.В. 146

Оценка дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран: итоги мониторинга 2025 г.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы
Политическая социология

Посаженникова А.А., Лебедева М.М. 164

Национальное самовосприятие и наднациональное регулирование: тематическое моделирование нидерландского правительственного дискурса в отношении искусственного интеллекта

Бочарова А.П. 187

Сентимент-анализ отношения пользователей новостных и экспертных телеграм-каналов к технологиям импортозамещения в России (Rutube и MAX)

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

Стребкова К.Е., Мальцева Д.А., Алейников А.В. 208

«Избирательный шок» как модель когнитивной реакции: сентимент-анализ и тематическое моделирование освещения Russia Today покушения на Д.Трампа

Бочаров Ю.Б. 231

Индекс цифрового суверенитета GASi: выявление политизации глобальных рейтингов демократии и новые параметры сетевых режимов

Таранец В.А. 257

Политические сети как инфраструктуры глобального управления

Шпак М.А. 274

Трансформация официального публичного дискурса Аргентины в период правления Х.Милея (2023–2025 гг.)

CONTENTS

Naumkin V.V.	16
Editor-in-Chief Foreword	

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Bordunos A.K., Kosheleva S.V., Sevryukov S.Yu., Volkova N.V.	24
Topic Modeling in Digital Diplomacy Research: Review of Practices and Methodological Recommendations	
Kolotaev Yu.Yu., Bazlutckaya M.M.	43
Capabilities and Limitations in Scientific Application of LLMs: Preliminary Data Analysis, Bias, and Validation	
Vakarchuk D.O.	64
The Limits of TERGM for Analyzing Regional Alliance Networks: A Case Study of Post-Soviet Alliances	
Smirnova V.A.	81
Applying LLMs to Thematic Analysis of Regional Food Security Strategies in China (2021–2025)	
Pavliuchenko A.A., Kaplina D.E., Gabukova E.V.	95
Network Analysis in Digital Diplomacy: The Transformation of the US Embassy's Communication Strategy in Russia from Barack Obama to Joseph Biden	
Breslavtseva A.A.	110
Topic Modeling of U.S. State Legislation on Foreign Ownership of Land from 2018 to 2025	
Gorelikov E.S.	132
The World Peacemaking Experience: Analysis and Prospects for the Russian Foreign Policy	
Komleva V.V.	146
Assessment of the Friendliness of Communication Regimes in Post-Soviet Countries: Results of Monitoring in 2025	

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political Sociology

Posazhennikova A.A., Lebedeva M.M.	164
National Self-Perception and Supranational Regulation: A Topic Modelling of Dutch Governmental Artificial Intelligence Discourse	
Bocharova A.P.	187
Sentiment Analysis of Users' Attitudes in News and Expert Telegram Channels Toward Import Substitution Technologies in Russia (Rutube and MAX)	

POWER, POLITICS, STATE

Political Institutions, Processes and Technologies

Strebkova K.E., Maltseva D.A., Aleinikov A.V.	208
“Selective Shock” as a Cognitive Response Model: A Sentiment and Topic Modeling Analysis of Russia Today's Coverage of the Trump Assassination Attempt	
Bocharov Yu.B.	231
The Digital Sovereignty Index (GASI): Revealing the Politicization of Global Democracy Ratings and New Parameters of Network Regimes	
Taranets V.A.	257
Political Networks as Global Governance Infrastructures	
Shpak M.A.	274
Transformation of Argentina's Official Public Discourse under J.Milei's Administration (2023–2025)	

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Full Member of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the Journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Мы открываем 2026 год особенным выпуском журнала, так как нашему изданию исполняется пять лет. Первый номер юбилейного года посвящен не подведению итогов, а осмыслению новых подходов к методологии исследований международных процессов, трансформации международных отношений через призму цифровых инноваций. Мы объединили опыт ведущих экспертов и энергию молодых исследователей, чтобы представить российский опыт применения новых аналитических инструментов. В этом номере классическая школа встречается с технологиями будущего: Data Science в международных отношениях (от тематического моделирования до сентимент-анализа), сетевые методы и динамическое моделирование, протоколируемое использование генеративного ИИ в научных исследованиях.

Этот выпуск журнала – манифест того, как за пять лет журнал стал площадкой для самых смелых, порой спорных, но всегда актуальных и аргументированных позиций наших авторов. Материалы журнала подготовлены вместе с молодыми учеными некоммерческой организации «Координационная лаборатория» (Колаборатория)¹. Это аналитический центр в Санкт-Петербурге, миссия которого заключается в объединении ученых и экспертов из России и других стран для развития междисциплинарных исследований на стыке технологий и международной проблематики. Успешным проектом наших коллег стала «Летняя

¹ Координационная лаборатория. URL: <https://www.colaboratoria.ru/>.

EDITOR-IN-CHIEF FOREWORD

Dear Readers!

We are celebrating 2026 with a special edition of the journal as our publication marks its fifth anniversary. The first edition of this anniversary issue is dedicated not to summarizing results, but exploring new approaches to international research methodology and transforming international relations through the lens of digital innovations. We have combined the expertise of leading experts with the energy of young researchers to showcase Russian experience in using new analytical tools. This edition brings together classical approaches and the technologies of the future – data science in international relations, from topic modeling to sentiment analysis, network methods, and dynamic modeling – as well as the use of generative AI in scientific research.

This issue of the journal is a manifesto of how, over the past five years, the journal has become a platform for bold, sometimes controversial, but always well-reasoned and relevant positions of our authors. The materials were prepared in collaboration with young scientists from the nonprofit organization “Coordination Laboratory” (Colaboratory)¹. This is a think tank in St.Petersburg whose mission is to bring together scientists and experts from Russia and abroad to advance interdisciplinary research at the intersection of technology and international issues. A successful project of our colleagues was “Summer Colaboratory: Digital Boost to Your Research”² It is an intensive course focused on mastering digital tools and

¹ Coordination laboratory. URL: <https://www.colaboratoria.ru/>.

² Summer Colaboratory: Digital Boost to Your Research. URL: <https://colaboratoria.ru/page99673256.html>.

Колаборатория: Digital Boost to Your Research»² – школа-интенсив, ориентированная на освоение цифровых инструментов и развитие исследовательского дизайна в области международных отношений. В нашем журнале представители этой лаборатории предлагают системный и практико-ориентированный взгляд на цифровую методологию.

Раздел «Международные, глобальные и региональные процессы» открывает статья А.К.Бордунос, С.В.Кошелевой, С.Ю.Севрюкова и Н.В.Волковой «Тематическое моделирование в исследованиях цифровой дипломатии: обзор практик и методические рекомендации». Авторы не просто систематизируют литературу, а размышляют над стандартами исследований: как обосновывать выборку, проводить предобработку, выбирать модель и параметры, интерпретировать и визуализировать результаты так, чтобы исследование было проверяемым и сопоставимым. Структура «ТЕМА» (тексты – единообразие – модель – анализ) и сформулированные исследовательские вопросы задают для всего выпуска общий принцип: цифровой метод – это последовательность решений, каждое из которых должно быть проговорено и объяснено.

Логическим продолжением этого становится обращение к большим языковым моделям как к новому классу исследовательских инструментов, требующему отдельной «гигиены» применения. Ю.Ю.Колотаев и М.М.Базлуцкая обобщают раскрытые на сегодня подходы к внедрению LLM в текстовый анализ и систематизируют ограничения, с которыми приходится сталкиваться ученым. Авторы обозначают наилучшие «точки входа» для использования моделей, а также фиксируют ключевые риски: предвзятость, необходимость валидации, воспроизводимость и проверяемость результатов исследований, в которых использовался ИИ. Тем самым статья задает рамку: LLM – это не «короткий путь» к выводам, а инструмент, который должен быть встроен в прозрачный дизайн исследования и сопровождаться процедурами контроля качества.

В статье Д.О.Вакарчука «Границы применимости временных экспоненциальных моделей случайных графов (TERGM) для анализа региональных сетей альянсов на примере постсоветского пространства» рассматриваются возможности и ограничения динамического сетевого анализа на основе TERGM. Автор показывает, как специфицируются модели с эндогенными конфигурациями и экзогенными ковариатами и почему в условиях малых региональных сетей

² Летняя Колаборатория: Digital Boost to Your Research. URL: <https://colaboratoria.ru/page99673256.html>.

developing research design in international relations. The laboratory's representatives in our journal offer a systematic and practice-oriented approach to digital methodology.

The section “International, Global, and Regional Processes” begins with an article by A.K.Bordunos, S.V.Kosheleva, S.Yu.Sevryukov, and N.V.Volkov, “Topic Modeling in Digital Diplomacy Research: Review of Practices and Methodological Recommendations”. The authors not only systematize literature, but also reflect on research standards – how to justify sampling, conduct pre-processing, select models and parameters, interpret and visualize results, so that research is verified and comparable. The TOPIC structure (text – uniformity – model – analysis) and formulated research questions set a common principle for the whole issue: digital methods are a sequence of decisions, each of which must be clearly articulated and explained.

A logical extension of this is the appeal to large language models as a new class of research tools, requiring specific “hygiene” application. Yu.Yu. Kolotaev and M.M.Bazlutskaia summarize currently available approaches to LLM implementation in text analysis and systematize limitations facing researchers. They identify the best entry points for model use and also identify key risks – bias, the need for validation, reproducibility, and testability of AI-based research results. Thus, the article establishes a framework: LLM is not a shortcut to conclusions, but a tool that must be integrated into transparent research design supported by quality control procedures.

D.O.Vakarchuk's article, “The Limits of TERGM for Analyzing Regional Alliance Networks: A Case Study of Post-Soviet Alliances” examines the potential and limitations of dynamic network analysis based on TERGMs. The author demonstrates how models with endogenous configurations and exogenous covariates are specified, and why data diagnostics and cautious interpretation are particularly important in the context of small regional networks.

The use of large language models as a thematic analysis tool is presented in V.A.Smirnova's study, which analyzes the application of LLMs (ChatGPT, GPT-5) within Guided AI Thematic Analysis (GAITA) to a corpus of national and regional plans for the 14th Five-Year Plan. The study demonstrates how discourse on food security is reproduced at different levels of strategic planning, and how ideas of interregional coordination are present in regional documents. Importantly, LLM is integrated into the process: it does not replace researchers, but rather facilitates thematic identification and comparison of texts, while maintaining control over interpretation.

особенно важны диагностика данных и осторожность интерпретации.

Использование больших языковых моделей как инструмента тематического анализа представлено в исследовании В.А.Смирновой, где анализируется применение LLM (ChatGPT, GPT-5) в рамках протокола Guided AI Thematic Analysis (GAITA) к корпусу национального и региональных планов 14-й пятилетки. Работа показывает, как дискурс продовольственной безопасности воспроизводится на разных уровнях стратегического планирования и в какой мере идеи межрегиональной координации действительно присутствуют в региональных документах. Важно, что LLM здесь встроена в процедуру: модель не подменяет исследователя, а помогает дисциплинировать выявлять темы и сравнивать тексты при сохранении контроля над интерпретацией.

Следующий материал связан с переходом от текста и эмоций к структуре взаимодействий, где объектом анализа становится сеть. В статье А.А.Павлюченко, Д.Э.Каплиной и Е.В.Габуковой «Сетевой анализ в цифровой дипломатии: трансформация коммуникативной стратегии посольства США в России от Б.Обамы до Дж.Байдена» цифровая дипломатия показана как конфигурация связей: на данных социальной сети X³ за 2013, 2017 и 2021 гг., собранных через Popsters и визуализированных в Gephi, авторы демонстрируют, что изменение политических стратегий и смена администрации отражаются в структуре коммуникационных сетей, в выборе партнеров и каналов взаимодействия. Сетевой анализ позволяет зафиксировать институциональные и идеологические трансформации, отражающие эволюцию политических стратегий через призму коммуникационных сетей.

Статья А.А.Бреславцевой «Тематическое моделирование в исследовании регулирования иностранного землевладения в американских штатах в 2018–2025 гг.» анализирует законодательные акты штатов и выявляет тематические кластеры нормотворчества, демонстрируя, как внешнеполитические нарративы угроз и внутренние политические стимулы переводятся в конкретные правовые ограничения на региональном уровне.

В исследовании Е.С.Гореликова проведен анализ кризиса миротворческой деятельности ООН, проявившегося в нарушении принципов беспристрастности и суверенитета в контексте

The following material concerns the transition from text and emotions to the structure of interactions, where the network becomes the object of analysis. In the article by A.A.Pavliuchenko, D.E.Kaplina, and E.V.Gabukova, “Network Analysis in Digital Diplomacy: The Transformation of the US Embassy’s Communication Strategy in Russia from Barack Obama to Joseph Biden,” digital diplomacy is shown as a configuration of connections. Using data from the X³social network for 2013, 2017, and 2021 collected through Popsters and visualized in Gephi, the authors demonstrate that changes in political strategies and changes in administration are reflected in the structure of communication networks, in the choice of partners and channels of interaction. Network analysis allows us to document institutional and ideological transformations that reflect the evolution of political strategies through the prism of communication networks.

A.A.Breslavtseva’s article “Topic Modeling of US State Legislation of Foreign Ownership of Land from 2018 to 2025” analyzes state legislation and identifies thematic clusters of rulemaking, demonstrating how foreign policy threat narratives and domestic political incentives are translated into specific legal restrictions at the regional level.

E.S.Gorelikov’s study analyzes the crisis in UN peacekeeping, which manifests itself in violation of the principles of impartiality and sovereignty in humanitarian interventions and use of peacekeeping for Western geopolitical interests. The crisis highlights the need for alternative models for international security and post-conflict resolution aligned with the interests of Russia. The analysis shows that given bipolar confrontation, application of UN peacekeeping models is unlikely and counterproductive in Russia. Alternative non-Western mechanisms based on regional cooperation (SCO, BRICS, ASEAN), and a new paradigm of peacekeeping aimed at protecting national interests are promising approaches. The study emphasizes the need to rethink existing approaches to peacekeeping and develop innovative strategies aimed at strengthening international security and ensuring sustainable post-conflict resolution.

The section on international and regional processes concludes with an article by V.V.Komleva. The author describes a methodology for monitoring the friendliness of communication regimes in post-Soviet

гуманитарных интервенций и использования миротворчества в геополитических интересах Запада. Данный кризис актуализирует необходимость поиска альтернативных моделей международной безопасности и постконфликтного урегулирования, соответствующих национальным интересам Российской Федерации. Результаты анализа показывают, что в условиях биполярной конфронтации применение миротворческих моделей, разработанных ООН, в России представляется маловероятным и контрпродуктивным. В качестве перспективных направлений рассматриваются альтернативные, незападные механизмы миротворчества, базирующиеся на принципах регионального сотрудничества (ШОС, БРИКС, АСЕАН) и новой парадигмы миротворчества, направленной на защиту национальных интересов России. Исследование подчеркивает необходимость переосмысления существующих подходов к миротворчеству и разработки инновационных стратегий, направленных на укрепление международной безопасности и обеспечение устойчивого постконфликтного урегулирования.

Завершает раздел исследований международных и региональных процессов статья В.В.Комлевой. Автор описывает методику и делает основные выводы по итогам мониторинга дружественности коммуникационных режимов постсоветских стран. Статья содержит количественные показатели (рейтинг дружественности стран) и качественные характеристики коммуникационных режимов. Осмысливаются тенденции, выявленные автором в течение пяти лет проведения данного мониторинга, в числе которых последствия для России многовекторной политики постсоветских стран, качественная трансформация понимания дружественности, рост конкуренции в гуманитарном пространстве.

В разделе «Изменяющийся социум» представлены статьи, посвященные анализу различных аспектов восприятия современных технологий в контексте общественных трансформаций. Исследования актуализируют ресурс для изучения стратегий регулирования технологических инноваций в различных странах. Проведенный анализ позволяет не только выявить доминирующие тенденции в общественном мнении, но и оценить степень адаптации социума к новым технологическим реалиям. Особое внимание уделяется динамике общественных настроений в отношении ключевых технологических инициатив, что способствует более глубокому пониманию механизмов их внедрения и восприятия на национальном уровне.

countries and draws key conclusions based on its findings. The article contains quantitative indicators (country friendliness ratings) and qualitative characteristics of communication regimes. The author explores the trends identified over the five years of this monitoring, including the implications for Russia of the multi-vector policies of post-Soviet states, the qualitative transformation of understanding of friendliness and the growth of competition in the humanitarian sphere.

The “Changing Society” section presents articles devoted to the analysis of various aspects of the perception of modern technologies in the context of societal transformations. These studies provide a valuable resource for studying strategies for regulating technological innovation in various countries. The analysis allows us not only to identify dominant trends in public opinion but also to assess the extent to which society has adapted to new technological realities. Particular attention is paid to the dynamics of public sentiment regarding key technological initiatives, which contributes to a deeper understanding of the mechanisms of their implementation and acceptance at the national level.

A.A.Posazhennikova and M.M.Lebedeva’s article continue the exploration of the potential of topic modeling discussed in A.A. Breslavtseva’s article. The article demonstrates how agenda structure is reconstructed in different types of political text, and how Dutch AI policy combines national identity elements with the image of technological leadership and pan-European cooperation frameworks for “ethical” AI.

A.P.Bocharova’s study, based on RuBERT tagging and analysis of emoji reactions, reconstructs emotional structures of attitudes, demonstrating that key determinants of attitudes towards domestic platforms are: institutional trust, perception of privacy, digital control risks and a sense of coercion – that is, factors beyond simplified models of “usefulness and convenience”.

The “Power, Politics, State” section presents materials analyzing cognitive reactions to political events, such as “electoral shock”, and methods for analyzing them. It also discusses methods for assessing the politicization of global rankings and indices, the role of political networks in global governance, and transformations of official public discourse using Argentina as an example.

The article by K.E.Strebkova, D.A.Maltseva, and A.V.Aleynikov, ““Selective Shock” as a Cognitive Response Model: A Sentiment and Topic Modeling Analysis of Russia Today’s Coverage of the Trump Assassination Attempt”, combines sentiment analysis

³ *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением площадкой недостоверной общественно значимой информации, 18+.

³ *Access to X (formerly Twitter) in the Russian Federation has been blocked based on a request from the Prosecutor General’s Office on February 24, 2022, due to the platform’s dissemination of false information of social significance. (18+).

Статья А.А.Посажениковой и М.М.Лебедевой продолжает исследование возможностей тематического моделирования, рассмотренных в статье А.А.Бреславцевой. Материалы статьи показывают, как реконструируется структура повестки в различных типах политических текстов, как нидерландская ИИ-политика сочетает национальные элементы идентичности и образ технологического лидерства с общеевропейскими рамками сотрудничества «этичного» искусственного интеллекта.

В исследовании А.П.Бочаровой на базе RuBERT, разметки и анализа эмодзи-реакций реконструируются эмоциональные структуры установок, показывается, что ключевыми детерминантами отношения к отечественным платформам становятся институциональное доверие, восприятие рисков приватности и цифрового контроля, а также ощущение принудительности, то есть факторы, лежащие за пределами упрощенных моделей «полезности и удобства».

В разделе «Власть, политика, государство» представлены материалы, анализирующие когнитивные реакции на политические события, например, «избирательный шок» и способы их анализа; методы оценки политизации глобальных рейтингов и индексов; роль политических сетей в глобальном управлении; трансформации официального публичного дискурса (на примере Аргентины).

Статья К.Е.Стребковой, Д.А.Мальцевой и А.В.Алейникова «„Избирательный шок“ как модель когнитивной реакции: сентимент-анализ и тематическое моделирование освещения Russia Today покушения на Д.Трампа» сочетает сентимент-анализ и тематическое моделирование на корпусе сообщений Telegram-канала RT. Авторы показывают, что в момент кризисного события наблюдается кратковременный, но заметный всплеск негативной тональности и концентрация внимания вокруг одной доминирующей темы, после чего интерес к сюжету сравнительно быстро снижается.

Исследование Ю.Б.Бочарова рассматривает сетевую автократию как оригинальную форму политического устройства, которая, несмотря на сохранение демократических институтов, контролирует участие граждан и принятие решений с помощью алгоритмов. Автор предлагает индекс GASI (Governance Algorithmic Sovereignty Index), предназначенный для выявления и прогнозирования перехода политических систем к цифровому управлению. Методология индекса базируется на трех ключевых параметрах: ресурсной ренте, цифровой интеграции и алгоритмическом управлении, что позволяет избежать субъективных оценок экспертов.

with topic modeling using a corpus of messages from RT Telegram. The authors show that during a crisis, there is a brief but significant increase in negative sentiment, followed by a concentration of attention on one dominant topic, after which interest in the story decreases relatively quickly.

Yu.B.Bocharov's research examines network autocracy as a unique form of political order that, despite maintaining democratic institutions, controls citizen participation and decision-making through algorithms. The author proposes the GASI (Governance Algorithmic Sovereignty Index), designed to identify and predict the transition of political systems to digital governance. The index's methodology is based on three key parameters: resource rent, digital integration, and algorithmic governance, thereby eliminating subjective expert assessments. GASI is a proprietary tool for analyzing digital regimes, the potential of which for international monitoring has yet to be assessed.

V.A.Taranets continues his exploration of political networks as a fundamental element of global governance and proposes a conceptual model of political networks as hybrid infrastructures – simultaneously material channels of interaction and mechanisms for producing interpretative frameworks, norms, and legitimacy. The study emphasizes the dual nature of political networks, which function as channels for interaction and as mechanisms for shaping interpretations. This allows them to exert significant influence on global processes. The proposed model incorporates key parameters of infrastructure, such as circulation mechanisms, norms, participant configurations, and epistemological regimes, providing a deeper understanding of their operation.

M.A.Shpak's article uses topic modeling and manual content analysis to reconstruct the evolution of the public narrative of Argentine President Javier Milei's administration from 2023 to 2025 – from mobilization agitation and crisis narrative to stabilization and pre-election mobilization, direct confrontation with opposition to institutional pragmatism and search for compromise to construction of renewed foreign policy identity. The study relies on comprehensive methodological approach incorporating both quantitative and qualitative analysis methods. This allows tracing evolution of discourse, identifying key trends and changes in administration's rhetoric.

Dear readers, we hope that the presented research will contribute to the development of scientific knowledge on international relations and will become an incentive for further in-depth research.

GASI представляет собой авторский инструмент для анализа цифровых режимов, возможности которого для международного мониторинга еще предстоит оценить.

В.А.Таранец продолжает исследование темы политических сетей как фундаментального элемента глобального управления и предлагает концептуальную модель политических сетей как гибридных инфраструктур – одновременно материальных каналов взаимодействия и механизмов производства интерпретационных рамок, норм и легитимности. Исследование акцентирует внимание на двойственной природе политических сетей. Они функционируют как каналы взаимодействия и механизмы формирования интерпретаций, что позволяет им оказывать значительное влияние на глобальные процессы. Предложенная модель включает ключевые параметры инфраструктурности, такие как механизмы циркуляции, нормы, конфигурации участников и эпистемические режимы, что обеспечивает более глубокое понимание их функционирования.

Статья М.А.Шпак использует тематическое моделирование и ручной контент-анализ для реконструкции эволюции публичного нарратива офиса президента Аргентины Хавьера Милея в период с 2023 по 2025 г. – от мобилизационной агитации и кризисного нарратива к стабилизации и предвыборной мобилизации, от прямой конфронтации с оппозицией к институциональному прагматизму и поиску компромисса, а также к выстраиванию обновленной внешнеполитической идентичности. Исследование опирается на комплексный методологический подход, включающий как количественные, так и качественные методы анализа. Это позволяет проследить эволюцию дискурса, выявить ключевые тенденции и изменения в риторике администрации.

Дорогие читатели, мы надеемся, что представленные исследования внесут свой вклад в развитие научных знаний о международных отношениях и станут стимулом для дальнейших глубоких исследований.

В течение пяти лет наш журнал поддерживает открытый диалог и сотрудничество между исследователями, экспертами и широкой аудиторией, чтобы вместе формировать видение будущего, основанное на глубоком анализе и взаимном уважении.

Мы признательны нашим авторам, рецензентам и читателям за вклад в реализацию этой миссии и ждем результаты ваших исследований на страницах следующего номера журнала.

С искренним уважением
к нашим читателям и авторам,
Академик РАН
Виталий Наумкин

For five years, our journal has supported open dialogue and collaboration between researchers, experts, and the general public to jointly shape a vision of the future based on deep analysis and mutual respect.

We are grateful to our authors, reviewers, and readers for their contributions to this mission and look forward to seeing the results of your research in the next issue of the journal.

With sincere respect to our readers and authors,
Full Member of the Russian Academy of Sciences,
Vitaly V. Naumkin

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations

...Обзор подчеркнул наличие новых разработок, таких как гибридные методы: позиционно-чувствительная тематическая модель (Position-Sensitive Word Embedding Topic Model – PS-WETM), интеграция больших языковых моделей в процесс анализа тем, а также метод семантического компонентного анализа (Semantic Component Analysis – SCA), или Word Embedding Topic Model (WETM).

Бордунос А.К., Кошелева С.В., Севрюков С.Ю., Волкова Н.В.

Тематическое моделирование в исследованиях цифровой дипломатии: обзор практик и методические рекомендации

При грамотной настройке их [LLM] использование способно прежде всего снизить временные издержки для исследователя. LLM также расширяют аналитические возможности, позволяя выявлять скрытые закономерности в текстовых массивах.

Колотаев Ю.Ю., Базлуцкая М.М.

Возможности и ограничения научного использования LLM: первичный анализ данных, проблемы предвзятости и валидация

Анализ полученных результатов позволяет сделать следующие выводы... Параметр инерции («тетогу») сохраняет статистическую значимость (1,56), что подтверждает гипотезу (H1) о высокой вязкости военно-политических связей на постсоветском пространстве: разрыв институциональных отношений происходит значительно медленнее, чем изменение внешней конъюнктуры.

Вакарчук Д.О.

Границы применимости временных экспоненциальных моделей случайных графов (TERGM) для анализа региональных сетей альянсов на примере постсоветского пространства

Общие приоритетные меры, выделенные в документах группы, по большей мере повторяют повестку национальных пятилетних планов. Коды отдельных провинций существенно различаются, например, в плане Шандуня меры по развитию морского и прибрежного сельского хозяйства и поддержка морской биоселекции, у Хэнани – укрепление зерновой базы.

Смирнова В.А.

Применение LLM для тематического анализа региональных стратегий обеспечения продовольственной безопасности в Китае (2021–2025 гг.)

...Ключевой вывод касается общей траектории деградации цифровой дипломатии посольства США в России в количественном измерении. Сравнительный анализ объема публикаций, интенсивности обновления контента и числа упоминаемых акторов в социальных сетях и официальных коммуникациях демонстрирует снижение активности на протяжении анализируемого периода.

Павлюченко А.А., Каплина Д.Э., Габукова Е.В.

Сетевой анализ в цифровой дипломатии: трансформация коммуникативной стратегии посольства США в России от Б.Обамы до Дж.Байдена

Исследование тематических кластеров выявило широкую степень секьюритизации нарративов с усилением положений законов аргументами о внешних угрозах, агрессивности и враждебности стран-противников. Данный тренд сочетается с сохранением предпочтения в большинстве штатов не специфицировать в нормотворчестве направленность мер против Китая.

Бреславцева А.А.

Тематическое моделирование в исследовании регулирования иностранного землевладения в американских штатах в 2018–2025 гг.

По мере углубления конфликта между «коллективным Западом» и незападными странами, особенно обострившегося после начала СВО, говорить об использовании вооруженных сил под эгидой ООН «в общих интересах» уже не представляется возможным.

Гореликов Е.С.

Мировой опыт миротворчества: анализ и перспективы для российской внешней политики

...Прежнее российское влияние все чаще сталкивается с конкурентной средой, где решающую роль играют не столько исторические связи, сколько прагматичная политика стран. В условиях многовекторности эта политика ведет в ряде стран к утрате Россией статуса эксклюзивного партнера и доминирующего актора.

Комлева В.В.

Оценка дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран: итоги мониторинга 2025 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 303

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-24-42](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-24-42)

Политические науки

Тематическое моделирование в исследованиях цифровой дипломатии: обзор практик и методические рекомендации

Александра Константиновна Бордунос^{1a}, Софья
Владимировна Кошелева^{2b}, Сергей Юрьевич
Севрюков^{3c}, Наталья Владимировна Волкова^{4d}

^{1,2,3} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

⁴ НИУ Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, Россия

^a a.bordunos@gsom.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>

^b kosheleva@gsom.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7767-5917>

^c s.sevryukov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0143-9966>

^d nv.volkova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>

Аннотация. В современном контексте цифровая дипломатия претерпевает стремительную трансформацию, обусловленную как внутренними вызовами, так и внешними факторами, такими как фрагментация Интернета и деплатформинг. Тематическое моделирование становится важным методом для анализа этих процессов, позволяя исследовать большой объем неструктурированных текстовых данных, выявляя ключевые тематические паттерны и скрытые смысловые структуры в этой сфере. Цель настоящего обзора – систематизировать и стандартизировать практики применения тематического моделирования в исследованиях цифровой дипломатии на основе анализа опубликованных эмпирических работ. Исследование

основано на систематическом обзоре литературы с использованием протокола PRISMA и поиском в базах данных Scopus и Open Alex ($k = 273$). Обзор структурирован в соответствии с четырьмя этапами тематического моделирования, объединенными в акроним «ТЕМА»: 1) тексты, 2) единообразие (предобработка и очистка данных), 3) модель и 4) анализ. Систематизация практик по этим этапам позволяет предложить исследователям методические рекомендации для всестороннего и обоснованного анализа данных в области цифровой дипломатии. В рамках работы было сформулировано двенадцать исследовательских вопросов: по три для каждого этапа тематического моделирования. Эти вопросы касаются обоснования релевантности и репрезентативности выборки (RQ 1-3), методов очистки текста и работы с нестандартными элементами (RQ 4-6), аргументации выбора модели и ее параметров (RQ 7-9), а также подходов к интерпретации и визуализации результатов (RQ 10-12). Полученные результаты способствуют формированию стандартов и повышению качества исследований в данной междисциплинарной области.

Ключевые слова: тематическое моделирование, цифровая дипломатия, обработка естественного языка, текст-майнинг, латентное размещение Дирихле

Для цитирования: Бордунос А.К., Кошелева С.В., Севрюков С.Ю., Волкова Н.В. Тематическое моделирование в исследованиях цифровой дипломатии: обзор практик и методические рекомендации // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 24-42, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-24-42](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-24-42)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-24-42](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-24-42)

Political Sciences

Topic Modeling in Digital Diplomacy Research: Review of Practices and Methodological Recommendations

Aleksandra K. Bordunos^{1a}, Sofia V. Kosheleva^{2b}, Sergey Yu.
Sevryukov^{3c}, Natalia V. Volkova^{4d}

^{1,2,3} Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

⁴ HSE University, Saint-Petersburg, Russia

^a a.bordunos@gsom.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>

^b kosheleva@gsom.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7767-5917>

^c s.sevryukov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0143-9966>

^d nv.volkova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>

Abstract. In the modern context, digital diplomacy is undergoing rapid transformation, driven by both internal challenges and external factors such as internet fragmentation and deplatforming. Topic modeling has become an important method for analyzing these processes, allowing researchers to analyze a large volume of unstructured textual data, identify key thematic patterns and uncover hidden semantic structures in the field. The aim of this review is to systematize and standardize the practices in applying

topic modeling to digital diplomacy research based on an analysis of published empirical studies. The study was conducted using a systematic literature review following the PRISMA protocol, searching in Scopus and the Open Alex data bases (k = 273). The review was structured according to four stages of topic modelling: 1) text, 2) data preprocessing and cleansing, 3) modelling, and 4) analysis. The systematization of practices across these stages allows us to offer methodological recommendations for a comprehensive and well-grounded analysis of data in the field of digital diplomacy. As part of the work, twelve research questions were formulated: three for each stage of topic modeling. These questions concern the justification of the relevance and representativeness of the sample (RQ 1-3), text cleaning methods and handling of non-standard elements (RQ 4-6), the rationale for model selection and its parameters (RQ 7-9), as well as approaches to the interpretation and visualization of results (RQ 10-12). The results obtained contribute to the formation of standards and the improvement of research quality in this interdisciplinary field.

Keywords: thematic modeling, digital diplomacy, NLP, LDA

For citation: Bordunos A.K., Kosheleva S.V., Sevryukov S.Yu., Volkova N.V. Topic Modeling in Digital Diplomacy Research: Review of Practices and Methodological Recommendations. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 1(19): 24-42, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-24-42](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-24-42)

Введение

Цифровая дипломатия – это набор методов и инструментов [4] для продвижения государственных интересов на внешней и внутренней арене [2], использующих цифровые технологии и платформы, позволяющие установить диалог с разными аудиториями через Интернет и социальные сети [1]. Специфика исследований в области цифровой дипломатии заключается в высокой динамичности, разнообразии форматов – от текстов и видео до интерактивных публикаций, а также масштабе данных, создаваемых ежедневно (если не каждую секунду) и доступных для анализа. Данные в области цифровой дипломатии часто представляют собой неформальные, краткие и контекстуально зависимые сообщения, дополненные визуальными элементами, что требует их тщательной очистки и подготовки для анализа. Кроме того, большое разнообразие и объем источников данных предъявляют высокие требования к методам анализа, а изменчивость тем в режиме реального времени создает вызовы для интерпретации и устойчивости моделей. Среди методов, которые могут учесть эту специфику, выделяется тематическое моделирование, включая динамическое тематическое моделирование, которое позволяет перейти от кросс-секционного к лонгитюдному анализу.

Тематическое моделирование (topic modeling) – относительно новый метод анализа данных в области дипломатии. Он позволяет автоматически сгруппировать тексты по темам на основе статистического распределения ключевых слов, что помогает систематизировать и интерпретировать мультимедиа-массивы информации. Однако специфика выбранной области исследования подчеркивает важность адаптации тематического моделирования именно под условия цифровой дипломатии, что и стало мотивацией для написания данной работы.

Таким образом, цель исследования – систематизировать практики применения тематического моделирования в области цифровой дипломатии на основе опубликованных эмпирических исследований.

Работа служит методологическим ориентиром для исследователей, заинтересованных в осмысленном применении данного метода, в том числе в гуманитарных и социальных науках. Тематическое моделирование относится к методам обработки естественного языка, которые в технических науках широко развиты и применяются, в частности, для обучения и оптимизации моделей машинного обучения. В гуманитарных и социальных науках этот подход пока не получил такого же распространения и стандартизации, что объясняет отсутствие устоявшихся бенчмарков и методологических ориентиров. При этом именно в этих областях наблюдается стремительный рост объема и разнообразия текстовых данных, требующих современных подходов для системного и масштабного анализа. Актуальность тематического моделирования в гуманитарных и социальных науках определяется его способностью выявлять скрытые смысловые структуры и тенденции в больших и неоднородных корпусах текстов, что позволяет расширить возможности интерпретации сложных социально-культурных явлений. Таким образом, развитие методологии тематического моделирования и ее адаптация именно под специфику гуманитарных и социальных исследований представляют собой важный этап в развитии цифровых методов анализа и способствуют формированию новых стандартов и бенчмарков в данных научных сферах.

Материалы и методы

Для обеспечения комплексного охвата источников для обзора были использованы публикации на двух языках: русском и английском. Поиск источников осуществлялся в двух крупных авторитетных базах данных: Open Alex¹ и SCOPUS². В качестве поисковых запросов использовались ключевые словосочетания «тематическое моделирование» («topic modeling») и «цифровая дипломатия» («digital diplomacy») в названии, аннотации и ключевых словах.

Обзор литературы был проведен с использованием протокола PRISMA (Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses)³, который обеспечивает прозрачный и систематический подход к поиску, отбору и анализу научных источников.

На первом шаге из каталога публикаций SCOPUS было выделено 217 источников, которые содержали ключевые слова «topic modeling» и «review». Работы преимущественно представляли собой примеры использования метода «тематическое моделирование» с целью проведения обзора литературы в различных направлениях исследования. Только 11 из них были посвящены обзору самого метода

1 См.: OpenAlex. URL: <https://openalex.org/>.

2 См.: SCOPUS. URL: <https://www.scopus.com/>.

3 См.: PRISMA Statement. URL: <https://www.prisma-statement.org/protocols/>.

применительно к анализу текстов в широком смысле слова. Ни одна из публикаций не затрагивала специфику цифровой дипломатии.

На втором шаге из каталога публикаций SCOPUS было выделено 18 статей по ключевым словам «topic modeling» и «diplomacy». Всего 6 из них содержали прямое упоминание цифровой дипломатии. Среди других встречались такие слова, как «мягкая сила» [9; 22], «культурная дипломатия» [8], «знаниевая дипломатия» [5]. Ввиду малого количества публикаций принято решение расширить выборку за счет поиска в открытом каталоге научных публикаций Open Alex. По ключевым словам «topic modeling» и «цифровая дипломатия» отобрано 38 статей из реферируемых научных журналов. После скрининга аннотаций количество релевантных публикаций сократилось до 14, а последующий глубокий анализ полного текста позволил выделить 9 работ, наиболее соответствующих цели исследования. Отбор материалов проводился по заранее определенным критериям релевантности, включающим тематику исследования, использование метода тематического моделирования в анализе цифровой дипломатии, а также наличие эмпирических данных (текстов для анализа).

Дальнейший анализ включал систематизацию ответов на ключевые методологические вопросы: объем и характеристики выборки, методы очистки текстовых данных, выбор моделей анализа и методы визуализации результатов. Такой подход соответствует четырем шагам тематического моделирования, которые для удобства можно объединить в акроним «ТЕМА»:

Т – тексты: для цифровой дипломатии корпус текстов могут составить сообщения в социальных сетях, официальные цифровые публикации, дипломатические отчеты и другие виды текстов. Исследователю важно ответить на вопросы о релевантности собранных текстов, полноте отражения интересующих тематических областей, достаточности количества наблюдений. Ключевые исследовательские вопросы соответствующего раздела следующие:

RQ 1: Как обосновывалась релевантность текстов для исследования цифровой дипломатии?

RQ 2: Как обосновывалась репрезентативность и достаточность выборки текстов для проведения тематического моделирования?

RQ 3: Как обосновывалась сбалансированность покрытия ключевых аспектов изучаемой темы?

Е – единообразие: далее проводится приведение данных к единому формату. В случае с сообщениями из социальных сетей в них могут встречаться хештеги, иконки, смайлики – стоит ли их считать шумом, удаляя, или включать в анализ? Ключевые исследовательские вопросы соответствующего раздела следующие:

RQ 4: Какие методы очистки и предобработки текста были выбраны для повышения качества моделирования?

RQ 5: Какой набор стоп-слов использовался и как обращались с мультимодальными или нестандартными элементами текста?

RQ 6: Каким образом обеспечивалось единообразие формата и устранения шума: какие библиотеки, какое программное обеспечение?

М – модель: выбор модели тематического анализа основывается на целях исследования и особенностях данных, а параметры модели (например, количество тем) подбираются с учетом баланса между качеством интерпретации тем и их статистической обоснованностью. На этом шаге могут быть выявлены ошибки, допущенные на предыдущих шагах, что может потребовать возврата к предыдущим шагам. Например, может потребоваться вернуться на шаг назад и дополнить словарь стоп-слов. Ключевые исследовательские вопросы в данном разделе обзора следующие:

RQ 7: Какие модели выбирали и как аргументировали выбор для имеющейся структуры и объема данных; приходилось ли дополнительно повышать стабильность модели и каким образом?

RQ 8: Как определяли оптимальное число тем (параметры модели) для максимальной интерпретируемости и валидности?

RQ 9: Какие метрики использовать для оценки качества и стабильности модели?

А – анализ: на финальном шаге проводится интерпретация полученных тем, включая анализ ключевых слов, распределения тем по документам и их динамику. На этом этапе важно корректно подобрать подходящие методы визуализации, сравнительного анализа и обсуждения значимости тем в контексте цифровой дипломатии, что позволяет выделить основные тренды и смысловые структуры в данных. Ключевые вопросы следующие:

RQ 10: Какие методы визуализации и аналитики были выбраны для представления результатов?

RQ 11: Как представляли результаты в исследовании?

RQ 12: Какими еще методами дополняли исследование?

Представленная в данном разделе методология обзора позволила выявить сложившиеся практики применения тематического моделирования в цифровой дипломатии, отраженные в современных научных публикациях на русском и английском языках.

Результаты исследования

Тексты: формирование корпуса документов

Набор текстов, а также их метаданных, подобранных и обработанных по определенным правилам для последующего анализа, в тематическом моделировании называют «корпусом документов».

RQ 1: Как обосновывалась релевантность текстов для исследования цифровой дипломатии?

Классический подход к обоснованию релевантности выбранных данных, помимо связи с исследовательскими вопросами, – обращение к теоретическим

основаниям. Проведенный обзор позволил выявить несколько подходящих ключевых концепций, каждая из которых поддерживает тематическое моделирование через акцент на смысловых структурах и коммуникационных паттернах.

Прежде всего, цифровая дипломатия рассматривается как проявление теории «мягкой силы» (soft power) [19]. В теории, сформулированной Джозефом Найем [18], выделяют три ключевых источника влияния государства без применения прямого принуждения: привлекательность культуры, политические ценности и внешняя политика. В контексте формирования корпуса документов для тематического моделирования это обосновывает использование текстовых материалов из официальных каналов о культуре исследуемых стран, таких как Корейская служба культуры и информации (KOCIS) и Японская национальная туристическая организация (JNTO) [19]. Также обращаются к подходу Гын Ли [12], связанному с пятью важными аспектами «мягкой силы»: 1) формирование позитивного и вызывающего доверие образа страны; 2) привлечение поддержки иностранных государств в реализации своей политики; 3) изменение восприятия и предпочтений зарубежной аудитории; 4) укрепление внутреннего единства общества; 5) повышение популярности руководства внутри страны. Эти аспекты облегчают не только выбор источников, но также интерпретацию выявленных тем.

Другим важным теоретическим подходом становятся стратегические нарративы – истории, которые связывают события, участников, локации и помогают скорректировать ожидания и отношения целевой аудитории к явлениям [10]. Выделяют три основных типа нарративов [14]: нарративы системы (описание структуры и ключевых акторов мировой политики), ролевые нарративы (ценности и цели политического субъекта) и нарративы проблем (конкретные политические действия и решения конфликтов). Тематическое моделирование здесь позволяет выявить скрытые темы и паттерны в таких нарративах, что особенно полезно для анализа изменений в коммуникациях, например, смены нарративов ЕС в разные периоды – от «хорошего соседа» [17] до «фасилитатора восстановления» во время пандемии COVID-19 [15]. Расширение и углубление анализа – от государств к объединениям стран, городам или даже отдельным личностям – позволяет исследователям обратить внимание на различные типы коммуникаций [19; 6]. Таким образом, теоретические основы цифровой дипломатии могут дополняться концепциями парадипломатии, такими как региональная, муниципальная, городская дипломатия, которые расширяют арсенал аналитических рамок, учитывая роль негосударственных и субнациональных акторов. В этом контексте тематическое моделирование помогает выявлять ключевые темы и дискурсы в сообщениях городов и регионов, которые стремятся формировать международный имидж и влиять на политику [6].

Третий выявленный в процессе обзора исследований подход – фрейминг – представляет собой способ структурирования информации через социально разделяемые «рамки» («фреймы»), формирующие интерпретацию и понимание событий [7]. В тематическом моделировании это позволяет группировать

темы по типам фреймов, например, разделяя на диагностические (выявление проблем), прогностические (предложения решений) и мотивационные (призывы к действиям) [24].

Помимо теоретических оснований релевантность выбранных данных подтверждается легитимностью используемых социальных сетей для выбранного контекста [15] и высокой активностью отобранных каналов. Например, при анализе цифровой дипломатии Южной Кореи и Японии сначала были представлены списки всех каналов официальных организаций, занимающихся цифровой дипломатией. Из них затем были выбраны наиболее активные страницы на основе количества публикаций и вовлеченности пользователей (комментарии, лайки, репосты) [19]. Аналогично в исследовании Марии Базлуцкой [2]: актуальность выбранной платформы Telegram демонстрируется за счет роста ее популярности среди пользователей, а также наличия официальных каналов государственных структур и аффилированных лиц, что подчеркивает ее значение для цифровой дипломатии. Дополнительно релевантность усиливается отсылкой к важности изучения альтернативных платформ, таких как Telegram, которые в исследованиях используются реже, но становятся особенно ценными в условиях ограничений доминирующих сервисов и разделения Интернета на изолированные сегменты (деплатформизация и фрагментация).

RQ 2: Как обосновывалась репрезентативность и достаточность выборки текстов для проведения тематического моделирования?

В проанализированных текстах нет прямого ответа на эти вопросы. Высокую достоверность источников обеспечивает выбор официальных аккаунтов государственных организаций [19]. В исследовании по материалам из Telegram [2] финальная выборка составила все доступные для анализа посты для двух целевых каналов ($k = 4\ 019$ и $k = 1\ 959$). При длительном этапе существования ресурсов, как в случае KOCIS и JNTO [19], точка отсчета для собранных публикаций может быть задана произвольно (с января 2016 г.), а финальная точка – дата сбора информации (по июнь 2017 г.). В указанном примере финальная выборка для анализа составила 16 962 комментария от 6 083 пользователей на странице KOCIS и 8 278 комментариев от 4 236 пользователей на странице JNTO.

RQ3: Как обосновывалась сбалансированность покрытия ключевых аспектов изучаемой темы?

Сбалансированность выборки достигалась интеграцией разных источников и типов данных: помимо постов и комментариев на них, твитов и ретвитов, корпус текстов может включать популярные хештеги [6]. В сравнительном исследовании Такуто Сакамото и др. [21] дополнили твиты транскриптами всех публичных заявлений представителей различных стран и организаций на официальных заседаниях Совета Безопасности, взяв за дату отсчета 2015 г., когда все пять постоянных членов Совета Безопасности (P5) завели свои аккаунты в исследуемой социальной сети.

В ряде исследований сбалансированность определялась выбранными теоретическими основаниями, например, в случае изучения нарративов, связанных с кризисом, важно было выделить тексты, отображающие нарративы в разные периоды времени: предшествующий кризису период, период кризиса, последующий период и повторная волна кризиса [15].

При изучении конфронтационной дипломатии «боевых волков» в Китае на примере риторики представителя китайского МИД Чжао Лицзяня были выбраны две наиболее популярные платформы – анализировались твиты для внешней аудитории и сообщения в Weibo для внутренней [13]. При этом специфика каждой платформы тоже учитывалась, например, Weibo предлагает возможность анализа суперхештегов, или супертег, что невозможно получить в рамках другой платформы. В данном исследовании выбранный период для сообщений аргументируется определенными событиями: начинается с введения первых таможенных санкций США в отношении Китая и заканчивается подписанием соглашения о первой фазе торговой сделки между двумя странами.

Помимо этого, раскрываются инструменты для сбора текстов, источники данных и сами данные, а также шаги для отсева наиболее релевантных текстов.

Таким образом, формирование корпуса документов тщательно аргументировано с точки зрения актуальности, полноты и сбалансированности, что обеспечивает надежную основу для проведения тематического моделирования и глубокого понимания коммуникационных стратегий цифровой дипломатии.

Единообразие: предварительная подготовка текстов

RQ4: Какие методы очистки и предобработки текста были выбраны для повышения качества моделирования?

Наиболее частые указанные в статьях методы очистки и предобработки текста можно представить в виде акронима «ЛАСТИК»: лемматизация (или стемминг), анализ на наличие шума, выделение стоп-слов, токенизация, корректировка регистра. Лемматизация – приведение слова к его словарной форме, а стемминг – выделение корня слова. Шум – элементы, которые не несут полезной информации, например ошибки, случайные символы, лишние пробелы, хештеги, эмодзи, пунктуация, даты, порядковые числа, элементы разметки. Стоп-слова – часто встречающиеся слова, которые не влияют на смысловой анализ, например, служебные части речи. Токенизация – разбиение текста на смысловые единицы (токены), которые становятся базовыми элементами для последующего анализа. Помимо простых слов (униграмм) важной частью токенизации могут быть комбинации из нескольких слов, которые называются «n-граммами». N-граммы – это словосочетания из n-последовательных слов, используемые для сохранения контекстной информации. Например, биграммы (n = 2) – это пары из двух слов, стоящих рядом в тексте, например, «цифровая дипломатия». Такие словосочетания позволяют сохранить смысловые зависимости, которые теряются при разбиении на отдельные слова.

В исследуемых статьях помимо стандартной корректировки регистра все тексты приводились к единому стандарту написания слов, включая перевод британского английского на американский [21], нормализацию аббревиатур (например, «int'l» → «international») [21] и унификацию написания ключевых слов («COVID-19» и его варианты) [21; 15]. В случае многоязычных корпусов применялся машинный перевод с выборочной проверкой корректности [13].

В некоторых случаях отдельные шаги аргументированно пропускались, например, лемматизация не использовалась, поскольку, по мнению авторов, она снижала интерпретируемость результатов анализа [15].

RQ5: Какой набор стоп-слов использовался и как обращались с мультимодальными или нестандартными элементами текста?

Для удаления стоп-слов использовались стандартные наборы из доступных библиотек, таких как spaCy, дополненные характерными для социальных сетей сокращениями и символами: «rt» (retweet), «amp» (&), «re» (reply), а также сокращениями английских грамматических форм («s», «d», «ve» и др.) [15]. К шумовым элементам относили эмодзи (эмодзи с флагами заменялись на текстовые названия стран, остальные удалялись) [21], числовые данные и символы хештегов, если только хештеги не являлись объектом анализа [6].

RQ6: Каким образом обеспечивалось единообразие формата и устранения шума: какие библиотеки, какое программное обеспечение?

Для единообразия формата и устранения шума авторами применялись программные инструменты и библиотеки на базе Python 3, в частности spaCy и scikit-learn (включая CountVectorizer, который использовался для преобразования текстов в матрицу частот встречаемости слов) [15]. В отличие от GloVe, который создает плотные векторные представления слов с учетом их контекста и глобальной статистики, CountVectorizer формирует разреженные матрицы частот, что подходит для простых и быстрых решений, но уступает по точности семантического анализа. Он создает словарь всех уникальных слов в корпусе и для каждого документа считает, сколько раз каждое слово в нем встречается. В результате каждый текст представляется в виде числового вектора с частотами встречаемости слов.

spaCy представляет собой современную и производительную библиотеку для обработки естественного языка (Natural Language Processing, NLP), разработанную на языке Python с элементами Cython. Основное назначение языка программирования Cython – оптимизация производительности вычислительно тяжелых задач и библиотек, интеграция с нативным кодом, а также написание расширений для Python с возможностью гибкого управления памятью и типами данных. Преимущество выбранных библиотек – в возможности работать с текстами на разных языках, включая русский. Однако в настоящее время уже есть возможность подключать библиотеки, которые изначально специализируются на работе с русским языком, например Py morphology, Py system.

Автоматизированные способы предобработки дополнялись пользовательскими скриптами [2] и такими инструментами, как ConText [19], что обеспечивало высокое качество и воспроизводимость подготовки данных к анализу.

Для расширения корпуса применялись эмбединги (представление слов в виде многомерных числовых векторов) и выделение n-грамм. Для этих целей авторы использовали алгоритм GloVe (Global Vectors for Word Representation; глобальные векторы для представления слов) для учета глобальной статистики словоупотребления и выявления семантических связей [21]. Этот алгоритм разработан в Стэнфорде. Его основная идея состоит в извлечении семантических отношений между словами с использованием матрицы совместной встречаемости слов. В отличие от моделей, опирающихся только на выбранные для исследования тексты, GloVe учитывает как глобальную, так и локальную статистику словоупотребления, что позволяет получать осмысленные и точные векторные представления слов⁴. В работе Сакамото и др. [21] эмбединги применяли и к выявлению ближайших по смыслу слов для ключевых понятий («угроза», «защищать», «суверенитет»): выявлялись слова, векторы эмбедингов которых максимально близки к вектору конкретного понятия в пространстве эмбедингов [21]. В рассмотренном примере авторы задавали такие параметры, при которых слова представлялись в виде векторов фиксированной размерности (100 измерений), а размер окна контекста был равным 12 с обеих сторон: при обучении учитывались слова в пределах 12 позиций слева и справа от текущего слова.

Модель: выбор модели тематического анализа

RQ7: Какие модели выбрали и как аргументировали выбор для имеющейся структуры и объема данных; приходилось ли дополнительно повышать стабильность модели и каким образом?

В изучаемых статьях использовались три модели:

- Bertopic (Bidirectional Encoder Representations from Transformers; двунаправленные представления кодировщика из трансформеров);
- LDA (Latent Dirichlet Allocation; латентное распределение Дирихле);
- NMF (Non-negative Matrix Factorisation; неотрицательное матричное разложение).

Для обеспечения стабильности результатов устанавливали параметр random state (обычно 42), что помогало гарантировать воспроизводимость анализа [15]. Параметр random state в машинном обучении задает начальное состояние (seed) генератора псевдослучайных чисел, используемого в различных алгоритмах, что повышает при повторном запуске эксперимента вероятность получения идентичного результата. Если random state не задан или равен None, каждый запуск будет давать разные результаты из-за нового начального

⁴ См.: GloVe: Global Vectors for Word Representation. URL: <https://nlp.stanford.edu/projects/glove/>.

значения генератора. Число 42 стало популярным в связи с книгой «Автостопом по галактике», но само по себе не имеет технического преимущества перед другими значениями.

За рамками исследований цифровой дипломатии осталась дискуссия в отношении уязвимости коротких текстов для анализа с помощью традиционных подходов, даже при сочетании с моделями эмбедингов слов, таких как Word2Vec и GloVe. Модели LDA и NMF применяют метод «мешка слов» и не учитывают порядка слов, что упрощает расчет, но снижает семантическую точность. В обзоре Warsito et al. [23] обратили внимание на интерес к таким специальным моделям (Biterm Topic Modeling – BTM, Dirichlet Multinomial Mixture – DMM), которые анализируют не отдельные сообщения, а весь массив сразу и обнаруживают схожие слова по всей коллекции сообщений. Алгоритм Bertopic выделяется способностью обработки текста с учетом двунаправленного контекста слова, что позволяет глубже и точнее улавливать смысл и взаимосвязи между словами в предложении. Текст сначала переводится в эмбединги, а потом для поиска тем используются алгоритмы кластеризации (например, HDBSCAN). Вдобавок обзор подчеркнул наличие новых разработок, таких как гибридные методы: позиционно-чувствительная тематическая модель (Position-Sensitive Word Embedding Topic Model – PS-WETM), интеграция больших языковых моделей в процесс анализа тем, а также метод семантического компонентного анализа (Semantic Component Analysis – SCA), или Word Embedding Topic Model (WETM), – первый умеет находить не только стандартные темы, но и разные смысловые паттерны в текстах, а второй (WETM) улучшает интерпретируемость за счет вложений слов.

RQ8: Как определяли оптимальное число тем (параметры модели) для максимальной интерпретируемости и валидности?

Есть модели, которые сами определяют количество тем, и те, которые предполагают задание количества тем исследователем. При этом, как описывают авторы, число тем, предлагаемое моделью по умолчанию, могло значительно превышать ожидания и затруднять интерпретацию, например, $k = 260$ [15]. В связи с этим оптимальное количество тем в исследуемых работах определялось эмпирическим путем, основываясь на интерпретируемости и валидности результатов анализа. Исследователи проводили итеративный пробный анализ с числом тем в диапазоне от 10 до 60, выбирая конечное количество тем в пределах 18–30 в зависимости от качества кластеров и информативности. Такой подход позволял найти баланс между детальными и обобщенными тематическими моделями и повысить читаемость результатов [15; 21].

RQ9: Какие метрики использовать для оценки качества и стабильности модели?

Для оценки качества тематической модели в изучаемых статьях использовалась перплексия (perplexity), которая отражает степень соответствия модели данным. Она вычисляется как обратная вероятность тестового набора слов, нормализованная по

количеству слов, и служит мерой «удивления» модели полученными данными: чем ниже значение перплексии, тем лучше модель предсказывает данные и тем точнее она определяет структуру текстов. Сравнение значений перплексии для моделей с разным числом тем помогает определить их оптимальное количество.

Также упоминался подход динамического тематического моделирования, что позволяет отслеживать изменение частоты тем во времени, например, поквартально или ежемесячно. Это помогало подтвердить валидность (face validity) и адекватность модели в контексте реальных событий и изменений дискурса [15].

Альтернативные подходы, которые остались за рамками проанализированных текстов, приведены в обзоре Хоссейни Марани (Hosseiny Marani), Баумер (Baumer) [11]. Первая группа параметров измеряет стабильность модели. Для ее оценки используют совпадение тем или n-грамм в темах, их вероятностное распределение при повторных запусках модели: коэффициент Жаккара (Jaccard similarity), коэффициент Дайса (Dice's coefficient), ранговая корреляция Спирмена, косинусное сходство, дивергенция Кульбака–Лейблера (Kullback-Leibler (KL) divergence). Альтернативный вариант – сравнивать распределение документов по темам при разных запусках одинаковых моделей. Вторая группа параметров позволяет улучшить стабильность модели. Например, эволюционный алгоритм (Differential Evolution – DE) позволяет запускать несколько вариантов моделей с разным количеством тем до момента достижения стабильности результата. При этом сами авторы делают акцент на том, что стабильность не всегда подтверждает качество исследования, поэтому выбор остается за исследователем.

В контексте оценки содержательного качества тем (а не только их статистической адекватности) методологическое сообщество выделяет также метрики семантической когерентности (coherence metrics), такие как C_v или C_umass (см., например: [20]). Данные метрики количественно оценивают интерпретируемость темы на основе анализа совместной встречаемости ключевых слов в исходном корпусе, тем самым приближая оценку к человеческому восприятию связности темы [16].

В проанализированном массиве исследований цифровой дипломатии подобные метрики не получили заметного распространения, что может указывать на известный методический разрыв между чисто алгоритмической оптимизацией и задачами содержательной интерпретации. В качестве рекомендации представляется целесообразным комбинировать несколько подходов: использование перплексии для сравнительной настройки модели, оценку семантической когерентности для отбора наиболее осмысленных тематических наборов и, наконец, обязательную экспертную верификацию (face validity) через соотнесение динамики тем с историческим контекстом, что и наблюдается в наиболее релевантных практиках [15]. Такой многоуровневый подход позволяет преодолеть ограничения отдельных метрик и повысить обоснованность выводов в исследованиях, где тематическая модель служит инструментом для работы со смыслами, а не самоцелью.

Анализ: визуализация результатов, их объяснение авторами

RQ10: Какие методы визуализации и аналитики были выбраны для представления результатов?

Визуализация результатов тематического моделирования чаще всего представляется через таблицы, в которых указываются номер темы, набор ключевых слов и исследовательское название либо краткое описание темы.

Визуальные методы не описываются, хотя для выполнения этого шага существуют специализированные библиотеки для интерактивной визуализации, такие как ruLDAvis для LDA, позволяющие отображать распределение слов и документов по темам, а также динамику изменения тем со временем. RuLDAvis при визуализации представляет темы в виде окружностей, размер которых пропорционален их значимости в корпусе. Пользователь может изучать ключевые слова, регулируя уровень детализации, а также наблюдать вклад слов в различные темы. Такой вариант визуализации удобен для интерпретации, но его трудно перенести в рукопись.

Также есть возможность дополнительно включить визуализацию в стандартных графических библиотеках (matplotlib, seaborn) для построения гистограмм и распределения тем по метаданным (жанрам, времени публикации). В некоторых работах есть потенциал для применения картографической визуализации с использованием GIS-систем для пространственного анализа текстов. В исследованных публикациях этот арсенал не использовался авторами.

RQ11: Как представляли результаты в исследовании?

По аналогии с визуализацией результатов для интерпретации, для представления результатов используют табличный вид, дополненный текстовыми пояснениями с опорой на теоретическую рамку и контекст.

Для больших наборов тем демонстрируются только наиболее популярные кластеры (6 из 18 у Морал (Moral) [15]), а остальные переносятся в приложения или дополнительные материалы, размещаемые не только на сайте издательства, но и на открытых хранилищах, таких как GitHub. Схожим образом презентовали результаты при тестировании разных моделей – в тексте работы приводили таблицу с результатами применения выбранной модели, альтернативные опции предлагали в приложении или дополнительных материалах.

RQ12: Какими еще методами дополняли исследование?

Для углубленного анализа результатов часто использовался метод семантического сетевого анализа (SNA), который позволяет анализировать количество и взаимосвязи слов с учетом их семантических отношений. Этот метод выявляет скрытые связи между словами и темами, расширяя возможности традиционного тематического анализа.

Также применялся анализ пользовательских профилей (user profile analysis), что позволяло учитывать особенности аудитории и контекст коммуникаций [19]. Таким образом, комплексный подход к визуализации и аналитике включал комбинирование табличных, графических и сетевых методов, обеспечивая всестороннее представление и глубокое понимание результатов тематического моделирования.

Выводы

Тематическое моделирование – еще относительно новый инструмент для изучения цифровой дипломатии, что отражает выборка исследований для настоящего обзора. В дальнейшем выборку можно увеличить как за счет добавления синонимов и ключевых слов, связанных с методом («тематический анализ», «LDA», «Bert», «Bertopic»), так и с помощью расширения поля исследования «электронная дипломатия», «интернет-дипломатия», «дипломатия социальных сетей», «городская дипломатия», «Web 2.0 дипломатия», «твипломатия» (Twiplomacy)).

Обзор не только показал пригодность метода «тематическое моделирование» для выбранного поля исследования, но также позволил выявить направление для улучшений процесса анализа. Его применение в исследовательских работах позволяет системно анализировать большие объемы текстовых данных, выделять ключевые темы и проследивать динамику развития тем во времени. Использование современных моделей, таких как Bertopic, LDA и NMF, с применением методов предобработки и визуализации обеспечивает как высокую информативность, так и интерпретируемость результатов.

Среди ограничений тематического моделирования стоит выделить зависимость результатов от качества предобработки и специфики корпуса, что может влиять на интерпретируемость и стабильность модели. Используемые метрики, например перплексия, не всегда полностью отражают смысловую адекватность моделей, требуя дополнительной экспертной оценки. Кроме того, динамическое тематическое моделирование и анализ мультязычных корпусов повышают уровень сложности и могут требовать дополнительных ресурсов и проверок качества.

Важным направлением является разработка стандартизированных протоколов для выбора параметров моделей и оценки их качества с привлечением экспертной оценки. Также перспективно включение методов интерактивной визуализации и аналитики, способствующих более широкому вовлечению исследователей и пользователей в процесс интерпретации результатов.

Список литературы

1. Базлуцкая М.М., Сытник А.Н., Цветкова Н.А. Вовлеченность аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии [Evaluating Audience Engagement as a Measure of Digital Diplomacy Effectiveness] // MGIMO Review of International Relations. 2024. Т. 17. № 4. С. 48–82. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82>.

2. Базлуцкая М.М. Цифровая дипломатия в Telegram: сравнительный анализ вовлеченности аудитории и активности посольств России и США [Digital Diplomacy in Telegram: A Comparative Analysis of Audience Engagement and Activity of the Russian and US Embassies] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. Вып. 4. С. 431–456. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.403>.
3. Йе Л., Булгарова Б.А., Хань Ч., Цзюй Я. Формирование национального имиджа Китая в кросс-культурном контексте: анализ настроений и тематическое моделирование комментариев к туристическому контенту Bilibili [Formation of China's National Image in a Cross-Cultural Context: Sentiment Analysis and Topic Modeling of Comments on Bilibili Tourism Content] // Litera. 2025. № 5. С. 254–267. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.5.74116>. EDN: QMVIF0.
4. Ордовский Д., Кожемякин Е.А. Цифровая публичная дипломатия в эпоху социальных медиа: эволюция и современное состояние [Digital Public Diplomacy in Social Media Era: Evolution and Current Trends] // Полис. Политические исследования. 2025. № 2. С. 157–166. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.11>.
5. Adam E., Adam N. Education hubs in Qatar and the United Arab Emirates: Analysis of discursive constructions using Latent Dirichlet Allocation // International Journal of Educational Development. 2024. № 107. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2024.103034>.
6. Asdourian B., Chariatte J., Ingenhoff D. Digital City Diplomacy and International Cities Networks: Collaboration and City Branding Strategies around Climate Issues // International Communication Gazette. 2024. № 86(7). P. 541–564.
7. Carter M.J. The Hermeneutics of Frames and Framing: An Examination of the Media's Construction of Reality // SAGE Open. 2013. № 3(2). P. 1–11. <https://doi.org/10.1177/2158244013487915>.
8. Cui Y. Research on the Regional Dissemination Paths of Chinese Culture and Cultural Diplomacy Strategies in the Context of the " Belt and Road Initiative" // Pakistan Journal of Life & Social Sciences. 2025. № 23(1).
9. Gibson J., Istad F. Toward a Political Model of Soft Power: An Empirical Evaluation of South Korean Foreign Policy // Asian Survey. 2025. № 65(3). P. 459–495.
10. Hedling E. Storytelling in EU Public Diplomacy: Reputation Management and Recognition of Success // Place Branding and Public Diplomacy. 2020. № 16(2). P. 143–152. <https://doi.org/10.1057/s41254-019-00138-2>.
11. Hosseiny Marani A., Baumer E.P. A Review of Stability in Topic Modeling: Metrics for Assessing and Techniques for Improving Stability // ACM Computing Surveys. 2023. № 56(5). P. 1–32.
12. Lee G. A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy // Korean Journal of Defense Analysis. 2009. № 21(2). P. 205–218. <https://doi.org/10.1080/10163270902913962>.
13. Li M. A Cross-Platform Comparison of China's Confrontational Diplomatic Communication // The Journal of International Communication. 2024. № 30(2). P. 372–393.
14. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Forging the World: Strategic Narratives and International Relations. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. 352 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.6504652>.
15. Moral P. Restoring Reputation through Digital Diplomacy: The European Union's Strategic Narratives on Twitter⁵ during the COVID-19 Pandemic // Communication & Society. 2023. P. 241–269.
16. Newman D. et al. Automatic evaluation of topic coherence // Human language technologies: The 2010 annual conference of the North American chapter of the association for computational linguistics. 2010. P. 100–108.
17. Nițoiu C. The Narrative Construction of the European Union in External Relations // Perspectives on European Politics and Society. 2013. № 14(2). P. 240–255. <https://doi.org/10.1080/15705854.2013.785264>.
18. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs Books, 2004. 192 p.
19. Park S., Chung D., Park H.W. Analytical Framework for Evaluating Digital Diplomacy Using Network Analysis and Topic Modeling: Comparing South Korea and Japan // Information Processing & Management. 2019. № 56(4). P. 1468–1483.
20. Röder M., Both A., Hinneburg A. Exploring the space of topic coherence measures // Proceedings of the eighth ACM international conference on Web search and data mining. 2015. P. 399–408.
21. Sakamoto T., Araki M., Ito H., Matsuoka T. How Different are Offline and Online Diplomacy? A Comparative Analysis of Public Statements and SNS Posts by Delegates to the United Nations // Frontiers in big Data. 2024. № 7. P. 1304806.

5 *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

22. Tahat K., Mansoori A., Tahat D.N., Habes M., Salloum S. Leveraging Soft Power: A Study of Emirati Online Journalism Through Arabic Topic Modeling // International Conference on Business and Technology. 2023. P. 13–20.
23. Warsito B., Suseno J.E., Arifudin A. Embedding and Topic Modeling Techniques for Short Text Analysis on Social Media: A Systematic Literature Review // Data and Metadata. 2025. № 4. P. 1168–1168.
24. Xiong Y., Cho M., Boatwright B. Hashtag Activism and Message Frames Among Social Movement Organizations: Semantic Network Analysis and Thematic Analysis of Twitter during the #MeToo Movement // Public Relations Review. 2019. № 45(1). P. 10–23.

Информация об авторах

БОРДУНОС Александра Константиновна. Старший преподаватель кафедры организационного поведения и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного университета. Руководитель направления ИИ в образовании Центра преподавательского мастерства Санкт-Петербургского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. a.bordunos@gsom.spbu.ru

КОШЕЛЕВА Софья Владимировна. Доктор психологических наук. Профессор кафедры организационного поведения и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0002-7767-5917>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. kosheleva@gsom.spbu.ru

СЕВРЮКОВ Сергей Юрьевич. Старший преподаватель кафедры технологии программирования Санкт-Петербургского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0003-0143-9966>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. s.sevryukov@spbu.ru

ВОЛКОВА Наталья Владимировна. Кандидат психологических наук. Доцент НИУ Высшая школа экономики. <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, ул. Почтамтская д. 3-5. nv.volkova@hse.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1 ноября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N., Tsvetkova N.A. Evaluating Audience Engagement as a Measure of Digital Diplomacy Effectiveness. Vestnik MGIMO universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya [MGIMO Review of International Relations]. 2024; 17(4):48–82 [In Russian]. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82>.
2. Bazlutckaia M.M. Digital Diplomacy in Telegram: A Comparative Analysis of Audience Engagement and Activity of the Russian and US Embassies. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.

- Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations]. 2024; 17(4):431–456 [In Russian]. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.403>.
3. Ye L., Bulgarova B.A., Han Z., Ju Ya. Formation of China's National Image in a Cross-Cultural Context: Sentiment Analysis and Topic Modeling of Comments on Bilibili Tourism Content. Litera. 2025; 5:254–267 [In Russian]. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.5.74116>. EDN: QMVIF0.
4. Orlovsky D., Kozhemyakin E.A. Digital Public Diplomacy in Social Media Era: Evolution and Current Trends. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2025; 2:157–166 [In Russian]. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.11>.
5. Adam E., Adam N. Education hubs in Qatar and the United Arab Emirates: Analysis of discursive constructions using Latent Dirichlet Allocation. International Journal of Educational Development. 2024; 107 [In English]. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2024.103034>.
6. Asdourian B., Chariatte J., Ingenhoff D. Digital City Diplomacy and International Cities Networks: Collaboration and City Branding Strategies around Climate Issues. International Communication Gazette. 2024; 86(7):541–564 [In English].
7. Carter M.J. The Hermeneutics of Frames and Framing: An Examination of the Media's Construction of Reality. SAGE Open. 2013; 3(2):1–11 [In English]. <https://doi.org/10.1177/2158244013487915>.
8. Cui Y. Research on the Regional Dissemination Paths of Chinese Culture and Cultural Diplomacy Strategies in the Context of the " Belt and Road Initiative ". Pakistan Journal of Life & Social Sciences. 2025; 23(1) [In English].
9. Gibson J., Istad F. Toward a Political Model of Soft Power: An Empirical Evaluation of South Korean Foreign Policy. Asian Survey. 2025; 65(3):459–495 [In English].
10. Hedling E. Storytelling in EU Public Diplomacy: Reputation Management and Recognition of Success. Place Branding and Public Diplomacy. 2020; 16(2):143–152 [In English]. <https://doi.org/10.1057/s41254-019-00138-2>.
11. Hosseiny Marani A., Baumer E.P. A Review of Stability in Topic Modeling: Metrics for Assessing and Techniques for Improving Stability. ACM Computing Surveys. 2023; 56(5):1–32 [In English].
12. Lee G. A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy. Korean Journal of Defense Analysis. 2009; 21(2):205–218 [In English]. <https://doi.org/10.1080/10163270902913962>.
13. Li M. A Cross-Platform Comparison of China's Confrontational Diplomatic Communication. The Journal of International Communication. 2024; 30(2):372–393 [In English].
14. Miskimmon A., O'Loughlin B., Roselle L. Forging the World: Strategic Narratives and International Relations. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. 352 p. [In English]. <https://doi.org/10.3998/mpub.6504652>.
15. Moral P. Restoring Reputation through Digital Diplomacy: The European Union's Strategic Narratives on Twitter*⁶ during the COVID-19 Pandemic. In Communication & Society. 2023:241–269 [In English].
16. Newman D. et al. Automatic evaluation of topic coherence. Human language technologies: The 2010 annual conference of the North American chapter of the association for computational linguistics. 2010:100–108 [In English].
17. Nițoiu C. The Narrative Construction of the European Union in External Relations. Perspectives on European Politics and Society. 2013; 14(2):240–255 [In English]. <https://doi.org/10.1080/15705854.2013.785264>.
18. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs Books, 2004. 192 p. [In English].
19. S., Chung D., Park H.W. Analytical Framework for Evaluating Digital Diplomacy Using Network Analysis and Topic Modeling: Comparing South Korea and Japan. Information Processing & Management. 2019; 56(4):1468–1483 [In English].
20. Röder M., Both A., Hinneburg A. Exploring the space of topic coherence measures. Proceedings of the eighth ACM international conference on Web search and data mining. 2015:399–408 [In English].
21. Sakamoto T., Araki M., Ito, H., Matsuoka, T. (). How Different are Offline and Online Diplomacy? A Comparative Analysis of Public Statements and SNS Posts by Delegates to the United Nations. Frontiers in big Data. 2024; 7:1304806 [In English].
22. Tahat K., Mansoori A., Tahat D.N., Habes M., Salloum S. Leveraging Soft Power: A Study of Emirati Online Journalism Through Arabic Topic Modeling. In International Conference on Business and Technology. 2023:13–20 [In English].

⁶ *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

23. Warsito B., Suseno J.E., Arifudin A. Embedding and Topic Modeling Techniques for Short Text Analysis on Social Media: A Systematic Literature Review. *Data and Metadata*. 2025; 4:1168–1168 [In English].
24. Xiong Y., Cho M., Boatwright B. Hashtag Activism and Message Frames Among Social Movement Organizations: Semantic Network Analysis and Thematic Analysis of Twitter during the #MeToo Movement. *Public Relations Review*. 2019; 45(1):10–23 [In English].

About the authors

K. BORDUNOS. Senior Lecturer of Department of Organizational Behavior and Personnel Management at St.Petersburg University. Head of AI in Education of Teaching Excellence Lab at St.Petersburg University. <https://orcid.org/0000-0003-0347-3180>. Address: 7–9, Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russian Federation. a.bordunos@gsom.spbu.ru

Sofia V. KOSHELEVA. DSc. (Psychology). Professor of Department of Organizational Behavior and Personnel Management at St.Petersburg University. <https://orcid.org/0000-0002-7767-5917>. Address: 7–9, Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russian Federation. kosheleva@gsom.spbu.ru

Sergey Yu. SEVRYUKOV. Senior Lecturer of Department of Programming Technology at St.Petersburg University. <https://orcid.org/0000-0003-0143-9966> Address: 7–9, Universitetskaya nab., St.Petersburg, 199034, Russian Federation. s.sevryukov@spbu.ru

Natalia V. VOLKOVA. CandSc. (Psychology). Associate Professor of HSE University in St.Petersburg. <https://orcid.org/0000-0002-9045-4393>. Address: 3-5, Pochtamtskaya st., St.Petersburg, 199034, Russian Federation. nv.volkova@hse.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: November 1, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-43-62](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-43-62)

Возможности и ограничения научного использования LLM: первичный анализ данных, проблемы предвзятости и валидация

Юрий Юрьевич Колотаев^{1a}✉, Мария Михайловна
Базлуцкая^{2b}✉

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Автономная некоммерческая научно-исследовательская организация «Координационная лаборатория» (АНО «Колаборатория»), Санкт-Петербург, Россия

^a yury.kolotaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>

^b m.bazlutskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>

Аннотация. Большие языковые модели (LLM) становятся популярными среди научного сообщества, а их применение все чаще можно встретить в социогуманитарных исследованиях. Представленная обзорная статья обобщает раскрытые возможности внедрения LLM в текстовый анализ данных и систематизирует ограничения, с которыми приходится сталкиваться ученым на этом пути. Авторы обозначают наилучшие «точки входа» в исследования с помощью LLM, но наибольшее внимание уделяется проблемам предвзятости моделей, валидации (проверке) и репликации

(воспроизводимости) результатов исследований, в которых использовался ИИ. В работе предлагаются несколько возможных стратегий улучшения качества работы с генеративными моделями в соответствии с процедурой триангуляции. Они включают проверку альтернативных запросов, тестирование разных выборок данных и использование связки моделей. Практика применения LLM в гуманитарных науках показывает, что при грамотной настройке они имеют потенциал к снижению временных издержек, расширяют аналитические возможности ученых и могут содействовать в выявлении скрытых закономерностей в текстовых массивах. Однако эффективность научного применения LLM напрямую зависит от исследовательской осмотрительности, выраженной в понимании границ применимости инструмента, корректности постановки задач, качества исходных данных, а также умения нормализовать неструктурированные данные. Без этих условий использование моделей рискует превратиться в симуляцию научного исследования. Статья призвана стать стартовой точкой для политологов и исследователей международных отношений, заинтересованных в качественном внедрении LLM в свою аналитическую работу.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), социальные науки, большая языковая модель (LLM), предвзятость, валидация, триангуляция

Для цитирования: Колотаев Ю.Ю., Базлутцкая М.М. Возможности и ограничения научного использования LLM: первичный анализ данных, проблемы предвзятости и валидация // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 43-62, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-43-62](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-43-62)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-43-62](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-43-62)

Capabilities and Limitations in Scientific Application of LLMs: Preliminary Data Analysis, Bias, and Validation

Yury Yu. Kolotaev^{1a}✉, Mariya M. Bazlutckaya^{2b}✉

¹ Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

² Autonomous Non-Commercial Research Organisation "Coordination Lab" (ANO Colaboratoria), Saint-Petersburg, Russia

^a yury.kolotaev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>

^b m.bazlutckaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>

Abstract. Large language models (LLMs) are becoming increasingly popular within the academic community, and their use is now more frequently observed in social science. This article summarizes the emerging opportunities for integrating LLMs into textual data analysis and systematizes the limitations that scholars encounter along the way. The authors identify the most effective "points of entry" for incorporating LLMs into research, while devoting particular attention to issues of model bias, validation, and the replication of results produced with the AI-assistance. The paper proposes several possible strategies for enhancing the quality of work with generative models in accordance with the triangulation procedure. These include examining alternative prompts, testing various data samples, and employing a combination of models. Existing studies show that, when

properly configured, LLMs can reduce time costs, expand researchers' analytical capacities, and help uncover hidden patterns within large textual corpora. However, the effectiveness of scientific applications of LLMs directly depends on scholarly diligence, including a clear understanding of the tool's scope, careful problem formulation, high-quality input data, and the ability to normalize unstructured data. Without these conditions, the use of such models risks devolving into a simulation of scientific inquiry. The article is intended to serve as a starting point for political scientists and international relations researchers interested in integrating of LLMs into their analytical work.

Keywords: artificial intelligence (AI), social science, large language model (LLM), bias, validation, triangulation

For citation: Kolotaev Yu.Yu., Bazlutckaya M.M. Capabilities and Limitations in Scientific Application of LLMs: Preliminary Data Analysis, Bias, and Validation. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 1(19): 43-62, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-43-62](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-43-62)

Введение

Всплеск общественного и научного интереса к искусственному интеллекту (ИИ) и большим языковым моделям (large language models, LLM) вызвал обширную дискуссию о границах и этике их применения в исследовательском поле. Технические возможности, позволяющие открыто работать в интерактивной форме с любой текстовой информацией, создали основу для делегирования части научной работы ИИ-ассистентам. В перечень этой работы уже входит аннотирование, предобработка, кластеризация, а также моделирование научных данных.

Вместе с тем уровень развития генеративных моделей, а также принципы работы с ними показывают, что некритическое отношение к ИИ может приводить лишь к имитации научного процесса. Ведь легкость получения ответов на комплексные вопросы остается во многом иллюзией. Это, однако, не снижает эвристического потенциала комбинированных методов научного анализа, включающих генеративный ИИ в рабочий процесс.

Данная работа стремится отразить актуальную дискуссию о возможностях научного использования генеративных моделей. Ключевое внимание уделено социально-гуманитарному направлению исследований с особым акцентом на текстовых методах анализа. Статья рассматривает наилучшие «точки входа» для применения LLM, где вероятность научных искажений маловероятна или незначительна. В частности, рассматривается возможность делегирования LLM задач по очистке и стандартизации текстовых данных, а также моделированию и предварительной проверке гипотез.

Основной фокус работы направлен на осмысление опыта научного применения открытых генеративных моделей (ChatGPT, DeepSeek, Gemini, Anthropic и т.д.) к исследованию массивов данных и выявлению в них закономерностей.

Ключевое внимание в работе уделяется фундаментальным предвзятостям LLM, которые выступают существенным ограничением в рамках применения генеративных моделей к анализу текстов. Авторы статьи также рассматривают применимость принципов валидации и репликации к комбинированным с

ИИ методам научного анализа. Дискуссии об этичности использования ИИ при написании научных текстов остаются за рамками данного исследования.

Материалы и методы

Обзор применения LLM в социогуманитарных исследованиях

Долгое время ключевой массив работ, затрагивающих принципы работы LLM, носил технический характер. Однако вместе с массовым распространением потребительских LLM увеличилось и количество гуманитарных исследований, посвященных ИИ как социальному феномену. Ученые стали философски рассматривать работу с LLM [7], разрабатывать вопросы ИИ в образовании [6], правовую основу использования ИИ [5], способность машин решать моральные дилеммы [3] и этику применения ИИ к исследованиям [12]. Одновременно с этим появляются обзорные работы, цель которых – обозначить потенциал применения LLM в гуманитарной науке [32]. Так, Тао и Шен отмечают, что из 1 227 проанализированных ими аннотаций около 83% положительно отзывались о научно-исследовательском потенциале и педагогической применимости LLM и только около 10% работ были негативно настроены в отношении ИИ [34].

Параллельно возник пласт научных текстов, продвигающий инструментализацию ИИ для усиления результатов проводимых исследований. С конца 2022 г. отношение специалистов смещается от настороженного наблюдения за использованием моделей к допущению, что LLM могут выступать в качестве полноценных помощников при проведении социального и политического анализа. При этом если ранее для комплексного анализа «больших данных» чаще всего возникала необходимость в сторонней помощи ИТ-сообщества по настройке компьютерных программ [4], то новейшие труды показывают потенциал самостоятельной работы специалистов по социально-гуманитарным дисциплинам за счет взаимодействия с ИИ (prompt engineering). В период с 2023 г. начинается активное сравнение возможностей ученых и LLM в исследованиях текстовой информации [35] (контент-анализ, лингвистический анализ, сентимент-анализ и тематическое моделирование) и количественных данных [1]. Первые эксперименты с ChatGPT версии 3.5 подчеркивают сокращение сроков проведения исследований и снижение предвзятости самого ученого за счет взаимодействия с большими языковыми моделями [2]. Особое внимание исследователи уделяют потенциалу конкретных видов LLM, а именно – предобученных трансформеров (general pre-trained transformers, GPT). Эти модели позволяют автоматизировать ряд рутинных, но важных этапов – от первичного поиска и фильтрации источников до тематического кодирования и выявления ключевых концептов. В отличие от машинного обучения (ML) и обработки естественного языка (NLP) большие языковые модели способны улавливать семантические взаимосвязи между текстами, что

упрощает анализ научного дискурса на уровне понятий и аргументативных структур [19].

Появление моделей, имитирующих логические рассуждения (reasoning-LLM), таких как ChatGPT 4, DeepSeek R1, Claude 3.7 Sonnet и других, раскрывает новые возможности в части проведения социогуманитарных исследований. Например, в рамках аннотации текста такие модели показывают более высокую точность (93,4%) и согласованность (0,982 по альфе Криппендорфа [22]), нежели предыдущие версии LLM, предрасположенные к более поверхностным результатам из-за недостаточно глубокого контекстного погружения [35]. Исследователи также отмечают, что результаты анализа, проведенного новейшими моделями, могут превосходить таковые экспертов-кодировщиков. Особую ценность подключение LLM приобретает в случае, если модель помогает формулировать и тестировать гипотезы [23], а также интерпретировать входные данные [21]. Это может высвободить дополнительное время исследователей для более глубокого погружения в проблематику, тем самым способствуя развитию научного знания.

Текстовый анализ с помощью LLM в политических исследованиях и международных отношениях

В политической науке и международных отношениях используется широкий спектр исследовательских подходов, которые условно подразделяются на качественные, количественные и смешанные методы. Существенное место среди них занимает работа с текстами, такими как политические речи, официальные документы, интервью, публикации в СМИ и сообщения в социальных сетях. В условиях стремительной цифровизации и роста объемов информации возрастает потребность в анализе больших текстовых массивов, часть из которых крайне неструктурирована. Это обстоятельство стимулирует внедрение вычислительных и автоматизированных инструментов, включая методы NLP и LLM в исследования международных отношений и политологии. Особенно заметным оказывается потенциал LLM в области дискурс- и контент-анализа, поскольку именно эти методы объединяют количественную обработку текста с интерпретацией политических смыслов и нарративов.

В первую очередь LLM хорошо справляются с нормализацией текста, исправлением орфографических ошибок, приведением к единому формату, что является важнейшим этапом перед началом анализа [10]. Например, если текст содержит устаревшие формы слов, LLM могут адаптировать текст для понимания кодировщиками, тем самым создавая корпуса данных высокого качества [27]. Подсчет частотности употребляемых слов и тем также выступает для моделей типовой задачей [14]. Одновременно с этим LLM могут помочь протестировать аналитический потенциал гипотезы, а также провести их предварительную проверку [37]. Вышеперечисленные операции остаются на сегодня наилучшими «точками входа» для применения LLM в гуманитарных исследованиях.

Благодаря LLM для научного сообщества одновременно расширяются и становятся более доступными возможности автоматизированного дискурс-анализа, то есть анализа неявных смысловых структур, включая подтекст. Так, К.Гао и Д.Фенг применяют LLM на открытом исходном коде Llama2 (13b), чтобы оценить скрытые смыслы, прослеживающиеся в одной из крупнейших газет Гонконга «Oriental Daily News». Авторы приходят к выводу, что модели с 80% вероятностью (относительно результата профессиональных кодировщиков) определяют как явные выражения отношения (attitude), так и менее выраженные [17], что оставляет пространство для улучшения, но уже говорит о значимой степени точности машинного дискурс-анализа.

В рамках контент-анализа применение LLM распространено более отчетливо. В частности, благодаря большим языковым моделям развиваются анализ тональности текста (сентимента), тематическое моделирование, анализ нарративов, фреймов и иных форм предвзятости. LLM используются и для совершенствования справочников кодировщиков (codebooks) [18].

Среди всего спектра работ по анализу тональности текста и политических предпочтений выделяется коллективный труд под руководством Л.Бойич [9]. В нем предлагается системное сопоставление когнитивных характеристик работы человека и современных языковых моделей при решении задач анализа латентного содержания текста. Авторы указали, что западные LLM демонстрируют высокую степень согласованности (intercoder reliability) при определении тональности текста и политической направленности, в ряде случаев превосходя показатели согласованности ответов кодировщиков. При этом выявлено, что при автоматизированном анализе модели склонны недооценивать степень выраженности эмоций в тексте.

Исследования данных из социальных сетей, форумов и даже даркнета формируют среди научного сообщества спрос на тематическое моделирование – «критически важный инструмент для выявления и анализа тематических структур неструктурированных текстовых данных» [15, p. 67159]. Авторы отмечают, что LLM, в отличие от ранее применявшихся компьютерных методов, способны показывать более точные результаты при определении тематик коротких неформальных сообщений, которые часто содержат мало слов, используют нестандартные выражения и сильно зависят от контекста. К тому же, LLM выделяют более осмысленные и контекстно точные двухсловные темы, нежели такие традиционные методы, как векторизация (Term Frequency – Inverse Document Frequency, TF-IDF) и латентное распределение Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA), что повышает точность последующих выводов.

Таким образом, изучение работы LLM в привязке к анализу нарративов и предвзятостей показывает, что большие языковые модели могут применяться в качестве инструмента совершенствования результата, а не просто автоматизации. Как подчеркивают С.Дженнер и соавторы, LLM способны расширять нарративный анализ, выполненный вручную, через обнаружение дополнительных интерпретаций смысла в тексте [20]. Коллектив российских исследователей, в свою очередь, видит

потенциал LLM в определении политической предвзятости в цифровой дипломатии, что позволяет эффективнее определять акценты и смещенность (bias) при анализе медиакоммуникаций [8].

Однако задействование LLM в рамках исследований связано с рядом затруднений (не в последнюю очередь из-за новизны самой технологии). Во-первых, ученые обращают особое внимание на внутренние ограничения моделей, которые непреднамеренно или целенаправленно могут исказить результаты исследования. Это проблематизирует использование LLM в науке. Так, группа американских исследователей подчеркивает, что хотя LLM имитируют способности к рассуждению, они зачастую опираются на распознавание шаблонов, а не на подлинное логическое рассуждение, что приводит к непоследовательности при решении сложных задач [31]. Кроме того, в отношении LLM системно поднимается вопрос о характере и составе данных, на которых обучена модель. Последние выступают в качестве основы для появления предвзятости получаемых результатов, так как в «обучающих» модель датасетах присутствуют определенные культурные или идеологические установки [13]. Наконец, чувствительность LLM к вводным данным и отсутствие инструментов, которые могли бы предсказывать уязвимость промпта, способствуют искажению результатов проводимого исследования [30]. Отсюда вытекают и наиболее насущные в работе с LLM проблемы валидации (проверки достоверности) и репликации (воспроизведения) результатов, которые будут раскрыты ниже.

Результаты исследования

Проблема предвзятости моделей

Несмотря на сильные стороны научного применения пользовательских LLM, сохраняются множественные ограничения, с которыми приходится сталкиваться на этапах очистки, стандартизации и предобработки данных. Исходя из прикладных характеристик, их можно объединить в 5 основных подгрупп. Каждая подгруппа основывается на типовых предвзятостях (bias) моделей: 1) предвзятость формулировки; 2) ошибки стандартизации данных; 3) избыточный / недостаточный контекст; 4) пользовательская ориентированность; 5) потеря контекста. При рядовом использовании LLM все эти предвзятости или ошибки ведут к иллюзии, что модель «врет» или, выражаясь технически, «галлюцинирует».

В действительности же можно наблюдать переплетение предубеждений, формирующееся из-за стохастичности¹ самого процесса генерации текста, различных

1 В контексте ИИ «стохастичность» означает, что генерация ответа или решения происходит не строго по одной определенной схеме, а с элементом случайности, базируясь на вероятностных моделях с внутренней системой веса входящих данных. Стохастичность особенно высока на ранних этапах обучения модели, когда веса задаются случайными числами.

смещений в процессе обучения моделей, а также пользовательских ошибок при обращении с ИИ-ассистентами. Для их минимизации следует учитывать природу базовых предубеждений на каждом этапе работы с данными.

Первый из них связан с формулировкой промптов. «Предвзятость формулировки» проявляется в качественных характеристиках запроса к LLM. С научной точки зрения каждый промпт, адресованный модели, является шагом тестирования гипотезы, иначе говоря, «актом исследования». Это означает, что неверно заданный вопрос, наводящие формулировки или чрезмерная детализация способны сузить поле анализа и склонить модель к подтверждению пользовательских предположений. Любой промпт, построенный как утверждение («да-нет» вопрос, указание на ожидаемый вывод), вызывает эффект подтверждения. LLM начинает искать не общие закономерности, а подтверждение предположения.

Эта тенденция многократно подтверждается экспериментально [11; 33]. Решением выступает практика «безопасных» промптов: формулировка нейтральных, конкретных и структурированных задач, избегание оценочной лексики, указание строгих ограничений и требования ссылаться на фрагменты данных, подтверждающих вывод.

Второй источник предвзятости в работе с LLM характерен для широкого поля количественных исследований. Ошибка в стандартизации данных (или ее отсутствии), проявляющаяся на этапе предварительной обработки и нормализации выбранных для обработки через языковую модель сведений. Хотя LLM готова работать даже с «грязными» и нерегулярными данными, у такого подхода всегда будут наблюдаться издержки, связанные с низкой воспроизводимостью исследования. Модель может структурировать материал по собственным латентным признакам, не всегда соответствующим исследовательским задачам. Переход от нерегулярных текстовых данных к JSON-структуре или другим формализованным методам отражения данных качественно меняет принципы работы с данными.

Следует учитывать, что преобразование данных также возможно с применением LLM, но только если исследователь последовательно подходит к процессу установления параметров фильтрации. Пропущенные категории или чрезмерная фрагментация текстовых данных ведут к потере смысловой связности и искажению выборки. В частности, нормализация текстовых данных имеет риск редуцирования контекста [28], что также влияет на достоверность выводов в социальных исследованиях. В качестве одного из способов улучшения качества структурирования можно рассматривать включение в процесс нормализации данных нескольких образцовых примеров данных со стандартизированной разметкой.

Третья фундаментальная предвзятость связана с избыточным или недостаточным контекстом. Как уже отмечалось выше, при структурировании данных неизбежна фильтрация, а следовательно, часть информации выпадает. К такой информации могут относиться как изначально избыточные метаданные, так и внутритекстовые «выбросы» (повторения, визуальные символы и т.д.). Слишком узкий контекст делает ответы модели ограниченными, тогда как избыточный

Рисунок 1. Пример структуризации данных для синтетического информационного сообщения в JSON-разметке

Figure 1. Example of Data Structuring for a Synthetic Information Message in JSON Format

```
{
  «raw_text»: «Сегодня состоялось рабочее совещание по вопросам развития.
  Приняты решения по оптимизации процессов. Планируется дальнейшее
  обсуждение.»,
  «structured_data»: {
    «event»: {
      «type»: «meeting»,
      «date»: «2023-11-15»,
      «topic»: «process_optimization»
    },
    «decisions»: [
      «process_optimization_approved»
    ],
    «next_steps»: [
      {
        «action»: «further_discussion»,
        «status»: «planned»
      }
    ],
    «metadata»: {
      «source_type»: «official_message»,
      «processing_date»: «2023-11-16»,
      «version»: «1.0»
    }
  }
}
```

Источник: составлено авторами с применением Deepseek
Source: compiled by the authors using Deepseek

контекст (слишком длинные или перегруженные блоки для анализа) ведет к размыванию смысла и потере фокуса [24; 25]. Несмотря на различную природу избыточного и недостаточного контекста, природа самого искажения остается одной – ложная интерпретация системных связей единицы данных по отношению ко всему массиву.

Потенциальным решением может быть поэтапный анализ, прописанный в стандартизирующем или аналитическом промпте:

- сначала извлечение сущностей (предварительная кластеризация текстовых единиц по темам / временным рамкам);

- затем фреймов (описание в аналитическом промпте разбивки каждой интересующей исследователя категории);

- в конце следует интерпретация (введение в промпт маркеров интерпретации).

Структурирование анализа позволяет контролировать объем и управляемость контекста. Возможен также дизайн исследований, подразумевающий многоэтапность и разбивку анализа на несколько промежуточных промптов для вычленения этапов и их перепроверки на предмет промежуточных ошибок. Стоит, однако, учитывать, что определение оптимальных объемов контекста и их влияние на искажение модели пока что остается открытым для дискуссии вопросом.

Четвертым искажением анализа данных на базе открытых LLM выступает «пользовательская ориентированность» публичных языковых моделей. Большинство из них демонстрирует адаптивное поведение, проявляющееся в подстраивании под роль, стиль и предположения пользователя. В результате обусловленная коммерческим дизайном особенность платформ становится серьезной издержкой в научной работе.

ИИ-ассистенты, будучи исследовательскими помощниками, также воспроизводят эпистемологические установки пользователя. Так как исследователь, формулируя параметры анализа (в т.ч. через *role prompting*²), фактически настраивает модель, он обеспечивает и трансляцию исследовательской позиции в алгоритмическую логику. Данная особенность работы LLM становится проблемой, если в работу модели не включаются корректирующие механизмы, которые будут также рассмотрены ниже. Отсюда возникает необходимость постоянной перепроверки выданных языковой модели и пересмотра дизайна исследования в сторону принципов, при котором ИИ – это не просто помощник, но «коллега, с которым ты спиришь».

Пятое искажение находится на стыке между проблемами контекста и дизайном языковых моделей. Его содержание можно выразить как потерю контекста из-за ограничений длины контекста (количества токенов). Любая пользовательская LLM в зависимости от формата и системы предоставления доступа неизбежно имеет как длину единичного запроса, так и общего содержания «диалога» [16; 36].

Базовым принципом борьбы с утратой контекста служит разбивка больших корпусов данных на части с поэтапным анализом. Избыточность объема также можно компенсировать формированием репрезентативной выборки по временным или тематическим параметрам, устанавливаемым на этапе предобработки или вычищения данных. Это позволит минимизировать искажения, вызванные усечением текста или «забыванием» модели раннее вводимых данных и переменных. Вместе с тем научное сообщество на текущий момент испытывает фундаментальные трудности с подбором конкретных методик калибровки длины контекста и оценки

² Стилизация содержания промпта, при которой LLM делегируется выполнение определенной роли (аналитик, копирайтер, дизайнер) или имитация работы какого-либо специалиста (по конкретным отраслям знания) при генерации ответов. Такой подход предопределяет стиль, тон и содержание ответов.

потери информации. В частности, это вызвано периодическим обновлением пользовательских условий и возможностей с каждой новой итерацией и сборкой общедоступных языковых моделей.

Таким образом, системная природа предвзятостей в работе LLM возникает на стыке человеческого выбора (постановка задачи, подбор корпуса) и машинных ограничений (архитектура модели, стохастичность вывода, лимит контекста).

Помимо представленных выше методов снижения рисков, для их преодоления требуются и более комплексные стратегии, опирающиеся на общенаучные принципы валидации и репликации. Их рассмотрение далее укажет на системные, а не точечные пути повышения достоверности выводов. Тем не менее рассмотренные вопросы предвзятости остаются открытыми и для дальнейшего теоретического осмысления. Попытки отыскать технические способы улучшить результат оставляют неотвеченным более философский вопрос о принципиальной соотносимости предвзятостей ИИ-агентов с человеческими искажениями.

Проблема валидации и репликации результатов

Фундаментальные проблемы и предвзятости текстового анализа с использованием открытых LLM оставляют во многом не решенной проблему соответствия подобных методов базовым научным принципам, связанным с возможностью оценки (валидации) и перепроверки (репликации) результатов. Ключевым показателем этой проблемы становится слабая воспроизводимость результатов промптов на разных моделях (а часто и тех же самых). Разногласия в интерпретациях, расхождения в извлекаемых связях, а также разная чувствительность к нюансам языка становятся их следствием [30]. В частности, невозможна полная репликация результатов при работе с открытыми LLM, так как каждая версия модели содержит разнородные весовые параметры, определяющие вероятностное распределение ответов [29].

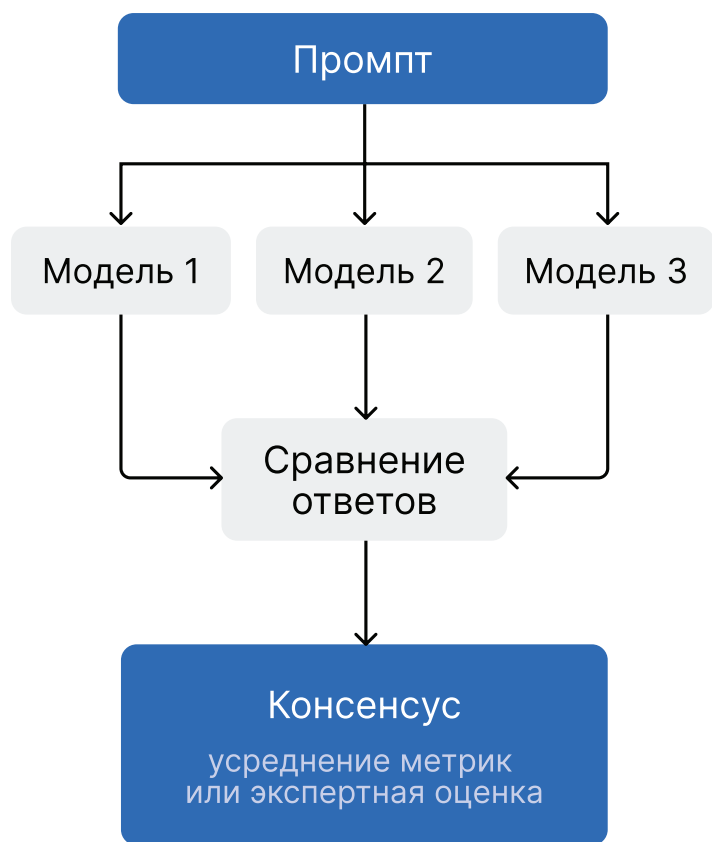
Тем не менее, учитывая потребность в обработке больших объемов данных при ограниченном количестве специалистов по большинству научных направлений, использование языковых моделей сохраняет свой потенциал – если не как базовый инструмент анализа, то как способ предпроверки и моделирования гипотез. В этом смысле любая проверка и перепроверка результатов, полученных с помощью LLM, должна рассматриваться в категориях приближенной, а не строгой воспроизводимости.

Вместе с тем возможна и общая минимизация проблем предвзятости. Ключевым способом является проверка устойчивости и согласованности выводов, полученных от разных моделей и при разных формулировках промптов, через многоуровневую процедуру триангуляции. Она включает в себя проверку альтернативных объяснений, тестирование на контрпримерах и использование связки моделей. Такая «триангуляция» позволяет частично компенсировать встроенные предубеждения и случайные ошибки вывода.

Триангуляция в работе с LLM предполагает согласование нескольких независимых источников вывода для получения более устойчивого результата. На практике возможно применение трех основных схем триангуляции:

Триангуляция моделей. Один и тот же промпт подается нескольким моделям. Их ответы сравниваются по содержанию, выявленным структурам данных или интерпретационным маркерам. Консенсус формируется либо через усреднение метрик, либо через внешнюю экспертную оценку совпадений и расхождений. Такой подход минимизирует влияние архитектурных и обучающих различий моделей.

Рисунок 2. Принципы триангуляции моделей
Figure 2. Principles of Model Triangulation

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

Триангуляция промптов. Используются несколько вариантов формулировок одного и того же исследовательского промпта. Модель выполняет серию параллельных рассуждений, а исследователь анализирует устойчивость получаемых выводов.

Совпадение ключевых элементов и среднего результата при разных формулировках указывает на вероятную устойчивость вывода, тогда как расхождения фиксируют проблемные зоны.

Рисунок 3. Принципы триангуляции промптов
Figure 3. Principles of Prompt Triangulation

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

Триангуляция данных. Проверяется устойчивость выводов при изменении корпуса данных. К примеру, происходит изменение временных срезов или категорий подмножеств в датасете. Такой вид триангуляции позволяет проверить, сохраняются ли выявляемые моделью закономерности при варьировании контекста. Иначе говоря, устойчивые корреляции отделяются от случайных совпадений в рамках конкретного корпуса.

Рисунок 4. Принципы триангуляции данных
Figure 4. Principles of Data Triangulation

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

Все три разновидности триангуляции позволяют повысить контроль вариативности результатов, с фокусом на выявлении границ колебаний выдач при поиске общих тенденций. Однако основным вкладом триангуляции является повышение валидности выводов без реального вклада в их реплицируемость. Для повышения репликации требуется рассмотрение дополнительных инструментов «вмешательства» в процесс анализа.

Среди подобных подходов особое внимание следует уделить контекстному обучению (in-context learning) как способу калибровки модели в пределах конкретной исследовательской задачи. Формулирование промпта и предоставление контекста становятся аналогом обучения на малом наборе данных в традиционном машинном обучении [26]. Здесь важна спецификация инструкций, форматов вывода и ограничений, что уменьшает интерпретационную вариативность.

В контексте архитектуры LLM контекстное обучение может обеспечиваться через внедрение «модулей индукции / внимания» (deduction heads), т.е. специализированных «слоев», отвечающих за воспроизведение закономерностей в последовательностях данных. Их использование требует критической оценки степени надежности модели, т.к. внутренние логические механизмы моделей не полностью прозрачны, а значит, прямые последствия внедрения подобных модулей не всегда можно отследить.

Укрепление эффекта модулей преимущественно обеспечивается через использование малого набора размеченных данных, из которых система должна вывести закономерность. При использовании пользовательской LLM этот принцип реализуется через контекстное обучение внутри промпта без изменения параметров модели. Подобный эффект возможно достигнуть в рамках нескольких стратегий:

В промпт включаются несколько пар «пример → ответ», иллюстрирующих требуемую логику решения (контекстная демонстрация). Модель фиксирует эту схему и применяет ее к новому примеру. Таким образом, заданный контекст выступает аналогом «временной» обучающей выборки.

Контекстная информация подается в виде правил или критериев оценки («оцени по шкале от 1 до 5», «выделяй только явные упоминания»). Модель учится следовать этим ограничениям (инструкциям) внутри текущего контекста, формируя шаблон поведения без дополнительного обучения.

Результаты первой выдачи модели анализируются исследователем, после чего промпт корректируется: уточняются термины, формат, исключаются неудачные параметры. Каждый последующий запрос выступает как дополнительный шаг (итеративного) контекстного обучения, повышающего воспроизводимость результатов.

Модель вводится в определенную исследовательскую роль («ты анализируешь политические нарративы»). Это создает устойчивый (ролевой) контекст, усиливающий согласованность ответов и снижающий произвольность интерпретаций.

С практической точки зрения контекстное обучение с малым числом примеров можно рассматривать как реализацию принципа, при котором модель не переобучается на уровне параметров, а временно перестраивает систему вероятностных связей внутри контекста задачи. Это делает процесс гибким, но обеспечивает реплицируемость лишь в пределах текущей контекстной конфигурации модели. Тем не менее внедрение модулей внимания позволяет обеспечить частичную воспроизводимость через сопоставление, контекстуализацию и постепенное уточнение.

Отдельно стоит упомянуть, что каждая стратегия вводит несколько формальных требований к принципам работы с моделью. К ним относятся: необходимость фиксировать версии моделей, точные промпты, даты запусков и примеры исходных выводов. В совокупности это создает основу для научной репликации в рамках вероятностных ограничений.

Триангуляция и контекстное обучение потенциально способны повысить показатели научности. Для установления широты применимости предложенных стратегий требуется множественная проверка каждой из стратегий на практике. Однако уже можно отметить, что преимуществом стратегий является изменение процедуры анализа без увеличения вычислительной мощности модели. Альтернативой становятся формально-логические принципы проверки. Таким образом, даже при высокой стохастичности выдач триангуляция и модули внимания создают некоторый методологический каркас для научного применения пользовательских LLM. Эти стратегии позволяют интегрировать вероятностные ответы алгоритма в исследовательские подходы, где важен не абсолютный результат, а возможность проверки степени его устойчивости.

Выводы

Современные LLM демонстрируют значительный потенциал в области социогуманитарных исследований, особенно на этапах предобработки или структурирования данных, а также при первичной проверке гипотез. При грамотной настройке их использование способно прежде всего снизить временные издержки для исследователя. LLM также расширяют аналитические возможности, позволяя выявлять скрытые закономерности в текстовых массивах. Однако эффективность научного применения LLM напрямую зависит от исследовательской осмотрительности, выраженной в понимании границ применимости инструмента, корректности постановки задач и качества исходных данных. Без этих условий использование моделей рискует превратиться в симуляцию научного исследования.

Анализ выявленных ограничений показывает, что фундаментальной проблемой применения LLM в научных целях остается техническая и эпистемологическая предвзятость. К первой категории относятся ошибки стандартизации, потеря контекста, стохастическая изменчивость выводов, проистекающие из структуры самих LLM. К эпистемологическим предвзятостям и ошибкам следует отнести влияние исследовательских ожиданий, обостряющееся в процессе применения LLM из-за пользовательской ориентированности моделей. Эти искажения, возникающие на стыке человеческого и машинного факторов, подрывают воспроизводимость и достоверность научных результатов. Поэтому ключевым направлением развития ориентированной на ИИ методологии становится разработка процедур валидации и репликации, адаптированных к вероятностной природе генеративных выдач.

Именно здесь значимую роль играют стратегии триангуляции и контекстного обучения, которые позволяют проверять устойчивость результатов модели. Переход от интуитивного использования LLM к системно обоснованной интеграции их в научный процесс требует выстраивания нового методологического каркаса, сочетающего технические, логические и общенаучные принципы воспроизводимости и верификации. LLM могут стать инструментом усиления научного анализа при

условии их критического применения как вероятностных, контекстно зависимых систем. В перспективе именно комбинированные подходы, объединяющие машинную обработку, человеческую интерпретацию и процедуры проверки достоверности, способны сформировать устойчивый стандарт научного применения LLM.

Список литературы

1. Ашихмин Е.Г., Левченко В.В., Селеткова Г.И. Опыт применения больших языковых моделей для анализа количественных социологических данных [Experience in Applying Large Language Models to Analyse Quantitative Sociological Data] // Вестник университета. 2024. № 11. С. 205–215. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-11-205-215>.
2. Базлутцкая М.М., Сытник А.Н. Трансмедийное вовлечение: фрейм-анализ цифровой дипломатии США в России при помощи искусственного интеллекта [Transmedia Engagement: AI-Driven Frame Analysis of the U.S. Digital Diplomacy in Russia] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 63–85. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-63-85](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85).
3. Игнатъев А.Г. Этико-философские проблемы проектирования искусственного морального агента [Ethical and Philosophical Problems of Designing Artificial Moral Agent] // Этическая мысль. 2024. Т. 24. № 1. С. 87–100.
4. Коршунов А., Белобородов И., Бузун Н., Аванесов В., Пастухов Р., Чихрадзе К., Козлов И., Гомзин А., Андрианов И., Сысоев А., Ипатов С., Филоненко И., Чуприна К., Турдаков Д., Кузнецов С. Анализ социальных сетей: методы и приложения [Social Network Analysis: Methods and Applications] // Труды Института системного программирования РАН. 2014. Т. 26. № 1. С. 439–456. [https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2014-26\(1\)-19](https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2014-26(1)-19).
5. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? [Artificial Intelligence: from Object to Subject?] // Вестник университета имени О.Е.Кутафина. 2019. № 2(54). С. 75–85. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085>.
6. Сысоев П.В., Филатов Е.М. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? [ChatGPT in Students' Research Work: to Forbid or to Teach?] // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 2. С. 276–301. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301>.
7. Baiburin A., Berezkin Yu., Gromov A., Kovalenko K., Sokolov E., Kovalyova N., Anna Moskvitina A., Shirobokov I., Stanulevich N., Utekhin I., Boitsova O. Artificial Intelligence in the Social Sciences and Humanities // Forum for Anthropology and Culture. 2024. № 20. P. 11–60. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2024-20-20-11-60>.
8. Bazlutckaia M., Sytnik A., Tsvetkov T., Punchenko P. AI-Assisted Bias Detection of US Digital Diplomacy in Russia (2009–2023): A ChatGPT Approach // International Conference on Human-Computer Interaction. Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. P. 189–209. https://doi.org/10.1007/978-3-031-93536-7_14.
9. Bojić L., Zagovora O., Zelenkauskaitė A., Vuković V., Čabarkapa M., Jerković S.V., Jovančević A. Comparing Large Language Models and Human Annotators in Latent Content Analysis of Sentiment, Political Leaning, Emotional Intensity and Sarcasm // Scientific Reports. 2025. Vol. 15(1). P. 11477. <https://doi.org/10.1038/s41598-025-96508-3>.
10. Braga M., Milanese G.C., Pasi G. Investigating Large Language Models' Linguistic Abilities for Text Preprocessing // arXiv preprint arXiv:2510.11482. 13 Oct. 2025. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2510.11482>.
11. Brucks M., Toubia O. Prompt Architecture Induces Methodological Artifacts in Large Language Models // PLoS one. 2025. Vol. 20(4). P. e0319159. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0319159>.
12. Calderon R., Herrera F. And Plato Met ChatGPT: An Ethical Reflection on the Use of Chatbots in Scientific Research Writing, with a Particular Focus on the Social Sciences // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12(1). P. 1–13. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04650-0>.
13. Chen K., He Z., Yan J., Shi T., Lerman K. How Susceptible are Large Language Models to Ideological Manipulation? // arXiv preprint arXiv:2402.11725. 18 Jun. 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2402.11725>.
14. Colonel J.T., Lin B. Word Clouds as Common Voices: LLM-Assisted Visualization of Participant-Weighted Themes in Qualitative Interviews // Proceedings of the Fourth Workshop on Bridging Human-Computer Interaction and Natural Language Processing (HCI+ NLP). 2025. P. 169–177. <https://doi.org/10.18653/v1/2025.hcinlp-1.14>.
15. De-Marcos L., Domínguez-Díaz A. LLM-Based Topic Modeling for Dark Web Q&A forums: A Comparative Analysis with Traditional Methods // IEEE Access. 2025. Vol. 13. P. 67159–67169. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2025.3560543>.

16. Fei W., Niu X., Zhou P., Hou L., Bai B., Deng L., Han W. Extending Context Window of Large Language Models Via Semantic Compression // Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL. 2024. P. 5169–5181. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.findings-acl.306>
17. Gao Q., Feng D. Deploying large language models for discourse studies: An exploration of automated analysis of media attitudes // PloS one. 2025. Vol. 20(1). P. e0313932. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0313932>.
18. Halterman A., Keith K. A. Codebook LLMs: Evaluating LLMs as Measurement Tools for Political Science Concepts // arXiv preprint arXiv:2407.10747. 9 Jan. 2025. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.10747>.
19. Herbst P., Baars H. Accelerating Literature Screening for Systematic Literature Reviews with Large Language Models-Development, Application, and First Evaluation of a Solution // LWDA: Learning, Knowledge, Data, Analysis. 2023. P. 41–51.
20. Jenner S.E., Raidos D., Anderson E., Fleetwood S., Ainsworth B., Fox K., Kreppner J., Barker M. Using Large Language Models for Narrative Analysis: A Novel Application of Generative AI // Methods in Psychology. 2025. Vol. 12. P. 100183. <https://doi.org/10.1016/j.metip.2025.100183>.
21. Karjus A. Machine-Assisted Quantitizing Designs: Augmenting Humanities and Social Sciences with Artificial Intelligence // arXiv preprint arXiv:2309.14379. 20 Oct. 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2309.14379>.
22. Krippendorff, K. Computing Krippendorff's Alpha-Reliability. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2011.
23. Kulkarni A., Alotaibi F., Zeng X., Wu L., Zeng T., Yao B.M., Liu M., Zhang Sh., Huang L., Zhou D. Scientific Hypothesis Generation and Validation: Methods, Datasets, and Future Directions // arXiv preprint arXiv:2505.04651. 6 May 2025. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2505.04651>.
24. Kuribayashi T., Oseki Yo., Brassard A., Inui K. Scientific Context limitations make neural language models more human-like // arXiv preprint arXiv:2205.11463. 1 Nov. 2022. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.11463>.
25. Li X., Tang H., Chen S., Wang Z., Chen R., Abramet M. Why Does In-Context Learning Fail Sometimes? Evaluating in-Context Learning on Open and Closed Questions // arXiv preprint arXiv:2407.02028. 2 Jul. 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.02028>.
26. Li Y. A Practical Survey on Zero-Shot Prompt Design for In-Context Learning // arXiv preprint arXiv:2309.13205. 22 Sep. 2023. https://doi.org/10.26615/978-954-452-092-2_069.
27. Liu J., Yang Ch., Yan Zh., Ma X., Peiet L. Leveraging Generative AI through Prompt Engineering for Corpus Construction and In-Depth Intelligent Interpretation of Ancient Texts // Digital Scholarship in the Humanities. 2025. Vol. 40, Issue 3. P. 846–862. <https://doi.org/10.1093/lc/fqaf043>.
28. Manohar K., Pillai L. G. What is Lost in Normalization? Exploring Pitfalls in Multilingual ASR Model Evaluations // Proceedings of the 2024 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2024. P. 10864–10869. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.emnlp-main.607>
29. Piper A., Bagga S. Using Large Language Models for Understanding Narrative Discourse // Proceedings of the The 6th Workshop on Narrative Understanding. 2024. P. 37–46. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.wnu-1.4>.
30. Razavi A., Soltangheis M., Arabzadeh N., Salamat S., Zihayat M., Bagheri E. Benchmarking Prompt Sensitivity in Large Language Models // European Conference on Information Retrieval. Lecture Notes in Computer Science. Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. P. 303–313. https://doi.org/10.1007/978-3-031-88714-7_29.
31. Rueda A., Hassan M.S., Perivolaris A., Teferra B.G., Samavi R., Rambhatla S., Wu Y., Zhang Y., Cao B., Sharma D., Krishnan S., Bhatet V. Understanding LLM Scientific Reasoning through Promptings and Model's Explanation on the Answers // arXiv preprint arXiv:2505.01482. 25 Jul. 2025. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2505.01482>.
32. Sebastian R., Kottekkadan N.N., Thomas T.K., Niyas M. Generative AI Tools (ChatGPT*) in Social Science Research // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. 2025. Vol. 23(2). P. 284–290. <https://doi.org/10.1108/JICES-10-2024-0145>.
33. Sun Y., Kok S. Investigating the Effects of Cognitive Biases in Prompts on Large Language Model Outputs // arXiv preprint arXiv:2506.12338. 14 Jun. 2025. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2506.12338>.
34. Tao Y., Shen Q. Academic Discourse on ChatGPT in Social Sciences: A Topic Modeling and Sentiment Analysis of Research Article Abstracts // PloS one. 2025. Vol. 20(10). P. e0334331. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0334331>.
35. Törnberg P. Large Language Models Outperform Expert Coders and Supervised Classifiers at Annotating Political Social Media Messages // Social Science Computer Review. 2024. Vol. 43, Issue 6. <https://doi.org/10.1177/08944393241286471>.
36. Wang X., Salmani M., Omid P., Ren X., Rezagholizadeh M., Eshaghiet A. Beyond the Limits: A Survey of Techniques to Extend the Context Length in Large Language Models // arXiv preprint arXiv:2402.02244. 29 May 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2402.02244>.

37. Zabaleta M., Lehman J. Simulating Tabular Datasets through LLMs to Rapidly Explore Hypotheses about Real-World Entities // arXiv preprint arXiv:2411.18071. 27 Nov. 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2411.18071>.

Информация об авторах

КОЛОТАЕВ Юрий Юрьевич. Кандидат политических наук. Старший преподаватель кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета. <https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9. yury.kolotaev@mail.ru

БАЗЛУЦКАЯ Мария Михайловна. Кандидат политических наук. Исполнительный директор автономной некоммерческой научно-исследовательской организации «Координационная лаборатория» (АНО «Коллаборатория»). <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>. Адрес: Российская Федерация, 194064, г. Санкт-Петербург, пр-кт Раевского, д. 16, литера А, помещ. 5-н. m.bazlutckaya@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16 ноября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Ashikhmin E.G., Levchenko V.V., Seletkova G.I. Experience in Applying Large Language Models to Analyse Quantitative Sociological Data. Vestnik universiteta [Vestnik Universiteta]. 2024; 11:205–215 [In Russian]. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-11-205-215>.
2. Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N. Transmedia Engagement: AI-Driven Frame Analysis of the U.S. Digital Diplomacy in Russia. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]. 2024; (4):63–85 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-63-85](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-63-85).
3. Ignatev A.G. Ethical and Philosophical Problems of Designing Artificial Moral Agent. Eticheskaya mysl' [Ethical thought]. 2024; 24(1):87–100 [In Russian].
4. Korshunov A., Beloborodov I., Buzun N., Avanesov V., Pastukhov R., Chykhhradze K., Kozlov I., Gomzin A., Andrianov I., Sysoev A., Ipatov S., Filonenko I., Chuprina Ch., Turdakov D., Kuznetsov S. Social Network Analysis: Methods and Applications. Trudy Instituta sistemnogo programmirovaniya RAN [Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS]. 2014; 26(1):439–456 [In Russian]. [https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2014-26\(1\)-19](https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2014-26(1)-19).
5. Somenkov S.A. Artificial Intelligence: from Object to Subject? Vestnik universiteta imeni O.E.Kutafina [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]. 2019; (2):75–85 [In Russian]. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2019.54.2.075-085>.
6. Sysoev, P.V., Filatov, E.M. ChatGPT in Students' Research Work: to Forbid or to Teach? Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Tambou University Review. Series: Humanities]. 2023; 28(2):276–301 [In Russian]. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301>.
7. Baiburin A., Berezkin Yu., Gromov A., Kovalenko K., Sokolov E., Kovalyova N., Anna Moskvitina A., Shirobokov I., Stanulevich N., Utekhin I., Boitsova O. Artificial Intelligence in the Social Sciences and Humanities. Forum for Anthropology and Culture. 2024; 20:11–60 [In English]. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2024-20-20-11-60>.

8. Bazlutckaia M., Sytnik A., Tsvetkov T., Punchenko P. AI-Assisted Bias Detection of US Digital Diplomacy in Russia (2009–2023): A ChatGPT Approach. In International Conference on Human-Computer Interaction. Cham: Springer Nature Switzerland, 2025:189–209 [In English]. https://doi.org/10.1007/978-3-031-93536-7_14.
9. Bojić L., Zagovora O., Zelenkauskaitė A., Vuković V., Čabarkapa M., Jerković S.V., Jovančević A. Comparing Large Language Models and Human Annotators in Latent Content Analysis of Sentiment, Political Leaning, Emotional Intensity and Sarcasm. Scientific Reports. 2025; 15(1):11477 [In English]. <https://doi.org/10.1038/s41598-025-96508-3>.
10. Braga M., Milanese G.C., Pasi G. Investigating Large Language Models' Linguistic Abilities for Text Preprocessing. arXiv preprint arXiv:2510.11482. 13 Oct. 2025 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2510.11482>.
11. Brucks M., Toubia O. Prompt Architecture Induces Methodological Artifacts in Large Language Models. PLoS one. 2025; 20(4):e0319159 [In English]. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0319159>.
12. Calderon R., Herrera F. And Plato Met ChatGPT: An Ethical Reflection on the Use of Chatbots in Scientific Research Writing, with a Particular Focus on the Social Sciences. Humanities and Social Sciences Communications. 2025; 12(1):1–13 [In English]. <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04650-0>.
13. Chen K., He Z., Yan J., Shi T., Lerman K. How Susceptible are Large Language Models to Ideological Manipulation? arXiv preprint arXiv:2402.11725. 18 Jun. 2024 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2402.11725>.
14. Colonel J.T., Lin B. Word Clouds as Common Voices: LLM-Assisted Visualization of Participant-Weighted Themes in Qualitative Interviews, In Proceedings of the Fourth Workshop on Bridging Human-Computer Interaction and Natural Language Processing (HCI+ NLP). 2025:169–177 [In English]. <https://doi.org/10.18653/v1/2025.hcinlp-1.14>.
15. De-Marcos L., Domínguez-Díaz A. LLM-Based Topic Modeling for Dark Web Q&A forums: A Comparative Analysis with Traditional Methods. IEEE Access. 2025; 13:67159–67169 [In English]. <https://doi.org/10.1109/ACCESS.2025.3560543>.
16. Fei W., Niu X., Zhou P., Hou L., Bai B., Deng L., Han W. Extending Context Window of Large Language Models Via Semantic Compression. Findings of the Association for Computational Linguistics: ACL. 2024:5169–5181 [In English]. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.findings-acl.306>
17. Gao Q., Feng D. Deploying large language models for discourse studies: An exploration of automated analysis of media attitudes. PLoS one. 2025; 20(1):e0313932 [In English]. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0313932>.
18. Halterman A., Keith K.A. Codebook LLMs: Evaluating LLMs as Measurement Tools for Political Science Concepts. arXiv preprint arXiv:2407.10747. 9 Jan. 2025 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.10747>.
19. Herbst P., Baars H. Accelerating Literature Screening for Systematic Literature Reviews with Large Language Models-Development, Application, and First Evaluation of a Solution. LWDA: Learning, Knowledge, Data, Analysis. 2023:41–51 [In English].
20. Jenner S.E., Raidos D., Anderson E., Fleetwood S., Ainsworth B., Fox K., Kreppner J., Barker M. Using Large Language Models for Narrative Analysis: A Novel Application of Generative AI. Methods in Psychology. 2025; 12:100183 [In English]. <https://doi.org/10.1016/j.metip.2025.100183>.
21. Karjus A. Machine-Assisted Quantizing Designs: Augmenting Humanities and Social Sciences with Artificial Intelligence. arXiv preprint arXiv:2309.14379. 20 Oct. 2024 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2309.14379>.
22. Krippendorff K. Computing Krippendorff's Alpha-Reliability. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2011 [In English].
23. Kulkarni A., Alotaibi F., Zeng X., Wu L., Zeng T., Yao B.M., Liu M., Zhang Sh., Huang L., Zhou D. Scientific Hypothesis Generation and Validation: Methods, Datasets, and Future Directions. arXiv preprint arXiv:2505.04651. 6 May 2025 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2505.04651>.
24. Kuribayashi T., Oseki Yo., Brassard A., Inui K. Scientific Context limitations make neural language models more human-like. arXiv preprint arXiv:2205.11463. 1 Nov. 2022 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2205.11463>.
25. Li X., Tang H., Chen S., Wang Z., Chen R., Abramet M. Why Does In-Context Learning Fail Sometimes? Evaluating in-Context Learning on Open and Closed Questions. arXiv preprint arXiv:2407.02028. 2 Jul. 2024 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.02028>.
26. Li Y. A Practical Survey on Zero-Shot Prompt Design for In-Context Learning. arXiv preprint arXiv:2309.13205. 22 Sep. 2023 [In English]. https://doi.org/10.26615/978-954-452-092-2_069.
27. Liu J., Yang Ch., Yan Zh., Ma X., Peiet L. Leveraging Generative AI through Prompt Engineering for Corpus Construction and In-Depth Intelligent Interpretation of Ancient Texts. Digital Scholarship in the Humanities. 2025; 40(3):846–862 [In English]. <https://doi.org/10.1093/llc/fqaf043>.
28. Manohar K., Pillai L. G. What is Lost in Normalization? Exploring Pitfalls in Multilingual ASR Model Evaluations // Proceedings of the 2024 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing. 2024. P. 10864–10869. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.emnlp-main.607>
29. Piper A., Bagga S. Using Large Language Models for Understanding Narrative Discourse/ In Proceedings of the The 6th Workshop on Narrative Understanding. 2024:37–46 [In English]. <https://doi.org/10.18653/v1/2024.wnu-1.4>.
30. Razavi A., Soltangheis M., Arabzadeh N., Salamat S., Zihayat M., Bagheri E. Benchmarking Prompt Sensitivity in Large Language Models. In European Conference on Information Retrieval. Lecture Notes in Computer Science. Cham: Springer Nature Switzerland, 2025:303–313 [In English]. https://doi.org/10.1007/978-3-031-88714-7_29.
31. Rueda A., Hassan M.S., Perivolaris A., Teferra B.G., Samavi R., Rambhatla S., Wu Y., Zhang Y., Cao B., Sharma D., Krishnan S., Bhatet V. Understanding LLM Scientific Reasoning through Prompts and Model's Explanation on the Answers. arXiv preprint arXiv:2505.01482. 25 Jul. 2025 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2505.01482>.
32. Sebastian R., Kottekkadan N.N., Thomas T.K., Niyas M. Generative AI Tools (ChatGPT*) in Social Science Research. Journal of Information, Communication and Ethics in Society. 2025; 23(2):284–290 [In English]. <https://doi.org/10.1108/JICES-10-2024-0145>.
33. Sun Y., Kok S. Investigating the Effects of Cognitive Biases in Prompts on Large Language Model Outputs. arXiv preprint arXiv:2506.12338. 14 Jun. 2025 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2506.12338>.
34. Tao Y., Shen Q. Academic Discourse on ChatGPT in Social Sciences: A Topic Modeling and Sentiment Analysis of Research Article Abstracts. PloS one. 2025; 20(10):e0334331 [In English]. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0334331>.
35. Törnberg P. Large Language Models Outperform Expert Coders and Supervised Classifiers at Annotating Political Social Media Messages. Social Science Computer Review. 2024; 43(6) [In English]. <https://doi.org/10.1177/08944393241286471>.
36. Wang X., Salmani M., Omid P., Ren X., Rezagholizadeh M., Eshaghiet A. Beyond the Limits: A Survey of Techniques to Extend the Context Length in Large Language Models. arXiv preprint arXiv:2402.02244. 29 May 2024 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2402.02244>.
37. Zabaleta M., Lehman J. Simulating Tabular Datasets through LLMs to Rapidly Explore Hypotheses about Real-World Entities. arXiv preprint arXiv:2411.18071. 27 Nov. 2024 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2411.18071>.

About the authors

Yury Yu. KOLOTAEV. CandSc. (Polit.). Assistant Professor, European Studies Department, School of International Relations, Saint-Petersburg State University. <https://orcid.org/0000-0001-8372-1193>. Address: 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation. yury.kolotaev@mail.ru.
Mariya M. BAZLUTCKAYA. CandSc. (Polit.). Executive Director, Autonomous Non-Commercial Research Organisation “Coordination Lab” (ANO Colaboratoria). <https://orcid.org/0000-0002-7118-8632>. Address: Room 5-N., 16A, Rayevsky ave., St. Petersburg, 194064, Russian Federation. m.bazlutckaya@gmail.com

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: November 16, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-64-80](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-64-80)

Политические науки

Границы применимости временных экспоненциальных моделей случайных графов (TERGM) для анализа региональных сетей альянсов на примере постсоветского пространства

Денис Олегович Вакарчук✉

Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
Россия

vakarchuk.d@rggu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7582-1864>

Аннотация. В статье рассматриваются методологические аспекты применения динамического сетевого анализа в современной международно-политической науке. Актуальность исследования обусловлена ограничениями стандартных статистических методов, в частности, логистической регрессии, игнорирующих сетевую автокорреляцию и эндогенную взаимозависимость наблюдений, что приводит к смещенным оценкам при изучении международных процессов. Цель работы – продемонстрировать аналитический потенциал и границы применимости временных экспоненциальных моделей случайных графов (TERGM) для изучения эволюции региональных подсистем безопасности.

На примере моделирования динамики сети военных альянсов на постсоветском пространстве представлена методология построения и спецификации моделей TERGM. Описана процедура включения в анализ как эндогенных структурных конфигураций (инерция, триадное замыкание), так и экзогенных ковариат (торговые потоки, санкционный статус, влияние внешних держав). Расчеты производились при помощи языка программирования R с использованием пакета «btergm».

Показана практическая сложность интерпретации результатов стохастического моделирования в условиях малых выборок. В частности, показано, что включение в модель детерминированных ковариат может приводить к статистическим искажениям, требующим особой интерпретации. Выявлены ограничения метода при оценке влияния характеристик государств, в частности, санкционного статуса, в случаях, когда эти характеристики присущи лишь малому числу участников сети. Сделан вывод о том, что TERGM является эффективным инструментом для измерения структурных эффектов, однако при анализе малых региональных сетевых структур его использование требует строгой предварительной диагностики данных и комбинирования с альтернативными методами верификации.

Ключевые слова: TERGM, сетевой анализ, военные альянсы, постсоветское пространство, количественные методы

Для цитирования: Вакарчук Д.О. Границы применимости временных экспоненциальных моделей случайных графов (TERGM) для анализа региональных сетей альянсов на примере постсоветского пространства // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 64-80, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-64-80](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-64-80)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-64-80](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-64-80)

Political Sciences

The Limits of TERGM for Analyzing Regional Alliance Networks: A Case Study of Post-Soviet Alliances

Denis O. Vakarchuk ✉

Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia
vakarchuk.d@rggu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7582-1864>

Abstract. The article examines methodological aspects of applying dynamic network analysis in contemporary international political science. The study is motivated by the limitations of standard statistical methods, particularly logistic regression, which ignores network autocorrelation and endogenous interdependence of observations, leading to biased estimates in the analysis of international processes. The paper aims to demonstrate the analytical potential and limits of applicability of Temporal Exponential Random Graph Models (TERGM) for studying the evolution of regional security subsystems.

Using the example of modeling the dynamics of military alliance networks in the post-Soviet space, a methodology for constructing and specifying TERGM models is presented. The procedure for incorporating both endogenous structural configurations (inertia, triadic

closure) and exogenous covariates (trade flows, sanctions status, influence of external powers) into the analysis is described. The analysis was conducted in the R programming environment using the «btergm» package.

The practical challenges of interpreting stochastic modeling results in small-sample conditions are demonstrated. In particular, it is shown that the inclusion of deterministic covariates can lead to statistical distortions requiring specific interpretation. The limitations of the method in assessing the influence of node attributes, specifically sanctions status, are identified in cases where these attributes are present in only a small number of network participants. It is concluded that TERGM is an effective tool for measuring structural effects; however, when analyzing small regional network structures, its application requires rigorous preliminary data diagnostics and combination with alternative verification methods.

Keywords: TERGM, network analysis, military alliances, post-Soviet space, quantitative methods

For citation: Vakarchuk D.O. The Limits of TERGM for Analyzing Regional Alliance Networks: A Case Study of Post-Soviet Alliances. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 1(19): 64-80, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-64-80](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-64-80)

Введение

Изучение формирования, эволюции и распада международных альянсов является важнейшей проблемой теории международных отношений: от реалистических концепций баланса сил до либеральных теорий институционального сотрудничества и конструктивистских подходов, основанных на общности идентичностей. Следовательно, вне зависимости от направления теоретической мысли исследователи стремятся выявить фундаментальные факторы, определяющие формирование стратегических партнерств государств. Однако значительная часть количественных исследований в этой области исторически опиралась на методологию, которая, несмотря на свою ценность, обладает существенным ограничением – предположением о диадической независимости. В рамках этого подхода решение государства «А» заключить союз с государством «Б» рассматривается как событие, статистически изолированное от отношений этих государств с третьими акторами, что порождает феномен, который можно охарактеризовать как «структурную слепоту» – неспособность модели учесть системные эффекты и сложные взаимозависимости [9; 5].

В ответ на эти ограничения в рамках «реляционного поворота» в социальных науках была предложена альтернативная парадигма – сетевой анализ. Этот подход представляет собой переход от анализа внутренних атрибутов акторов к анализу структурного контекста их взаимоотношений, что позволяет операционализировать механизмы социальной власти и влияния, недоступные для стандартных методов [6]. Сетевой анализ исходит из того, что поведение актора определяется не только его собственными характеристиками, но и его встроенностью в сложную паутину межакторных связей. Таким образом, сетевой анализ позволяет перейти от изучения

изолированных акторов к моделированию сложных систем, в которых решение одного государства влияет на поведение других, создавая устойчивые паттерны взаимодействия, недоступные для стандартных статистических методов.

В то время как статический сетевой анализ предоставляет карту структуры сети, сама природа мировой политики требует динамического подхода. Альянсы не статичны: они формируются, расширяются и распадаются. Временные экспоненциальные модели случайных графов (TERGM), находящиеся в центре внимания данной статьи, позволяют моделировать эволюцию сети как стохастический процесс, обусловленный как эндогенными конфигурациями, например, тенденцией к сохранению связей во времени и стремлением к формированию замкнутых групп, так и экзогенными ковариатами (например, межгосударственными конфликтами или торговыми потоками).

Материалы и методы

В последние годы наблюдается значительный рост числа исследований, применяющих модели TERGM для анализа сетей соглашений о международной торговле [14] и различных форм межгосударственной кооперации [13]. Однако их использование для анализа военных альянсов – одной из центральных тем теории международных отношений – по-прежнему остается ограниченным и часто сводится к иллюстративным примерам в методологических работах [11]. Более того, несмотря на растущий интерес к феномену межсетевому влиянию, в современной литературе практически отсутствуют комплексные модели, которые рассматривали бы динамику альянсов, торговых потоков и конфликтов не изолированно, а как единую, сопряженную систему. Таким образом, данная статья не только знакомит с передовым инструментарием, но и демонстрирует его применение в исследовательской области, обладающей значительным потенциалом для получения значимых эмпирически обоснованных результатов.

Следует особо подчеркнуть, что данная статья носит преимущественно методический характер, продолжая традицию адаптации методологии сетевого анализа к задачам международно-политической науки, заложенную в отечественной литературе работой Д.А.Дегтерева [4]. Хотя для иллюстрации используется кейс постсоветских альянсов, цель заключается в демонстрации аналитического процесса и интерпретационного потенциала моделей TERGM в контролируемой экспериментальной среде. Эмпирическая часть исследования построена на дизайне симуляционного эксперимента. Использование синтетического набора данных, структурно соответствующего реальным процессам на постсоветском пространстве, позволяет контролировать входные параметры и верифицировать чувствительность метода TERGM к структурным разрывам в условиях малых выборок ($N = 15$).

Необходимо отметить, что традиционные количественные исследования в международных отношениях достигли значительных успехов в выявлении

корреляций между атрибутами государств и их внешнеполитическим поведением. Опираясь на теоретические положения реализма и либерализма, ученые продемонстрировали, как такие характеристики, как военный и экономический потенциал (индекс CINC, показатель ВВП), тип политического режима (индекс Polity, V-Dem) или географическое положение, влияют на вероятность вступления страны в конфликт или заключения ею союза. Однако в основе многих из этих методов лежит допущение о статистической независимости наблюдений, которое вступает в фундаментальное противоречие с самой природой системы международных отношений, по определению представляющей совокупность постоянно взаимодействующих, взаимосвязанных и взаимозависимых акторов. Следовательно, это допущение является проблематичным при изучении международных альянсов.

Логистическая регрессионная модель, где зависимая переменная – это наличие альянса, а независимые – показатели торговли и другие контрольные переменные, не поможет установить, повышает ли экономическая взаимозависимость вероятность заключения военного альянса между двумя странами, так как исследователь неизбежно столкнется с фундаментальной проблемой – сетевой автокорреляцией. Стандартные регрессионные модели требуют, чтобы каждое наблюдение было независимым от других. Однако в практике международных отношений это условие практически никогда не выполняется. Рассмотрим два гипотетических наблюдения из такого набора данных: диаду (Россия – Беларусь) и диаду (Россия – Казахстан). В обоих случаях может быть зафиксировано наличие альянса. С точки зрения стандартной регрессионной модели это два независимых события. Но в реальности они глубоко взаимосвязаны, поскольку в них участвует один и тот же актор – Россия. Если у России есть определенная внешнеполитическая стратегия, направленная на построение союзов, то эта стратегия будет влиять одновременно на ее отношения со всеми партнерами.

Игнорирование этой структурной зависимости, как все чаще признается в научной литературе, порождает два существенных ограничения [9; 5]. Во-первых, модель, по сути, дважды учитывает один и тот же эффект, что искусственно занижает стандартные ошибки и ведет к ложным выводам о значимости предикторов, что приводит к статистическим искажениям. Во-вторых, модель в принципе не способна уловить и измерить сами механизмы сетевого влияния. В частности, она не может ответить на ключевой вопрос: повышает ли тот факт, что и Беларусь, и Казахстан являются союзниками России, вероятность формирования союза между Беларусью и Казахстаном? Этот эффект, известный в сетевом анализе как «триадное замыкание» (triadic closure), или «замыкание треугольника», является центральным для понимания сплоченности альянсов, но в рамках регрессионного анализа на диадическом уровне он попросту невидим.

Сетевой анализ предлагает фундаментальный сдвиг в перспективе: от изучения атрибутов акторов к изучению их взаимосвязей. Основными единицами анализа становятся узлы (nodes), которыми в нашем случае выступают государства, и ребра (edges), представляющие собой связи между ними. Такая операционализация

позволяет перейти от анализа отдельных диад к анализу триад, групп из трех взаимосвязанных акторов, и более сложных структурных конфигураций.

Триада является базовой единицей, где проявляются сетевые эффекты. В теории международных отношений феномен «триадного замыкания» имеет глубокую теоретическую интерпретацию. Он операционализирует идею о том, что отношения между двумя государствами не существуют в вакууме, а встроены в более широкую структуру их общих партнерств, в частности, в контексте анализа торговых сетей и режимов нераспространения [4]. Формирование связи между двумя акторами (B и C) может быть обусловлено их связями с общим третьим актором (A) по нескольким причинам. Во-первых, транзитивность доверия: если B и C доверяют общему партнеру A, это может способствовать возникновению доверия между ними. Во-вторых, снижение транзакционных издержек: общий союзник A может выступать посредником и гарантом в отношениях между B и C. В-третьих, повышение полезности альянса: для государства A альянс становится более надежным, если его партнеры B и C также являются союзниками.

Регрессионные модели, основанные на диадах, не имеют встроенных инструментов для измерения такого структурного эффекта. Сетевой анализ, напротив, ставит его в центр внимания, предлагая для этого специальные параметры. Эмпирические исследования убедительно доказывают, что «триадное замыкание» является фундаментальным механизмом самоорганизации в самых разных сетях международных отношений – от соглашений о свободной торговле [14] до научного сотрудничества [13] и кооперации в сфере безопасности [12].

Экспоненциальные модели случайных графов, ERGM и их временное расширение TERGM, были разработаны специально для одновременного решения обеих описанных выше проблем: статистической проблемы сетевой автокорреляции и теоретической проблемы моделирования эндогенных структурных эффектов, таких как «триадное замыкание» [7]. Фундаментальная логика ERGM / TERGM отличается от классической регрессии. Модель отвечает не на вопрос «Какова вероятность существования отдельной связи?», а на более глобальный вопрос: «Почему из всех теоретически возможных конфигураций сети реализовалась именно та, которую мы наблюдаем?» Для этого ERGM и TERGM оценивают относительную вероятность наблюдаемой структуры сети в пространстве всех возможных сетей с тем же числом узлов.

Такими простейшими конфигурациями являются, например, отдельные ребра, отвечающие за общую плотность сети, и треугольники, которые лежат в основе эффекта «триадного замыкания». ERGM и TERGM оценивают, насколько частота этих конфигураций в реальной сети отличается от их частоты в случайно сгенерированных сетях. Если, например, треугольников в сети альянсов статистически значимо больше, чем можно было бы ожидать при случайном распределении связей, модель делает вывод о наличии в сети эндогенного процесса «триадного замыкания» и оценивает его силу в виде коэффициента. Таким образом, ERGM и TERGM позволяют не просто констатировать наличие связей, а проверять гипотезы о механизмах, которые

управляют формированием и эволюцией всей сетевой структуры. Это открывает путь к гораздо более глубокому и теоретически обоснованному пониманию динамики международных отношений.

Следует отметить, что уже статическая экспоненциальная модель случайных графов (ERGM) позволяет решить проблему сетевой автокорреляции и измерить структурные эффекты. Однако использование такой модели оставляет без ответа ключевые вопросы о причинах и механизмах изменений. Альянсы и другие международные структуры находятся в постоянном движении. ERGM может ответить на вопрос «Как устроена сеть альянсов сегодня?», но бессильна перед вопросами «Как она стала такой?» и «Какие факторы влияют на ее трансформацию?» Именно для ответа на эти вопросы о процессах и эволюции был разработан динамический подход, представленный временными экспоненциальными моделями случайных графов (TERGM).

Ключевая идея TERGM заключается в том, что состояние сети в момент времени t зависит от ее состояния в предыдущий момент времени, $t-1$ [7]. Таким образом, TERGM моделирует не саму сеть, а вероятность изменения сети от одного периода к другому. Это позволяет напрямую включить в анализ один из самых фундаментальных концептов социальных наук – инерцию, или зависимость от предшествующего развития. Данный концепт постулирует, что прошлые события и решения создают структуры и институты, которые ограничивают и направляют выбор акторов в настоящем.

В терминах сетевого анализа это реализуется через специальные «параметры памяти» («memory terms»), которые оценивают, насколько вероятно, что связь, существовавшая в прошлом, сохранится в настоящем. TERGM позволяет количественно измерить силу этой инерции наряду с другими факторами, влияющими на изменения.

Процесс построения модели TERGM заключается в выборе из набора доступных сетевых параметров, которые служат для операционализации теоретических гипотез исследователя. Для обеспечения облегчения практического применения метода далее приводятся оригинальные названия параметров, принятые в синтаксисе пакетов «ergm» и «btergm» на языке программирования R. Эти параметры можно разделить на две большие группы: эндогенные, описывающие внутреннюю логику сети, и экзогенные, учитывающие влияние внешних факторов.

Эндогенные параметры, обусловленные внутренней логикой сети:

- «edges»: данный параметр является аналогом константы («intercept») в регрессионных моделях, он отражает общую плотность сети; в контексте альянсов значимый отрицательный коэффициент обычно интерпретируется как указание на то, что их формирование является «затратным» и редким событием;

- «memory»: данный параметр измеряет стабильность связей во времени, положительный коэффициент указывает на сильную инерцию; этот эффект является одним из наиболее робастных выводов в эмпирических исследованиях [13; 14] и позволяет отделить процессы формирования новых связей от сохранения старых;

- «gwesp»: данный параметр измеряет эффект «триадного замыкания», этот параметр представляет собой более сложную и статистически стабильную альтернативу простому подсчету треугольников в структуре сети; положительный коэффициент подтверждает такую гипотезу, как «союзник моего союзника – мой союзник» [12].

Экзогенные параметры, обусловленные влиянием внешней среды:

- «edgescov» (диадическая ковариата) – параметр для включения характеристик, присущих паре взаимосвязанных акторов, классическим примером является матрица торговых потоков; коэффициент интерпретируется как влияние силы этой внешней связи на вероятность формирования связи в моделируемой сети, в частности, повышает ли рост объема двусторонней торговли вероятность заключения военного альянса между партнерами;

- «nodescov» (основной эффект атрибута) – параметр для нодальных ковариат, атрибутов отдельных акторов (например, ВВП, военный потенциал); он измеряет, как значение атрибута влияет на склонность актора к формированию связей;

- «nodematch» (гомофилия) – параметр для проверки гипотезы о тяготении подобного к подобному; он оценивает, повышается ли вероятность связи, если оба актора обладают одинаковым значением атрибута, в частности, оба актора имеют одинаковый политический режим или оба находятся под санкциями.

Важно внести ясность в вопрос использования взвешенных данных. Стандартная реализация TERGM, в частности, в пакете «btergm» на языке программирования R, предназначена для моделирования бинарных зависимых переменных, например, демонстрирующих наличие или отсутствие связи или альянса. Попытка использовать взвешенную сеть посредством присвоения каждому ребру значений объемов двусторонней торговли акторов в качестве моделируемой зависимой переменной с параметрами вроде «gwesp» приведет к ошибкам модели, так как эти структурные статистики разработаны для бинарной логики.

При этом независимые переменные (ковариаты) могут и должны быть взвешенными. Метод TERGM позволяет гибко интегрировать взвешенные матрицы, в частности, матрицы расстояний, торговых потоков, интенсивности голосования в ООН через параметр «edgescov». В этом случае модель оценивает, как сила связи в ковариате, в частности, миллионы долларов товарооборота, влияет на вероятность формирования бинарной связи, выраженной через заключение альянса, в зависимой сети. Именно эта возможность позволяет в дальнейшем проверить гипотезы о влиянии интенсивности сотрудничества на формальную структуру союзов.

Следует, однако, учитывать, что разработка полноценных моделей для взвешенных зависимых сетей все еще является активной областью методологических исследований. На текущий момент попытка механического переноса сложных структурных параметров из бинарных моделей во взвешенные может привести к нестабильным результатам, что является важным ограничением при разработке дизайна исследования.

Хотя TERGM является центральным объектом данной статьи, методологически важно определить его место относительно главного альтернативного подхода – стохастических актор-ориентированных моделей (SAOM). Фундаментальное различие между ними кроется не только в направлении моделирования («сверху вниз» против «снизу вверх»), но и в трактовке времени и процесса изменений. SAOM моделирует процесс эволюции сети в непрерывном времени, который происходит между временными срезами. Согласно этому подходу, акторы действуют последовательно, внося небольшие изменения в свои связи с целью максимизации собственной функции полезности. Такой подход идеален для анализа эволюции сетей дипломатического представительства, или формирования сетей межправительственных организаций, или динамики сетей торговли вооружениями, где решение принимается актором на основе оценки стратегической выгоды и надежности партнера.

TERGM, в свою очередь, оперирует дискретными временными срезами. Модель оценивает вероятность состояния всей сети целиком в конкретный год, учитывая структуру предыдущего года. Это делает TERGM предпочтительным инструментом для изучения институциональных международных отношений, таких как формальные альянсы или международные режимы. Подобные события являются редкими и часто зависят от глобальных структурных ограничений, а не только от сиюминутных решений отдельных государств. Таким образом, выбор в пользу TERGM в данном исследовании обусловлен самой природой изучаемого феномена – долгосрочной институциональной архитектурой безопасности.

Построение объяснительных моделей

В рамках симуляционного эксперимента исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: каково соотношение влияния эндогенных структурных эффектов (инерция, кластеризация) и экзогенных факторов (экономическая взаимозависимость, внешнее давление) на динамику сети военных альянсов?

Для ответа на этот вопрос будут протестированы четыре гипотезы, вытекающие из теории международных отношений и методологии сетевого анализа:

- Н1: существующие военные альянсы обладают высокой степенью инерции;
- Н2: сеть альянсов стремится к формированию сплоченных кластеров;
- Н3: вероятность сохранения альянса зависит от глубины практического военного взаимодействия в прошлом;
- Н4: наличие торговых связей является необходимым условием для существования военного союза;
- Н5: а) санкционное давление способствует сплочению альянсов (гомофилия);
б) рост влияния Китая ведет к эрозии традиционных альянсов.

Для верификации этих гипотез проделан симуляционный эксперимент, имитирующий ключевые факты из политической динамики постсоветского

пространства за последние 25 лет. Этот подход обеспечивает максимальную дидактическую ясность и воспроизводимость эксперимента для решения следующей задачи: установить, способен ли метод TERGM корректно уловить и реконструировать структурные сдвиги в условиях жестких ограничений малой выборки, или же математическая сложность метода приведет к ложным выводам. Таким образом, набор данных охватывает 15 акторов (Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, Таджикистан, Кыргызстан, Украина, Грузия, Молдова, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан, Эстония, Латвия, Литва) и 3 временных среза (2008, 2014, 2020 гг.), отражая сложную структуру отношений в регионе. Он включает в себя динамические сети (военные и торговые), а также диадические и нодалные ковариаты.

Необходимо сделать важную методологическую оговорку относительно размера выборки. Для реального эмпирического исследования такая выборка ($N = 15$) считается недостаточной для надежного применения TERGM. Во-первых, статистическая мощность моделей экспоненциального класса зависит от асимптотических свойств, которые проявляются на более крупных сетях ($N > 30$). Во-вторых, малое количество временных переходов ($t = 3$) делает модель крайне чувствительной к выбросам. В реальной исследовательской практике для анализа столь малых выборок целесообразнее использовать качественные методы или описательный сетевой анализ [2; 3; 1]. Здесь же малая выборка используется исключительно для демонстрации наглядности исследовательского процесса.

Ниже представлено описание и теоретическое обоснование включенных в набор данных переменных.

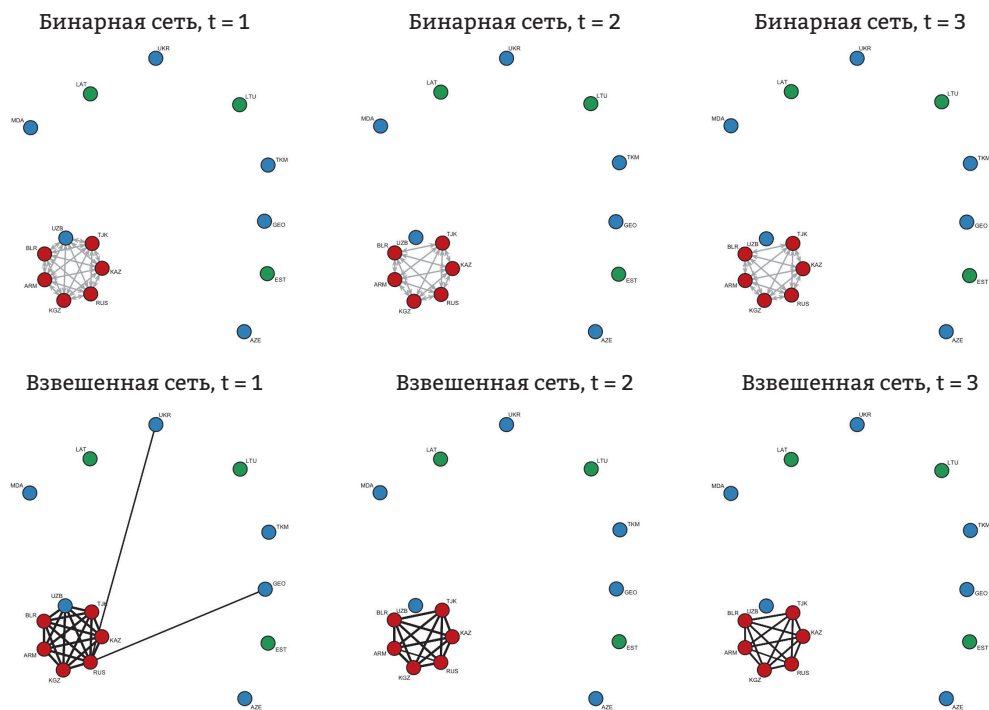
Зависимая переменная – бинарная сеть военных альянсов («military_nets») – кодирует наличие или отсутствие формального военного союза между государствами. В нашей симуляции эта сеть является динамической: она отражает формальный выход Узбекистана из ОДКБ между t_1 и t_2 . Это позволяет использовать бинарную модель для анализа не только стабильности, но и формального распада связей.

Независимые переменные (ковариаты), выбор которых основан на положениях ключевых теорий международных отношений:

- взвешенная сеть военного сотрудничества («military_nets_w»): измеряет интенсивность сотрудничества (от 0 до 3), используется для проверки гипотезы о влиянии качества прошлых отношений на их стабильность;
- тесные торговые связи («trade_nets»): эта сетевая ковариата используется для проверки гипотезы об эффекте перелива, когда изменения экономического характера в одной области влияют на другие области;
- влияние Китая («china_influence»): непрерывная нодалная ковариата, отражающая рост присутствия КНР в регионе, используется для проверки гипотезы о геополитической конкуренции;
- западные санкции («sanctions»): эта нодалная ковариата позволяет проверить гипотезу о формировании контрбегемонистских коалиций.

Рисунок 1. Эволюция бинарной и взвешенной сетей военного альянса на постсоветском пространстве в рамках симуляционного эксперимента (2008, 2014, 2020 гг.)

Figure 1. Evolution of Binary and Weighted Networks in a Military Alliance on the Post-Soviet Space in Simulation Experiments (2008, 2014, and 2020)

Примечание: верхний ряд графика иллюстрирует динамику зависимой переменной «military_nets» и демонстрирует формальный выход Узбекистана (UZB) из альянса между t = 1 и t = 2. Нижний ряд иллюстрирует специфику переменной «military_nets_w», где толщина ребра пропорциональна интенсивности сотрудничества. На изображениях нижнего ряда видна более сложная динамика: обрыв слабых связей России (RUS) с Украиной (UKR) и Грузией (GEO) в t = 2; первая фаза эрозии альянса (ослабление связи RUS-ARM в t = 2); моделируемая деградация интенсивности сотрудничества внутри блока в t = 3. Красным цветом обозначены страны ядра ОДКБ, синим – страны периферии, зеленым – страны Балтии

Результаты исследования

В рамках анализа были построены три модели TERGM с последовательным добавлением указанных выше параметров. Результаты экспериментального моделирования представлены в Таблице.

Таблица 1. Результаты оценки параметров моделей TERGM
Table 1. Results of the Evaluation of TERGM Model Parameters

Параметр	Модель 1 (Эндогенная)	Модель 2 (С весом t-1)	Модель 3 (Полная)
edges	-3.58*	-5.03*	-18.41*
	[-3.90; -2.56]	[-11.99; -5.03]	[-28.45; -17.89]
edgescov.memory[[i]]	1.68*	0.70	1.56*
	[1.19; 2.65]	[-7.57; 0.70]	[1.32; 11.50]
gwesp.fixed.0.5	2.14*	1.91	2.02*
	[1.53; 2.33]	[-7.96; 2.11]	[1.41; 2.50]
edgescov.lagged_military_nets_w[[i]]		3.06*	
		[2.86; 57.75]	
nodematch.sanctions			-1.16
			[-2.54; 18.52]
nodecov.china_influence			0.05
			[-0.09; 0.05]
edgescov.lagged_trade_nets[[i]]			14.99*
			[14.55; 18.28]
Num. obs.	420	420	420

Анализ полученных результатов позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, Модель 1 задала структурный фундамент анализа, обеспечив первичную верификацию Гипотез 1 и 2. Отрицательный коэффициент для параметра плотности («edges» = -3.58) подтвердил, что формирование военных альянсов является «затратным» событием, а высокие показатели инерции и триадного замыкания указали на значимость внутренней логики самоорганизации сети.

Во-вторых, в Модели 3 эндогенные параметры демонстрируют высокую устойчивость. Параметр инерции («memoгу») сохраняет статистическую значимость (1.56), что подтверждает гипотезу (H1) о высокой вязкости военно-политических связей на постсоветском пространстве: разрыв институциональных отношений происходит значительно медленнее, чем изменение внешней конъюнктуры. Параметр «триадного замыкания» («gwesp» = 2.02) также значим, что свидетельствует о стремлении региональной системы безопасности к кластеризации и формированию плотных, замкнутых групп, а не цепочек альянсов (H2).

В-третьих, подтверждается важность фактора интенсивности (H3). В Модели 2 лагированная переменная глубины сотрудничества показала значимый положительный эффект (3.06), что в рамках нашего эксперимента указывает на то,

что вероятность сохранения союза напрямую зависит от плотности практических контактов в прошлом.

В-четвертых, введение ковариаты торговых потоков привело к следующему эффекту: коэффициент достиг аномально высокого значения (14.99) с широким доверительным интервалом. Это указывает на то, что в нашей выборке переменная торговли выступает идеальным предиктором для отсутствия альянсов. Такой результат является не столько доказательством силы торгового фактора (H4), сколько предупреждением об опасности переобучения моделей TERGM на малых сетях (N = 15). В реальных исследованиях при обнаружении подобных коэффициентов исследователю рекомендуется исключать такую переменную как тривиальную.

В-пятых, статистическая незначимость фактора китайского влияния (H5b) может быть следствием структурной коллинеарности. В малых сетях (N = 15) атрибутивные характеристики узлов часто коррелируют со значением их центральности в рамках сетевой структуры. Так, страны, в которых присутствует существенное влияние Китая – это те же страны, что находятся в ядре сети ОДКБ. Модель не может корректно разделить эти эффекты без увеличения размера выборки. С учетом этой особенности установлено, что влияние Китая, переменная, динамика которой была задана в симуляции как независимая от структуры альянсов, не имеет статистической связи с зависимой переменной, несмотря на визуальное совпадение трендов во времени.

В-шестых, гипотеза о «санкционной солидарности» (H5a) не подтверждается. Коэффициент гомофилии по санкционному статусу («nodematch») оказался незначимым и продемонстрировал широкий доверительный интервал (-2.54; 18.52). Это подтверждает методологическое ограничение TERGM: для выявления эффектов гомофилии необходима достаточная вариативность атрибута узла в сети. В условиях, когда признаком обладают лишь 2 актора из 15 (в нашей модели – Россия и Беларусь), метод не применим для надежных выводов.

Выводы

Проведение симуляционного эксперимента позволило определить границы применимости и аналитический потенциал временных экспоненциальных моделей случайных графов (TERGM) для изучения малых региональных сетевых структур.

С одной стороны, моделирование подтвердило ключевое достоинство TERGM – способность количественно измерять эндогенные структурные эффекты. Модель успешно идентифицировала значимость «триадного замыкания», продемонстрировав в рамках нашей ситуации, что архитектура альянсов может определяться не только двусторонними интересами, но и системным стремлением к кластеризации. Этот эффект, невидимый для стандартных диадических регрессий, является критически важным для понимания устойчивости региональных блоков. Кроме того, включение в модель лагированных взвешенных сетей позволило выявить

неочевидные нюансы инерции. Эксперимент показал, что вероятность сохранения союза детерминирована не столько формальным наличием договора в прошлом, сколько интенсивностью практического сотрудничества. Это делает TERGM гибким инструментом для диагностики реального, а не только формально-договорного состояния международных отношений.

С другой стороны, метод продемонстрировал высокую чувствительность к эффекту полного разделения данных. Экстремально высокий коэффициент для торговой ковариаты демонстрирует, что в ситуациях, где один фактор выступает необходимым условием для другого (отсутствие торговли гарантирует отсутствие союза), вероятностная логика модели нарушается, что требует от исследователя предварительной фильтрации таких переменных. Более того, экспериментальная проверка гипотез о влиянии нодальных атрибутов (санкций, влияния Китая) выявила ограничения метода при работе с малыми сетевыми структурами (N = 15). Для получения надежных оценок эффектов гомофилии необходимо, чтобы в структуре сети присутствовало достаточное число акторов с исследуемым признаком, обеспечивающее необходимую вариацию данных, которой в региональных сетевых структурах может не быть.

Представленный анализ и обзор актуальной литературы позволяют не только констатировать ценность и ограничения TERGM, но и обозначить несколько ключевых и наиболее перспективных направлений для будущих исследований.

Во-первых, перспективным направлением является масштабирование применения TERGM: переход от региональных кейсов к анализу глобальной системы альянсов на уровне системы международных отношений. Существующие базы данных (ATOP, COW) содержат сведения о тысячах двусторонних и многосторонних договоров за последние два столетия. Эта центральная для теории международных отношений область остается малоизученной: большинство современных работ фокусируется на сетях торговли или кооперации, в то время как формальные альянсы фигурируют в основном в качестве иллюстративных примеров в методологических статьях [11]. Рассмотрение глобальной системы альянсов как единой динамической сети позволило бы нивелировать ограничения малых выборок (проблема Small-N) и верифицировать классические теории баланса сил на больших исторических данных, как это уже реализуется в смежных областях [12].

Во-вторых, наиболее перспективным направлением является построение полноценных моделей коэволюции. Большинство существующих работ, включая наш симуляционный эксперимент, моделирует спилловеры асимметрично, используя одну сеть как экзогенную ковариату для другой, как, например, в исследовании сетей соглашений о зоне свободной торговли [14]. Следующим шагом должно стать создание эндогенных многослойных моделей, где изменения в торговой сети эндогенно влияют на альянсы, а альянсы, в свою очередь, влияют на торговлю и вероятность конфликта. Открытой остается гипотеза, согласно которой альянсы и торговля совместно снижают конфликтность между партнерами, но повышают ее с соперниками партнеров.

В-третьих, необходимо исследовать временную и акторную гетерогенность сетевых механизмов. Современные модели чаще всего предполагают, что «правила игры» одинаковы для всех акторов и на всем протяжении времени. Однако уже существуют методологические разработки, позволяющие моделировать параметры как изменяющиеся во времени [8], что открывает возможность для проверки гипотез о том, были ли, например, механизмы балансировки сильнее в эпоху биполярности.

Наконец, необходима дальнейшая методологическая рефлексия, в частности, систематическое сравнение результатов, полученных с помощью разных классов динамических моделей. Теоретические различия между TERGM и SAOM хорошо артикулированы в работах Ф.Ляйфельда и С.Крэнмера [9; 10], однако эмпирических работ, сравнивающих выводы этих моделей на одних и тех же данных из сферы международных отношений, практически нет. Такое сравнение позволило бы лучше понять, насколько наши содержательные выводы являются робастными к исходным теоретическим предпосылкам, заложенным в ту или иную модель.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что TERGM и другие динамические сетевые модели – это не просто статистический инструмент. Это аналитический инструмент, позволяющий пересмотреть подходы к изучению процессов глобализации и оценке структурных изменений системы международных отношений с учетом выявленных ограничений при работе с региональными кейсами. Таким образом, освоение этого инструментария расширяет возможности исследователей для эмпирической верификации теоретических положений.

Список литературы

1. Алиев Т.М., Стоянова Е.В., Чимириис Е.С. Интеграционные стратегии стран постсоветского пространства – опыт анализа с применением методики социального графа [Integration Strategies of the Post-Soviet Countries: Analysis Using the Social Graph Approach] // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 1. С. 127–150. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-01-05>.
2. Вакарчук Д.О. Особенности цифровой дипломатии США и КНР в Средиземноморском регионе [The Features of the USA and the PRC Digital Diplomacy in the Mediterranean Region] // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 4. С. 411–430. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.402>.
3. Вакарчук Д.О., Боровинский А.В. Сплоченность развивающихся стран в Генеральной Ассамблее ООН: количественный анализ сетей соавторства и голосования по резолюциям [Cohesion of Developing Countries in the UN General Assembly: A Quantitative Analysis of Co-Sponsorship Networks and Voting on Resolutions] // Россия и современный мир. 2024. № 1(122). С. 195–205. <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.01.11>.
4. Дегтерев Д.А. Сетевой анализ международных отношений [Network Analysis of International Relations] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2015. Вып. 4. С. 119–138.
5. Desmarais B.A., Cranmer S.J. Statistical Mechanics of Networks: Estimation and Uncertainty // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications, 2012. Vol. 391(4). P. 1865–1876. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2011.10.018>.
6. Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. Network Analysis for International Relations // International Organization. 2009. Vol. 63(3). P. 559–592.
7. Hanneke S., Xing E.P. Discrete Temporal Models of Social Networks // Electronic Journal of Statistics. 2006. Vol. 4. P. 585–605. URL: <https://projecteuclid.org/journals/electronic-journal-of-statistics/volume-4/issue-none/Discrete-Temporal-Models-of-Social-Networks/10.1214/10-EJS548.full>.
8. Lee K.H., Xue L. Model Based Clustering of Semiparametric Temporal Exponential Family Random Graph Models // Stat. 2022. Vol. 11(1). P. e443. <https://doi.org/10.1002/sta4.443>.

9. Leifeld P., Cranmer S.J. A Theoretical and Empirical Comparison of the Temporal Exponential Random Graph Model and the Stochastic Actor-Oriented Model // Network Science. 2015. Vol. 7(1). P. 20–51. <https://doi.org/10.1017/nws.2018.26>.
10. Leifeld P., Cranmer S.J. The Stochastic Actor-Oriented Model is a Theory as Much as It is a Method and Must be Subject to Theory Tests // Network Science. 2022. Vol. 10(1). P. 19–24. <https://doi.org/10.1017/nws.2022.9>.
11. Leifeld P., Cranmer S.J., Desmarais B.A. Temporal Exponential Random Graph Models with btergm: Estimation and Bootstrap Confidence Intervals // Journal of Statistical Software. 2018. Vol. 83(6). P. 1–36. <https://doi.org/10.18637/jss.v083.i06>.
12. Mehrl M., Thurner P.W. Sharing Rivals, Sending Weapons: Rivalry and Cooperation in the International Arms Trade, 1920–1939. // The Review of International Organizations. 2023. Vol. 18(1). P. 1–28. <https://doi.org/10.1007/s11558-022-09468-w>.
13. Whetsell T.A. Democratic Governance and Global Science: A Longitudinal Analysis of the International Research Collaboration Network. // PLOS ONE. 2022. Vol. 17(5). P. e0267437. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0267437>.
14. Wu G., Dan J. Do Self-Organization and Relational Embeddedness Influence Free Trade Agreements Network Formation? Evidence from an Exponential Random Graph Model // The Journal of International Trade & Economic Development. 2020. Vol. 29(7). P. 816–837. <https://doi.org/10.1080/09638199.2020.1755146>.

Информация об авторе

ВАКАРЧУК Денис Олегович. Кандидат исторических наук. Доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений Российского государственного гуманитарного университета. <https://orcid.org/0000-0001-7582-1864>. Адрес: Российская Федерация, 125047, г. Москва, Миусская площадь, 6. vakarchuk.d@rggu.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 декабря 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г. Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Alyev T., Stoyanova E., Chimiris E. Integration Strategies of the Post-Soviet Countries: Analysis Using the Social Graph Approach. Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [International Organisations Research Journal]. 2023; 18(1):127–150 [In Russian]. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-01-05>.
2. Vakarchuk D.O. The Features of the USA and the PRC Digital Diplomacy in the Mediterranean Region. Vestnik SPbGU. Mezhdunarodnye otnosheniya [Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations]. 2024; 17(4):411–430 [In Russian]. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.402>.
3. Vakarchuk D.O., Borovinskiy A.V. Cohesion of Developing Countries in the UN General Assembly: A Quantitative Analysis of Co-Sponsorship Networks and Voting on Resolutions. Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]. 2024; 1(122):195–205 [In Russian]. <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.01.11>.

4. Degtarev D.A. Network Analysis of International Relations. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6 [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6]. 2015; 4:119–138 [In Russian].
5. Desmarais B.A., Cranmer S.J. Statistical Mechanics of Networks: Estimation and Uncertainty. Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2012; 391(4):1865–1876 [In English]. <https://doi.org/10.1016/j.physa.2011.10.018>.
6. Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. Network Analysis for International Relations. International Organization. 2009; 63(3):559–592 [In English].
7. Hanneke S., Xing E.P. Discrete Temporal Models of Social Networks. Electronic Journal of Statistics. 2006; 4:585–605 [In English]. Available from: <https://projecteuclid.org/journals/electronic-journal-of-statistics/volume-4/issue-none/Discrete-Temporal-Models-of-Social-Networks/10.1214/10-EJS548.full>.
8. Lee K.H., Xue L. Model Based Clustering of Semiparametric Temporal Exponential Family Random Graph Models. Stat. 2022; 11(1):e443 [In English]. <https://doi.org/10.1002/sta4.443>.
9. Leifeld P., Cranmer S.J. A Theoretical and Empirical Comparison of the Temporal Exponential Random Graph Model and the Stochastic Actor-Oriented Model. Network Science. 2015; 7(1):20–51 [In English]. <https://doi.org/10.1017/nws.2018.26>.
10. Leifeld P., Cranmer S.J. The Stochastic Actor-Oriented Model is a Theory as Much as It is a Method and Must be Subject to Theory Tests. Network Science. 2022; 10(1):19–24 [In English]. <https://doi.org/10.1017/nws.2022.9>.
11. Leifeld P., Cranmer S.J., Desmarais B.A. Temporal Exponential Random Graph Models with bootstrapped Estimation and Bootstrap Confidence Intervals. Journal of Statistical Software. 2018; 83(6):1–36 [In English]. <https://doi.org/10.18637/jss.v083.i06>.
12. Mehrl M., Thurner P.W. Sharing Rivals, Sending Weapons: Rivalry and Cooperation in the International Arms Trade, 1920–1939. The Review of International Organizations. 2023; 18(1):1–28 [In English]. <https://doi.org/10.1007/s11558-022-09468-w>.
13. Whetsell T.A. Democratic Governance and Global Science: A Longitudinal Analysis of the International Research Collaboration Network. PLOS ONE. 2022; 17(5):e0267437 [In English]. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0267437>.
14. Wu G., Dan J. Do Self-Organization and Relational Embeddedness Influence Free Trade Agreements Network Formation? Evidence from an Exponential Random Graph Model. The Journal of International Trade & Economic Development. 2020; 29(7):816–837 [In English]. <https://doi.org/10.1080/09638199.2020.1755146>.

About the author

Denis O. VAKARCHUK. CandSc. (Hist.). Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy at the Faculty of International Relations of the Russian State University for the Humanities (RSUH). <https://orcid.org/0000-0001-7582-1864>. Address: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation. vakarchuk.d@rggu.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: December 2, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-81-94](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-81-94)

Политические науки

Применение LLM для тематического анализа региональных стратегий обеспечения продовольственной безопасности в Китае (2021–2025 гг.)

Вероника Александровна Смирнова✉

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

vasmirnova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9643-9848>

Аннотация. На фоне нарастающих внешних рисков и внутренних структурных ограничений продовольственная политика Китая претерпевает изменения. Государство пытается повысить ее эффективность путем развития более связанной системы обеспечения продовольственной безопасности. В этом контексте была выдвинута новая инициатива по строительству «национального пояса продовольственной безопасности» – пространственно-институциональная модель кооперации, призванная согласовать развитие ключевых продовольственных регионов и увязать производственные, логистические и ресурсные звенья в единую систему. Статья ставит вопрос о том, в какой мере идеи межрегиональной координации получают отражение в региональной политике. В качестве материала для анализа был привлечен корпус из 14 планов социально-экономического

развития Китая на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) – национального и региональных документов трех ключевых продовольственных регионов: Северо-Восточной равнины, района Хуанхэ – Хуайхэ – Хайхэ и среднего и нижнего течения Янцзы. Для выявления их особенностей был применен тематический анализ с использованием ChatGPT (версия GPT-5) в соответствии с протоколом Guided AI Thematic Analysis (GAITA). Статья вносит вклад в изучение языка китайского планирования, показывая, как дискурс продовольственной безопасности воспроизводится в текстах стратегических документов различного уровня. Анализ показал высокую степень унификации формулировок в национальном и региональных планах. Существенные признаки межрегиональной координации обнаруживаются только в планах административных единиц Северо-Восточной равнины. Это позволяет заключить, что горизонтальные механизмы взаимодействия пока не занимают приоритетного места в системе планирования продовольственной политики и развиваются пока в пилотном формате.

Ключевые слова: КНР, пятилетний план, сельское хозяйство, Северо-Восточная равнина, район Хуанхэ – Хуайхэ – Хайхэ, район среднего и нижнего течения Янцзы, ChatGPT

Для цитирования: Смирнова В.А. Применение LLM для тематического анализа региональных стратегий обеспечения продовольственной безопасности в Китае (2021–2025 гг.) // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 81-94, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-81-94](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-81-94)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-81-94](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-81-94)

Applying LLMs to Thematic Analysis of Regional Food Security Strategies in China (2021–2025)

Veronika A. Smirnova ✉

HSE University, Moscow, Russia

vasmirnova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9643-9848>

Abstract. Against the backdrop of growing external risks and internal structural constraints, China's food security policy is undergoing transformation. The state seeks to enhance its effectiveness by developing a more integrated system for ensuring food security. In this context, a new initiative has been proposed, namely the establishment of a National Food Security Industry Belt, a spatial-institutional model of cooperation aimed at coordinating the development of key food-producing regions and integrating production, logistics, and resource components into a unified system. The article examines the extent to which the ideas of interregional coordination are reflected in regional policies. The study draws upon a corpus of fourteen socio-economic development plans of the PRC for the 14th Five-Year Plan period (2021–2025), encompassing both the national plan and regional plans of three key agricultural and food-producing regions – the Northeast Plain, the Huang – Huai – Hai Plain, and the middle and lower Yangtze River region. To uncover their distinctive features, there was conducted a thematic analysis using ChatGPT (GPT-5 version) in accordance with the Guided AI Thematic

Analysis (GAITA) protocol. The article contributes to the understanding of the language of Chinese planning by revealing how the discourse of food security is reproduced across strategic documents of different administrative levels. The analysis revealed a high degree of uniformity in the wording of both national and regional plans. Significant signs of interregional coordination were found only in the plans of the administrative units of the Northeast Plain. This suggests that horizontal mechanisms of interaction have not yet become a priority within the food policy planning system and are still being developed in a pilot format.

Keywords: PRC, five-year plan, agriculture, Northeast Plain, Huang – Huai – Hai Plain, middle and lower Yangtze River region, ChatGPT

For citation: Smirnova V.A. Applying LLMs to Thematic Analysis of Regional Food Security Strategies in China (2021–2025). Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 1(19): 81-94, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-81-94](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-81-94)

Введение

Обеспечение продовольственной безопасности занимает ключевое место в системе национальных приоритетов Китая. Она является неотъемлемой частью концепции «всеобъемлющей национальной безопасности», выступая фундаментом обеспечения внутренней стабильности и устойчивого экономического развития. Китайская стратегия емко выражена в формуле Си Цзиньпина: «Китайцы должны прочно держать миску риса в собственных руках», – что практически означает выстраивание комплексной системы мер, направленной на решение ключевых структурных проблем (нехватки водных и земельных ресурсов, зависимости от импорта кормов и масличных культур, технологических ограничений в семеноводстве, снижения экономической мотивации к выращиванию зерновых и сокращения пашни под давлением урбанизации) [10].

В рамках этого направления в конце 2020 г. в Китае была выдвинута инициатива по строительству «национального пояса продовольственной безопасности» (国家粮食安全产业带). Она представляет собой новый системный инструмент китайской продовольственной политики, а именно – пространственно-институциональную модель обеспечения продовольственной безопасности, нацеленную на согласованное развитие производственной, стоимостной и снабженческо-логистической цепочек [8]. При этом она уделяет значительное внимание вопросам региональной кооперации. Гао Мин и Вэй Цзясо, в частности, отмечают, что в отличие от предыдущих мер, которые носили регионально-замкнутый и фрагментарный характер, строительство «пояса» в том числе предполагает развитие кооперации между основными зернопроизводящими провинциями [6]. Ма Ли и Ван Юйун также пишут о том, что инициатива «разрушает прежние территориальные ограничения и стимулирует регионы, исходя из их ресурсных условий и отраслевых преимуществ, к укреплению межрегиональных связей» [8]. Вместе с тем они критически оценивают текущий уровень подобной кооперации, отмечая среди ограничений сохранение межрегиональной конкуренции по принципу «игры с нулевой суммой» и отсутствие необходимых координационных механизмов и площадок [8].

Вероятно, из-за сравнительно недавнего возникновения этих тенденций в китайской политике вопросы межрегиональной кооперации в сфере продовольственной безопасности не стали предметом широкого исследовательского интереса. Наиболее представлены исследования, опирающиеся на пространственно-временной анализ для выявления согласованности и взаимозависимости по уровню продовольственной обеспеченности китайских провинций [7; 9; 13]. Межрегиональная кооперация упоминается в них преимущественно в заключительных разделах в качестве конкретных рекомендаций по устранению существующих дисбалансов. Соответственно, можно косвенно констатировать, что исследователи отмечают недостаток в согласованных мерах. Также в ряде исследований рассматриваются эффекты механизма горизонтальной компенсации между провинциями – нового формата взаимодействия между провинциями-производителями и потребителями зерна [11; 12]. По сути, он выступает как дополнение инициативы по строительству «национального пояса продовольственной безопасности», формируя взаимные обязательства между регионами.

Таким образом, в китайской продовольственной политике прослеживаются признаки перелома прежних тенденций к атомизации и обособленности в рамках реализации задач по обеспечению продовольственной безопасности. Однако остается открытым вопрос, влияют ли они на региональную политику. В статье ставится вопрос о том, насколько новая установка в рамках инициативы по строительству «национального пояса продовольственной безопасности» находит отражение на уровне провинций: позиционируют ли они себя как часть более широкого продовольственного пространства и фиксируют ли в собственных приоритетах совместные меры. Мы предполагаем, что выдвигание новой установки в приоритетной сфере на национальном уровне должно сопровождаться ее оперативным воспроизводством в региональном планировании. Для анализа региональных планов используется LLM в пилотном формате для оценки применимости метода на более крупных массивах китайских политических документов.

Материалы и методы

Выборка

Для проведения тематического анализа были отобраны стратегические плановые документы Китая – планы социально-экономического развития на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.). В отличие от отраслевых и специализированных планов, которые варьируются по структуре и охвату между провинциями, общие планы имеют похожую структуру и присутствуют во всех административных единицах страны. Во всех них есть раздел, посвященный приоритетному развитию сельского хозяйства и всестороннему продвижению сельского возрождения (как правило,

обозначаемый формулировкой типа «坚持农业农村优先发展、全面推进乡村振兴»). В ряде региональных документов эта тема дополнительно раскрывается в подразделе, связанном с обеспечением национальной продовольственной безопасности («保障国家粮食安全»). Соответственно, их анализ позволяет обеспечить сопоставимость текстов по структуре, понятийному аппарату и тематическим приоритетам.

В корпус вошли планы на общенациональном уровне и для трех опорных продовольственных регионов Китая, обозначенных в «Плане социально-экономического развития КНР на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.) и программе долгосрочных целей до 2035 г.»: Северо-Восточная равнина, район Хуанхэ – Хуайхэ – Хайхэ и район среднего и нижнего течения Янцзы (таблица 1). Из анализа были исключены планы городов центрального подчинения (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай), поскольку в силу городского профиля экономики разделы, касающиеся сельского хозяйства и продовольственной безопасности, представлены в них ограниченно. Таким образом, в итоговую выборку вошли 14 документов.

Таблица 1. Опорные продовольственные регионы Китая
Table 1. China's Core Food Security Regions

Регион	Провинции
Северо-Восточная равнина	Ляонин, Хэйлунцзян, Цзилинь, а также северо-восток Внутренней Монголии
Район Хуанхэ – Хуайхэ – Хайхэ	Пекин, Тяньцзинь, Хэбэй, Хэнань, Шаньдун, а также север Аньхой и север Цзянсу
Район среднего и нижнего течения Янцзы	Хубэй, Хунань, Цзянси, Чжэцзян, Шанхай, а также юг Аньхой и юг Цзянсу

Источник: составлено автором на основе 全国主体功能区规划——构建高效、协调、可持续的国土空间开发格局¹

Source: compiled by the author on the basis of the National Functional Zoning Plan – the Formation of an Effective, Coordinated and Sustainable Structure of Spatial Development of the Country¹

Ограничения

Использование ИИ в тематическом анализе имеет ряд ограничений. Генеративные модели не обладают собственным пониманием контекста и могут выдавать поверхностные или обобщенные коды, что снижает глубину интерпретации [3]. Их результаты могут быть непоследовательными: при повторных запросах возможно возникновение различий и «галлюцинаций» – создание несуществующих тем или смыслов [3; 5]. Модели могут обрабатывать ограниченный объем данных, поэтому при работе с большими текстами также неизбежна их сегментация, что может нарушать целостность анализа [3]. Выводы об ограничениях сделаны

1 全国主体功能区规划——构建高效、协调、可持续的国土空间开发格局 [План национального функционального зонирования – формирование эффективной, скоординированной и устойчивой структуры пространственного развития страны]. 2011. URL: https://www.gov.cn/zwqk/2011-06/08/content_1879180.htm.

преимущественно исходя из результатов работы с моделями семейства GPT-4. Использование модели следующего поколения (GPT-5), предположительно, может позволить улучшить качество ответов, однако эти данные пока не подтверждены рецензируемыми исследованиями в области тематического анализа. Эти вызовы требуют дополнительных сравнительных исследований, а также развития исследовательских протоколов, которые помогут уточнить этапы кодирования, контроля и интерпретации данных при совместной работе исследователя и модели.

Тематический анализ с помощью ChatGPT

В рамках исследования автор использовал генеративную модель ChatGPT (версия GPT-5) как вспомогательный инструмент для проведения качественного тематического анализа. Модели была задана специальная инструкция (роль) академического эксперта по тематическому анализу, обеспечивающего поддержку в кодировании и группировке данных. Для формирования методологического контекста в рабочее хранилище была загружена монография В.Браун и В.Кларк [1]. Этот источник служил опорой для фиксации принципов рефлексивного подхода, структуры аналитического процесса и критериев качества анализа.

Процесс работы был выстроен в соответствии с протоколом GAITA (Guided AI Thematic Analysis) [3], основанного на адаптации Template Analysis Н.Кинга, Д.Брукса и С.Тейбера [2]. Он включает четыре последовательных этапа: знакомство с корпусом данных и обобщение текстов, генерация и проверка предварительных кодов, формирование и уточнение кластеров кодов, выделение и формулирование тем. При работе с ChatGPT также использовались инструкции и принципы, изложенные в протоколе Supported Thematic Analysis А.Тюрובה, Д.Койл и В.Хардинг [4]. В результате были сформированы следующие промпты:

Ты – ассистент по качественному анализу. Помогите выделить релевантные коды из следующего фрагмента китайского 14-го пятилетнего плана в ответ на вопрос: «Какие меры по обеспечению продовольственной безопасности фиксируются в документе?» Итоговый вывод – таблица: Код / Цитата (на китайском языке). Если полный список кодов не помещается в одном ответе, выводи результат по частям, продолжая с пометками «Часть 1», «Часть 2» и т.д., пока не будут выписаны все коды.

На основе полученного списка кодов сгруппируй их в кластеры (функционально близкие типы мер). Итоговый вывод – таблица: Кластер / Коды / Краткое пояснение.

На основе таблицы кластеров сформулируй укрупненные темы, отражающие приоритетные направления мер по обеспечению продовольственной безопасности в 14-м пятилетнем плане. Итоговый вывод – таблица: Тема / Краткое пояснение.

Проанализируй следующий региональный раздел пятилетнего плана. Используй четыре ранее выделенные темы как рамку и определи, какие приоритетные меры и инструменты упоминаются в документе в рамках каждой темы. Итоговый вывод – таблица: Тема / Коды / Цитаты (на китайском языке).

На основе результатов по группе регионов выдели повторяющиеся приоритетные меры (общие коды), которые встречаются в большинстве документов группы в рамках каждой темы. Итоговый вывод – таблица: Тема / Общие меры группы.

Результаты исследования

Кодирование выделенных разделов 14-го пятилетнего плана позволило сформировать список из 103 смысловых единиц, сгруппированных в 15 кластеров. Кластеры были объединены по смысловой и функциональной близости. В результате было выделено четыре темы (таблица 2), отражающие приоритетные направления китайской стратегии по обеспечению продовольственной безопасности. Для контроля результатов была произведена ручная перепроверка текстов 14-го пятилетнего плана и региональных пятилетних планов Северо-Восточной равнины Китая. Это показало, что при наличии сложных формулировок, в которых сгруппировано несколько мер политики в одном предложении, модель склонна их объединять. При анализе последующих документов использование прямых цитат на китайском языке помогало сверять интерпретацию с исходным текстом и контролировать точность перевода.

В текстах всех четырех административных единиц Северо-Восточной равнины присутствуют упоминания региона как общего пространства сотрудничества по обеспечению продовольственной безопасности. Хэйлунцзян позиционирует себя в качестве ядра «национального продовольственного пояса», включающего две крупнейшие равнины региона (Суннэнь и Саньцзян). Цзилинь также упоминает цель по созданию «пояса» совместно с крупными зернопроизводящими уездами Хэйлунцзяна, Ляонина и Внутренней Монголии. Ляонин фиксирует задачи по строительству региональных зернового распределительного центра в Паньцзине и центра холодовой логистики Ляонин – Хэбэй – Внутренняя Монголия. В приоритете всех четырех документов также охрана черноземов – ключевого природного ресурса региона (в плане Хэйлунцзяна соответствующий раздел озаглавлен «Бережь чернозем – “большую панду” среди пахотных земель», что подчеркивает его уникальную роль). В планах Хэйлунцзяна и Внутренней Монголии соответствующие меры обозначены через формулировку «охрана черноземов Северо-Востока», что отсылает к национальной программе 2021–2025 гг.² Значительная часть содержания документов связана с обеспечением предложения зерна (таблица 3), более акцентировано, чем в национальном пятилетнем плане. В двух регионах (Цзилинь и Внутренняя Монголия) дополнительно выделяются меры по развитию мясомолочного комплекса.

В отличие от Северо-Восточной равнины, в документах провинций, относящихся к району Хуанхэ – Хуайхэ – Хайхэ, регулярные ссылки на регион как единое пространство в контексте обеспечения продовольственной безопасности

2 国家黑土地保护工程实施方案(2021—2025年)[План реализации национального проекта по охране черноземов(2021—2025 гг.)]. URL: <https://www.moa.gov.cn/ztlz/gdzbhysj/htdbhly/202108/P020210804604124115741.pdf>

Таблица 2. Темы, выделенные в результате анализа приоритетных мер по обеспечению продовольственной безопасности в 14-м пятилетнем плане Китая

Table 2. Thematic Clusters Identified in the Analysis of Priority Measures for Food Security in China's 14th Five-Year Plan

Тема	Описание
Укрепление ресурсного потенциала	Включает меры, направленные на обеспечение ресурсной основы производства. В приоритете защита ключевых ресурсов (земли и воды) и наращивание производственного потенциала для обеспечения базовой самообеспеченности. Ключевые меры: внедрение «единой ответственности партии и правительства» разработка «Закона о гарантиях продовольственной безопасности», соблюдение «красной линии» пахотных земель, предотвращение нецелевого использования пахотных земель, строительство высокостандартных сельхозугодий, защита и восстановление почв, модернизация систем ирригации, реформа цен на воду, обеспечение поставок ключевых продуктов (зерно, мясо, молоко)
Технологическая модернизация и инновации	Включает меры, направленные на повышение эффективности и снижение зависимости АПК через научное развитие. В приоритете достижение самодостаточности в ключевых «узких местах», в первую очередь в семеноводстве, а также общая цифровизация и механизация. Ключевые меры: технологические прорывы в селекции и развитие биоселекции, создание семенных банков и поддержка семеноводческих компаний-лидеров, разработка и применение «умной» и композитной сельхозтехники, развитие «умного» сельского хозяйства
Повышение устойчивости и контроль качества	Включает меры, направленные на реализацию «зеленого» перехода в сельском хозяйстве и его структурную оптимизацию. Они нацелены на обеспечение производства более экологичной и качественной продукции для повышения устойчивости АПК. Ключевые меры: продвижение «зеленой» трансформации, снижение использования пестицидов и удобрений, борьба с загрязнением (агропленка), утилизация отходов (солома, навоз), развитие водосберегающего земледелия, усиление контроля качества, сертификация (органика, «зеленые» продукты), создание систем прослеживаемости
Управление продовольственными резервами и логистикой поставок	Включает меры, направленные на развитие инфраструктуры постуборочного цикла, обеспечение надежности запасов и устойчивости цепочек поставок. Ключевые меры: реформа системы госзакупок и хранилищ, управление центральными резервами, строительство объектов холодовой цепи и складов, снижение потерь на всех этапах (хранение, транспортировка, переработка)

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

практически отсутствуют. Шаньдун – единственная провинция, в плане которой встречается одно короткое упоминание района в данном контексте, а именно – создание современного аграрного исследовательского центра Хуанхэ – Хуайхэ – Хайхэ. Общие приоритетные меры, выделенные в документах группы, по большей мере повторяют повестку национальных пятилетних планов (таблица 4). Коды отдельных провинций существенно различаются, например, в плане Шандуня – меры

Таблица 3. Приоритетные меры по обеспечению продовольственной безопасности в региональных пятилетних планах Китая (Северо-Восточная равнина)

Table 3. Priority Measures for Ensuring Food Security in China's Regional Five-Year Plans by Thematic Clusters on Food Security (Northeast Plain)

Темы	Коды
Укрепление ресурсного потенциала	Охрана пашни, высокостандартные сельхозугодья, охрана черноземов, севооборот, пар, модернизация ирригационных систем, функциональные зоны производства зерна, зоны охраны важной агропродукции, мясомолочный комплекс
Технологическая модернизация и инновации	Семеноводство, репродукция элитных семян, генетические ресурсы, механизация, «умное» сельское хозяйство, НИОКР по черноземам
Повышение устойчивости и контроль качества	Контроль качества, прослеживаемость продукции, сокращение агрохимии, «зеленые технологии», системы раннего предупреждения
Управление продовольственными резервами и логистикой поставок	Холодовые цепочки, резервы зерна, логистика свежей продукции, модернизация зернохранилищ, зерновые логистические парки, зерновые центры

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

Таблица 4. Приоритетные меры по обеспечению продовольственной безопасности в региональных пятилетних планах Китая (район Хуанхэ – Хуайхэ – Хайхэ)

Table 4. Priority Measures for Ensuring Food Security in China's Regional Five-Year Plans by Thematic Clusters on Food Security (Huang – Huai – Hai Plain)

Тема	Коды
Укрепление ресурсного потенциала	Высокостандартные сельхозугодья, охрана пашни, восстановление плодородия почв, ирригационная инфраструктура, водосбережение
Технологическая модернизация и инновации	Семеноводство, биоселекция, обновление парка сельхозтехники, механизация, «умное» сельское хозяйство, цифровое сельское хозяйство
Повышение устойчивости и контроль качества	Почвозащитное земледелие, фитосанитарная защита, «зеленые» стандарты, контроль качества и безопасности, стандартизация, органическая сертификация, система прослеживаемости, ветеринарная профилактика
Управление продовольственными резервами и логистикой поставок	Холодовые цепочки, складская инфраструктура, централизованный убой

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

Таблица 5. Приоритетные меры по обеспечению продовольственной безопасности в региональных пятилетних планах Китая (район среднего и нижнего течения Янцзы)

Table 5. Priority Measures for Ensuring Food Security in China's Regional Five-Year Plans by Thematic Clusters on Food Security (Middle and Lower Yangtze River Region)

Тема	Коды
Укрепление ресурсного потенциала	Охрана пашни, высокостандартные сельхозугодья, зерновые функциональные зоны, зоны охраны важной агропродукции, ирригационная инфраструктура, водосбережение
Технологическая модернизация и инновации	Механизация, генетические ресурсы, биоселекция, «умное» сельское хозяйство, цифровое сельское хозяйство, платформы агроданных, высокотехнологичные демонстрационные агрозоны
Повышение устойчивости и контроль качества	Фитосанитарная защита, стандартизация, система прослеживаемости, сокращение агрохимии, агрометеосервисы
Управление продовольственными резервами и логистикой поставок	Модернизация зернохранилищ, сельская электронная коммерция

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

по развитию морского и прибрежного сельского хозяйства и поддержка морской биоселекции, у Хэнани – укрепление зерновой базы.

В планах провинций, относящихся к району среднего и нижнего течения Янцзы, тема регионального сотрудничества в сфере продовольственной безопасности также почти не раскрывается. Единичное упоминание есть в плане Аньхой, где отмечается участие провинции в проектах аграрной кооперации и продовольственного снабжения в рамках экономического пояса Янцзы. Общие коды также преимущественно повторяют национальные приоритеты (таблица 5). Однако есть более нюансированные сходства на уровне двух подгрупп среднего и нижнего течения реки соответственно. Для провинций среднего течения Янцзы – Хунани, Хубэй и Цзянси – характерна ориентация на устойчивость аграрной системы и рациональное управление природными ресурсами. В их планах, например, встречаются коды, связанные с предотвращением эрозии, охраной пойменных земель, контролем агроисточников и т.п. Провинции нижнего течения – Аньхой, Цзянсу и Чжэцзян – фокусируются на технологической модернизации агросектора.

Обсуждение результатов

Анализ пятилетних планов регионов демонстрирует высокую степень повторяемости и унифицированности формулировок. Независимо от природно-

климатических и социально-экономических различий, в основе соответствующих разделов один и тот же набор приоритетов по обеспечению продовольственной безопасности, повторяющий положения национального плана. Это отражает специфику китайского планирования, в рамках которого центральный документ задает ключевые ориентиры для всех уровней управления. Национальные цели и формулировки определяют язык и структуру региональных планов. Таким образом, китайская стратегия по обеспечению продовольственной безопасности предстает как дискурсивно унифицированная система, где вариативность встречается на уровне узких мер и проектов, а не смысловых ориентиров.

Вместе с тем повторяемость и унифицированность на горизонтальном уровне представлены слабо. Признаки региональной координации были выделены только в планах административных единиц Северо-Восточной равнины. Здесь прослеживается общий устойчивый набор формулировок, отражающих, что регион воспринимается как единое пространство – «национальный продовольственный пояс». Вероятно, этому в первую очередь способствует особое внимание центра к региону как к ключевому узлу по производству зерновых и месту сосредоточения стратегического ресурса – черноземов. Следует отметить, что в соответствующих планах в период 13-й пятилетки формулировки, отсылающие к Северо-Востоку как к единому пространству, отсутствовали.

Провинции, входящие в другие опорные продовольственные регионы, формулируют соответствующие меры изолированно. В их планах практически не встречаются упоминания продовольственных регионов или соседних провинций, что свидетельствует об отсутствии приоритизации межрегиональной координации на уровне планирования. Кроме того, в них нет внутрорегиональных общих мер, направленных на решение специфических региональных проблем. Каждая провинция концентрируется на собственных приоритетах.

Выводы

Оформившаяся на национальном уровне установка на укрепление межрегиональных связей находит ограниченное отражение в региональных стратегиях. Вероятно, ее развитие будет зависеть от появления централизованных инициатив общерегионального характера, способных задать устойчивые рамки взаимодействия, как это ранее произошло с программой по охране черноземов на Северо-Востоке.

В качестве вероятного направления дальнейшего развития можно рассматривать опыт Северо-Восточной равнины, где уже проявляется согласованность планирования между провинциями. На данном этапе сотрудничество формируется вокруг практических задач: развитие инфраструктуры хранения и переработки, укрепление логистических цепочек, координация научно-технологических ресурсов и выработка механизмов реагирования на общие риски. Северо-Восток в этом

смысле выступает как опорная зона, на базе которой может складываться модель межрегионального взаимодействия в продовольственной сфере.

Список литературы

- Braun V., Clarke V. Thematic Analysis: A Practical Guide. New Delhi: SAGE Publications Ltd, 2021. 376 p. King N., Brooks J., Tabari S. Template Analysis in Business and Management Research // Qualitative Methodologies in Organization Studies. Cham: Springer, 2018. P. 179–206. https://doi.org/10.1007/978-3-319-65442-3_8.
- Nguyen-Trung K. ChatGPT in Thematic Analysis: Can AI become a Research Assistant in Qualitative Research // Quality & Quantity. 2025. Vol. 59. P. 4945–4978. <https://doi.org/10.1007/s11135-025-02165-z>.
- Turobov A., Coyle D., Harding V. Using ChatGPT for Thematic Analysis // arXiv:2405.08828. 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2405.08828>.
- Zhang H., Wu C., Xie J., Lyu Y., Cai J., Carroll J.M. Redefining Qualitative Analysis in the AI Era: Utilizing ChatGPT for Efficient Thematic Analysis. // arXiv:2309.10771. 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2309.10771>.
- 高鸣, 魏佳朔. 加快建设国家粮食安全产业带: 发展定位与战略构想 (Гао Мин, Вэй Цзяшо. Ускорение строительства промышленного пояса национальной продовольственной безопасности: позиционирование в области развития и стратегическое видение) [Accelerating the Construction of National Grain Security Industrial Belt: Development Orientation and Strategic Conception] // 中国农村经济 (Сельская экономика Китая). 2021. 第 (Номер) 11期. (С.) 16–34.
- 韩建军, 侯纪伟, 程玉, 侯婧祎. 中国省域粮食储备和粮食安全风险的耦合协调关系研究 (Хань Цзяньцзюнь, Хоу Цзивэй, Чэн Юй, Хоу Цзиньби. Исследование взаимосвязи и координации между запасами продовольствия и рисками для продовольственной безопасности в провинциях и регионах Китая) [Research on the Coupling and Coordination Relationship Between China's Provincial Grain Reserve and Security Risk] // 河南农业大学学报 (Журнал Хэнаньского сельскохозяйственного университета). 2022. 第 (Номер) 56卷. 第 (Вып.) 4期. (С.) 706–714. <https://doi.org/10.16445/j.cnki.1000-2340.20210706.001>.
- 马丽, 王雨浓. 我国粮食安全产业带建设: 现实意义、约束条件与实施对策 (Ма Ли, Ван Юнон. Строительство промышленного пояса продовольственной безопасности Китая: практическое значение, ограничения и меры противодействия реализации) [National Food Security Industry Belt Construction: Connotation, Constraints and Countermeasures] // 西北农林科技大学学报 (社会科学版) (Журнал Северо-Западного университета A&F (издание по социальным наукам)). 2021. 第 (Номер) 21卷. 第 (Вып.) 4期. (С.) 105–113. <https://doi.org/10.13968/j.cnki.1009-9107.2021.04.13>.
- 马希龙, 张小虎. 中国省域间粮食安全空间格局演化分析 (Ма Силун, Чжан Сяоху. Анализ эволюции пространственной структуры продовольственной безопасности между провинциями и регионами Китая) [Analysis of Spatial Pattern Evolution of China's Regional Food Security] // 江苏农业科学 (Сельскохозяйственная наука Цзянсу). 2020. 第 (Номер) 48卷. 第 (Вып.) 2期. (С.) 294–300. <https://doi.org/10.15889/j.issn.1002-1302.2020.02.051>.
- 毛绿萱, 李鑫. 总体国家安全观视角下中国粮食安全的定位、实践与影响 (Мао Сюань, Ли Синь. Позиционирование, практика и влияние продовольственной безопасности Китая с точки зрения общей национальной безопасности) [Positioning, Practice and Influence of Chinese Food Security from the Perspective of Integrated National Security] // 粮油食品科技 (Технологии производства зерна, масла и пищевых продуктов). 2023. 第 (Номер) 31卷. 第 (Вып.) 4期. (С.) 1–9. <https://doi.org/10.16210/j.cnki.1007-7561.2023.04.001>.
- 张广辉, 崔疏星. 粮食产销区省际横向利益补偿机制创新—基于利益补偿目标的分析 (Чжан Гуанхуэй, Цуй Шусин. Инновационный механизм межрегиональной горизонтальной компенсации льгот в сферах производства и сбыта зерна – анализ, основанный на целях компенсации льгот) [Innovation of Interprovincial Horizontal Benefit Compensation Mechanism Between Major Grain-Producing Areas and Major Grain-Consuming Areas: Analysis Based on the Realistic Goal of Benefit Compensation] // 华南师范大学学报 (社会科学版) (Журнал Южно-Китайского педагогического университета (издание по социальным наукам)). 2025. 第 (Номер) 1期. (С.) 141–156.
- 张秀青. 构建粮食产销区省际横向利益补偿机制研究 (Чжан Сюэцин. Исследование по созданию межобластного горизонтального механизма компенсации льгот для районов производства и сбыта зерна) [Research on the Construction of Inter-Provincial Horizontal Benefit Compensation Mechanism for Grain Production and Marketing Areas] // 价格理论与实践 (Теория и практика

- ценообразования). 2025. 第 (Номер) 1期. (С.) 109–115. <https://doi.org/10.19851/j.cnki.CN11-1010/F.2025.01.007>.
- 朱道才, 阴晓. 中国粮食安全时空分异: 理论分析与实证研究 (Чжу Даокай, Инь Сяо. Пространственно-временные различия в продовольственной безопасности Китая: теоретический анализ и эмпирические исследования) [Spatial and Temporal Differentiation of Food Security in China: Theoretical Basis and Empirical Analysis] // 山东农业大学学报 (社会科学版) (Журнал Шаньдунского сельскохозяйственного университета (издание по общественным наукам)). 2024. 第 (Номер) 26卷. 第 (Вып.) 4期. (С.) 145–152.

Информация об авторе

СМИРНОВА Вероника Александровна. Кандидат политических наук. Заведующий азиатско-тихоокеанским сектором МНО ЦКЕМИ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». <https://orcid.org/0000-0002-9643-9848>. Адрес: Российская Федерация, 119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, 17. vasmirnova@hse.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 ноября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликовано: 1 марта 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Braun V., Clarke V. Thematic Analysis: A Practical Guide. New Delhi: SAGE Publications Ltd, 2021:376 [In English].
- King N., Brooks J., Tabari S. Template Analysis in Business and Management Research. In: Qualitative Methodologies in Organization Studies. Cham: Springer; 2018:179–206 [In English]. https://doi.org/10.1007/978-3-319-65442-3_8.
- Nguyen-Trung K. ChatGPT in Thematic Analysis: Can AI Become a Research Assistant in Qualitative Research. Quality & Quantity. 2025; 59: 4945–4978 [In English]. <https://doi.org/10.1007/s11135-025-02165-z>.
- Turobov A., Coyle D., Harding V. Using ChatGPT for Thematic Analysis. arXiv:2405.08828. 2024 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2405.08828>.
- Zhang H., Wu C., Xie J., Lyu Y., Cai J., Carroll J.M. Redefining Qualitative Analysis in the AI Era: Utilizing ChatGPT for Efficient Thematic Analysis. arXiv:2309.10771. 2024 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2309.10771>.
- 高鸣, 魏佳朔. 加快建设国家粮食安全产业带: 发展定位与战略构想. 中国农村经济. 2021. 第11期. 16–34 (Gao M., Wei J. Accelerating the Construction of National Grain Security Industrial Belt: Development Orientation and Strategic Conception. Chinese Rural Economy. 2021; 11:16–34) [In Chinese].
- 韩建军, 侯纪伟, 程玉, 侯婧祎. 中国省域粮食储备和粮食安全风险的耦合协调关系研究. 河南农业大学学报. 2022. 第56卷. 第4期. 706–714 (Han J., Hou J., Cheng Y., Hou J. Research on the Coupling and

- Coordination Relationship Between China's Provincial Grain Reserve and Security Risk. Journal of Henan Agricultural University. 2022; 56(4):706-714 [In Chinese]. <https://doi.org/10.16445/j.cnki.1000-2340.20210706.001>.
8. 马丽, 王雨浓. 我国粮食安全产业带建设: 现实意义、约束条件与实施对策. 西北农林科技大学学报(社会科学版). 2021. 第 21卷. 第 4期. 105-113 (Ma L., Wang Y. National Food Security Industry Belt Construction: Connotation, Constraints and Countermeasures. Journal of Northwest A&F University (Social Science Edition). 2021; 21(4): 05-113) [In Chinese]. <https://doi.org/10.13968/j.cnki.1009-9107.2021.04.13>.
  9. 马希龙, 张小虎. 中国省域间粮食安全空间格局演化分析. 江苏农业科学. 2020. 第 48卷. 第 2期. 294-300 (Ma X., Zhang X. Analysis of Spatial Pattern Evolution of China's Regional Food Security. Jiangsu Agricultural Sciences. 2020; 48(2):294-300) [In Chinese]. <https://doi.org/10.15889/j.issn.1002-1302.2020.02.051>.
  10. 毛绿萱, 李鑫. 总体国家安全观视角下中国粮食安全的定位、实践与影响. / 粮油食品科技. 2023. 第31卷. 第 4期. 1-9 (Mao L., Li X. Positioning, Practice and Influence of Chinese Food Security from the Perspective of Integrated National Security. Science and Technology of Cereals, Oils and Foods. 2023; 31(4): 1-9) [In Chinese]. <https://doi.org/10.16210/j.cnki.1007-7561.2023.04.001>.
  11. 张广辉, 崔疏星. 粮食产销区省际横向利益补偿机制创新—基于利益补偿目标的分析. 华南师范大学学报(社会科学版). 2025. 第1期. 141-156 (Zhang G., Cui S. Innovation of Interprovincial Horizontal Benefit Compensation Mechanism Between Major Grain-Producing Areas and Major Grain-Consuming Areas: Analysis Based on the Realistic Goal of Benefit Compensation. Journal of South China Normal University (Social Science Edition). 2025; 1:141-156) [In Chinese].
  12. 张秀青. 构建粮食产销区省际横向利益补偿机制研究. 价格理论与实践. 2025. 第 1期. 109-115 (Zhang X. Research on the Construction of Inter-Provincial Horizontal Benefit Compensation Mechanism for Grain Production and Marketing Areas. Price: Theory & Practice. 2025; 1: 09-115) [In Chinese]. <https://doi.org/10.19851/j.cnki.CN11-1010/F.2025.01.007>.
  13. 朱道才, 阴晓. 中国粮食安全时空分异: 理论分析与实证研究. 山东农业大学学报(社会科学版). 2024. 第 26卷. 第 4期. 145-152 (Zhu D., Yin X. Spatial and Temporal Differentiation of Food Security in China: Theoretical Basis and Empirical Analysis. Journal of Shandong Agricultural University (Social Science Edition). 2024; 26(4):145-152) [In Chinese].

About the author

Veronika A. SMIRNOVA. CandSc. (Polit.). Head of Asia-Pacific Department. HSE University, Centre for Comprehensive European and International Studies. <https://orcid.org/0000-0002-9643-9848>. Address: 17, Malaya Ordynka, Moscow, 119017, Russian Federation. vasmirnova@hse.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 10, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-95-109](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-95-109)

Сетевой анализ в цифровой дипломатии: трансформация коммуникативной стратегии посольства США в России от Б.Обамы до Дж.Байдена

Александра Андреевна Павлюченко^{1a}✉, Диана Эдуардовна Каплина^{2b}✉, Елизавета Владимировна Габукова^{3c}✉

^{1,2,3} Московский государственный университет имени

М.В.Ломоносова, Москва, Россия

^a pavliuchenkoa@my.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8799-9817>

^b dianakaplina2003@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3439-2106>

^c elizavetapankr@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8650-7778>

Аннотация. В условиях трансформации методов международной коммуникации цифровая дипломатия становится определяющим инструментом влияния. Если ранее исследования были сосредоточены на контент-анализе публикаций, то сегодня для понимания соответствующих стратегий необходимо изучать сетевые взаимодействия дипломатических миссий. Авторы утверждают, что коммуникационная стратегия посольства США в России является ярким примером такой эволюции и напрямую зависит от смены президента. Используя сетевой анализ, авторы показывают, что цифровая дипломатия США претерпела значительные изменения: от активного взаимодействия с медиа, университетами

и оппозиционными акторами при Б.Обаме до завершения деятельности и концентрации на прямых официальных контактах при Д.Трампе и дальнейшей стагнации при Дж.Байдене с фокусом на поддержку гражданских активистов. Анализ проводится на основе данных социальной сети X^{*1} за 2013, 2017 и 2021 гг., собранных с помощью сервиса Popsters и визуализированных в Gephi. Статья вносит вклад в изучение цифровой дипломатии, демонстрируя то, как сетевой анализ выявляет изменения в стратегиях и фундаментальные различия в подходах республиканских и демократических администраций к взаимодействию с российским обществом и государством. Полученные результаты демонстрируют, что сетевой анализ способен фиксировать институциональные и идеологические сдвиги в цифровой дипломатии, показывая, каким образом изменения политических стратегий находят отражение в конфигурации коммуникационных сетей и их динамике.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, международные отношения, сетевой анализ, посольство США в России, Popsters, Gephi, социальные сети, администрация Обамы, администрация Трампа, администрация Байдена

Для цитирования: Павлюченко А.А., Каплина Д.Э., Габукова Е.В. Сетевой анализ в цифровой дипломатии: трансформация коммуникативной стратегии посольства США в России от Б.Обамы до Дж.Байдена // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 95-109, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-95-109](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-95-109)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-95-109](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-95-109)

Network Analysis in Digital Diplomacy: The Transformation of the US Embassy's Communication Strategy in Russia from Barack Obama to Joseph Biden

Aleksandra A. Pavliuchenko^{1a}✉, Diana E. Kaplina^{2b}✉, Elizaveta V. Gabukova^{3c}✉

^{1,2,3} Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^a pavliuchenkoa@my.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-8799-9817>

^b dianakaplina2003@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3439-2106>

^c elizavetapankr@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-8650-7778>

Abstract. As international communication methods transform, digital diplomacy is becoming a defining tool of influence. While previous research focused on content analysis of publications, today, understanding the corresponding strategies requires examining the network interactions of diplomatic missions. The authors argue that the communications

¹ *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

strategy of the US Embassy in Russia is a prime example of this evolution and is directly influenced by presidential changes. Using network analysis, the authors demonstrate that US digital diplomacy has undergone significant changes: from active engagement with the media, universities, and opposition actors under Barack Obama to a phased-out focus on direct official contacts under Donald Trump, and further stagnation under Joe Biden, with a focus on supporting civic activists. The analysis is based on data from the X^{*2} social network for 2013, 2017, and 2021, collected using the Popsters service and visualized in Gephi. This article contributes to the study of digital diplomacy by demonstrating how network analysis reveals shifts in strategies and fundamental differences in the approaches of Republican and Democratic administrations to interacting with Russian society and the state. The findings demonstrate that network analysis can capture institutional and ideological shifts in digital diplomacy, revealing how changes in political strategies are reflected in the configuration and dynamics of communication networks.

Keywords: digital diplomacy, international relation, network analysis, US Embassy in Russia, Popsters, Gephi, social media, Obama administration, Trump administration, Biden administration

For citation: Pavliuchenko A.A., Kaplina D.E., Gabukova E.V. Network Analysis in Digital Diplomacy: The Transformation of the US Embassy's Communication Strategy in Russia from Barack Obama to Joseph Biden. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 1(19): 95-109, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-95-109](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-95-109)

Введение

На протяжении всей истории человечества дипломатия была одним из важнейших способов обеспечения конструктивного взаимодействия государств, а с появлением новых технологий возможности правительства напрямую коммуницировать с зарубежной публикой многократно возросли. В связи с проникновением цифровых технологий во все сферы жизни общества вопрос об эффективной стратегии формирования имиджа государства в цифровой среде становится все более актуальным.

Можно отметить, что информационная революция второй половины двадцатого века не стала первой, к которой пришлось приспособиться дипломатам. Ранее появление паровых двигателей и телеграфа обеспечило постоянный контакт дипломатических представительств с центрами принятия решений, ограничив круг вопросов, по которым дипломаты могли самостоятельно принимать решения [6]. Появление Интернета, электронных писем и социальных сетей имело аналогичный эффект, ускорив передачу и увеличив объем информации, которым оперируют дипломатические службы.

Использование социальных сетей как инструмента воздействия на общественное мнение стало важным вопросом в политических исследованиях начиная с 2011 г., когда «арабская весна» продемонстрировала, как цифровые технологии могут сыграть важную роль в политических процессах [8]. Во время

² *Access to X (formerly Twitter) in the Russian Federation has been blocked based on a request from the Prosecutor General's Office dated February 24, 2022, due to the platform's dissemination of false, socially significant information. 18+.

всех последовавших политических кризисов вопрос об использовании социальных сетей и прочих инструментов цифровой коммуникации внешнеполитическими ведомствами породил новый виток интереса к данному вопросу со стороны экспертного и академического сообщества [5].

В условиях обострения межгосударственного соперничества и стремления к использованию все новых площадок распространения политического влияния делает изучение цифровой дипломатии на примере Соединенных Штатов Америки как государственного актора, который первым комплексно имплементировал данную практику, актуальным как в контексте академических, так и прикладных исследований.

Целью настоящего исследования выступает анализ эволюции коммуникационной стратегии дипломатического представительства Соединенных Штатов в России в контексте смены президентских администраций. В качестве основной исследовательской задачи определяется выявление особенностей реализации цифровой дипломатии США в период руководства Барака Обамы, Дональда Трампа и Джозефа Байдена, включая идентификацию ключевых информационных источников и целевых групп влияния.

Материалы и методы

Сложность цифровой дипломатии как явления требует привлечения целого ряда подходов для ее анализа. Междисциплинарный характер исследований цифровой дипломатии обусловил привлечение методов из различных научных областей – от сетевого анализа до дискурс-анализа. В российском академическом сообществе чаще всего применяются три основных подхода к изучению цифровой дипломатии: дискурс-анализ, контент-анализ и анализ хештегов [4]. Дискурс-анализ, первоначально разработанный в филологических науках, показал свою эффективность при типологизации речевых стратегий и выявлении специфики дипломатического дискурса в социальных сетях. Однако ограниченность выборки и преимущественно описательный характер результатов ограничивают применимость данного подхода для решения более широких исследовательских задач, стоящих перед политологами.

Контент-анализ при работе со средними объемами данных (от нескольких сотен до нескольких тысяч публикаций) стал наиболее популярным методом среди российских политологов. Исследования А.Е.Денисова с соавторами [2], К.С.Кравцова и Е.Д.Соболевой [3] показали универсальность этого подхода для сравнительного анализа стратегий различных государств, выявления приоритетов и оценки эффективности информационных кампаний. Преимуществами контент-анализа являются относительная простота реализации, отсутствие необходимости в специализированном программном обеспечении и возможность получения статистически значимых результатов. Однако этот метод имеет существенные

ограничения: отсутствие анализа визуальной составляющей публикаций, сложности с анализом контекста и невозможность работы с действительно большими массивами данных.

Анализ больших данных с применением машинных методов обработки текста представляет собой наиболее перспективное, но и наиболее требовательное к ресурсам направление. Работы представителей Санкт-Петербургского государственного университета, в частности исследования А.Н.Сытник, Н.А.Цветковой и их коллег [5], продемонстрировали возможности хештег-анализа для проверки масштабных гипотез о влиянии цифровой дипломатии на общественное мнение. Однако высокий «порог входа» – необходимость владения программированием, работы со специализированным программным обеспечением и решения технических проблем (выявление ботов, обработка искаженных данных) – ограничивает распространение этих методов среди исследователей.

Однако перечисленные выше методы не позволяют решить задачу, поставленную в исследовании, т.к. оставляют за скобками взаимодействие с другими пользователями социальных сетей. Изучить данный аспект цифровой дипломатии позволяет применение методологии сетевого анализа. В российском академическом дискурсе первым применил данный подход Д.О.Вакарчук [1], проводя сравнительный анализ коммуникативной стратегии посольств США и Китая в странах Средиземноморья. Также можно отметить работу С.Пак, Д.Чанг и Пак, в которой авторы провели сравнительный анализ цифровой дипломатии Южной Кореи и Японии [7].

Метод сбора данных. В целях анализа были собраны публикации из социальной сети X³ за 2013, 2017 и 2021 гг. Выгрузка производилась в полуавтоматическом режиме при помощи сервиса Popsters⁴. На первичном этапе были выгружены публикации посольства США в России (@USEmbRU) за каждый из трех периодов. Далее из текстов публикаций были извлечены все упоминания других аккаунтов при помощи языка программирования Python. На втором этапе выгружались публикации всех упомянутых посольством аккаунтов, из которых аналогичным способом извлекались теги. Необработанные публикации всех задействованных в анализе аккаунтов размещены в формате csv в репозитории Github⁵. Все аккаунты, которые упоминались посольством, были классифицированы по типам: американские госструктуры, американские СМИ, международные организации, бизнес, культура, гражданские активисты (включая иностранных агентов), российские госструктуры, американские университеты.

Для дальнейшего построения сети каждое упоминание аккаунта приравнивалось к единице. Ввиду технических ограничений платформы репосты и

³ *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

⁴ Popsters – Social media pages analysis tool. URL: <https://popsters.com>.

⁵ Pavliuchenko A. US Digital diplomacy in Russia dataset. URL: <https://github.com/AlexaPavl/US-Digital-diplomacy-in-Russia>.

Таблица 1. Группы аккаунтов, вошедших в сеть американского посольства, в %
Table 1. Account Groups Included in the US Embassy Network, in %

Американские государственные структуры	31,6%
Американские СМИ	11,97%
Политики	11,11%
Международные организации	10,26%
Американские университеты	8,55%
Бизнес	6,84%
Гражданские активисты (включая иностранных агентов)	5,98%
Российские СМИ	2,56%
Культура	1,71%
Российские государственные структуры	1,71%

Посольство последовательно продвигало программы академической мобильности, а также часто упоминает крупнейшие американские вузы. Этот вектор коммуникации способствовал формированию привлекательного образа американского образовательного пространства и выступал в качестве инструмента по привлечению российской молодежи. Это отражалось и во взаимодействии с крупнейшими российскими вузами. При этом деятели культуры и культурные учреждения не стали целевой группой для взаимодействия посольства.

В качестве тренда также можно отметить дистанцирование от взаимодействия с российскими политическими акторами, будь то политики или государственные структуры, в то время как с гражданскими активистами и иностранными агентами (Илья Варламов^{*10}, Ксения Собчак, Алексей Навальный^{*11} и пр.) посольство взаимодействовало активно. Таким образом, мы можем говорить о поддержке оппозиционных лидеров мнения как части коммуникативной стратегии американского посольства в период администрации Б.Обамы. При этом важно отметить, что это можно фиксировать до 2014 г., который принято считать началом информационного противостояния США и России.

Республиканский вектор цифровой дипломатии при Д.Трампе

С приходом администрации Дональда Трампа цифровая дипломатия США в России претерпела заметные структурные и содержательные изменения. В первую очередь усилились влияние федеральных государственных институтов и синхронизация сообщений посольства с установками официальных ведомств в Вашингтоне. Новостные агентства полностью пропали из коммуникативной модели

¹⁰ *Внесен Минюстом РФ в реестр иноагентов.

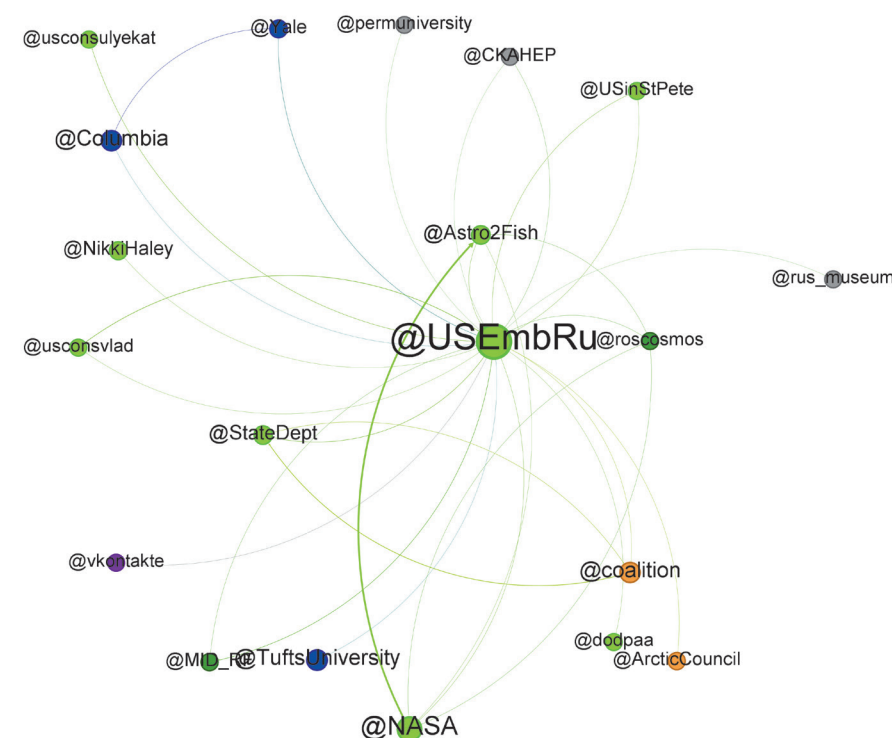
¹¹ *Внесен Минюстом РФ в реестр иноагентов.

Таблица 2. Группы аккаунтов, вошедших в эго-сеть американского посольства, 2017 г., в %
Table 2. Groups of Accounts Included in the US Embassy Ego Network, 2017, in %

Американские государственные структуры	45%
Американские университеты	15%
Международные организации	10%
Российские государственные структуры	10%
Бизнес	5%
Другое	15%

Рисунок 2. Сетевая структура аккаунтов, упоминавшихся посольством США в Москве за 2017 г.

Figure 2. Network Structure of Accounts Mentioned by the US Embassy in Moscow in 2017

посольства, уступив место государственным структурам, которые теперь заняли 45% от общего числа всех узлов эго-сети посольства (Таблица 2). Интересным также стало то, что посольство начало взаимодействовать с консульством США в Санкт-Петербурге, что не отмечалось в 2013 г.

Посольство по-прежнему взаимодействовало с американскими университетами, хотя обменные программы в сети больше не встречались, что является логичным продолжением бюджетных сокращений программ международного обмена администрации Трампа.

В условиях значительного сокращения сетевой структуры (Рисунок 2) возросла доля аккаунтов российских государственных структур, что в комплексе с отсутствующими СМИ может говорить о смещении коммуникативной стратегии при Д.Трампе в сторону прямого диалога государственных структур, а не информирования населения.

Гражданские активисты и иностранные агенты полностью пропали из сетевой структуры, что может свидетельствовать о нежелании республиканской администрации дестабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в России путем медийной поддержки антиправительственных акторов, что сильно отличается от стратегии периода Б.Обамы. В стратегии аккаунта отобразилась и смена вектора администрации Трампа в отношении международных организаций. ООН и ее структуры, как и целый ряд международных организаций, не упоминались посольством.

Стагнация цифровой дипломатии в период администрации Дж.Байдена

С 2021 г. число публикаций посольства, как и количество упоминаний других аккаунтов, значительно сократилось, что не могло не отразиться на сетевой структуре пользователей, взаимодействовавших с аккаунтом, – число узлов сократилось до 15. Основной состав узлов вновь представляли аккаунты иностранных агентов (А.Навальный*¹², общество «Мемориал»*¹³ и пр.) и американских государственных структур (Рисунок 3).

Несмотря на это, посольство не вернулось к ожидавшейся коммуникации с американскими медиагигантами и сохранило модель институционализированного диалога и поддержки оппозиционных сил (Таблица 3), что стало логичным продолжением повестки демократической партии США.

Американское образование больше не играло роль драйвера американской «мягкой силы» в коммуникативной стратегии посольства. Место в сети сохранил только американский Бард колледж*¹⁴, попавший туда из-за признания нежелательной организацией на территории Российской Федерации в 2021 г. из-за крупных финансовых вливаний Фонда Сороса*¹⁵ и последовавшей медиакампании посольства в его поддержку.

12 *Внесен Минюстом РФ в реестр иноагентов.

13 *Внесен Минюстом РФ в реестр иноагентов.

14 *Деятельность Бард колледжа признана нежелательной на территории Российской Федерации в 2021 г.

15 *Деятельность Фонда Сороса признана нежелательной на территории Российской Федерации в 2015 г.

Рисунок 3. Сетевая структура аккаунтов, упоминавшихся посольством США в Москве за 2021 г.

Figure 3. Network structure of accounts mentioned by the US Embassy in Moscow in 2021

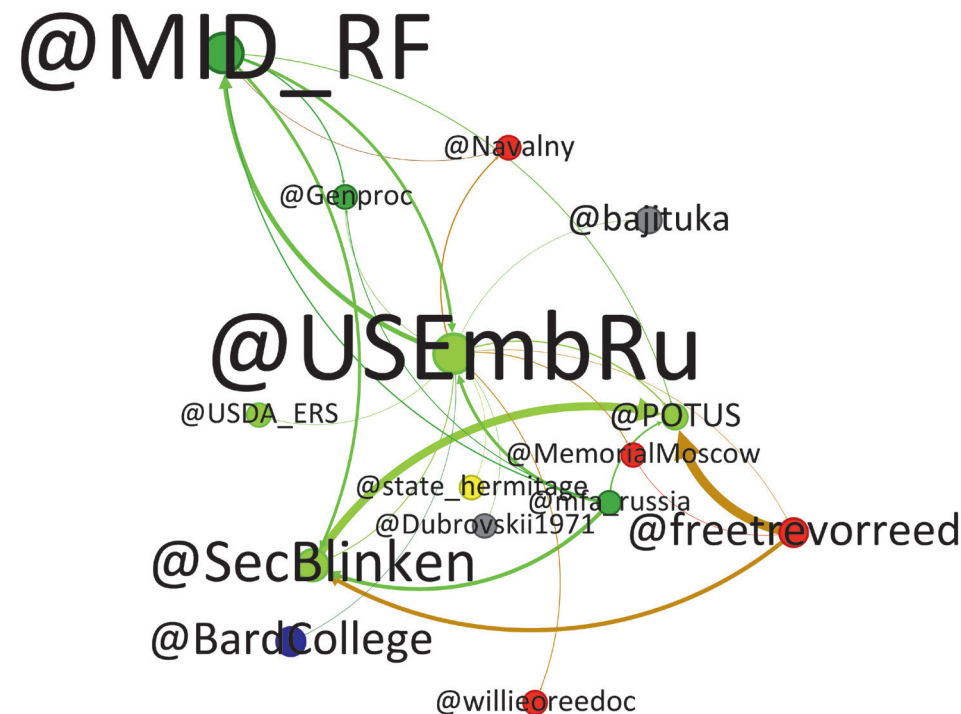

Таблица 3. Группы аккаунтов, вошедших в эго-сеть американского посольства, 2021 г., в %

Table 3. Account Groups Included in the US Embassy Ego Network, 2021, in %

Гражданские активисты	26,7%
Американские госструктуры	26,7%
Российские государственные структуры	20%
Культура	6,67%
Американские университеты	6,67%
Другое	12,3%

Сокращение публикационной активности и значительное сжатие эго-сети посольства свидетельствует (Таблица 4) о стагнации цифровой дипломатии США в отношении Российской Федерации, начавшейся до запрета X*¹⁶ на территории РФ.

16 *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

Таблица 4. Общая характеристика сетевой структуры упоминаемых посольством США в Москве аккаунтов и его публикационная активность
Table 4. General Characteristics of the Network Structure of the Accounts Mentioned by the US Embassy in Moscow and its Publication Activity

	Количество узлов	Количество ребер	Количество публикаций аккаунта
2013	115	382	5 363
2017	20	32	197
2021	15	27	90

Выводы

Сравнительный анализ коммуникационной стратегии посольства США в России на протяжении трех президентских администраций выявляет существенные различия в выборе акторов и инструментов цифровой дипломатии, которые неразрывно связаны с политическими приоритетами администраций.

Администрация Барака Обамы и последующий период администрации Байдена демонстрируют ярко выраженную ориентацию на взаимодействие с внутренними российскими акторами оппозиционной направленности. Эта линия отражает стратегию воздействия на внутривластную ситуацию в России через поддержку и легитимацию оппозиционных голосов.

Напротив, администрация Дональда Трампа избрала иную стратегию, основанную на минимизации контактов с российской оппозицией. Трамп и его команда не апеллировали к оппозиционным силам и не использовали риторику поддержки оппозиционных движений. Вместо этого приоритет был отдан прямому взаимодействию через государственные структуры и официальные каналы, избегая при этом вовлечения в российские внутривластные конфликты. Такой прагматичный подход свидетельствует о разных геополитических расчетах – Трамп сосредоточивался на переговорах с официальной властью по конкретным вопросам.

Таким образом, можно констатировать фундаментальное различие в логике дипломатического воздействия: демократические администрации используют инструментарию дестабилизации внутривластной ситуации через поддержку оппозиционных акторов, что предполагает долгосрочное влияние на социально-политические процессы; администрация Трампа придерживалась более осторожного курса, исключавшего попытки апеллировать к оппозиции и вмешиваться во внутренние конфликты.

Первый значимый вывод из проведенного анализа состоит в том, что цифровая дипломатия и публичные коммуникации посольства являются прямым отражением приоритетов президентской администрации. Не существует автономного уровня дипломатической коммуникации, независимого от политических установок центральной власти. Каждое изменение во главе государства немедленно транслируется на уровень региональных представительств, видоизменяя

тональность, выбор партнеров и целевые аудитории. Это свидетельствует о высокой степени централизации дипломатического аппарата США и о том, что публичная дипломатия функционирует как органическая часть государственной политики, а не как независимый институт.

Второй ключевой вывод касается общей траектории деградации цифровой дипломатии посольства США в России в количественном измерении. Сравнительный анализ объема публикаций, интенсивности обновления контента и числа упоминаемых акторов в социальных сетях и официальных коммуникациях демонстрирует снижение активности на протяжении анализируемого периода. Если в начальный период коммуникационная стратегия характеризовалась разветвленностью, многообразием акторов и высокой частотой обновления контента, то в последующие периоды наблюдается последовательное сокращение числа сообщений и сужение спектра упоминаемых общественных деятелей, организаций и инициатив. Эта деградация не случайна, а отражает объективное ухудшение условий для дипломатической работы, нарастание политических ограничений, а также переоценку эффективности инструментов «мягкой силы» в условиях острого геополитического противостояния. Однако, важно отметить, что деградация цифровой дипломатии США является отражением не только политических реалий, но и деградацией социальных сетей (Facebook^{*17}, X^{*18}) в целом.

Таким образом, исследование позволяет утверждать, что коммуникационная политика американского посольства в России является чувствительным индикатором как внешнеполитических приоритетов администраций, так и реального состояния двусторонних отношений. Различия в стратегиях демократических и республиканских администраций отражает фундаментальные расхождения в подходе к вопросу о трансформации российского политического порядка и взаимодействии с российским обществом.

Список литературы

1. Вакарчук Д.О. Особенности цифровой дипломатии США и КНР в Средиземноморском регионе [The Features of the USA and the PRC Digital Diplomacy in the Mediterranean Region] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 4. С. 411–430. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.402>.
2. Денисов А.Е. Хештеги, нарративы и банальный национализм (на примере крышенского движения) [Hashtags, Narratives and Banal Nationalism (A Case Study of the Kryashens' Movement)] // Политическая наука. 2021. № 3. С. 161–182. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.07>.
3. Кравцов К.С., Соболева Е.Д. Аккаунты китайских посольств в социальных сетях как инструмент цифровой дипломатии КНР в Африке [PRC'S Digital Diplomacy in Social Network Accounts of Chinese Embassies in Africa] // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. Т. 48. № 4. С. 3–22. <http://www.doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2023.320>.

¹⁷ *Деятельность социальной сети Facebook запрещена на территории Российской Федерации (решение Тверского суда Москвы от 21.03.2022), 18+.

¹⁸ *Доступ к X (бывш. Twitter) на территории Российской Федерации заблокирован на основании требования Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 г. в связи с распространением ложной и недостоверной общественно значимой информации, 18+.

4. Павлюченко А.А. Методы изучения цифровой дипломатии в российских международно-политических исследованиях [Digital Diplomacy in Russian International Studies: Research Methods] // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 225–250. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250>.
5. Сытник А.Н., Цветкова Н.А., Цветков И.А. Цифровая дипломатия США в зеркале Больших данных: уроки Венесуэльского кризиса 2018–2019 годов [U.S. Digital Diplomacy and Big Data: Lessons from the Political Crisis in Venezuela, 2018–2019] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. № 2. С. 192–203. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.16>.
6. Nickles D.P. Under the Wire: How the Telegraph Changed Diplomacy: Harvard Historical Studies. Under the Wire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. 265 p.
7. Park S., Chung D., Park H. Analytical Framework for Evaluating Digital Diplomacy Using Network Analysis and Topic Modeling: Comparing South Korea and Japan // Information Processing and Management. 2018. № 56(4). <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2018.10.021>.
8. Seib P. Real-time Diplomacy: Politics and Power in the Social Media Era. Real-Time Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 210 p.

Информация об авторах

ПАВЛЮЧЕНКО Александра Андреевна. Старший преподаватель кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова. <https://orcid.org/0009-0009-8799-9817>. Адрес: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51. pavliuchenkoaa@my.msu.ru

КАПЛИНА Диана Эдуардовна. Студентка кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова. <https://orcid.org/0009-0009-3439-2106>. Адрес: Российская Федерация, 119454, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51. dianakaplina2003@yandex.ru

ГАБУКОВА Елизавета Владимировна. Студентка кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова. <https://orcid.org/0009-0006-8650-7778>. Адрес: Российская Федерация, 119454, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 51. elizavetapankr@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 11 ноября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Vakarchuk D.O. The Features of the USA and the PRC Digital Diplomacy in the Mediterranean Region. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya [Saint

1. Petersburg University Bulletin. International Relations]. 2024; 17(4):411–430 [In Russian]. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.402>.
2. Denisov A.E. Hashtags, Narratives and Banal Nationalism (A Case Study of the Kryashens' Movement). Politicheskaya nauka [Political Science]. 2021; 3:161–182 [In Russian]. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.07>.
3. Kravtsov K.S., Soboleva E.D. PRC'S Digital Diplomacy in Social Network Accounts of Chinese Embassies in Africa. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika [Moscow University Bulletin. Series 10: Lomonosov Journalism Journal]. 2023; 48(4):3–22 [In Russian]. <http://www.doi.org/10.30547/vestnik.journ.4.2023.320>.
4. Pavliuchenko A.A. Digital Diplomacy in Russian International Studies: Research Methods. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXV. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Lomonosov World Politics Journal]. 2024; 16(4):225–250 [In Russian]. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-4-225-250>.
5. Sytnik A.N., Tsvetkova N.A., Tsvetkov I.A. U.S. Digital Diplomacy and Big Data: Lessons from the Political Crisis in Venezuela, 2018–2019. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]. 2022; 2:192–203 [In Russian]. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.16>.
6. Nickles D.P. Under the Wire: How the Telegraph Changed Diplomacy: Harvard Historical Studies. Under the Wire. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003:265 [In English].
7. Park S., Chung D., Park H. Analytical Framework for Evaluating Digital Diplomacy Using Network Analysis and Topic Modeling: Comparing South Korea and Japan. Information Processing and Management. 2018; 56(4) [In English]. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2018.10.021>.
8. Seib P. Real-time Diplomacy: Politics and Power in the Social Media Era. Real-Time Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan, 2012:210 [In English].

About the authors

Aleksandra A. PAVLIUCHENKO. Senior Lecturer of Department of Information Support for Foreign Policy, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. <https://orcid.org/0009-0009-8799-9817>. Address: 51 Building, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119454, Russian Federation. pavliuchenko.aa@my.msu.ru

Diana E. KAPLINA. Student of Department of Information Support for Foreign Policy, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. <https://orcid.org/0009-0009-3439-2106>. Address: 51 Building, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119454, Russian Federation. dianakaplina2003@yandex.ru

Elizaveta V. GABUKOVA. Student of Department of Information Support for Foreign Policy, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University. <https://orcid.org/0009-0006-8650-7778>. Address: 51 Building, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119454, Russian Federation. elizavetapankr@yandex.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: November 11, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-110-131](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-110-131)

Тематическое моделирование в исследовании регулирования инострannого землевладения в американских штатах в 2018–2025 гг.

Александра Андреевна Бреславцева

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М.Примакова Российской
академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Россия
breslavltsseva@imemo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0113-6538>

Аннотация. Меняющийся международный ландшафт не только перестраивает внешнеполитическую стратегию США, но и оказывает значительное влияние на американскую внутреннюю политику. Распространяемый нарратив об угрозах со стороны стран-противников привел к росту обеспокоенности американской общественности внешним влиянием. Ее внутриполитические проявления отчетливо прослеживаются в регулировании иностранной деятельности в США, которое отмечается и в практике Вашингтона, и на местном уровне. В американских штатах разрабатываются собственные подходы к решению задач, стоящих на повестке, которые или дополняют общегосударственные, или расширяют регулирование в рамках местной юрисдикции. Распространенной практикой в усилении контроля над иностранной деятельностью на уровне штатов стало регулирование прав землевладения зарубежными лицами. Каждый штат по-своему определил рамки и нормы этого правового сегмента, и исследованию специфики такого законодательства посвящена данная работа. В статье

автор анализирует законодательные акты, принятые в 2018–2025 гг. на уровне штатов, выявляет сходства и уникальные подходы к принятию таких ограничений. Автор использует метод тематического моделирования для ранжирования нормотворчества и определения основных тематических кластеров в композиции собранного семантического материала среди принятых законодательных актов, которые касаются прав иностранного землевладения напрямую. В условиях актуализации вопроса об унифицированном подходе при новой администрации Д.Трампа в статье анализируются потенциальные последствия продвижения федеральной инициативы для земельного регулирования в американских штатах.

Ключевые слова: земельная собственность, регулирование прав владения, американские штаты, США, Китай, страны-противники, тематическое моделирование

Для цитирования: Бреславцева А.А. Тематическое моделирование в исследовании регулирования иностранного землевладения в американских штатах в 2018–2025 гг. // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 110–131, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-110-131](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-110-131)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-110-131](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-110-131)

Topic Modeling of U.S. State Legislation on Foreign Ownership of Land from 2018 to 2025

Alexandra A. Breslavltsseva

Primakov National Research Institute of World Economy and International
Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia
breslavltsseva@imemo.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0113-6538>

Abstract. The evolving international landscape is reshaping not only the foreign policy strategy of the United States but also exerting a profound influence on its domestic political dynamics. The US discourse on threats from adversaries has intensified public concern over foreign influence, prompting heightened regulatory attention to foreign activities within the country. Following federal trends, US states have developed their own policy responses that might either complement Washington initiatives or expand regulatory frameworks within their local jurisdictions. Acts based on defending “critical” infrastructure or “strategic” property near military installations, which are considered national security risks, are often designed to reduce opportunities for foreign persons or entities affiliated directly or indirectly with China. The research covers US state legislative acts, with particular attention to foreign property ownership regulations, which have prompted bipartisan support for protective measures and become a widespread practice since 2018. The analysis reveals patterns of similarities and differences between states’ approaches to implementing new regulations on foreign land ownership. Using thematic modeling, the authors rank the state’s legislative activity on land regulations and identify major thematic clusters within the collected body of legal texts. The authors argue that the US policy initiatives framed

around countering foreign adversaries have fostered a climate of “foreign threat” alarmism at the state level, leading to broadening regulatory control over foreign activities even within domains formally regulated by federal authorities.

Keywords: land law, property regulations, China, US, States policy, local legislature, foreign adversaries, topic modeling

For citation: Breslavtseva A.A. Topic Modeling of U.S. State Legislation on Foreign Ownership of Land from 2018 to 2025. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 1(19): 110-131, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-110-131](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-110-131)

Введение

Смена партийного контроля в США в 2016 г., приведшая к приоритизации курса на восстановление потенциала как в оборонной, так и в гражданской сфере, увеличила внимание страны к «решению внутренних проблем». Кампания кандидата на пост президента США Д.Трампа 2015–2016 гг. акцентировала внимание на уязвимостях страны¹ и получила отклик в американском обществе, поставив во главу угла внутренние преобразования [1, с. 94]. Впоследствии стремление расширить полномочия штатов в процессах, связанных с улучшением социально-экономической ситуации, стимулировало местные правительства – американские штаты – присоединиться к реформам. Расширение регуляторных практик в условиях роста обеспокоенности угрозами со стороны внешних акторов (в первую очередь Китая) затронуло не только логику внешнеторговых отношений. Усиление ограничений сочеталось с поиском подходов к регулированию прав иностранных лиц внутри США – их деятельности, активов, а главное – собственности.

В 2018 г. были приняты два закона, поддержанные обеими партиями, которые усовершенствовали контроль за инвестициями и иными транзакциями: «О модернизации процесса оценки рисков от иностранных инвестиций» (Foreign Investment Risk Review Modernization Act, FIRRMA) и «О реформе экспортного контроля» (Export Control Reform Act, ECRA). В основном они были направлены на сдерживание стран-противников США в технологических отраслях, их способности оказывать влияние на экономическую безопасность США [3, с. 93]. Реформы повысили значимость контроля иностранной деятельности и защиты «стратегической инфраструктуры» США от угроз со стороны «стран, вызывающих обеспокоенность» усилением роли Комитета по иностранным инвестициям США (Committee on Foreign Investment in the United States, CFIUS). Вплоть до реформы CFIUS в основном рассматривал сделки на основе добровольных уведомлений о транзакциях², а после рассмотрение сделок, касающихся соображений национальной безопасности,

¹ Speech: Donald Trump in Manassas, VA – December 2, 2015 // RollCall, 02.12.2015. URL: <https://rollcall.com/factbase/transcript/donald-trump-speech-manassas-va-december-2-2015/>.

² CFIUS annual report to Congress. Report Period: CY 2018. The US Treasury, May, 2020. (P. iii). URL: <https://home.treasury.gov/system/files/206/CFIUS-Public-Annual-Report-CY-2018.pdf>.

затронуло в том числе американскую сельскохозяйственную отрасль. Находившаяся традиционно в числе приоритетных тем государственного регулирования [5], она привлекла внимание в контексте иностранного владения собственностью на землю.

Интерес к расширению регулирования только возрос при демократах: защита стратегической инфраструктуры стала ключевым компонентом политики и пристального внимания общественности [6]. Ограничение права владения сельскохозяйственными угодьями зарубежными лицами активно обсуждалось на разных уровнях в 2021–2024 гг. [5, р. 149]. В 2025 г. проблема землевладения иностранными лицами вошла в число стратегических угроз национальной безопасности. Новая команда Трампа заявила о намерении усилить ограничения: летом 2025 г. министр сельского хозяйства США опубликовала Национальный план по обеспечению безопасности сельского хозяйства, в числе задач которого – «прямое противодействие иностранному владению сельскохозяйственными угодьями»³. Данная повестка и ранее широко поддерживалась местными легислатурами и губернаторами. Американские штаты внедряют ограничения в рамках своей юрисдикции: законы, непосредственно ограничивающие права иностранных лиц в приобретении земли, приняты уже в 25 штатах, а с учетом усиливающих контроль за собственностью штата по косвенным признакам – в 37. Какова специфика этого нормотворчества? В чем различие в практике американских штатов? Какие главные лейтмотивы прослеживаются в местном законодательстве и как они соотносятся с предлагаемыми новой администрацией Д.Трампа реформами? Для ответа на поставленные вопросы была собрана база данных по законодательству штатов и использован метод тематического моделирования с целью выявления основных тематических кластеров из массива юридических документов по регулированию землевладения на местном уровне.

Материалы и методы

Исследование законодательных мер, направленных на ограничение иностранного владения собственностью в каждом американском штате, предполагает создание полноценной базы данных с местными законами по этой теме. Сбор данных был ограничен семилетним периодом: были учтены законы, принятые с 2018 г. по октябрь 2025 г. Законодательные акты были отобраны вручную на основе данных местных легислатур, исполнительных ведомств штатов, а также базы данных LegisCap по законопроектам и интерактивной карте данных организации по продвижению интересов китайско-американской общины Committee of 100. Исследование

³ Farm Security is National Security: The Trump Administration Takes Bold Action to Elevate American Agriculture in National Security // The U.S. Department of Agriculture, 08.07.2025. URL: <https://www.usda.gov/about-usda/news/press-releases/2025/07/08/farm-security-national-security-trump-administration-takes-bold-action-elevate-american-agriculture>.

включило 64 закона, принятых в 37 штатах, которые прямо (42) или косвенно (16) ограничивают, дополняют, модифицируют существующие ограничения или ставят на повестку дня (6) необходимость таких ограничений для защиты национальной безопасности штата.

В процессе выборки был проведен первичный анализ – законы вручную были ранжированы по таким важным признакам, как:

- а) партийная аффилиация инициатора такой законодательной меры;
- б) тип нормотворчества (закон легислатуры штата или указ губернатора);
- в) по субъекту, в отношении которого ограничения вводятся;
- г) по регулируемой единице (тип земельной собственности);
- д) по году принятия инициативы.

Дальнейшие шаги по автоматизации анализа были выполнены на основе обработки и классификации данных при помощи кодирования с использованием метода «тематического моделирования» (topic model) – построения модели на основе текстовых массивов, которая выделяет основные темы между ними, а также ключевые слова, образующие такие темы, – тематические кластеры [2].

Перед проведением моделирования важнейшим этапом стала подготовка материала текстов: техническая обработка, очистка от «шума» – частотных слов, используемых в юридическом языке, специфичных для американских законов. Для автоматизации процесса сначала при помощи кодирования были вычислены биграммы и триграммы – наиболее частые последовательности двух и трех слов в тексте соответственно, используемые для анализа языковых паттернов и построения статистических моделей. После обработки таких переменных удалось исключить юридические спойлеры, то есть не значимые для контекстного анализа термины, которые влияют на качество тематического моделирования. Анализ юридических документов при помощи тематического моделирования сильно осложнен из-за специфики используемого в них языка. Более подробная очистка текстов может привести к искажению результатов, но даже при условии отсеивания моделирование таких специфических текстов сохраняет ошибки. Для исследования законотворчества, которое регулировало напрямую права иностранных лиц, были отсеяны такие законы, которые лишь косвенно касались этого процесса. В итоговом варианте подготовленная база данных для моделирования содержала 42 закона, принятых в 25 штатах.

Экспертная типология норм по ключевым признакам

Учитывая, что известные инструменты тематического моделирования имеют свои ограничения [7], а также то, что данный метод будет применяться к специфическому корпусу текста – юридическим документам, которые еще и посвящены узконаправленной теме, значимым исследовательским решением стало попытаться создать комбинированную систему выявления тематических кластеров с использованием полностью и полуавтоматизированного подхода.

На основе очищенной базы данных была проведена автоматическая классификация предметной области ограничений на основе четырех предметных наборов ключевых слов, которые ранжировали нормотворчество по типу земельной собственности, на которую распространяется закон: в отношении (1) сельскохозяйственных и (2) лесных угодий, (3) земель близ стратегической инфраструктуры и (4) земель с учетом недропользования. Таким образом каждый закон был отнесен к одной из таких категорий (прямых и комбинированных).

Для упрощения анализа специфики регулирования каждого законопроекта были определены направляющие признаки – набор качественных бинарных категориальных переменных, учитывающих, насколько строго или широко регулирование, его направленность и продуманность. А главное – они позволили определить, в какой степени нормотворчество обусловлено фактором «внешних угроз» и как явно оно направлено против какой-либо страны, в частности Китая. Степень детализированности принятых мер оценивалась по следующим признакам:

- упоминание процедуры дивестирования – процесса избавления штата от нежелательных активов или принудительного отчуждения собственности у лиц, «вызывающих беспокойство» у властей;
- установление точных параметров запрещенного землевладения – конкретных зон, на которые распространяются ограничительные положения нормотворчества, с указанием радиуса удаленности от стратегической инфраструктуры или вводящих максимальную площадь, разрешенную для приобретения;
- оценка негативной коннотации мер с учетом содержания в тексте документов риторики об угрозах и о словах, указывающих на агрессивность поведения зарубежных противников;
- наличие в нормотворчестве положений о необходимости сбора данных, составления отчетов, проведения мониторинга или оценки рисков в отношении иностранного землевладения;
- широта направленности мер, учитывающих обширный круг аффилированных со странами-противниками лиц (агентов, поручителей и т.д.);
- упоминание доли владения при рассмотрении ограничений;
- требование подачи процедуры «аффидевита» – заверенного письменного подтверждения отсутствия связи лица со странами-противниками;
- упоминание о штрафах за несоблюдение этого закона.

Кроме такого широкого списка, для оценки политизированности мер законы были проанализированы на предмет содержания «названности» угроз, которые послужили импульсом к реформе в области прав собственности. Во-первых, были отобраны акты, которые устанавливают «внешнего врага»: эксплицитно упоминают Китай или КПК, другие страны или подчеркивают «враждебный характер» этих акторов. Вторая задача заключалась в том, чтобы определить, насколько законы мотивированы соображениями национальной безопасности, содержат конкретное упоминание угроз и других маркеров негативной коннотации.

Таблица 1. Основные маркеры качественных бинарных категориальных переменных, фигурирующие в корпусе законов штатов

Table 1. Core Markers of Qualitative Binary Categorical Variables Present in the Corpus of US' State Laws

	Признак	Ключевые маркеры ⁴
Санкционные механизмы	Упоминание процедуры «дивестирования»	«divest», «divestiture», «divesting», «divestment», «dispose», «disposal», «alienate», «alienation»
	Упоминание процедуры «аффидевита»	«affidavit»
	Упоминание о штрафах	«penalty», «fine», «forfeit», «forfeiture», «debt», «dollar»
Расширенные инструменты регулирования	Включение широкого круга аффилированных лиц	«agent», «representative», «affiliated», «affiliate», «controlled by», «subsidiary», «holding company», «beneficial owner», «front», «fiduciary», «trustee»
	Указание параметров запрещенного землевладения	«mile», «radius», «proximity», «acre», «kilometer»
	Упоминание доли владения	«interest in», «portion», «share», «de minimis»
	Положения о необходимости сбора данных	«report», «reporting», «assessment», «evaluation», «audit», «monitoring», «disclose», «disclosure», «assess», «evaluate», «review», «investigate», «investigation», «study», «data collection», «monitor»
	Упоминание ограничений других форм деятельности	«contract», «deal», «dealing», «economic development program», «contractual», «economic incentives»
Политизированность мер	Негативная коннотация мер	«threat», «threatening», «hostile», «spy», «espionage», «adversary», «adversarial», «malicious», «coercive», «sabotage», «aggressor», «aggressive», «undermine», «malign influence», «destabilize», «danger», «dangerous», «adverse», «enemy»
	Упоминание Китая	«china», «ccp», «chinese», «prc»
	Упоминание соображений национальной безопасности	«national security», «defense», «military», «critical infrastructure», «cyber», «espionage»
	Подчеркнутая «враждебность» акторов	«adversary», «adversarial»
Объект регулирования	Упоминание других стран-противников	«russia», «iran», «north korea», «cuba», «venezuela»
	Сельскохозяйственные угодья	«agricultural land», «farmland», «farm», «farming», «crop», «agriculture»
	Лесные угодья	«forest», «forest land»
	Ресурсы	«mineral», «timber», «oil», «gas», «quartz», «coal», «subsurface», «natural resources», «mineral resources», «mine», «mining», «quarry», «standing timber», «water rights», «extraction», «refining»
	Стратегическая инфраструктура	«critical infrastructure», «strategic infrastructure», «military infrastructure», «military land», «military base», «base», «installation», «facility», «cyber», «telecommunication», «energy grid», «grid», «port», «airport»

Источник: составлено на основе авторской методологии
Source: compiled on the basis of the author's methodology

4 Указанные маркеры включали форму и единственного, и множественного числа.

Данная система признаков-модификаторов, характеризующих степень детализированности, строгости и политической мотивированности принятых мер, была бинарно закодирована: каждый признак принимал значение 1 (присутствует) или 0 (отсутствует) и извлекался полностью автоматически с помощью комбинации точного поиска регулярных выражений в текстах законов (см.: Таблица 1).

Введенные признаки использовались в отборе тем с вводом переменной ключевых категорий как дескриптивного индикатора законов, который объединил две группы: предметную область ограничений и набора экспертных признаков. Технически была произведена «конкатенация» – процесс последовательного объединения элементов. Подход позволил создать идентификатор для последующего агрегированного анализа (подсчет уникальных комбинаций, вычисление среднего количества модификаторов внутри групп), а также сформировать промежуточный уровень классификации, сохраняя детализацию и возможность проводить сравнения. Всего было выявлено 39 уникальных профилей, отображающих слои мер и пересечения по признакам.

Таким образом была проведена систематизация и структурирование тем текстов по системе извлеченных признаков с целью их дальнейшего использования в описательной статистике, сравнительном анализе и автоматизированном моделировании тем.

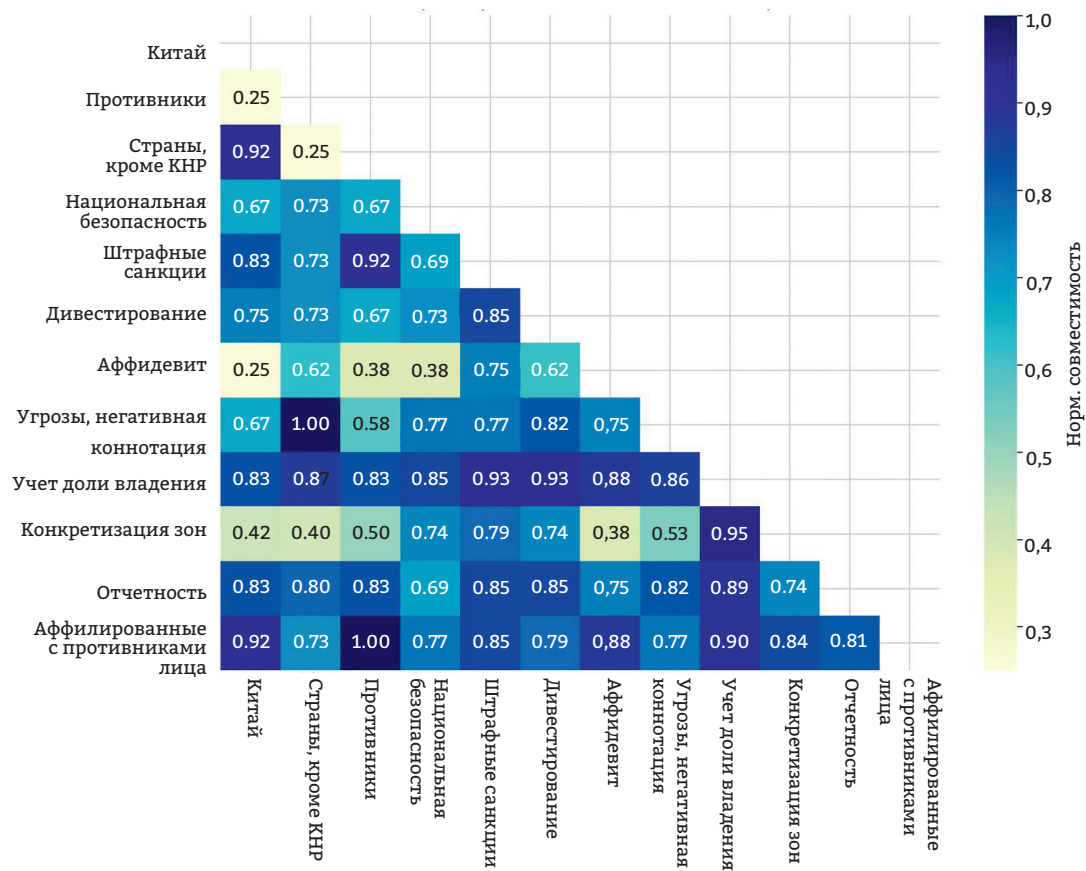
Постановка вопроса о том, насколько признаки коррелируют между собой, привел к использованию дополнительного инструмента – метода корреляционного анализа по нормализованной совместимости (co-occurrence). Метод позволил рассчитать, насколько часто два признака встречаются вместе во всей выборке, и выявить структуру конфигураций. Структурные взаимосвязи тем отображены на Рисунке 1.

В рамках другого метода – анализа ассоциаций между бинарными признаками с использованием теста Пирсона и коэффициента Крамера – были исследованы статистически значимые взаимосвязи между признаками. Выводы позволили интерпретировать логику корреляции «политизированных» признаков, используемых в следующем разделе настоящей статьи.

Впоследствии для оценки того, насколько сложным и политически нагруженным является закон внутри каждой из тем экспертной типологии нормативных признаков по сравнению с другими темами, была введена специальная количественная характеристика с применением метода «оценки сравнительной строгости» (comparative stringency scores). Метод позволяет решить фундаментальную проблему перехода от номинальной классификации к шкале насыщенности мер в отношении землевладения. Традиционный подсчет законов по темам игнорирует качественные различия внутри категории: закон А (запрет покупки земли) и закон Б (запрет со штрафами, мониторингом, упоминанием угроз национальной безопасности) формально равны, но второй намного сложнее первого. Для выявления специфики мер была введена трехуровневая иерархия индикаторов, выведенных по качественным признакам, сгруппированным по трем категориям:

Рисунок 1. Тепловая карта корреляции по нормализованной совместимости экспертных признаков в законах американских штатов, регулирующих права землевладения иностранными лицами

Figure 1. Heat Map of Correlation by Co-occurrence of Features in US States Laws Regulating Foreign Land Ownership

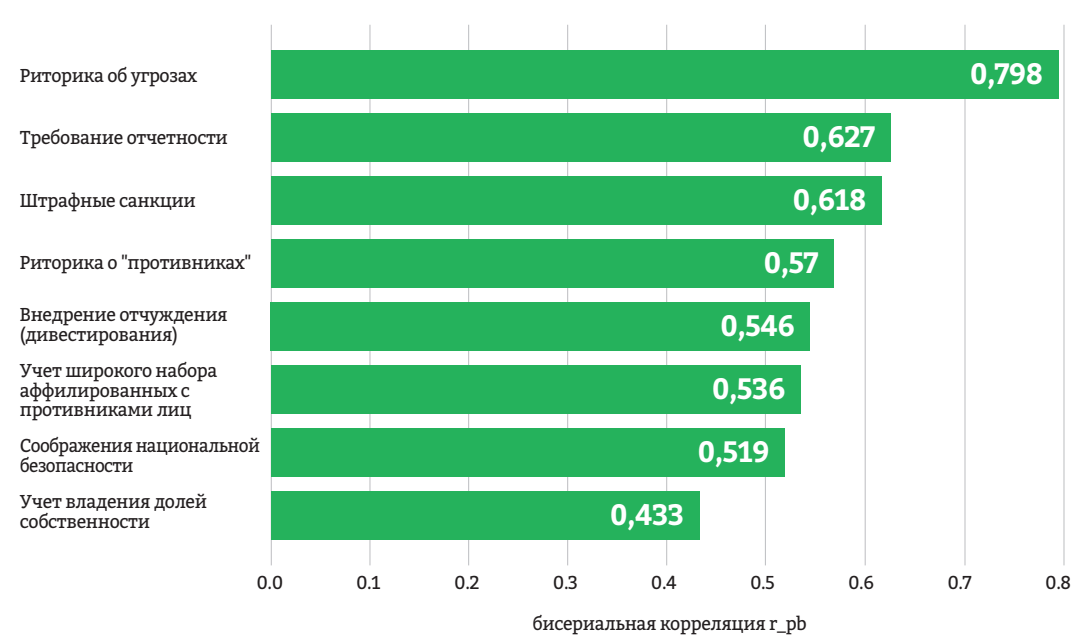
Источник: составлено на основе авторской методологии
Source: compiled on the basis of the author's methodology

1) расширенные ограничения и условия (L1), 2) введенные санкционные инструменты (L2), 3) политизированность мер (L3).

Признаки базовых мер включали: упоминание доли владения при рассмотрении ограничений; определение конкретных параметров земельной собственности (близость к стратегическим объектам, ограниченная площадь); требования к мониторингу ситуации с иностранной собственностью в штате; содержание широкого набора определений попадающих под ограничение лиц. Продуманность требований и санкционных мер оценивалась по тому, предусматривает ли закон процедуру affidavita; содержится ли в нем упоминание о штрафах за его несоблюдение; вводит ли мера процедуру divestment штатом активов запрещенных собственников.

Рисунок 2. Значимая корреляция бинарных признаков с индикатором насыщенности законов по ограничению иностранного землевладения в американских штатах

Figure 2. Notable Correlation of Binary Features with Stringency Score among Laws Restricting Foreign Ownership of Land in US States

Источник: составлено на основе авторской методологии
Source: compiled on the basis of the author's methodology

Степень политизированности сгруппировала признаки упоминания конкретных стран, угроз и стратегической задачи по защите национальной безопасности. Веса каждой категории были установлены экспоненциально от 1 до 3, но с разной шкалой для L2. Детализация весов второй группы обусловлена тем, что она не только вводит запрет, но и предусматривает последствия для определенной группы лиц, напрямую маргинализированной таким законом. Распределение весов в этой категории было следующим: (1) affidavits, (1,5) штрафы, (2,5) процедуры по отчуждению собственности. Повышенная значимость последней группы (L3), касающейся политизированности, была определена по причине того, что на уровне законодательства поддерживается процесс конструирования угрозы через нарративные средства.

Следом была установлена сила связи между бинарными признаками и уровнем насыщенности регулирования (stringency score), которая была реализована через расчет точечного бисериального коэффициента. Итоговый результат позволил сделать ряд выводов о вкладе мер в показатель насыщенности регулирования. Рисунок 2 отражает наиболее важные темы, которые значимо влияли на широту законов об ограничениях землевладения иностранными лицами в штатах.

Таким образом, каждый из шагов качественного анализа извлечения тем в рамках экспертной модели был проверен статистическим анализом. Эти методы позволили расширить анализ от дескриптивной категоризации к количественной верификации связей.

Тематическое моделирование при помощи Latent Dirichlet Allocation

Для выявления скрытых тематических кластеров в корпусе из собранных в базе данных законодательных текстов было применено вероятностное тематическое моделирование Latent Dirichlet Allocation (LDA) в реализации библиотеки `gensim`. Сначала данный этап проводился независимо от введенных ранее правил классификации с целью автоматического обнаружения устойчивых групп тем. Такой подход позволил текстам законов «самим» автоматически сгруппироваться в связанные кластеры. Затем тематическое моделирование LDA было дополнено анализом корреляции по политизированности на основе экспертных признаков.

На первом этапе каждый документ дополнительно обрабатывался для подготовки к работе: корпус законодательных текстов приводился к унифицированному формату. Очищенные тексты токенизировались с помощью ``nlTK.word_tokenize`` и лемматизировались с использованием ``WordNetLemmatizer`` из библиотеки NLTK. Сохранялись только токены, состоящие из букв и имеющие длину не менее трех символов. На полученном наборе токенов запускалась обучаемая модель с параметрами поиска устойчивых конструкций из двух слов (биграммы) и трех слов (триграммы), которые в текстах являются одной смысловой единицей (например, «national security»), при условии того, что частота соответствует критерию поиска совпадений, встречающихся 10 и более раз. На основе предварительно обработанных текстов строится «очищенный» словарь и корпус для тематического моделирования. Была проведена усиленная фильтрация с исключением слов, встречающихся менее чем в трех документах и более чем в 60% документов. Такой подход обусловлен сложностью работы с юридическими текстами даже при учете вычистки клише.

В результате модель выявила смысловые конструкции, необходимые для алгоритма тематического моделирования. Качество этих смысловых конструкций оценивалось с помощью метрики когерентности, которая измеряет семантическую связность наиболее частых словосочетаний внутри каждой темы. В ходе обработки автоматизированно LDA выделила 7 тем, внутри которых тематические кластеры пересекались. Поскольку 42 закона регулируют один и тот же объект – право землевладения иностранными лицами, – лексика неизбежно совпадает, что характерно для коротких специализированных юридических текстов. Результаты LDA продемонстрировали необходимость «ручной» отладки для реализации задач тематического моделирования, а также ограниченность функционала модели при работе с сравнительно небольшим количеством данных [10] (сравнение всех 42

законов). Для сравнения была протестирована другая модель Non-negative matrix factorization (NMF). Она показала низкую интерпретируемость.

Таким образом, методология сочетает ручной и автоматизированный подходы к реализации тематического моделирования, подкрепленные статистическими проверками и реализацией задач на основе машинного обучения, реализованные в Python. Этот инструмент позволил проанализировать законопроекты с различных сторон на базовом уровне и провести многосторонний содержательный анализ.

Итоговым результатом создания гибридной количественно-качественной модели для исследования законопроектов стало формирование системы признаков, иерархической типологии и профильного анализа между подходами, создание индикатора сложности нормотворчества с дифференцированными весами, устойчивых матриц совместных упоминаний, а также статистической диагностики получаемых результатов. Набор из 42 законов с 23 переменными позволил создать компактную, но хорошо структурированную панель с введенными «вручную» бинарными признаками, полуавтоматизированным и автоматизированным тематическим моделированием. При этом была выявлена высокая гетерогенность в нормах штатов: 36 профилей признаков на 42 закона (86%), 39 тем на 42 закона (более 90%), что оправдывает отказ от только машинной кластеризации и переход к комбинированному методу.

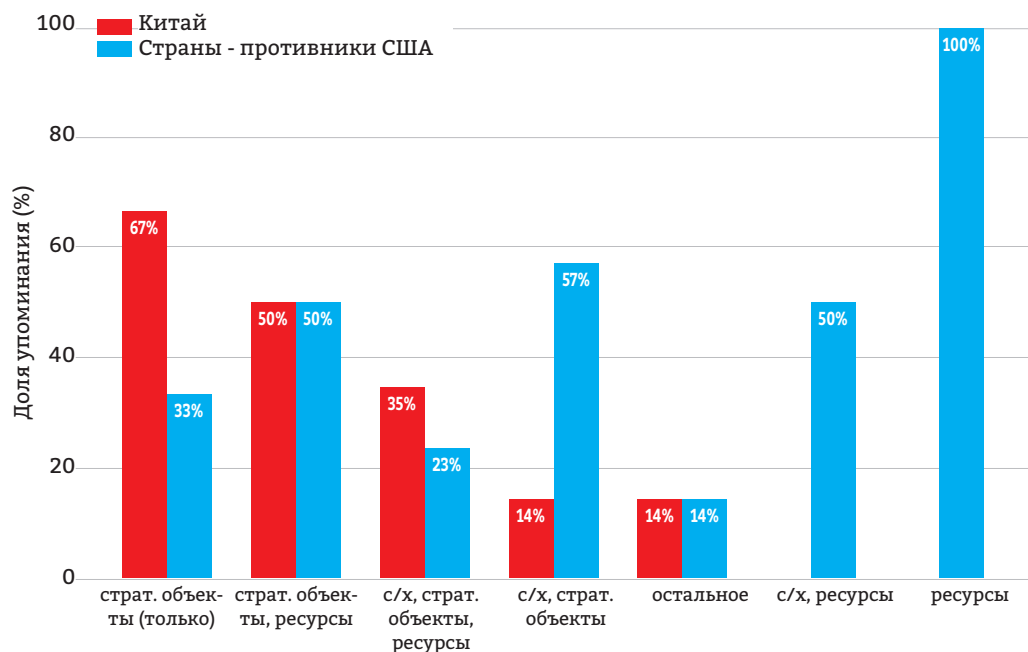
Тренды в регулировании иностранного землевладения в американских штатах: результаты тематического моделирования

Одним из важных результатов исследования стало выявление следующего тренда: регулирование иностранной земельной собственности в американских штатах реализуется при условном сохранении нейтральности нарратива в отношении субъектов противодействия. В рамках анализа ассоциаций было выявлено, что группа законов, содержащих прямое упоминание Китая, явно коррелирует ($V = 0,820$ по коэффициенту сопряженности Крамера) с актами, упоминающими весь список стран противников. Иными словами, «фактор Китая» частично скрыт за объемными формулировками о лицах, находящихся под санкциями.

Стремление к сохранению «нейтральности» не противоречит введению расширенного регулирования, напрямую связанного с высоким уровнем обеспокоенности угрозами со стороны противников. Законы подчеркивают уязвимость инфраструктуры перед лицом угроз. Они обоснованы необходимостью усилить защиту национальной безопасности, содержат формулировки об агрессивности противников США. Значимость фактора «политизированности» мер отчетливо прослеживалась при построении иерархии подгрупп индикатора насыщенности регулирования. На Рисунке 4 продемонстрировано, что большинство законов имеет средний или высокий уровень насыщенности с наиболее выраженной категорией «политизации».

Рисунок 3. Упоминание Китая и «противников» в законах о земельном регулировании с учетом классификации собственности

Figure 3. Share of Mentions of “China” and “Adversaries” in Land Regulation Laws by Property Classification

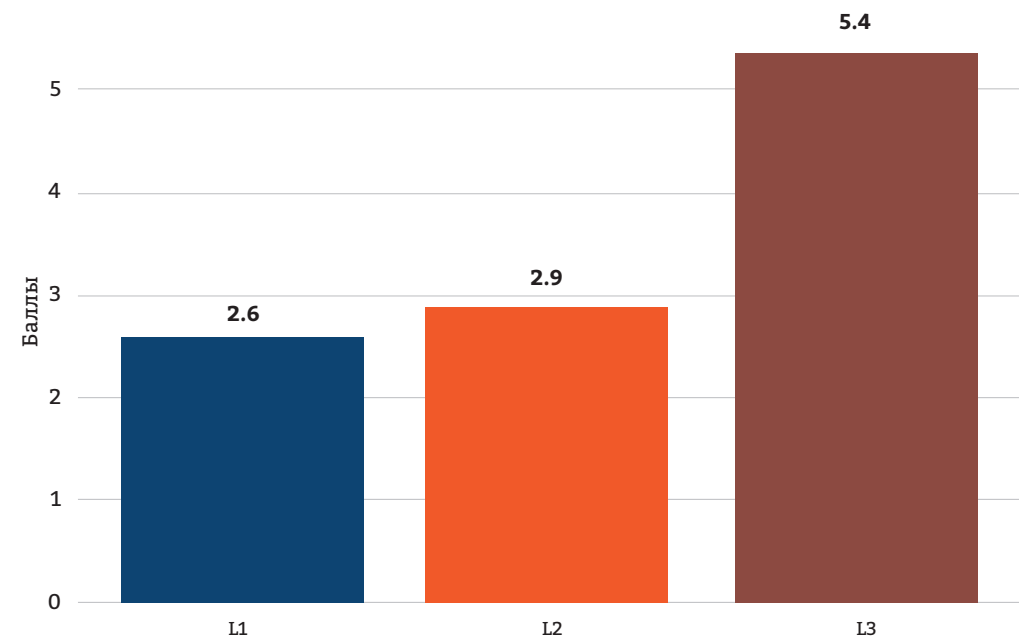
Источник: составлено на основе авторской методологии
Source: compiled on the basis of the author's methodology

Данные выводы были подтверждены также на основе выявления корреляции (точечной корреляции Пирсона) негативной коннотации актов с уровнем насыщенности регулирования законов: высокое значение $r_{pb} = 0,798$ указывает на системный маркер и взаимосвязанность этих двух параметров. Это означает, что образ угрозы является инструментом для продвижения консенсуса по поводу принятия мер – даже таких противоречивых, как ограничение прав собственности.

Из 26 законов с маркерами «национальной безопасности» без упоминания Китая или врагов США остается лишь 9. Значимость связанного с КНР контекста сама по себе не является достаточной, чтобы перейти к практическим шагам. Только в совокупности с целым набором усилителей нарратива («угроза», «агрессивность противников», «пагубное влияние», «враги», «шпионаж»), широко прослеживаемым в законодательстве этой правовой области, штатам удалось согласовать консенсус по разным видам собственности. А в дополнение и по контрактам, инвестициям и другой нормальной экономической деятельности 40% законов регулируют сразу и недвижимость вокруг стратегических объектов, и сельскохозяйственные земли, и

Рисунок 4. Иерархия насыщенности законодательства по подкатегориям расширенного регулирования (L1), с правовыми взысканиями (L2) и с широкой политизацией корпуса (L3)

Figure 4. Hierarchy of Stringency Score by Subcategories: Extended Regulation (L1), Legal Penalties (L2), and Broad Politicization (L3)

Источник: составлено на основе авторской методологии
Source: compiled on the basis of the author's methodology

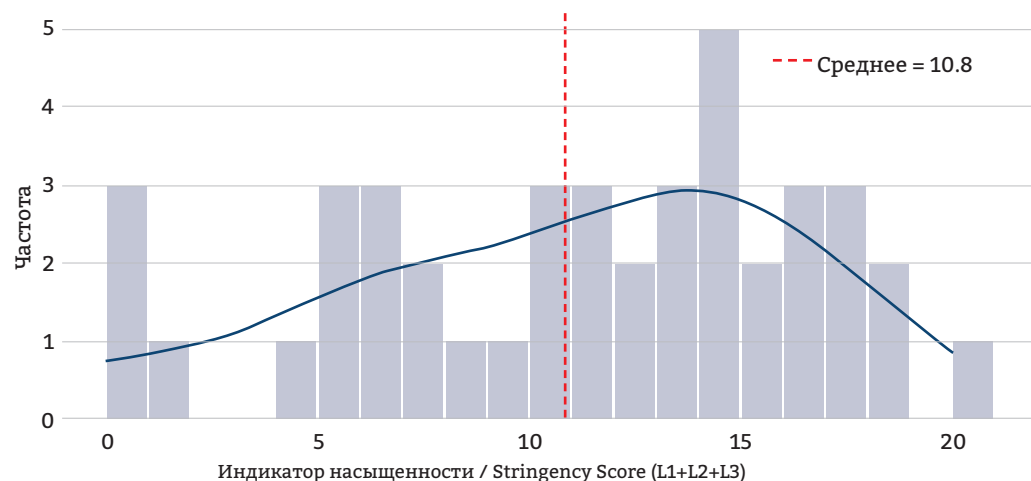
недропользование. Из них 70% обоснованы угрозами для безопасности. Сочетание тем недропользования и защиты стратегической инфраструктуры имеет наиболее насыщенное регулирование ($S = 12,88$).

Растущее число законов в 2023–2025 гг. на местном уровне не просто вводит типовой запрет, но значительно расширяет систему контроля за собственностью штата. Процедуры дивестирования и разработка мер по отчуждению земли зафиксированы в 69% от общего числа законов штатов. На Рисунке 5 продемонстрировано, что практика в основном содержит высокую регуляторную насыщенность.

Исследование степени насыщенности мер по принудительным практикам (L2) показало, что разработка правил отчуждения собственности является одним из доминирующих ($r = 0,546$ по индикатору насыщенности среди законов). Частой мерой (64,3% от общего числа) является внедрение системы штрафов для лиц, которые нарушили запрет на приобретение, владение или другие специфические нормы в законах. Положения о штрафах встречаются в 82,3% таких законов, которые затрагивают сразу и сельскохозяйственные земли, и недра, и стратегическую инфраструктуру.

Рисунок 5. Распределение индикатора насыщенности среди законов, регулирующих иностранное землевладения, принятых на уровне американских штатов

Figure 5. Distribution of the Stringency Score Across US States Foreign Land Ownership Laws

Источник: составлено на основе авторской методологии
Source: compiled on the basis of the author's methodology

Наблюдается и высокий уровень заинтересованности местных властей проводить оценку рисков в области иностранного владения собственностью штата (64% от общего числа мер). Введение процедур мониторинга нередко означает подробный учет «скрытого владения» (владения доли собственности иностранными лицами), а также расширенного числа субъектов (не только стран-противников, но и косвенно аффилированных с ними лиц). Этот тренд был доказан статистически: 89% законов, вводящих правила по отчетности, совпадает с упоминанием доли владения, а в 81% совпадает с контролем лиц, косвенно связанных с группой запрещенных стран, против которых правило действует.

Каждый из указанных трендов стал результатом анализа и выверки тематических кластеров, определенных методологически разными подходами, и с учетом только таких законов, которые прямо были направлены на ограничение землевладения иностранными лицами. Наиболее активные шаги штатов в принятии нормотворчества в этом специфическом правовом сегменте пришлось именно на 2023–2025 гг. даже с учетом того, что данные за 2025 г. не являются полными. Указанные тренды демонстрируют, как по-разному отдельные штаты пытаются решить задачу по противодействию иностранному влиянию. Волна регулирования иностранного землевладения в американских штатах представляет собой высокофрагментированный, глубоко политизированный

и часто экспериментальный процесс. Ключевой эмпирический результат заключается в том, что каждый местный закон – уникальная комбинация мер и риторики с учетом того, что штаты усиливают и корректируют меры поэтапно (вводят много законов, где последующий уточняет новую специфическую меру или терминологию). Данный факт обусловлен двумя возможными причинами. Во-первых, еще до конца не определено, насколько эффективны предлагаемые меры. Следует ожидать, что нормы будут унифицироваться по мере того, как штаты будут перенимать друг у друга лучшие практики. Во-вторых, подобные законы позволяют штатам реализовывать собственные задачи [9]. Например, удерживать капитал внутри штата или зарегулировать определенные отрасли в угоду локальных экономических и лоббистских интересов. С другой стороны, с учетом политизированности законов они могут выступать платформой для популистских шагов, способных привлечь доверие со стороны избирателя.

Соотношение новых федеральных и укрепившихся местных инициатив

Планы новой администрации Д.Трампа по продвижению реформ, которые приведут к введению федерального запрета на владение и приобретение земельной собственности иностранными лицами, содержат предпосылки к тому, чтобы обусловить большую поляризацию в США. Одновременно они являются мерой со сдержанными последствиями – большинство штатов уже предприняли шаги или ввели целенаправленные меры по ограничению прав собственности «вызывающих обеспокоенность» лиц. В то же время принципиальность вопроса ограничения прав на собственность, проявляющаяся в том, что такие права закреплены конституционно в некоторых штатах или в судебных тяжбах по поводу дискриминационности подхода, является фактором, который способен привести к противоречивым результатам. На текущий момент одними из наиболее репрезентативных случаев судебного разбирательства являются споры во Флориде. В 2024–2025 гг. там активно развивались судебные тяжбы после принятия закона летом 2023 г. Закон ограничил возможность лиц, прямо или косвенно связанных со «странами, вызывающими обеспокоенность» (в особенности аффилированными с Китаем) приобретать собственность. Итоговое решение по тяжбам стало известно в ноябре 2025 г.: суд отклонил иски и не признал закон дискриминирующим⁵.

Среди штатов, в которых пока не было продвинуто новое законодательство, есть такие, в которых на уровне конституции штата запрещено ограничивать права собственности. Среди них – Иллинойс, Калифорния, Невада, Нью-Мексико, Южная

⁵ 11th Circuit rejects challenge to Florida limits on Chinese immigrants buying property // Courthouse, 04.11.2025. URL: <https://www.courthousenews.com/11th-circuit-rejects-challenge-to-florida-limits-on-chinese-immigrants-buying-property/>.

Каролина, Массачусетс, Гавайи, Мен, Колорадо и Вермонт⁶. В двух последних подобные меры могут быть восприняты сдержаннее: в положении их конституции фигурируют условия «благих намерений» (*bona fides*) или присяги. Поскольку большая часть из них – это демократические штаты, следует ожидать сопротивления федеральным мерам, но только на политическом уровне, учитывая принцип верховенства федеральных законов (*federal preemption*).

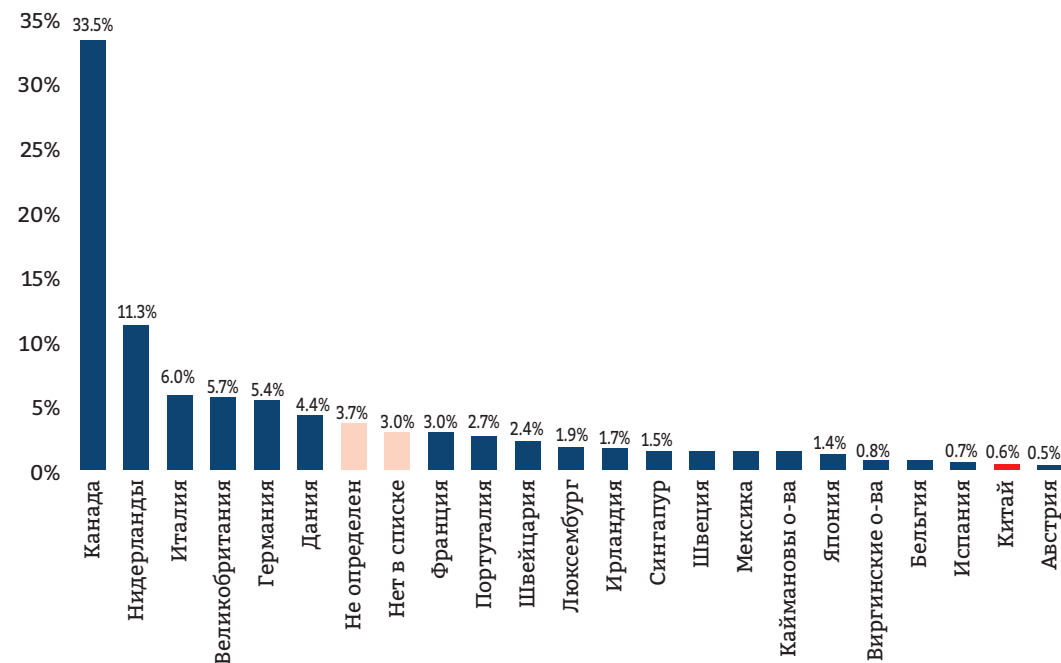
С другой стороны, прослеживается устойчивая поддержка со стороны местных (в основном республиканских) властей расширения ограничений в отношении стран-противников США. Такие меры при этом не всегда направлены только на регулирование земельной собственности. Они могут включать недропользование, относиться и к сельскохозяйственным, и к лесным угодьям, и к недвижимости в самой широкой трактовке. К примеру, в штате Техас в 2025 г. был принят новый закон, который усилил указ губернатора и распространяется на любые сделки по приобретению недвижимого имущества или доли в нем. Встречаются и практики регулирования сразу всей собственности штата. Такие законы были приняты в Восточной Вирджинии, Юте, Теннесси, Оклахоме, Сев. Дакоте, Небраске, Луизиане, Индиане, Аризоне, Алабаме, Нью-Гемпшире. В законах некоторых штатов (Индиана, Флорида, Северная Дакота, Монтана, Канзас, Алабама, Оклахома) ограничения распространяются на заключение контрактов, на инвестиции или на участие в тендерах штата. В Северной Дакоте и Небраске законы запустили пристальный мониторинг за инвестициями в предприятия стран-противников и их активами в штате для оценки влияния и масштаба, так как они потенциально создают риски национальной безопасности. В Небраске такой шаг был обоснован подготовкой к вероятному конфликту в ИТР.

Фактор «китайской угрозы» является значимым драйвером для принятия мер [4], однако практики «антикитайского нормотворчества», которое касается регулирования земельной собственности, не всегда содержит прямое упоминание Китая. В общем массиве законодательных актов американских штатов наиболее распространенная практика – не выраженная направленность мер, которая скрыта за широкими формулировками. Непосредственное упоминание Китая в законодательных актах выражено в трех формах: (1) как страны из ряда противников (вместе с Ираном, КНДР, Россией и реже – Кубой, Сирией и Венесуэлой при режиме Мадуро); (2) как страны, угрозы со стороны которой акцентированы в документе, и подчеркнута направленность мер против нее в отдельной формулировке, и (3) как страны, меры против которой вводятся исключительно. Однако в практике местного нормотворчества встречаются законы, которые выражено направлены против КНР: в штатах Восточная Вирджиния, Нью Гемпшир, Флорида, Техас и Индиана. Последние два штата еще и отдельно подчеркивали направленность мер против КПК.

⁶ Federal and State Bills Restricting Property Ownership by Foreign Entities // Committee of 100, 30.10.2025. URL: <https://www.committee100.org/our-work/federal-and-state-bills-prohibiting-property-ownership-by-foreign-individuals-and-entities/>.

Рисунок 6. Доля владения сельскохозяйственной собственностью в США (по площади) от общего показателя по странам, чья доля выше 0,5%

Figure 6. Share of US Agricultural Land Ownership by Country, above 0.5%

Источник: составлено на основе данных Управления обслуживания фермеров при Министерстве сельского хозяйства США⁷

Source: compiled by the author based on data from the Office of Farmer Services at the US Department of Agriculture⁷

Значимость фактора Китая определяется не объективно. Вопреки представлениям о засилии Китая в сельскохозяйственной отрасли⁸, лица, аффилированные с КНР, не контролируют большой процент площади. Их доля составляет 0,6% от общей площади владения сельскохозяйственными угодьями иностранными лицами (см. Рисунок 6).

Тяготение к регулированию этой области во многом обусловлено довлеющим нарративом о враждебности Китая в американском обществе, а также тем, что приоритеты политики на уровне штатов становятся созвучны с федеральными. В результате правительства штатов начинают выстраивать стратегические задачи в логике вероятностных категорий.

⁷ Agricultural Foreign Investment Disclosure Act (AFIDA). Detailed Data Underlying the AFIDA Annual Reports // Farm Service Agency, U.S. Department of Agriculture, n.d. URL: <https://www.fsa.usda.gov/resources/economic-policy-analysis/afida/annual-reports-underlying-data>.

⁸ The Danger China Poses To American Agriculture. Hearing Before The Committee On Agriculture House Of Representatives One Hundred Eighteenth Congress Second Session. U.S. Government Publishing Office. 20.03.2024 // The US Congress, 22.04.2024. URL: <https://www.congress.gov/event/118th-congress/house-event/LC73008/text>.

Поддержка тренда по введению новых правил выражается в готовности штатов вводить и узконаправленные меры, которые отвечают интересам штата. Упоминание сельскохозяйственных угодий и земель близ стратегической инфраструктуры в действительности являются лейтмотивом среди новой волны земельного регулирования. Однако встречаются и меры, которые распространяются на еще более узко-специфическую категорию прав собственности. Например, в штате Южная Каролина был принят закон, который регулирует исключительно право владения землями, богатыми кварцем высокой чистоты. Этот минерал необходим в полупроводниковой и оптоволоконной промышленности, а также для производства различных компонентов в стратегических отраслях. Таким образом, закон зарегулировал не только владение такими землями, но и операции по добыче кварца.

Подобный подход прослеживается и в характере принятия законодательства. Регулирование состоит из целого набора законодательных инициатив, принятых через утверждение отдельных законопроектов или – в некоторых случаях – губернаторских указов. Законы вводятся не единой продуманной мерой. Зачастую они вводятся ситуативно, для решения задач, актуальных для штата в текущий момент. В рамках одного штата регулирование прав иностранного землевладения – это совокупность мер, каждая из которых наложена друг на друга. Часто это обуславливает необходимость корректировки положений, что одновременно делает подход более гибким. Например, в условиях роста обеспокоенности по поводу угроз со стороны России в начале 2022 г. были приняты таргетированные меры в Индиане с ограничением срока действия закона (на один год).

В отдельно взятом штате в рамках года-двух может быть принято несколько законодательных актов, которые будут регулировать разные типы землевладения. Или вводить отдельные правила регулирования – системы штрафов, мониторинга. В Айдахо было принято 3 закона, прямо ограничивающих права собственности в штате: отдельно для положений в отношении сельскохозяйственных угодий и недр, лесных угодий и отдельно для земли, расположенной близ стратегических объектов. Кроме них был утвержден законопроект для того, чтобы уполномочить генерального прокурора штата разработать правила реагирования на правонарушения, включая процедуры конфискации собственности.

Иные сразу включали гибкие формулировки, для того чтобы затем встроиться в новую конъюнктуру. В некоторых штатах нормотворчество учитывало не только фактор враждебности акторов, но и допускало исключения для таких из них, «которые находятся в мире с США» (Джорджия), с которыми достигнуты определенные договоренности на уровне федерального правительства (Северная Дакота, Айдахо, Кентукки) или которые имеют специальное подтверждение благих намерений (Оклахома).

Таким образом, рост числа принятых мер по ограничению иностранного землевладения на уровне штатов отражает высокий уровень обеспокоенности американского общества внешними угрозами. Меры в основном направлены на сдерживание стран-противников, включая аффилированных с ними лиц. При этом доля собственности лиц этой категории не сопоставима с уровнем внимания

нормотворчества. С одной стороны, следует вывод о тесной сопряженности федеральной и местной повестки, об усилении примата соображений безопасности над экономическими интересами. А с другой – о возросшей привлекательности популистских шагов в условиях высокого уровня общественной напряженности.

Выводы

Динамика расширения ограничительных мер в области земельного регулирования на уровне штатов характеризуется несколькими трендами.

С одной стороны, прослеживается широкая поддержка инициатив по реформе среди местных легислатур. Принятые акты с 2018 г. по октябрь 2025 г. с учетом косвенных признаков отображаются в нормотворчестве 37 штатов. Не вошедшие в эту категорию штаты имеют конституционные барьеры перед внедрением аналогичной практики. С другой стороны, прямые ограничения на местном уровне были реализованы законодательно только в 25 из них.

Данные демонстрируют, что практика большинства штатов отображает стремление наиболее широко и объемно определить объект противодействия, области регулирования, строгость запретов, а также закрепить тему в качестве значимой посредством мониторинга и оценки рисков. Такие подходы не только созвучны предлагаемым на федеральном уровне, но и позволяют подстроиться под смену конъюнктуры в случае необходимости.

Исследование тематических кластеров выявило широкую степень секьюритизации нарративов с усилением положений законов аргументами о внешних угрозах, агрессивности и враждебности стран-противников. Данный тренд сочетается с сохранением предпочтения в большинстве штатов не специфицировать в нормотворчестве направленность мер против Китая. Реже, но встречаются меры, направленные исключительно против КНР. Они содержат один из самых высоких показателей насыщенности мер.

Расширенный инструментарий регулирования (штрафы, избавление от активов, требования доказательства лояльности США в форме афидевита) в сочетании с риторикой об угрозах направлен на маргинализацию группы стран, определяемых противниками. Однако логика регулирования прав на собственность такой группы лиц имеет не только «стратегическое» значение в контексте обеспечения безопасности инфраструктуры, но и может быть использована для реализации политических и экономических амбиций местных политиков и групп интересов.

Подходы новой команды Трампа по ужесточению законодательства в области земельного регулирования в отношении иностранных лиц основываются на практике штатов, которая отражает готовность местных властей избавляться от «небезопасных» активов, включая принудительное отчуждение земли. Тем не менее перспектива введения ограничений на федеральном уровне может стать формальной причиной усугубления конфликта с партийными оппонентами с учетом того, что основными инициаторами подобных мер являются республиканцы.

Список литературы

1. Борисова А., Журавлева В. Американское государство: кризис доверия [American State: The Crisis of Trust] // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 5. С. 88–96. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-5-88-96>.
2. Ващенко В.А. Тематическое моделирование для коротких текстов: сравнительный анализ алгоритмов [Topic Modeling for Short Texts: Comparative Analysis of Algorithms] // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2024. № 56. С. 69–112. <https://doi.org/10.19181/4m.2023.32.1.2>. EDN: SJPP0Z.
3. Кириченко Э. Контроль США над международными каналами трансферта технологий: вызовы, механизмы, тенденции [US Control over Technology Transfer International Channels: Challenges, Mechanisms, Trends] // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 7. С. 89–97. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97>.
4. Монитор США-Китай 2024–2025 [USA-China Monitor 2024–2025]. М.: ИМЭМО РАН, 2026.
5. Овчинников О.Г. Эволюция мер аграрной политики США в начале XXI века [The Evolution of the U.S. Agricultural Policy Measures in Early 21st Century] // США & Канада: экономика – политика – культура. 2018. Вып. № 3(579). С. 5–20.
6. Пороховский А.А. Национальная инфраструктура как фактор экономического развития США [National Infrastructure as a Factor of U.S. Economic Development] // США & Канада: экономика – политика – культура. 2022. Вып. № 6. С. 5–20. <https://doi.org/110.31857/S2686673022060013>.
7. Chen Y., Peng Z., Kim S. H., Choi C. W. What We Can Do and Cannot Do with Topic Modeling: A Systematic Review // Communication Methods and Measures. 2023. № 17(2). P. 111–130. <https://doi.org/10.1080/19312458.2023.2167965>.
8. Everhart S. The Dark Side of the Balloon: Restrictions on Foreign Investment in U.S. Farmland // Journal of Food Law & Policy. 2024. Vol. 20(1). P. 139–163. <https://doi.org/10.54119/jflp.myrw7470>.
9. McGreenera M. This Land is My Land (and Definitely Not Yours): Special Interests and Restrictions on Foreign Land Ownership // Penn Carey Law Journals. 2025. Vol. 46(4). URL: <https://scholarship.law.upenn.edu/jil/vol46/iss4/5>.
10. Muthusami R., Mani Kandan, N., Saritha K. et al. Investigating Topic Modeling Techniques through Evaluation of Topics Discovered in Short Texts Data Across Diverse Domains // Sci Rep. 2024. Vol. 14(1). P. 12003. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-61738-4>.

Информация об авторе

БРЕСЛАВЦЕВА Александра Андреевна. Младший научный сотрудник Центра североамериканских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). <https://orcid.org/0000-0002-0113-6538>. Адрес: Российская Федерация, 117997, г. Москва, Профсоюзная ул., 23. breslavitseva@imemo.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4 ноября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Borisova A., Zhuravleva V. American State: The Crisis of Trust. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2018; 62(5):88–96 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-5-88-96>.
2. Vashchenko V.A. Topic Modeling for Short Texts: Comparative Analysis of Algorithms. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (Sociologiya: 4M)* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)]. 2024; 56:69–112 [In Russian]. <https://doi.org/10.19181/4m.2023.32.1.2>. EDN: SJPP0Z.
3. Kirichenko E. US Control over Technology Transfer International Channels: Challenges, Mechanisms, Trends. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2021; 65(7):89–97 [In Russian]. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-89-97>.
4. USA-China Monitor 2024–2025. Moscow: IMEMO RAN [IMEMO RAS], 2026 [In Russian].
5. Ovchinnikov O.G. The Evolution of the U.S. Agricultural Policy Measures in Early 21st Century. *SShA & Kanada: ekonomika – politika – kul'tura* [USA & Canada: Economics – Politics – Culture]. 2018; 3:5–20 [In Russian].
6. Porokhovskiy A.A. National Infrastructure as a Factor of U.S. Economic Development. *SShA & Kanada: ekonomika – politika – kul'tura* [USA & Canada: Economics – Politics – Culture]. 2022; 6:5–20 [In Russian]. <https://doi.org/110.31857/S2686673022060013>.
7. Chen Y., Peng Z., Kim S. H., Choi C. W. What We Can Do and Cannot Do with Topic Modeling: A Systematic Review. *Communication Methods and Measures*. 2023; 17(2):111–130 [In English]. <https://doi.org/10.1080/19312458.2023.2167965>.
8. Everhart S. The Dark Side of the Balloon: Restrictions on Foreign Investment in U.S. Farmland. *Journal of Food Law & Policy*. 2024; 20(1):139–163 [In English]. <https://doi.org/10.54119/jflp.myrw7470>.
9. McGreenera M. This Land is My Land (and Definitely Not Yours): Special Interests and Restrictions on Foreign Land Ownership. *Penn Carey Law Journals*. 2025; 46(4) [In English]. Available from: <https://scholarship.law.upenn.edu/jil/vol46/iss4/5>.
10. Muthusami R., Mani Kandan, N., Saritha K. et al. Investigating Topic Modeling Techniques through Evaluation of Topics Discovered in Short Texts Data Across Diverse Domains. *Sci Rep*. 2024; 14(1):12003 [In English]. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-61738-4>.

About the author

Alexandra A. BRESLAVTSEVA. Junior research fellow at Center for North American studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS). <https://orcid.org/0000-0002-0113-6538>. Address: 23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russian Federation. breslavitseva@imemo.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 4, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327.7

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-132-145](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-132-145)

Мировой опыт миротворчества: анализ и перспективы для российской внешней политики

Евгений Сергеевич Гореликов ✉

Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия
general85@yandex.ru

Аннотация. Проблема исследования заключается в системном кризисе институциональной архитектуры миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций, который выражается в отходе от фундаментальных принципов беспристрастности и нейтралитета, нарушении суверенитета государств под предлогом гуманитарных интервенций, а также в использовании миротворческих механизмов для реализации геополитических стратегий «коллективного Запада». Данный кризис актуализирует необходимость поиска альтернативных концептуальных моделей обеспечения международной безопасности и постконфликтного урегулирования, которые бы соответствовали национальным интересам Российской Федерации. Основные научные результаты исследования включают критический анализ деструктивных практик миротворческой деятельности ООН, обобщение обширного и легитимного опыта российской миротворческой деятельности за пределами структуры ООН, а также моделирование потенциальных сценариев постконфликтного урегулирования на юго-западе России с учетом современных геополитических реалий. Выводы исследования свидетельствуют о том, что в условиях современной биполярной конфронтации прямое применение моделей миротворческой деятельности ООН для урегулирования конфликтных ситуаций в новых регионах Российской Федерации представляется маловероятным и контрпродуктивным. Перспективным направлением видится развитие альтернативных, незападных механизмов миротворчества, основанных на принципах регионального сотрудничества,

синергии позитивного отечественного и международного опыта (ШОС, БРИКС, АСЕАН), а также концептуального оформления новой парадигмы миротворческой деятельности, обеспечивающей легитимность и соответствие национальных интересов Российской Федерации. Исследование подчеркивает необходимость переосмысления существующих подходов к миротворческой деятельности в контексте новых глобальных вызовов и угроз, а также разработки инновационных стратегий, способствующих укреплению международной безопасности и постконфликтному урегулированию в интересах суверенных государств.

Ключевые слова: миротворчество, постконфликтное урегулирование, региональные организации, интервенция, легитимность, национальные интересы

Для цитирования: Гореликов Е.С. Мировой опыт миротворчества: анализ и перспективы для российской внешней политики // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 132-145, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-132-145](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-132-145)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-132-145](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-132-145)

The World Peacemaking Experience: Analysis and Prospects for the Russian Foreign Policy

Evgeniy S. Gorelikov ✉

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
general85@yandex.ru

Abstract. The problem of the study lies in the systemic crisis of the institutional architecture of the United Nations peacekeeping activities. This is expressed in a departure from the fundamental principles of impartiality and neutrality, violation of the sovereignty of states under the pretext of humanitarian interventions, as well as the use of peacekeeping mechanisms for implementing the geopolitical strategies by the collective West. This crisis highlights the need to find alternative conceptual models for ensuring international security and post-conflict settlement that would meet the national interests of the Russian Federation. The main scientific results of the study include a critical analysis of the destructive practices of UN peacekeeping, a generalization of the extensive and legitimate experience of Russian peacekeeping activities outside the UN structure, as well as modeling potential scenarios for post-conflict settlement in Southwestern Russia, taking into account modern geopolitical realities. The findings of the study indicate that in the context of modern bipolar confrontation, the direct application of UN peacekeeping models to resolve conflict situations in new regions of the Russian Federation seems unlikely and counterproductive. A promising direction is the development of alternative, non-Western peacekeeping mechanisms based on the principles of regional cooperation, synergy of positive domestic and international experience (SCO, BRICS, ASEAN), as well as the conceptual design of a new paradigm of peacekeeping activities

that ensures legitimacy and compliance with the national interests of the Russian Federation. The study highlights the need to rethink existing approaches to peacekeeping in the context of new global challenges and threats, as well as to develop innovative strategies that contribute to strengthen international security and promote post-conflict resolution in the interests of sovereign states.

Keywords: peacemaking, post-conflict settlement, regional organizations, intervention, legitimacy, national interests

For citation: Gorelikov E.S. The World Peacemaking Experience: Analysis and Prospects for the Russian Foreign Policy. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 1(19): 132-145, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-132-145](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-132-145)

Введение

Миротворческая деятельность остается одним из ключевых инструментов поддержания международной безопасности и постконфликтного урегулирования. Однако практика ООН в этой области накопила большое количество деструктивных механизмов, создающих предпосылки негативных для России сценариев. С другой стороны, Россия имеет богатый опыт эффективного и легитимного миротворчества вне рамок ООН. Целью статьи является проведение анализа мирового опыта миротворчества и последующий его синтез в наиболее выгодном для России сценарии постконфликтного урегулирования в новых регионах.

Материалы и методы

Методологическую основу статьи составили: сравнительно-исторический анализ, сравнительно-правовой анализ, институциональный подход, кейс-стади и сценарное моделирование. Эмпирической базой выступили международно-правовые документы, резолюции Совета Безопасности ООН, нормативно-правовые акты Российской Федерации, публичные заявления официальных лиц. В статье использованы научные работы современных отечественных и зарубежных авторов по проблемам миротворчества, международного права и внешней политики.

Результаты исследования

Одной из знаковых черт современной проблематики миротворчества является неопределенность характеристик миротворческой деятельности, что создает благоприятные условия для проведения под ее предлогом практически любой военной или гуманитарной операции. Трудности связаны с отсутствием четкого определения самого термина «миротворчество» [9, с. 17]. Вместо этого используются близкие по значению понятия, образуемые путем различных сочетаний слов

– «войска», «силы», «роль», «участие», «вопросы», «меры», «рекомендации», «дело» – с термином «поддержание или восстановление международного мира и безопасности», взятым из Устава ООН. В конце концов, миротворчество выстроилось как практика интерпретации глав VI и VII Устава ООН с явными и подразумеваемыми возможностями, исходя из узкогрупповых интересов стран, без учета положений международно-правовых документов.

Отсутствие прямого указания на миротворчество в Уставе ООН и отсутствие официальной доктрины миротворчества ООН с течением десятилетий придавали изначально заданной идее следующие характерные черты.

На концептуальном уровне одним из примеров расширительного толкования миротворческой деятельности ООН стала концепция human security как разработка тематики безопасности общества и человека. Фигурируя в документах ООН как «адекватный ответ на возникновение новых, трансграничных угроз, распространение внутренних и межгосударственных конфликтов», при своем широком содержании концепция представляет собой предлог для инициирования любой интервенционистской акции. Кроме того, США и НАТО часто ссылаются на концепцию «ответственность защищать», которая создала новую правовую основу для использования силы с целью обоснования военного вторжения, став мощным инструментом влияния западного сообщества [1, с. 425].

На практическом уровне имеет место расширительное толкование резолюций. Так, резолюция ООН 1441 по Ираку не давала прямого разрешения на вторжение, которое произошло в 2003 г. Военная интервенция в Боснию и Герцеговину (1992–1995 гг.): хотя в Боснии и Герцеговине действовали силы ООН (UNPROFOR), которые формально выполняли миротворческую миссию, их возможности были ограничены и они не могли эффективно предотвратить этнические чистки и массовые убийства. Решающую роль в прекращении войны сыграли воздушные удары НАТО по позициям сербских войск, которые, по сути, были военной интервенцией, хотя и осуществлялись под предлогом защиты мирного населения и создания условий для мирного урегулирования [3, с. 123].

Дискурсивная гегемония – основной нематериальный элемент структурной власти Запада в сфере миротворчества. «Коллективный Запад» контролирует дискурс, смыслы, убеждения, устанавливая и регулируя нормы и ценности, в том числе отраженные в учебных материалах и стандартах подготовки «голубых касок», а значит, и целеполагание [6, с. 40].

Поскольку важнейшие посты на всех уровнях системы формирования решений ООН остаются за Великобританией, Францией и США, через ООН эти страны обеспечивают продвижение интересов «коллективного Запада», используя человеческий потенциал незападных стран.

В 2000-е гг. ряд миротворческих миссий превратился в прямые силовые инструменты нового неокOLONIALИЗМА, а некоторые из них стали выполнять функции охраны террористических групп от военных и полицейских операций правительств соответствующих государств, например, в Мали [1, с. 423].

Планомерно искажая первоначальный характер миротворческой деятельности, западные коалиции часто действовали без санкций ООН, но при этом критиковали другие страны (например, Россию за Украину), что демонстрирует двойные стандарты и отсутствие беспристрастности.

Влияние геополитических противоречий нередко парализует деятельность ООН, что на практике урегулирования региональных кризисов выражается в долгих процедурах принятия решений и их компромиссном характере, зависимости от политической конъюнктуры, дисбалансе национальных и групповых интересов стран, отсутствии потенциала быстрого реагирования и сил постоянной готовности ООН. Примером этого является промедление в принятии решений Советом Безопасности ООН, приведшее к геноциду в Руанде в 1994 г. и в Сребренице в 1995 г.

Произошли секьюритизация международной помощи (секьюритизация подрывает гуманитарные принципы и превращает помощь в инструмент внешней политики) и стирание грани между программами международного развития и поддержкой вооруженной оппозиции. Например, в 2014 г. США, Великобритания, Франция, Германия Турция, Саудовская Аравия, Катар и Иордания предоставляли продовольствие и медикаменты, а также оказывали тренировочную, финансовую, военную и дипломатическую поддержку некоторым группировкам «умеренной оппозиции», воюющим против вооруженных сил Сирии.

Рост количества спорных, но реально существующих неформальных альтернативных механизмов мировой политики, например, различных коалиций, с целью ускорить принятие какого-либо решения в обход международных структур и без прямого мандата ООН.

Неоднозначность самого понятия «миротворчество» и различия в понимании его смысла также сыграли немалую роль в возникновении споров о «вмешательстве». Одни исследователи отождествляют вмешательство с военной интервенцией, другие – с дипломатическим давлением, применением политических или экономических санкций. Существует множество примеров, когда военное вмешательство преподносилось как миротворческое, но вызывало серьезные вопросы о его истинных целях и соответствии данным принципам, поскольку миротворчество подразумевает мандат, нейтральность и процедурность. Эти примеры прослеживаются практически с самых первых лет после создания организации.

В качестве общих черт военных интервенций без резолюции ООН и региональных организаций можно выделить:

- являются инструментом силовой политики в обход ООН;
- становятся возможными при отсутствии единства в СБ ООН при политической воле ключевых держав;
- фактически нарушают суверенитет и вмешиваются во внутренние дела других стран;
- проводятся под формальным предлогом с ритуальной миротворческой риторикой и расплывчатыми формулировками: «защита демократии», «защита

граждан», «борьба с тиранией», «гуманитарная помощь», «дружественная помощь», «поддержка законного правительства (союзников)», «борьба с угрозами», «предотвращение гуманитарных катастроф» и т.п.;

- обладают совершенно иными реальными мотивами: геополитическое влияние, контроль над ресурсами, смена режима, продвижение собственных интересов, предотвращение распространения идеологии;

- размывают границу между миротворчеством, поддержанием мира, принуждением к миру и военным вмешательством;

- при недостаточной оценке местных условий повышают риск долгосрочных негативных последствий для страны – объекта интервенции: жертвы, разрушения, политическая нестабильность, затяжные конфликты;

- поскольку проводятся без резолюции ООН, являются нарушением международного права (ст. 2(4) Устава ООН о неприменении силы)¹. Однако сильные державы действуют исходя из своих интересов, что подрывает авторитет ООН и создает прецедент для других стран.

Несмотря на описанные негативные закономерности и тенденции, ООН на протяжении десятилетий накопила богатый диапазон способов постконфликтного урегулирования:

- модели: временное управление ООН, прямая администрация, наблюдатели;
- различные процедуры проведения выборов;
- программы по разоружению, демобилизации и реинтеграции бывших комбатантов;
- программы экономической реабилитации и восстановления экономики;
- восстановление институтов правосудия;
- использование гуманитарных программ.

В российском законодательстве относительно миротворчества используется термин «деятельность по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности», что соответствует термину из Устава ООН, и раскрывается его содержание: «Участие военного и гражданского персонала в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности может включать наблюдение и контроль за соблюдением соглашений о прекращении огня и других враждебных действий, разъединение конфликтующих сторон, разоружение и расформирование их подразделений, производство инженерных и иных работ, содействие в решении проблемы беженцев, оказание медицинской, иной гуманитарной помощи, выполнение полицейских и других функций по обеспечению безопасности населения и соблюдению прав человека, а также ведение в соответствии с Уставом ООН международных принудительных действий»².

¹ United Nations Charter (full text). URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>.

² Статья 3 Федерального закона «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» от 23.06.1995 № 93-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6959/.

Российская Федерация имеет богатый опыт введения военных миротворческих контингентов для поддержания или восстановления международного мира и безопасности без прямого мандата ООН, но при этом, в отличие от других государств, с использованием следующих легитимных оснований:

1) по приглашению / обращению за помощью законного правительства страны (Афганистан, 1979 г., Таджикистан, 1992 г., Сирия, 2015 г.³, ЦАР, 2018 г.⁴ и Мали, 2019 г.⁵);

2) в рамках региональных организаций и договоренностей (Приднестровье, 1992 г., Абхазия, 1992 г., Южная Осетия, 2008 г., Нагорный Карабах, 2020 г., Казахстан, 2022 г.); при этом Устав ООН не только допускает, но и поощряет региональные инициативы по урегулированию конфликтов (ст. 33, 52)⁶;

3) предотвращение гуманитарной катастрофы, защита соотечественников, защита национальных интересов (Кыргызстан, 2010 г., Крым, 2014 г.);

4) Приштинский марш-бросок (1999 г.) стоит особняком как одностороннее решение, без прямого мандата ООН, но с опорой на резолюцию 1244⁷; является примером альтернативного подхода к международному урегулированию с демонстрацией силы и независимой позиции.

Анализ опыта российского миротворчества позволяет выделить его ключевые особенности. Преимущества:

- приоритет стратегических национальных интересов с опорой на региональные организации (ОДКБ, СНГ) как инструмент обеспечения безопасности в регионе и укрепления своего лидерства;

- поддержка существующих властей и невмешательство во внутренние дела, если это не угрожает интересам Российской Федерации [5, с. 310];

- ограниченность масштаба операций и недолгосрочное военное присутствие;
- действия с реальным результатом: неперерастание в масштабную войну, прекращение огня и создание условий для диалога;

- опора на гибкие формулировки («антитерроризм», «защита соотечественников», «региональная стабилизация»), локальные соглашения и демонстрация силы как факторы переговорного давления [10, с. 165].

Недостатки:

- российское миротворчество вне ООН эффективно в краткосрочной перспективе, но часто ведет к замороженным конфликтам и институциональной изоляции конфликтных зон из-за отсутствия международного признания;

³ Асад обратился за военной помощью к России // Медиагруппа «Звезда». URL: <https://tvzvezda.ru/news/201509301122-v1gz.htm>.

⁴ Шойгу подписал соглашение с ЦАР о военном сотрудничестве // Медиагруппа «Звезда». URL: <https://tvzvezda.ru/news/201808211403-rcx2.htm>.

⁵ Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Мали о военном сотрудничестве // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/57592/.

⁶ United Nations Charter (full text). URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>.

⁷ United Nations Resolution 1244. URL: <https://unmik.unmissions.org/united-nations-resolution-1244>.

- хотя Россия старается учитывать мнение международного сообщества и избегать действий, которые могут вызвать серьезную критику, однако без прямой резолюции Совета Безопасности ООН так или иначе снижается их легитимность;

- при осуществлении миротворческих операций не уделялось должного внимания работе с общественным мнением, не предпринимались попытки социально-культурного воздействия на население [9, с. 127].

Сравнительный анализ миротворчества без мандата ООН показал большую приверженность России легитимности и свободному волеизъявлению правительств стран, куда вводятся контингенты, в отличие от других стран и коалиций.

Вместе с тем экзистенциальный кризис миротворчества ООН происходит на фоне современных геополитических тенденций установления нового баланса влияния между двумя международными коалициями – «коллективного Запада» (США, НАТО, ЕС) и «коллективного не-Запада» во главе с РФ и КНР (также члены ШОС, ОДКБ, в зоне притяжения – большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки) [2, с. 90]. Таким образом, создается потенциал для реформирования системы ООН в контексте «конфликтной биполярности», хотя страны «коллективного Запада» все еще обладают целым арсеналом инструментов влияния в системе ООН. Скорее всего, после завершения «властного транзита» и выхода на стратегическую стабильность уже в рамках «новой биполярности» будут институционализированы постзападные механизмы обеспечения глобальной безопасности. Новые нормы позволят зафиксировать изменившееся соотношение сил и на какое-то время остановить силовое противостояние. Формирование незападного миротворчества (как антитезы либеральному западному) во многом зависит от его качественной концептуализации, и выработать эти концептуальные основы необходимо уже сегодня. Для России направления смены парадигмы в области миротворчества могут быть следующие:

1. Необходимо учитывать, что все усилия западных специалистов имеют стратегические ориентиры, нацелены на долгосрочную перспективу, а не на сиюминутную отдачу. По аналогии нужна разработка долгосрочной стратегии по поддержанию мира и обеспечению безопасности, с четким определением понятий, терминов, категорий, оптимальных форм и методов миротворчества с учетом опыта ООН и российского.

2. При снижении роли ООН как глобального провайдера безопасности наблюдается переход к «ограниченному миротворчеству» и операциям «с наименьшим общим знаменателем», то есть с минимальной по политическим задачам силовой составляющей, относительно которой вырабатывается консенсус среди западных и незападных стран. Логично поэтому продолжение развития регионального сотрудничества. Для России история постсоветских конфликтов – это в равной степени как хроника кризисов, так и пример и источник специфического миротворчества [4, с. 123]. В данном контексте представляют интерес нормативные и ценностные подходы, а также практики, апробированные в рамках АСЕАН («мягкая сила», диалог и долгосрочное личное доверие), ШОС (гибридная модель миротворчества: антитеррор, экономика, превентивные меры, дипломатия

давления), Африканского союза (советы старейшин, минимизация влияния внешних игроков, вовлеченность, быстрое реагирование), БРИКС (не силовая стабилизация, а долгосрочное влияние через развитие экономики, дипломатию, антисанкционную политику).

3. Усилия через региональное миротворчество могут послужить импульсом к решению проблем реформирования системы ООН в целом и миротворчества ООН в частности, к формированию новой жизнеспособной модели общеевропейской безопасности и, возможно, в будущем – получению статуса легального арбитра-миротворца на постсоветском пространстве [8, с. 188].

4. В контексте миротворчества отдельный интерес представляет отечественный и зарубежный опыт в области диверсификации функций военных ведомств, а именно – частных военных компаний. Возможно, стоит рассмотреть вариант определения на законодательном уровне их статуса как инструмента миротворческой деятельности с акцентом на определении функций контроля со стороны государства.

В современном контексте для того, чтобы выработать наиболее приемлемый сценарий постконфликтного урегулирования на юго-западе России, прежде всего необходимо исключить неприемлемые варианты. Итак, как негативные и неприемлемые видятся следующие сценарии:

1) заморозка конфликта с Украиной – временное перемирие без окончательного решения (как в Корее или Приднестровье);

2) создание буферной зоны с помощью западных войск; если НАТО введет «миротворцев» в западные регионы Украины, это лишит Россию возможности продолжать военное продвижение без риска эскалации и вовлечения в боевые действия стран НАТО;

3) частичное признание новых областей как «временно оккупированных территорий» под международным управлением (как Косово с 1999 г.); при таком сценарии могут быть введены временные администрации ООН или ОБСЕ, формально не передавая территории Украине, но и не признавая их российскими;

4) гуманитарные миссии как инструмент давления: ООН, Красный Крест и западные НПО получают доступ к новым регионам под предлогом помощи, но фактически собирают данные о военных объектах, нарушениях прав человека и настроениях населения; на основе этих отчетов ужесточаются санкции или иницируются трибуналы;

5) гибридная война под прикрытием миротворцев; если вдоль линии разграничения сторон разместятся наблюдатели ООН или ОБСЕ, то:

- миротворцы могут служить прикрытием для украинских диверсий;
- миротворцы могут прикрывать переброску украинских сил под видом гуманитарных операций;
- перемирие может быть использовано для перевооружения;
- перемирие может сковывать российские войска (невозможность активных действий без обвинений в «атаке на миротворцев», объявления действий ВСУ «защитой» т.д.);

6) при блокировании Россией невыгодной прозападной резолюции в СБ ООН (например, мандат миссии включает поддержку Украины в восстановлении контроля над частью территорий), миссия может быть создана в обход СБ ООН через Генассамблею ООН;

7) референдумы под международным контролем; если ООН или ЕС навяжут «легитимное голосование» на новых территориях, Россия либо откажется (и будет выглядеть агрессором), либо согласится и рискует потерять регионы ввиду вывода российских войск, доступа западных СМИ и наблюдателей, участия украинских партий в агитации, возможности фальсификации итогов.

Эффективность выбранного сценария постконфликтного урегулирования в рамках миротворчества будет сильно зависеть от легитимности мандата и реального контроля над территорией. Поэтому при моделировании наиболее выигрышного для России сценария проблемными могут оказаться некоторые вопросы:

1. Где будет проходить линия разграничения: по административной линии новых областей или по линии прекращения огня?

2. Какова позиция США:

• Каковы политические интересы США в связи с соглашением относительно ресурсов Украины?

• По предложению Президента США Д. Трампа, расходы на миротворческие операции ООН будут полностью исключены из американского федерального бюджета начиная с 2026 г.

3. Какова позиция «Коалиции желающих» по Украине?

В рамках данной коалиции допускается участие европейских стран в возможной миротворческой миссии на Украине. Главная повестка: нельзя прекращать мобилизацию Европы под предлогом сдерживания «российской экспансии», «предотвращение завоевания Европы».

4. Отсутствие международного признания новых территорий.

Поскольку ООН руководствуется резолюциями и решениями СБ ООН, санкционный режим и отсутствие признания делает официальное участие ООН в постконфликтном восстановлении новых регионов РФ юридически сложным, финансово невозможным и политически рискованным. В результате Россия вынуждена действовать в обход международных структур, что замедляет процесс реинтеграции и восстановления [7, с. 101].

При всем этом в настоящее время Российская Федерация обладает всеми возможностями как для переосмысления концептуальных подходов к постконфликтному урегулированию на новых территориях, так и уникальным шансом претворения их в жизнь.

На концептуальном уровне моделирование постконфликтного урегулирования должно включать:

1. Использование сильных и слабых сторон ООН, что потребует тонких, корректных и сбалансированных подходов.

2. Понимание, что вмешательство стран Запада на Украине – не монолитный процесс. Цели и действия западных стран относительно Украины и европейской безопасности в целом различаются, что создает пространство для дипломатического маневрирования в достижении российских интересов.

3. Преобразование положительного опыта отечественного миротворчества в современном контексте.

4. Концептуальную разработку действий в информационном пространстве. Фактор информационных технологий утвердился как новый вид оружия. Как видится, Россия информационно-пропагандистскому и когнитивному аспекту в электронных медиа уделяет недостаточное внимание, а борьба за умы и настроения населения (как новых регионов, так и Украины в целом) будет чрезвычайно востребована.

На практическом уровне:

1. Окончательный стабильный мир (с международными договоренностями и признанием).

2. Отсутствие контингентов НАТО на Украине как фундаментальный императив. С резкой критикой идеи отправить войска на Украину неоднократно выступал Министр иностранных дел России Сергей Лавров, что выражает официальную государственную позицию: «Появление на Украине войск из тех же стран НАТО, но под чужим флагом, флагом Евросоюза или национальным, неприемлемо. <...> цель этой коалиции – разогреть конфликта», – и отметил важность разговора о «первопричинах конфликта»⁸.

3. Допустимость наблюдательной миссии (за вооружением, за соблюдением условий перемирия, мониторинг настроений населения) в составе нейтральных (беспристрастных) наблюдателей.

4. Вместо интеграции Украины с ЕС и НАТО стоит стремиться возвращать Украину в зону российского экономического влияния, а также в систему региональной безопасности.

Выводы

Нынешняя практика реализации миротворческих задач демонстрирует весь спектр дисбалансов, присущих как самой ООН, так и нынешнему мироустройству. Гибкость Устава ООН является одновременно и силой, и слабостью: ООН остается ключевой площадкой, однако она функциональна, только если за ее решениями стоит реальная поддержка государств. Главная проблема Совета Безопасности ООН – его политизированность и зависимость от консенсуса.

По мере углубления конфликта между «коллективным Западом» и незападными странами, особенно обострившегося после начала СВО, говорить об использовании

⁸ «Коалиция желающих»: что это, страны-участницы и итоги саммитов // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/base/11/04/2025/67f8e1729a7947a6c4e71d2b>.

вооруженных сил под эгидой ООН «в общих интересах» уже не представляется возможным.

Прямые модели ООН маловероятны из-за санкций и позиции Запада, поэтому постконфликтное урегулирование в новых регионах РФ, с наибольшей вероятностью, пойдет по иному сценарию с опорой на альтернативные институты. При этом механизмы и стандарты мирного урегулирования ООН дают универсальные уроки, но следует остерегаться их механического копирования. Перспективными исследованиями в этом отношении могут быть анализ роли доминирующих региональных держав – Китая, Индии и Турции – как новых акторов миротворчества.

Проработка всех вышеописанных ключевых звеньев – это возможность для России поддерживать ранг страны, меняющей и формирующей международные нормы в области миротворчества и миростроительства.

Список литературы

1. Аду Я.Н., Бокерия С.А., Дегтерев Д.А., Мезяев А.Б., Шамаров П.В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы [Non-Western Peacemaking as a Factor in a Multipolar World: Outlines of a Research Program] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 3. С. 415–434.
2. Амара Д., Дегтерев Д.А., Эгамов Б.Х.у. «Общие интересы» в миротворческих операциях ООН в Африке: прикладной анализ кадрового состава [«Common Interests» in UN Peacekeeping Operations in Africa: An Applied Analysis of Personnel] // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2(71). С. 76–101.
3. Бигуаа Б.Г. Применение вооруженных сил в рамках превентивных миротворческих операций: Международно-правовые вопросы [The Use of Armed Forces in the Framework of Preventive Peacekeeping Operations: International Legal Issues]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2003. 194 с.
4. Гилимов С.К. Правовые проблемы предотвращения и урегулирования конфликтов на территории стран – участниц СНГ [Legal Problems of Conflict Prevention and Resolution in the Territory of the CIS Member States]: дисс. ... канд. юрид. наук: 23.00.04. М., 2003. 167 с.
5. Военное право: монография [Military Law: Monograph]. В 3-х т. / М.В.Конохов, В.М.Корякин, А.В.Кудашкин [и др.]; под общ. ред. А.Н.Савенкова, А.В.Кудашкина. Т. 1. М.: ООО «Центр правовых коммуникаций», 2021. 598 с.
6. Лямзин А.В., Еланцева Н.С., Николаев Ю.В. Миротворческие операции ООН: основные направления эволюции [UN Peacekeeping Operations: The Main Directions of Evolution] // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 1. С. 37–46.
7. Остапенко О.Ю. Конституционно-правовое регулирование межгосударственных отношений Российской Федерации [Constitutional and Legal Regulation of Interstate Relations of the Russian Federation]: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2005. 218 с.
8. Романцов Е.А. Правовое положение подразделений военной полиции на территории иностранных государств [The Legal Status of Military Police Units on the Territory of Foreign States] // Законодательство военного времени: уроки прошлого и современные вызовы: сборник научных статей, Москва, 19 ноября 2021 г. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022. С. 285–289.
9. Романчук С.И. Миротворческие операции на постсоветском пространстве: концептуальные подходы [Peacekeeping Operations in the Post-Soviet Space: Conceptual Approaches]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 218 с.
10. Самойлов В.Д., Алимов С.Ю. Права и свободы ветеранов и участников боевых действий в Содружестве Независимых Государств (конституционные и законодательные аспекты): монография [The Rights and Freedoms of Veterans and Participants in Combat Operations in the Commonwealth of Independent States (Constitutional and Legislative Aspects): Monograph]. М.: Рускайнс, 2019. 293 с.

Информация об авторе

ГОРЕЛИКОВ Евгений Сергеевич. Кандидат военных наук. Преподаватель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. Адрес: Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Б.Садовая, д. 14. general85@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25 сентября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Adu Ya.N., Bokeriya S.A., Degterev D.A., Mezyaev A.B., Shamarov P.V. Non-Western Peacemaking as a Factor in a Multipolar World: Outlines of a Research Program. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodny'e otnosheniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2023; 23(3):415–434 [In Russian].
2. Amara D., Degterev D.A., E'gamov B.X.u. "Common Interests" in UN Peacekeeping Operations in Africa: An Applied Analysis of Personnel. Problemy nacional'noj strategii [Problems of the National Strategy]. 2022; 2(71):76–101 [In Russian].
3. Biguaa B.G. The Use of Armed Forces in the Framework of Preventive Peacekeeping Operations: International Legal Issues: Theses ... CandSc (Law): 12.00.10. Moscow, 2003. 194 p. [In Russian].
4. Gilimov S.K. Legal Problems of Conflict Prevention and Resolution in the Territory of the CIS Member States: Theses ... CandSc (Law): 23.00.04. Moscow, 2003. 167 p. [In Russian].
5. Military Law: Monograph. In 3 vol. / M.V.Konoxov, V.M.Koryakin, A.V.Kudashkin [at al.]; the general ed. of A.N.Savenkov, A.V.Kudashkin. Moscow: ООО «Centr Pravovy'x kommunikacij» [Center for Legal Communications LLC], 2021. 598 p. [In Russian].
6. Lyamzin A.V., Elanceva N.S., Nikolaev Yu.V. UN Peacekeeping Operations: The Main Directions of Evolution. Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu [Electronic Supplement to the Russian Law Journal]. 2019; 1: 37–46 [In Russian].
7. Ostapenko O.Yu. Constitutional and Legal Regulation of Interstate Relations of the Russian Federation: Theses ... CandSc (Law): 12.00.02. Moscow, 2005. 218 p. [In Russian].
8. The Legal Status of Military Police Units on the Territory of Foreign States. Wartime Legislation: Lessons from the Past and Modern Challenges: a Collection of Scientific Articles, Moscow, November 19, 2021, Moscow: Rossijskij gosudarstvenny'j universitet pravosudiya [Russian State University of Justice], 2022:285–289 [In Russian].
9. Romanchuk S.I. Peacekeeping Operations in the Post-Soviet Space: Conceptual Approaches: Theses ... CandSc (Political): 23.00.04. Moscow, 2015. 218 p. [In Russian].
10. Samojlov V.D., Alimov S.Yu. The Rights and Freedoms of Veterans and Participants in Combat Operations in the Commonwealth of Independent States (Constitutional and Legislative Aspects): Monograph. Moscow: Rusajns [Ru-Science], 2019. 293 p. [In Russian].

About the author

Evgenij S. GORELIKOV. CandidSc. (Military). Lecturer at Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Address: 14, B.Sadovaya str., Moscow, 123001, Russian Federation. general85@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: September 25, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-146-161](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-146-161)

Политические науки

Оценка дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран: итоги мониторинга 2025 г.

Валентина Вячеславовна Комлева ✉

Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики коммуникационных режимов постсоветских стран по итогам пятого мониторинга, проведенного Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций в 2025 г. Коммуникационные режимы рассматриваются как институционализированные системы правил, акторов и практик, регулирующих производство информации, каналы коммуникации, трансграничные взаимодействия. На основе комплексной методики, включающей оценку 12 групп коммуникаций и 74 показателей дружелюбности, сформирован интегральный рейтинг стран по степени благоприятности условий и возможностей взаимодействия с Россией. Эмпирическая база исследования охватывает нормативно-правовые акты, стратегические документы, общественные и медиадискурсы, практику межгосударственных взаимодействий, экспертные оценки. Результаты показывают устойчивость сложившихся групп дружелюбных и недружелюбных коммуникационных режимов. Выявлены ключевые тенденции: развитие гуманитарной многовекторности, прагматизация внешних коммуникаций, усиление государственного регулирования медиасферы и гражданских

коммуникаций, а также рост секьюритизации российского направления в ряде стран. Показано, что институционализация правил и практик оказывает более сильное влияние на качество коммуникаций, чем публичная политическая риторика. Полученные результаты позволяют рассматривать коммуникационные режимы как индикатор моделей суверенитета и механизм формирования новых конфигураций взаимодействия на постсоветском пространстве. Автор углубляется в детальное изучение факторов, определяющих динамику межгосударственного и внутригосударственного взаимодействия, с целью выявления ключевых тенденций трансформации коммуникационных моделей. В результате проведенного анализа формулируются обоснованные прогнозы относительно перспектив развития данных отношений, что позволяет представить целостную картину текущего состояния и будущих направлений сотрудничества на региональном уровне.

Ключевые слова: коммуникационные режимы, постсоветское пространство, рейтинг дружелюбности, многовекторность, секьюритизация коммуникаций, медиapolитика, трансграничные коммуникации

Для цитирования: Комлева В.В. Оценка дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран: итоги мониторинга 2025 г. // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 146-161, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-146-161](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-146-161)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-146-161](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-146-161)

Political Sciences

Assessment of the Friendliness of Communication Regimes in Post-Soviet Countries: Results of Monitoring in 2025

Valentina V. Komleva ✉

National Research Institute for the Communications Development, Moscow,
Russia

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>.ru

Abstract. This article analyses the dynamics of communication regimes in post-Soviet countries, based on the fifth monitoring conducted by the National Research Institute for Communication Development in 2025. Communication regimes are seen as institutionalized systems of rules, actors and practices that regulate information production, communication channels and cross-border interactions. A comprehensive methodology has been used to assess 12 communication groups and 74 indicators of friendliness, resulting in an integrated ranking of countries according to favourable conditions and opportunities for interaction with Russia. The empirical basis for the study includes regulatory legal acts, strategic documents, public discourse, media discourse, interstate interaction and expert assessments. The findings demonstrate the stability of groups of friendly and unfriendly communication regimes. Key trends identified include the development of humanitarian multivector approaches, the pragmatism of external communications,

increased government regulation of the media and civil communications spheres, and the growing securitization of the Russian presence in a number of countries. It is shown that institutionalization of rules and practices has a stronger impact on communication quality than public political rhetoric. The results obtained allow us to consider communication regimes as indicators of sovereignty models and mechanisms for the formation of new interaction configurations in the post-Soviet space. The author studies in detail the factors determining dynamics of interstate and intrastate interactions to identify key trends in transformation of communication models. Analysis yields substantiated forecasts about prospects for development of these relations providing a comprehensive view of current state and future directions of cooperation at regional level.

Keywords: communication regimes, post-Soviet space, friendliness rating, multi-vector approach, securitization of communications, media policy, cross-border communications

For citation: Komleva V.V. Assessment of the Friendliness of Communication Regimes in Post-Soviet Countries: Results of Monitoring in 2025. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 1(19): 146-161, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-146-161](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-146-161)

Введение

В условиях ускоряющейся турбулентности постсоветского пространства коммуникационные режимы становятся ключевым фактором устойчивости государств и общественных институтов. Под «коммуникационным режимом» понимается система формальных и неформальных правил и норм, институтов и акторов, регулирующих производство и распространение информации, а также каналы гражданских и межгосударственных коммуникаций.

Концепция коммуникационных режимов, разработанная в НИИРК [1–6; 9; 10; 12], применяется как инструмент анализа внутриполитических процессов, трансграничных взаимодействий и трансформации публичных коммуникаций. С 2020 г. исследование ведется в виде мониторингов, итоги которых представлены в научных публикациях, аналитических докладах и дискуссионных форматах. Материалы мониторинга использованы в диссертационных исследованиях [11] и в экспертной работе органов государственной власти.

В 2025 г. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК) завершил пятый мониторинг коммуникационных режимов постсоветских стран и подготовил пятый Рейтинг дружелюбности. Оценка дружелюбности отражает влияние правовых и политических условий, медиасреды и общественного дискурса на возможности взаимодействия с Россией и характер ее публичной репрезентации. Дружелюбность предполагает преимущественно взаимно благоприятные отношения стран, основанные на взаимном уважении, принципах дружбы и добрососедства, взаимных интересах и ценностях мирного сосуществования в многополярном мире.

В данной статье публикуются основные выводы по итогам мониторинга 2025 г. и раскрывается динамика коммуникационных режимов, выявленная нами за пять лет.

Материалы и методы

Методика комплексной оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов разработана нами в НИИРК с учетом возможностей сбора открытого эмпирического материала, фиксации и группировки научных фактов. Оценке подвергались 12 групп коммуникаций (Таблица 1).

Таблица 1. Группы коммуникаций, которые оценивались в ходе мониторинга
Table 1. Communication Groups that Were Assessed during Monitoring (in Points)

Группы коммуникаций, подлежащих оценке	Сумма баллов по каждой группе коммуникаций с учетом ее веса в общей оценке дружелюбности		
	Максимальный балл по группе коммуникаций	Минимальный балл по группе коммуникаций	
Группа 1	Внешнеполитические коммуникации	14,5	-14,5
Группа 2	Экономические коммуникации	7	-7
Группа 3	Образовательные коммуникации	10,6	-10,6
Группа 4	Научные коммуникации	6,8	-6,8
Группа 5	Культурные коммуникации	13,3	-13,3
Группа 6	Медиакоммуникации	8,1	-8,1
Группа 7	Коммуникации НКО	12,5	-12,5
Группа 8	Молодежные коммуникации	2,6	-2,6
Группа 9	Религиозные и межрелигиозные коммуникации	2,7	-2,7
Группа 10	Отношение к Российской Федерации, россиянам, этническим русским внутри страны	15	-15
Группа 11	Свобода передвижения и визовый режим	2,7	-2,7
Группа 12	Межрегиональные коммуникации	4,2	-4,2
	Итого по всем группам коммуникаций	100	-100

В каждой группе коммуникаций были выделены показатели дружелюбности коммуникационных режимов (всего 74 показателя). Все 74 показателя ранжировались по степени их значимости (наиболее значимые, значимые и наименее значимые для дружелюбности коммуникационных режимов). В соответствии со степенью значимости показателям присваивались веса.

Мониторинг проводился поэтапно.

Этап 1: сбор эмпирической информации по 74 показателям, анализ полученных данных, анализ странового контекста. Составление рейтинга № 1 на основе консенсусной оценки рабочей группы экспертов НИИРК.

Этап 2: анализ эмпирической информации совместно с экспертами в области международного сотрудничества, представителями международных организаций, международных подразделений органов власти, научных, образовательных, культурных, религиозных и др. организаций. Составление рейтинга № 2 на основе консенсусной оценки российских экспертов.

Этап 3: проведение серии научных дискуссий с представителями России и зарубежных стран (коммуникационные режимы которых подвергались оценке) с целью обсуждения рейтингов № 1 и № 2 и уточнения проблемных вопросов.

Этап 4: опрос экспертов в зарубежных странах (выборка экспертов не случайная, в соответствии с заданной квотой и критериями отбора экспертов). Статистическая обработка данных. Составление рейтинга № 3 на основе мнений зарубежных экспертов.

Этап 5: обработка данных, математические расчеты. Составление интегрального рейтинга дружелюбности методом суммы мест стран в рейтингах № 1, № 2, № 3. Рейтинговый балл варьируется от -100 до 100, что отражает степень недружелюбности / дружелюбности коммуникационного режима.

Этап 6: подготовка отчета и публикация научного доклада по итогам мониторинга дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран.

Эмпирическую базу исследования составили: нормативно-правовые акты (НПА), создающие условия и регулирующие 12 видов коммуникаций (74 показателя дружелюбности коммуникационных режимов) в каждой исследуемой стране; государственные стратегические документы, выступления, заявления глав государств; актуальные практики (решения и действия) участников 12 видов коммуникаций и практика реализации НПА; актуальные, воспроизводящиеся традиции, обычаи, привычные паттерны и нарративы, проявляющиеся в 12 видах коммуникаций с Россией; материалы страновых массмедиа, социальных сетей. Анализ дискурсов и нарративов; статистические данные; результаты социологических опросов, экспертных интервью.

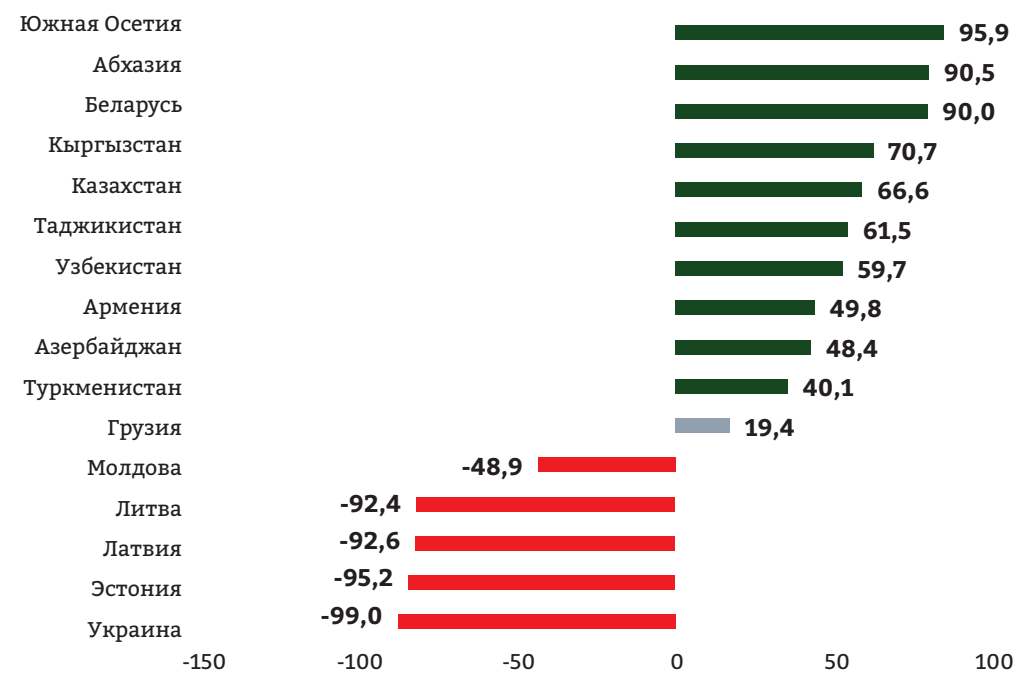
Методика и подробная информация о коммуникационных режимах 16 исследуемых постсоветских стран изложены в отчете [8].

Результаты исследования

Интегральный рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов

В 2025 г. группу дружелюбных коммуникационных режимов составляют 10 стран. В группу недружелюбных вошли пять стран. Одна страна оценивается как относительно дружелюбная / недружелюбная (Рисунок).

Рисунок 1. Количественные показатели Рейтинга дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран (в баллах)
Figure 1. Quantitative Indicators of the Rating of Friendliness of Communication Regimes in Post-Soviet Countries (in Points)

По сравнению с 2024 г. состав стран в каждой группе не изменился, но изменились балльные значения по странам. Динамика дружелюбности / недружелюбности за 2024–2025 гг. представлена в Таблице 2.

Подробный анализ коммуникационных профилей каждой страны представлен в научных отчетах [7; 8]. Здесь сосредоточимся на основных выводах, которые мы можем сделать по итогам 2025 г. и по итогам пяти мониторингов, отразив выявленную нами динамику.

Таблица 2. Динамика дружелюбности / недружелюбности коммуникационных режимов

Table 2. Dynamics of Friendliness / Unfriendliness of Communication Regimes

Место	Страна	2025 год Рейтинговый балл (max 100)	2024 год Рейтинговый балл (max 100). В скобках – место в рейтинге	Динамика рейтинговых баллов
Дружественные коммуникационные режимы				
1	Южная Осетия	95,9	94,8 (1)	↑
2	Абхазия	90,5	75,9 (3)	↑
3	Беларусь	90,0	88,6 (2)	↑
4	Кыргызстан	70,7	65,2 (4)	↑
5	Казахстан	66,6	63,7 (5)	↑
6	Таджикистан	61,5	56,4 (7)	↑
7	Узбекистан	59,7	57,1 (6)	↑
8	Армения	49,8	51,5 (9)	↓
9	Азербайджан	48,4	54,7 (8)	↓
10	Туркменистан	40,1	39,1 (10)	↑
Относительно дружественные / недружественные коммуникационные режимы				
11	Грузия	19,4	15,1 (11)	↑
Недружественные коммуникационные режимы				
12	Молдова	-48,9	-25,3 (12)	↓
13	Литва	-92,4	-82,9 (13)	↓
14	Латвия	-92,6	-84,5 (14)	↓
15	Эстония	-95,2	-88,9 (15)	↓
16	Украина	-99,0	-98,5 (16)	↓

Многовекторность как фактор динамики коммуникационных режимов

Многовекторность постсоветских стран все в большей степени распространяется за пределы политической и экономической сфер и охватывает образование, науку, культуру, медиа и гражданские коммуникации. По сути, мы можем говорить о формировании гуманитарной многовекторности. Сама по себе гуманитарная многовекторность не ведет автоматически ни к снижению, ни к росту дружелюбности коммуникационных режимов. Ее эффект определяется степенью институциональной упорядоченности и управляемости коммуникаций внутри страны. При четко заданных правилах гуманитарная многовекторность расширяет пространство маневра постсоветских стран и одновременно позволяет сохранять

устойчивые коммуникации с Россией. При отсутствии таких четко заданных правил и слабой управляемости коммуникаций гуманитарная многовекторность приводит к фрагментации внешних коммуникаций, внутренней эрозии общества и институтов его консолидации и воспроизводства. Формируются параллельные (иногда альтернативные) культурные и образовательные траектории, слабо связанные между собой. Такая тенденция проявляется, например, в Армении, Молдове. В перспективе высокие риски в данном контексте имеет ряд стран Центральной Азии.

На наш взгляд, решающим фактором в условиях многовекторности является не количество внешних векторов, а их иерархия и приоритетность. В 2025 г. отчетливо проявились такие типы многовекторности, как асимметричная и селективная. Асимметричная многовекторность предполагает баланс отношений с разными странами, но фактически – доминирование одного вектора. Селективная многовекторность означает функциональное распределение приоритетности внешних партнеров по разным сферам. При этом на фоне напряженных отношений ряда «векторов» между собой постсоветские страны с асимметричной моделью многовекторности и с недостаточными собственными ресурсами движутся в сторону одновекторности, институционального закрепления одного внешнего партнера и сознательного или вынужденного ограничения альтернативных партнеров. И особенно это показательно в странах верхней и нижней частей Рейтинга дружелюбности коммуникационных режимов.

Кроме сказанного, отметим, что многовекторность ведет к эрозии прежней условной бинарности «пророссийские – прозападные» коммуникационные режимы. Вместо нее, например, в ряде стран Центральной Азии, формируется спектр более сложных конфигураций.

Логика дружелюбности и недружелюбности

Анализ динамики 2025 г. показывает, что рост дружелюбности характерен прежде всего для коммуникационных режимов интеграционного типа. Наиболее устойчивые и высокие показатели демонстрируют страны и территории, где коммуникации институционально «вшиты» в российские правовые, образовательные, медийные и гуманитарные проекты (программы) и опираются на кумулятивный эффект взаимодействия сразу в нескольких сферах (политике, экономике, безопасности и гуманитарной сфере). Чем больше таких сфер связаны и синхронизированы между собой, тем устойчивее дружелюбность. Проявление этой тенденции характерно во всех странах, входящих в разного рода интеграционные объединения с Россией. Но наиболее явно она прослеживается в ядре дружественных коммуникационных режимов – в Южной Осетии, Абхазии, Беларуси. В этих странах дружелюбность не сводится к декларативной политической лояльности, а воспроизводится через систему институтов, норм и практик, которые делают российское присутствие элементом национального коммуникационного пространства. При этом мы понимаем, что коммуникационные

режимы Абхазии и Южной Осетии носят патронально-интеграционный характер, где коммуникационная система «вложена» в российский контур.

Снижение дружелюбности в другой группе стран связано с геополитической конкуренцией, целенаправленной политикой национальных правительств по секьюритизации коммуникаций. В недружественных режимах коммуникации с Россией последовательно выводятся из сферы «обычной политики» и переводятся в статус угрозы национальной безопасности. Это расширяет полномочия государства и позволяет применять экстраординарные меры регулирования коммуникационной сферы. Как правило, это сопровождается ужесточением правового режима, нормативной блокировкой гуманитарных и медийных каналов, ограничением доступа к публичному пространству и стигматизацией связанных с Россией акторов и идентичностей. Такая логика характерна прежде всего для Украины, стран Прибалтики и в нарастающей степени для Молдовы. В Молдове закрытие русскоязычных телеканалов и онлайн-платформ сопровождалось обвинениями в «дезинформации» и «угрозе национальной безопасности». Признаки секьюритизации коммуникаций, стигматизации России ситуативно проявлялись в 2025 г. в коммуникационных режимах Азербайджана и Армении.

Чем жестче регуляторные барьеры и рестрикции в отношении России и русских, тем слабее социальные и гуманитарные контакты и тем меньше пространство для частных гражданских коммуникаций. Секьюритизация распространяется не только на государственные или аффилированные структуры, но и на более широкие русскоязычные и культурные пространства. Это формирует негативную обратную связь, при которой коммуникационный режим закрепляется именно как недружественный и становится все менее восприимчивым к внешним корректирующим воздействиям. Со временем начинает срабатывать эффект самовоспроизводства недружественных режимов (например, в Эстонии, Литве, Латвии).

Прагматизация коммуникаций и изменение роли России

В 2025 г. условия и возможности коммуникаций стали еще более прагматичными. Это означает переход логики ценностной близости и исторической общности к логике расчета выгод, издержек и функциональной полезности. Для России это имеет принципиальные последствия. Историческая память, общий язык и культурная близость перестают автоматически обеспечивать устойчивость коммуникационных каналов. Они сохраняют значение там и тогда, где и когда они конвертируются в конкретные преимущества (образовательные возможности, профессиональную мобильность, экономические проекты, безопасность, доступ к инфраструктуре и рынкам и др.). Позиции России все в большей степени определяются качеством институтов и предлагаемых форматов взаимодействия, а не глубиной культурного, символического наследия (что, несомненно, важно, но уже не определяет приоритетность отношений с Россией). Наиболее эффективными

площадками для такого взаимодействия оставались ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, масштабные экономические форумы, проходящие в России.

Российское направление в большинстве случаев сохраняет высокую значимость, но все реже обладает монопольным статусом и эксклюзивностью и все чаще конкурирует с альтернативными предложениями. Зафиксированное в ряде стран улучшение условий коммуникаций с РФ (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Грузия) следует рассматривать как часть более широкой прагматизации внешней политики. Россия оказывается одним из значимых партнеров в расширяющейся системе внешних связей, и ее позиции все больше будут зависеть от конкурентоспособности предлагаемых решений.

Усиление государственного регулирования медиа и гражданских коммуникаций

Общей тенденцией 2025 г. стало усиление контроля над информационным полем, деятельностью СМИ, НКО и религиозных организаций. Эти процессы затронули практически все группы стран, но с разной силой, разной логикой и последствиями. В недружественных режимах (Украина, страны Прибалтики, Молдова) усиление регулирования имело ярко выраженный антироссийский характер и было направлено на ограничение российских каналов и дискурсов. Наиболее жесткие и политически нагруженные изменения продолжились на Украине, где регулирование медиа, НКО и религиозной сферы в 2025 г. оставалось частью более широкой логики национальной безопасности и конфликта с Россией. В Армении и Азербайджане наблюдались отдельные случаи рестрикции российских медиа и НКО. В многовекторных странах усиление регулирования носило универсальный характер (распространилось на все страны) и имело целью сохранить внутреннюю управляемость, ограничить внешние влияния, которые считались дестабилизирующими. При этом российские каналы коммуникации практически не пострадали, если не противоречили внутренним политическим нарративам. Так было, например, в странах Центральной Азии. В союзнических режимах (Абхазия, Беларусь, Южная Осетия) контроль зарубежных медиа и НКО сочетался с институциональной поддержкой дружественных российских коммуникаций.

Отдельно выделим усиление контроля за деятельностью религиозных организаций, хотя формы и политический смысл этого процесса в разных странах существенно различались. В одних случаях изменения имели выраженный политически ангажированный характер (например, в Молдове, Армении и др.), в других – были связаны с задачами централизации управления религиозной сферой, профилактики радикализма или обновления устаревшего законодательства (например, в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане). Эти изменения носили общий характер и не были направлены против России и православия.

Асимметрия между формально закрепленными правилами и реальными практиками коммуникации

Во многих странах наблюдается расхождение между нормативными установками (например, законами о СМИ, НКО, религии, цифровых платформах) и коммуникационными практиками. Русскоязычные, трансграничные, диаспоральные и профессиональные связи продолжают воспроизводиться даже в условиях юридических ограничений, что еще раз доказывает двухуровневость коммуникационных режимов. Один уровень – это официальный, институционально регулируемый. Второй уровень – неформальный, опирающийся на социальные сети, личные контакты, родственно ориентированные социальные структуры, миграцию и др. Например, в Казахстане при формальном усилении регулирования медиа, НКО и языковой политики сохраняются устойчивые русскоязычные профессиональные, образовательные и бизнес-сети, функционирующие на основе личных контактов. В Армении при изменении внешнеполитической риторики и институциональных ориентиров продолжают активно действовать диаспоральные, экспертные и религиозные коммуникации, во многом опирающиеся на неформальные каналы и русский язык. В Молдове законы о СМИ и цифровом пространстве вступают в противоречие с повседневными практиками населения, где русскоязычные медиа, трансграничные семейные связи продолжают играть значимую роль. Иными словами, политико-нормативный уровень может демонстрировать «суверенизацию», а социальный уровень воспроизводит трансграничные связи. Рассогласование этих уровней создает предпосылки для раскола между властью и обществом.

Раскол власти и общества в государствах недружественного курса

В постсоветских странах, выбравших недружественный по отношению к России внешнеполитический курс, фиксируется раскол между властью и обществом, что отмечалось нами в отчетах мониторинга коммуникационных режимов начиная с 2023 г. В Молдове, например, он проявляется в противостоянии проевропейских элит и значительной части населения, ориентированной на Россию. В Армении раскол между властью и обществом проявляется в расхождении внешнеполитического курса правящих элит и общественных ожиданий части населения. Руководство страны политически дистанцируется от России, переориентируясь на Запад, тогда как значительная часть общества продолжает рассматривать Россию как основного гаранта экономического благополучия, сохранения армянской идентичности и безопасности. На Украине раскол власти и общества проявляется в разрыве между официальной милитаризированной риторикой и нарастающей социальной усталостью. В странах Прибалтики раскол усиливается из-за политики исключения русскоязычных граждан. Во всех случаях элитные решения, опережающие общественный консенсус, усиливают фрагментацию и напряжение.

Вместе с тем такие расколы со временем могут исчезать, если они сопровождаются целенаправленными изменениями правил, каналов и логик коммуникации. Анализ практик показывает, что: 1) власть может переформатировать повестку, смещая фокус с социально-экономических проблем на вопросы угроз, безопасности и «внешнего давления»; это переводит раскол из плоскости «власть – общество» в плоскость «государство – враги»; 2) власть может создавать эффект «молчаливого большинства», усиливая в публичном пространстве голоса лояльных групп и вытесняя и стигматизируя альтернативные позиции; 3) власть может с помощью изменений в коммуникационном режиме стимулировать адаптивную лояльность, когда часть общества не столько меняет убеждения, сколько публично принимает доминирующую интерпретацию как социально безопасную. Таким образом, управляемый коммуникационный режим позволяет власти консолидировать поддержку не через согласие, а через перераспределение видимости и допустимости мнений, что постепенно трансформирует общественное мнение в сторону формальной или вынужденной поддержки.

Русский язык как инструментальный ресурс

Особое место в трансформации коммуникационных режимов занимает русский язык. В недружественном блоке стран в 2025 г. он все чаще использовался как язык антироссийской пропаганды и информационных войн, направленных на русскоязычную аудиторию. На Украине он активно используется в антироссийских медиапроектах и информационно-психологических операциях, ориентированных именно на русскоязычную аудиторию (как внешнюю, так и внутреннюю). Здесь русский язык становится инструментом воздействия, а не идентификации. В Молдове при символическом вытеснении русского языка из официальной сферы он сохраняется в политическом активизме, медиа и экспертных комментариях, адресованных «русскоязычному сегменту». В странах Прибалтики русский язык, при жестких рестрикциях в образовании и публичной сфере, сохраняется как рабочий инструмент антироссийских проектов, аналитики и региональных исследований. Также русский язык сохраняется как инструмент профессиональной и аналитической подготовки иностранных специалистов (например, через курсы при университетах и языковых центрах в недружественных постсоветских странах). Таким образом, русский язык в условиях геополитической конкуренции и враждующих коммуникационных режимов превращается из показателя культурной, идентификационной и исторической близости в ресурс политической борьбы, информационного давления, когнитивно-ментальных интервенций.

Одновременно с инструментализацией русского языка в недружественных коммуникационных режимах происходит зачистка русскоязычных каналов, не соответствующих логике власти и доминирующему коммуникационному режиму. Это выражается в блокировке русскоязычных СМИ, каналов и медиаплощадок, предлагающих альтернативные интерпретации конфликта или критику

официальной повестки. Русский язык допускается лишь в лояльной, мобилизационной или пропагандистской форме. Путем регуляторных решений власти фактически вытеснили независимые русскоязычные медиа, оставив в публичном поле только контролируемые или переформатированные каналы. Таким образом, русский язык сохраняется лишь как допустимый инструмент власти, тогда как автономные русскоязычные коммуникации системно исключаются из публичного пространства.

Выводы

Таким образом, постсоветское пространство в 2025 г. представляло собой мозаику структурно разнородных, но взаимосвязанных коммуникационных режимов. Сравнение стран показывает, что ключевой линией дифференциации стала не просто «открытость / закрытость» коммуникационных режимов, а сочетание трех параметров: (1) степень внутренней управляемости коммуникаций, (2) структура внешних контуров (монополярность или многовекторность), (3) уровень секьюритизации всего российского и русского (язык, каналы коммуникации, символы, идентификации и проч.).

Россия остается ключевым актором для значительной части стран региона, прежде всего в сферах экономики, безопасности, образования, миграции, исторической памяти. Однако характер этого присутствия меняется. В одних случаях оно институционально углубляется (Южная Осетия, Абхазия, Беларусь, все страны Центральной Азии), в других становится функциональным и сегментированным (Азербайджан, Армения, Грузия), в-третьих, системно ограничивается и переводится в режим контролируемого минимального взаимодействия (Молдова) или полного запрета (Латвия, Литва, Эстония). Украина находится в состоянии вооруженного конфликта, что логично привело к формированию жестко рестриктивного режима в отношении России. При этом полностью вытеснить Россию из коммуникационного пространства не удалось ни одной стране, так как даже негативная повестка о России в недружественных странах «возвращает» Россию в публичное коммуникационное пространство, не говоря уже о частных коммуникациях отдельных граждан, экономических и логистических зависимостях, потребности консолидироваться в борьбе с трансграничными угрозами и вызовами.

Вместе с тем прежнее российское влияние все чаще сталкивается с конкурентной средой, где решающую роль играют не столько исторические связи, сколько прагматичная политика стран. В условиях многовекторности эта политика ведет в ряде стран к утрате Россией статуса эксклюзивного партнера и доминирующего актора.

С научно-практической точки зрения материалы мониторингов за несколько лет показывают, что:

- коммуникационные режимы постсоветских стран целесообразно рассматривать как институционально оформленные подсистемы политического

управления, через которые государства контролируют акторов коммуникации, регулируют производство смыслов, доступ к каналам публичности и конфигурацию внешних связей;

- институционализация коммуникаций важнее дискурса; благожелательная риторика не компенсирует правовых ограничений, деинституционализации каналов коммуникации и вытеснения языка и медиа (правила и процедуры, а не символические жесты определяют устойчивость взаимодействия);

- в широком плане коммуникационные режимы выступают индикатором границ субъектности государств, являясь практическим выражением используемой модели суверенитета;

- помимо традиционной функции обмена, коммуникации все сильнее превращаются в инструмент идентичностного разграничения и внутренней мобилизации;

- в условиях гибридных войн коммуникационные режимы все чаще становятся инструментами когнитивно-ментальных интервенций.

Список литературы

1. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Дружелюбность страновых коммуникационных режимов: интерпретация и оценка [Friendliness of Country Communication Regimes: Interpretation and Assessment] // Международная жизнь. 2021. № 8. С. 68–77.
2. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы [Communication Regimes as a Factor in Intercountry Interactions: Problem Statement] // Международная жизнь. 2020. № 10. С. 38–49.
3. Катагощина М.В., Комлева В.В., Кузьменко Е.А., Шейн С.А. Многовекторность во внешней политике стран постсоветского пространства: актуальные проблемы и тенденции [Multi-Vector Approach in the Foreign Policy of the Post-Soviet Countries: Current Issues and Trends] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4(14). С. 105–123. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123).
4. Комлева В.В. Методика анализа управляемости страновых коммуникационных режимов [Methodology for Analyzing the Manageability of Country Communication Modes] // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 3(5). С. 94–107. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-94-107](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-94-107).
5. Комлева В.В. Секьюритизация национальной идентичности в коммуникационных режимах стран Центральной Азии [Securitization of National Identity in Communication Regimes of Central Asian Countries] // Международная жизнь. 2021. № 12. С. 66–74.
6. Комлева В.В. Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен [Country Communication Regime as a Socio-Political Phenomenon] // Россия и мир: научный диалог. 2021. № 1(1). С. 13–26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.
7. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности – 2025. Научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / Под научной редакцией В.В.Комлевой. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2026. 120 с. ISBN 978-5-7151-0685-8
8. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности – 2025. Отчет по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / Под научной редакцией В.В.Комлевой. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2026. 430 с. ISBN 978-5-7151-0687-02.
9. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности – 2024. Научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / В.И.Гасумянов, В.В.Комлева, О.В.Жуликова [и др.]. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2025. 360 с. EDN ORNJLW.
10. Лункин Р.Н., Мельник С.В. Межрелигиозный диалог: актуальное значение, типология и особенности постсоветского пространства [Interreligious Dialogue: the Actual Meaning,

Typology and Features of the Post-Soviet Space] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 52–65. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65).

11. Островский С.С. Ограниченный суверенитет государств как политический феномен (на примере Литовской Республики) [Limited Sovereignty of States as a Political Phenomenon (on the Example of the Republic of Lithuania)]: дисс. ... канд. полит. наук: 5.5.4. М., 2025. 159 с.
12. Сутырин В.В. Пересборка постсоветской Евразии: лидерский потенциал России в условиях внешнего давления [Reassembling Post-Soviet Eurasia: Russia's Leadership Potential in Conditions of External Pressure] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 3(13). С. 22–33. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-22-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-22-33).

Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. Директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 января 2026 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликовано: 1 марта 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Gasumyanov V.I., Komleva V.V. Friendliness of Country Communication Regimes: Interpretation and Assessment. *Mezhdunarodnaya zhizn` [International Affairs]*. 2021; 8:68–77 [In Russian].
2. Gasumyanov V.I., Komleva V.V. Communication Regimes as a Factor in Intercountry Interactions: Problem Statement. *Mezhdunarodnaya zhizn` [International Life]*. 2020; 10:38–49 [In Russian].
3. Katagoshchina M.V., Komleva V.V., Kuzmenko E.A., Shein S.A. Multi-Vector Approach in the Foreign Policy of the Post-Soviet Countries: Current Issues and Trends. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]*. 2024; 4(14):105–123 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-105-123](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123).
4. Komleva V.V. Methodology for Analyzing the Manageability of Country Communication Modes. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]*. 2022; 3(5):94–107 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3\(5\)-94-107](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-3(5)-94-107).
5. Komleva V.V. Securitization of National Identity in Communication Regimes of Central Asian Countries. *Mezhdunarodnaya zhizn` [International Affairs]*. 2021; 12:66–74 [In Russian].
6. Komleva V.V. Country Communication Regime as a Socio-Political Phenomenon. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]*. 2021; 1(1):13–26 [In Russian]. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.

7. Communication Regimes of Post-Soviet Countries: Friendliness Rating – 2025. Scientific Report on the Results of Monitoring the Communication Regimes of Post-Soviet Countries. Edited by V.V. Komleva. Moscow: Nacional'nyj issledovatel'skij institut razvitiya kommunikacij [National Research Institute for Communications Development], 2026. 120 p. [In Russian] ISBN 978-5-7151-0685-8.
8. Communication Regimes of Post-Soviet Countries: Friendliness Rating – 2025. Report on the Results of Monitoring the Communication Regimes of Post-Soviet Countries. Edited by V.V. Komleva. Moscow: National Research Institute for Communications Development, 2026. 430 p. [In Russian]. ISBN 978-5-7151-0687-02.
9. Communication Regimes of Post-Soviet Countries: Friendliness Rating – 2024. Scientific Report on the Results of Monitoring the Communication Regimes of Post-Soviet Countries. V.I. Gasumyanov, V.V. Komleva, O.V. Zhulikova [et al.]. Moscow: National Research Institute for Communications Development, 2025. 360 p. [In Russian]. EDN ORNJLW.
10. Lunkin R.N., Melnik S.V. Interreligious Dialogue: the Actual Meaning, Typology and Features of the Post-Soviet Space. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]*. 2024; 2(1):52–65 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-52-65](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-52-65).
11. Ostrovsky S.S. Limited Sovereignty of States as a Political Phenomenon (on the Example of the Republic of Lithuania): Theses ... CandSc. (Political): 5.5.4. Moscow, 2025. 159 p. [In Russian].
12. Sutyryn V.V. Reassembling Post-Soviet Eurasia: Russia's Leadership Potential in Conditions of External Pressure. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]*. 2024; 3(13):22–33 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3\(13\)-22-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-3(13)-22-33).

About the author

Valentina V. KOMLEVA. DSc. (Sociol.). Professor. Deputy Director for Research, National Research Institute for the Communications Development. Director of the Center for International Strategic Studies at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. komleva@nicrus.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: January 10, 2026. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты
и процессы

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes.

Political sociology

Внимание к этическим вопросам и «человекоцентричности» в развитии ИИ, а также обеспокоенность возможными рисками в области безопасности данных, характерные для ЕС, в целом заметны и в нидерландских документах.

Посаженикова А.А., Лебедева М.М.

Национальное самовосприятие и наднациональное регулирование: тематическое моделирование нидерландского правительственного дискурса в отношении искусственного интеллекта

...Дискурс вокруг отечественных платформ нельзя охарактеризовать как однозначно негативный: он скорее носит поляризованный характер, в котором внешняя критика сосуществует с имплицитным одобрением и нейтральным принятием.

Бочарова А.П.

Сентимент-анализ отношения пользователей новостных и экспертных телеграм-каналов к технологиям импортозамещения в России (Rutube и MAX)

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-164-186](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-164-186)

Национальное самовосприятие и наднациональное регулирование: тематическое моделирование нидерландского правительственного дискурса в отношении искусственного интеллекта

Анастасия Антоновна Посаженикова^{1a}, Марина Михайловна Лебедева^{2b}

¹Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова Российской академии наук, Москва, Россия

²Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

^a posnast@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1518-6299>

^b mmlebedeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4162-0807>

Аннотация. В статье авторы исследуют взаимодействие национального самовосприятия руководящих элит Нидерландов и наднационального регулирования в контексте политики

страны в области искусственного интеллекта (ИИ). Актуальность исследования обусловлена усилением роли ИИ в международных отношениях и принятием в 2025 г. Закона ЕС об искусственном интеллекте, что поставило вопрос о влиянии национальных факторов на разработку ИИ-стратегий в странах ЕС. Основываясь на тематическом моделировании и ручном кодировании текстов десяти официальных правительственных документов Нидерландов (2023–2025 гг.), выявлено соотношение ключевых тем правительственного дискурса: регламентация, возможности и риски использования ИИ, его применение в различных областях и имидж, который страна намеревается сформировать применительно к сфере ИИ. Результаты показывают, что нидерландская ИИ-политика сочетает в себе элементы национальной идентичности, такие как высокотехнологичность, опыт в использовании высоких технологий и стремление стать лидером в этой сфере, с общеевропейскими ценностями сотрудничества и «этичного» использования ИИ. При этом такие характеристики национальной идентичности, как открытость и малый размер страны, не находят отражения в нидерландском ИИ-дискурсе, что отличает его от других сфер внешней политики. Исследование подтверждает, что политика в сфере ИИ формируется под влиянием как национальных особенностей, так и наднациональных тенденций ЕС, что важно для понимания механизмов формирования политического курса и прогнозирования внешнеполитических решений. Новизна работы заключается в применении конструктивистского подхода к анализу политики в сфере высоких технологий через призму национального самовосприятия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, национальное самовосприятие, тематическое моделирование, Нидерланды, Европейский союз, политика в сфере высоких технологий

Для цитирования: Посаженикова А.А., Лебедева М.М. Национальное самовосприятие и наднациональное регулирование: тематическое моделирование нидерландского правительственного дискурса в отношении искусственного интеллекта // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 164-186, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-164-186](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-164-186)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-164-186](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-164-186)

National Self-Perception and Supranational Regulation: A Topic Modelling of Dutch Governmental Artificial Intelligence Discourse

Anastasia A. Posazhennikova^{1a}, Marina M. Lebedeva^{2b}

¹Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia

²Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

^a posnast@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1518-6299>

^b mmlebedeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4162-0807>

Abstract. In this article, the author examines the interaction between the perception of the Netherlands by its policymakers and supranational regulation in the context of the country's

artificial intelligence (AI) policy. The relevance of the study is due to the increasing role of AI in international relations and the adoption of the EU Artificial Intelligence Act in 2025, which raises the question about the influence of national factors on the development of AI strategies in EU countries. Based on topic modeling and manual coding of ten official Dutch government documents from 2013 until 2030, the comparative relevance of key topics in government discourse – AI regulation, opportunities and risks associated with using AI, its applications in various fields and the image that the country intends to project in relation to AI-is identified. The results show that the Dutch AI policy combines elements of national identity, such as high-tech prowess, expertise in high technologies, and the desire to become a leader in this field, with European values of cooperation and ethical use of AI. At the same time, characteristics such as openness and small size of Dutch identity are not reflected in the Dutch discourse on AI, which distinguishes it from other areas of foreign policy. The study confirms that the AI policy is shaped by both national characteristics and supranational trends of the EU, which is important for understanding mechanisms of policymaking and predicting foreign policy decisions. The novelty of this study lies in its constructivist approach to analysing high-tech policies through the lens of self-perception of the nation.

Keywords: artificial intelligence, national self-perception, topic modelling, Netherlands, European Union, high-tech policy

For citation: Posazhennikova A.A., Lebedeva M.M. National Self-Perception and Supranational Regulation: A Topic Modelling of Dutch Governmental Artificial Intelligence Discourse. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 1(19): 164-186, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-164-186](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-164-186)

Введение

Технологическое развитие на протяжении всей истории человечества приводило к политическим трансформациям. Так, развитие и трансформация орудий обработки земли стали началом развития феодализма, без промышленной революции невообразим капитализм. Современная эпоха цифровизации, где центральное место занимает искусственный интеллект (ИИ), по мнению авторов, повлечет за собой новый качественный переход в области политического устройства мира.

Несмотря на относительно недавнее внедрение ИИ в политическую сферу, появилось немало исследований, в которых анализируются, с одной стороны, возможности, которые открывает ИИ, с другой – порождаемые им вызовы и расколы [3; 6; 8]. При этом государства вступают в соревнования друг с другом по созданию национального ИИ, поскольку искусственный интеллект не является нейтральным инструментом, а продвигает ценности и мировоззрения разработчика [2]. В этом соревновании первоначально выступили две страны – США с их ChatGPT и KHP с DeepSeek. Однако вскоре к ним присоединились и другие.

Европейские страны в отдельности и Европейский союз (ЕС) в целом активно включаются в международную «гонку» за разработку, регламентацию ИИ и обеспечение собственной безопасности от действий в этой сфере других стран, которые, по мнению государств Европы, направлены против них. Примером этому может служить вступление в силу в начале 2025 г. Закона ЕС об искусственном

интеллекте (AIAct)¹. На фоне формирования общеевропейской регуляторной политики в области ИИ возникает вопрос о роли национальных факторов в формировании подходов отдельных стран-членов ЕС. Опыт и стратегия стран ЕС особенно в этом плане интересны, поскольку им приходится сочетать национальную специфику и самовосприятие с тенденциями, реализуемыми ЕС.

В данной статье ставится следующий исследовательский вопрос: как и в каких областях традиционные элементы самовосприятия Нидерландов влияют на политику страны в области ИИ на фоне общеевропейских тенденций?

Опираясь на литературу о внешнеполитической идентичности Нидерландов, то есть о том, как руководство этой страны позиционирует себя в мировой политике, и традиционных характеристиках и особенностях внешней политики этой страны [9; 14; 19; 22], а также на данные о внедрении Нидерландами ИИ, в качестве таких элементов в настоящем исследовании мы выделили роль Нидерландов как: лояльного члена ЕС; страны с большим опытом в области ИИ; лидера, агитирующего за внедрение ИИ во всем мире; открытой страны; малой страны; страны, приверженной либеральным ценностям.

Представляется возможным сформулировать две гипотезы:

В Нидерландах дискурс об экономической конкурентоспособности, высокотехнологичности и правовая риторика обуславливают активное внедрение ИИ и разработку его «этических рамок».

Такую гипотезу позволяет выдвинуть тот факт, что эти экономические (высокая конкурентоспособность и внедрение высоких технологий) и ценностно-политические (повышенное внимание к проблематике международного права) аспекты позиционирования Нидерландами себя на мировой арене широко проявляются в других направлениях внешней политики страны, например, в отношении европейской интеграции и НАТО [5], а также гуманитарных аспектов, например, образования [4]. Вероятно, это верно и в случае ИИ-политики.

Самовосприятие Нидерландов как малой страны не играет роли в их политике в области ИИ, последняя определяется общеевропейскими тенденциями.

Эта гипотеза опирается, с одной стороны, на первенство ЕС в деле регламентации использования ИИ, а с другой – на выявленное в литературе сходство политик стран-членов ЕС друг с другом [10; 20]. Возможно, такова ситуация и с Нидерландами.

Выбор кейса Нидерландов обусловлен высокой конкурентоспособностью и возможностями страны в области ИИ. Эта страна занимает первое место в глобальном рейтинге ответственного использования ИИ (Global Index on Responsible AI)², а ее усилия в области ИИ высоко оцениваются ЮНЕСКО благодаря развитой технологической инфраструктуре и правовому обеспечению ИИ³. Нидерланды широко

¹ Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng>.

² Global Index on Responsible AI. URL: <https://www.global-index.ai/>.

³ Netherlands. Global AI Ethics and Governance Observatory. UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/ethics-ai/en/netherlands>.

внедряют пилотные проекты с привлечением этих технологий: так, в стране действует специализированное объединение экспертов «ИИ-коалиция для Нидерландов» (AI Coalitie 4 NL)⁴, особенное внимание уделяющее разработке этических и социальных вопросов использования ИИ. Эта проблематика также стоит в центре работы ряда лабораторий, созданных на базе университетов (ELSA Labs)⁵. Кроме того, правительство Нидерландов разрабатывает руководства по применению ИИ в различных отраслях – примерами могут служить Оценка влияния алгоритмов на фундаментальные права человека (Fundamental Rights and Algorithms Impact Assessment, FRAIA)⁶ и Рекомендации по принятию решений в области этичного использования данных (Data Ethics Decision Aid, DEDA)⁷. Эти и другие документы позволяют оценить влияние того или иного проекта на общественную стабильность и соответствие пропагандируемым правительством ценностям и подчеркнуть ответственное отношение государства к проблеме безопасности данных. Все государственные проекты, предполагающие использование различных алгоритмов для сбора и анализа данных, вносятся в специализированную базу данных (подробнее см.: [13]).

Научная новизна работы заключается в применении конструктивистского подхода к анализу политики в сфере высоких технологий: мы рассматриваем не только материальные интересы, но и укоренившиеся в политической культуре идеи о себе (Нидерланды как торговая держава, центр международного права, инновационный хаб) как ключевые драйверы политических решений в области высоких технологий. Выводы исследования могут быть использованы в дальнейшем при изучении других европейских стран и прогнозировании внешнеполитических решений, касающихся ЕС.

Материалы и методы

Для ответа на исследовательский вопрос был применен метод качественного и количественного контент-анализа (тематического моделирования).

Количественные методы все сильнее проникают в политическую науку в России⁸. Это верно и в отношении метода, используемого в данной статье – тематического моделирования: например, исследуя политику безопасности России и США в области ИКТ, И.Стадник отмечает, что этот метод позволяет изучить не только то, как (с помощью каких терминов и концепций) различные акторы говорят об интересующей исследователя теме, но и то, как на политике двух стран в области ИКТ отражается динамика их взаимодействия, что дает новые инсайты для анализа такого взаимодействия в целом [7].

4 AI Coalitie 4 NL. URL: <https://aic4nl.nl/>.

5 ELSALabs. URL: <https://aic4nl.nl/en/onze-ondersteuning/verantwoord-omgaan-met-ai/elsa-labs/>.

6 Fundamental Rights and Algorithms Impact Assessment. Rijksoverheid. URL: <https://www.government.nl/documents/reports/2021/07/31/impact-assessment-fundamental-rights-and-algorithms>.

7 Data Ethics Decision Aid. Utrecht University. URL: <https://deda.dataschool.nl/en/>.

8 См., например, статью Д.Вакарчука о научных работах, эмпирической базой для которых служат данные базы GDELT [1].

Данная статья содержит анализ дискурса правительства Нидерландов в отношении искусственного интеллекта с использованием метода тематического моделирования. Исследование опирается на ряд работ и дополняет их. Так, анализ стратегий и иных документов, указывающих на позицию государства в отношении ИИ, не раз предпринимался в научной литературе, однако методы и эмпирическая база, т.е. охват стран и регионов, чьи стратегии рассматриваются в исследованиях, разнятся – от нарративного обзора документов [23] и анализа т.н. «серой литературы» [10] до количественных методов. Последние чаще всего представляют собой контент-анализ, как правило, смешанного характера (количественный и качественный [11; 12; 25]) или тематическое моделирование, зачастую с опорой на латентное распределение Дирихле (LDA, см.: [10; 21]) или машинное обучение [20]. Также встречается применение метода сетевого анализа [16]. По географическому охвату исследования разнятся: от работ, посвященных одной стране (например, Германии [16] или Китаю [24]), до сравнительного анализа десятков стран [12; 21].

Ряд таких сравнительных работ включает в том числе исследование Нидерландов. Так, К.Вилсона показал, что в официальных документах, созданных в этой стране, сравнительно мало внимания уделяется вовлечению населения в процесс принятия решений в области ИИ, но в то же время подчеркивается, что демократический характер общественных отношений позволяет воспользоваться выгодами ИИ [25]. Дополняют эти выводы результаты работы К.Дьеффала, М.Б.Зиверта и С.Вюрстера, отмечающих, что подобные документы в Нидерландах содержат много упоминаний об ответственности государства за регулирование сферы ИИ, в том числе взаимодействие в этих целях с частными компаниями [11]. В свою очередь, Г.Папишев и М.Ярме определили, что нидерландские документы в области ИИ являются одними из наиболее комплексных по количеству затронутых тем [21]. В то же время некоторые исследователи исключают Нидерланды из анализа, так как разработанные в этой стране документы созданы не на английском языке [10], а некоторые по этой причине используют сжатый пересказ документов на английском языке [12], что, разумеется, искажает результаты.

Анализа именно нидерландского комплекса документов вокруг правительственной позиции по ИИ ранее не проводилось. Кроме того, с момента подготовки указанных статей прошло достаточное количество времени, чтобы в такой динамично развивающейся сфере, как регулирование ИИ, появились более новые документы, которые также заслуживают внимания. Именно поэтому необходимо проведение настоящего исследования, а рассмотренные нами документы охватывают период 2023–2025 гг.

Кроме того, научная литература содержит как примеры исследований, посвященных смежной нашей проблематике, чьи авторы опираются на ручное кодирование текстов [11; 23; 25], так и таких, где используются машинные методы [10; 20; 21]. Хотя принято считать, что последние являются более объективными, так как снижают предвзятость оценки конкретным кодировщиком, а также позволяют справляться с большим объемом данных, ручное кодирование текста остается

Таблица 1. Источниковая база исследования**Table 1.** Research Source Base

Название документа	Дата публикации	Тип документа	Объем (в страницах)
Международная киберстратегия на 2023–2028 гг. (Internationale Cyberstrategie 2023–2028)	01.06.2023	Публикация	27
Национальная технологическая стратегия (Nationale Technologiestrategie)	19.01.2024	Стратегическая нота (beleidsnota)	106
Отчет о деятельности в рамках Стратегии цифровизации экономики (Voortgangsrapportage Strategie Digitale Economie)	24.10.2023	Отчет	9
Отчет о деятельности в рамках Стратегии цифровизации экономики 2024 г. (Voortgangsrapportage Strategie Digitale Economie 2024)	10.03.2025	Отчет	90
Письмо правительства Нидерландов Нижней палате Генеральных Штатов о внесении законопроекта о создании в Гронингене «ИИ-фабрики» (Kamerbrief Indiening voorstel AI-fabriek Groningen)	27.06.2025	Рабочий документ Нижней палаты	4
Письмо правительства Нидерландов Нижней палате Генеральных Штатов о предварительной позиции правительства по вопросу об использовании генеративного искусственного интеллекта в работе правительственных учреждений (Kamerbrief over Voorlopig standpunt voor Rijksorganisaties bij het gebruik van generatieve AI)	11.12.2023	Рабочий документ Нижней палаты	7
Позиция правительства по вопросу об использовании генеративного искусственного интеллекта (Overheidsbreed standpunt voor de inzet van generatieve AI)	30.01.2025	Отчет	5
Позиция правительства по генеративному искусственному интеллекту (Overheidsbrede visie generatieve AI)	01.01.2024	Отчет	53
Сводный отчет о цифровизации, март 2024 г. (Verzamelbrief Digitalisering maart 2024)	09.04.2024	Рабочий документ Нижней палаты	31
Стратегия цифровой трансформации (Digitale Transformatie Strategie)	03.07.2025	Публикация	32

предпочтительным в случае необходимости нюансированного прочтения текстов [18]. Именно такая задача стоит перед нами, так как целью исследования является не только выявление позиции правительства Нидерландов в отношении ИИ, но и связь этой позиции с самовосприятием страны.

Использование машинных методов сопряжено с рядом трудностей для настоящего исследования. Во-первых, чтобы избежать переводческих искажений, в исследовании использовались источники в оригинале, то есть на нидерландском языке, обработка которого различными машинными методами (NLP) находится на низком уровне, поскольку большинство соответствующих программ обучаются

(преимущественно) на корпусе текстов на английском языке [15]. Во-вторых, ограничением стали небольшая выборка (N = 10) и разноразмерность документов (от 4 до 106 стр., см. Таблицу 1); это небольшой объем для использования машинных методов, что может привести к искажению результатов. В-третьих, значительная часть документов посвящена не только ИИ, но и более широким темам: развитию высоких технологий, цифровизации и т.д., поэтому при разметке учитывались только участки текста, непосредственно связанные с политикой в отношении ИИ. Такое ограничение было бы сложно учесть в случае использования машинных методов анализа текста. Поэтому было принято решение использовать ручное кодирование.

Эмпирической базой послужил корпус из десяти официальных правительственных документов Нидерландов (стратегии, доклады, парламентские записки), опубликованных в период с 2023 по 2025 г. на официальном веб-сайте правительства Нидерландов (rijksoverheid.nl) и посвященных развитию и регулированию ИИ. Предобработка материалов включала поиск и отбор документов, осуществлявшийся вручную при помощи поискового механизма официального веб-сайта правительства Нидерландов, а также выделение в тексте документов смысловых элементов, которыми были выбраны абзацы текста. Такая единица анализа позволяет наиболее полно учесть контекст утверждений и создать единую тематическую картину [3; 4], что особенно важно в нашем исследовании, предполагающем выявление скрытой взаимосвязи между позицией правительства по ИИ и формированием определенного образа государства.

Разработка правительственных документов в Нидерландах происходила последовательно и под влиянием тенденций в Европе и мире. Так, например, все документы, созданные после публикации Закона ЕС об искусственном интеллекте, ссылаются на него⁹. Поступательный характер разработки инициатив и нормативных рамок и постановки целей отражается также на содержании нидерландских документов: по их содержанию видно, что понимание проблематики ИИ у правительства Нидерландов повышается со временем. Ниже приведена краткая характеристика содержания десяти документов (см. также Таблицу 1).

В 2023 г. была опубликована Международная киберстратегия на 2023–2028 гг. (Internationale Cyberstrategie 2023–2028)¹⁰, излагающая порядок сотрудничества министерства иностранных дел и ряда иных ведомств в целях противодействия внешним цифровым угрозам. В стратегии обеспечение безопасности цифрового пространства названо целью нидерландской внешней политики, а также подчеркнута необходимость сотрудничества с ЕС и НАТО для совместной защиты от кибератак.

⁹ См., например: Nationale Technologiestrategie. Rijksoverheid. 19.01.2024. URL: [https://www.rijksoverheid.nl/documenten/rapporten/2025/03/10/voortgangsrapportage-strategie-digitale-economie-2024-rapportage](https://www.rijksoverheid.nl/documenten/beleidsnotas/2024/01/19/de-nationale-technologiestrategie;Voortgangsrapportage Strategie Digitale Economie 2024. Rijksoverheid. 10.03.2025. URL: <a href=).

¹⁰ Internationale Cyberstrategie 2023–2028. Rijksoverheid. 01.06.2023. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/publicaties/2023/06/09/internationale-cyberstrategie-2023-2028>.

Национальная технологическая стратегия (Nationale Technologiestrategie)¹¹ 2024 г. разработана Министерством по вопросам экономики и изменения климата и предлагает в условиях ограниченных ресурсов инвестировать в десять приоритетных высокотехнологичных направлений, где Нидерланды обладают особыми достижениями и потенциалом. К этим направлениям относятся: оптические системы, квантовые, биомолекулярные и клеточные, полупроводниковые технологии, интенсификация технических процессов, технологии визуализации, мехатроника, ИИ, энергетические материалы и кибербезопасность. Предполагается, что такие инвестиции позволят Нидерландам и ЕС укрепить безопасность и достичь технологического лидерства.

Отчеты о деятельности в рамках Стратегии цифровизации экономики (Voortgangsrapportage Strategie Digitale Economie) 2023¹² и 2024 гг.¹³ содержат информацию о достижении целей по пяти основным направлениям цифровизации: цифровизация малых и средних предприятий (МСП), стимулирование цифровых инноваций, справедливое взаимодействие на цифровых рынках, укрепление цифровой инфраструктуры и повышение кибербезопасности. В отчете 2023 г. отмечается прогресс в цифровой базовой инфраструктуре и цифровизации МСП, при этом – и низкий уровень внедрения ИИ, и нехватка квалифицированных кадров. Согласно отчету 2024 г., средние показатели использования ИИ и облачных технологий возросли, однако последняя проблема остается актуальной, а также компании очень отличаются друг от друга по степени внедрения высоких технологий. Оба документа подчеркивают важность умеренного регулирования цифровых рынков и сотрудничества стран ЕС в этой сфере.

Содействие развитию цифровизации МСП и решение общественных задач также являются сквозными темами Письма правительства Нидерландов Нижней палате Генеральных Штатов о внесении законопроекта о создании в Гронингене «ИИ-фабрики» (Kamerbrief Indiening voorstel AI-fabriek Groningen)¹⁴. Последнюю предлагается создать в рамках программы EuroHPC, предполагающей создание суперкомпьютеров совместными финансовыми усилиями ЕС и стран-членов. Нидерландский суперкомпьютер, согласно проекту, будет использоваться для изучения возможностей ИИ в сфере безопасности, энергетики, здравоохранения, промышленности и сельского хозяйства, тем самым укрепляя позиции Нидерландов в европейской науке.

11 Nationale Technologiestrategie. Rijksoverheid. 19.01.2024. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/beleidsnotas/2024/01/19/de-nationale-technologiestrategie>.

12 Voortgangsrapportage Strategie Digitale Economie. Rijksoverheid. 24.10.2023. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/rapporten/2023/10/24/ezk-voortgangsrapportage-strategie-digitale-economie-rapport-oktober-2023>.

13 Voortgangsrapportage Strategie Digitale Economie 2024. Rijksoverheid. 10.03.2025. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/rapporten/2025/03/10/voortgangsrapportage-strategie-digitale-economie-2024-rapportage>.

14 Kamerbrief Indiening voorstel AI-fabriek Groningen. Rijksoverheid. 27.06.2025. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/kamerstukken/2025/06/27/indiening-voorstel-ai-fabriek-groningen>.

Письмо правительства Нидерландов Нижней палате Генеральных Штатов о предварительной позиции правительства по вопросу об использовании генеративного искусственного интеллекта в работе правительственных учреждений (Kamerbrief over Voorlopig standpunt voor Rijksorganisaties bij het gebruik van generatieve AI)¹⁵ от конца 2023 г. содержит оценку использования генеративного искусственного интеллекта (генИИ) в государственном секторе, на основании которой предлагаются предварительные рекомендации по использованию генИИ. Выявлено, что генИИ уже используется сотрудниками в государственном секторе, что способствует повышению производительности труда, но несет риски в области безопасности данных, авторских прав, изменения климата и прав человека. Рекомендуется применение генИИ с открытым программным обеспечением, но и на использование несертифицированного коммерческого ИИ запрет не вводится – авторы оставляют решение данного вопроса окончательному документу на эту тему.

В начале 2024 г. был опубликован документ – Позиция правительства по генеративному искусственному интеллекту (Overheidsbrede visie generatieve AI)¹⁶. Наряду с потенциалом генИИ авторы подчеркивают необходимость при использовании генИИ помнить о поддержании прозрачности действий государственных компаний, неприкосновенности частной жизни и избегании дискриминации. В документе отражено стремление Нидерландов играть ведущую роль в Европе и мире как государство, продвигающее сотрудничество в области ИИ и разрабатывающее передовые стандарты его использования, в том числе через активное участие в европейских и международных инициативах.

В свою очередь, документ от января 2025 г. – Позиция правительства по вопросу об использовании генеративного искусственного интеллекта (Overheidsbreed standpunt voor de inzet van generatieve AI)¹⁷ – представляет собой разработанное министерством внутренних дел совместно с другими ведомствами и органами местной власти руководство для организаций государственного сектора по использованию генИИ. Особое внимание отведено юридическим и этическим требованиям, собственным нидерландским разработкам в области данных, облачных технологий и кибербезопасности, а также необходимости регулярно обновлять подход.

Сводный отчет о цифровизации от марта 2024 г. (Verzamelbrief Digitalisering maart 2024)¹⁸ представляет Второй палате парламента информацию о шагах правительства по обеспечению «ценностно ориентированной цифровизации».

15 Kamerbrief over Voorlopig standpunt voor Rijksorganisaties bij het gebruik van generatieve AI. Rijksoverheid. 11.12.2023. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/kamerstukken/2023/12/11/kamerbrief-over-voorlopig-standpunt-voor-rijksorganisaties-bij-het-gebruik-van-generatieve-ai>.

16 Overheidsbrede visie generatieve AI. Rijksoverheid. 01.01.2024. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/rapporten/2024/01/01/overheidsbrede-visie-generatieve-ai>.

17 Overheidsbreed standpunt voor de inzet van generatieve AI. Rijksoverheid. 16.04.2025. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/rapporten/2025/04/16/het-overheidsbrede-standpunt-voor-de-inzet-van-generatieve-ai>.

18 Verzamelbrief Digitalisering maart 2024. Rijksoverheid. 09.04.2024. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/kamerstukken/2024/04/09/verzamelbrief-digitalisering-maart-2024>.

Перечисляются достижения, такие как разработка систем для тестирования безопасности критически важных технологий, борьбы с программами-вымогателями и т.д., а также подчеркивается сложность цифровых вызовов и необходимость сотрудничества с зарубежными партнерами.

Наконец, Стратегия цифровой трансформации (Digitale Transformatie Strategie)¹⁹ опубликована министерством обороны Нидерландов в июле 2025 г. и содержит задачи адаптации армии к новым, в т.ч. цифровым, вызовам. Это предлагается сделать с опорой на разработки в области данных, ИИ и автономных систем. В качестве вызовов названы противодействие киберугрозам, использование электромагнитных решений и устойчивость коммуникаций. Отмечается сотрудничество с научным и частным сектором, в т.ч. через вклад в создание «ИИ-фабрики» в Гронингене.

На первом этапе исследования для выделения ключевых смысловых тем вокруг ИИ было проведено ручное кодирование смысловых элементов (абзацев). Один и тот же элемент мог получить несколько (под)кодов одновременно.

Система кодов и подкодов была разработана автором для данного исследования. Их число примерно соответствует числам, использованным в опубликованных ранее в рецензируемых журналах исследованиях, которые посвящены смежной тематике [10; 11; 20; 21; 23; 25], а также разрабатывалась по принципу необходимой и достаточной для охвата тем, встречающихся во внешнеполитическом дискурсе Нидерландов (см. ниже).

Система включает четыре кода: chances&risks («возможности и риски»), governance («управление»), image («имидж»), usage («использование»). Каждый код объединял в себе несколько подкодов:

«Возможности и риски» включают chances («возможности»), data_risks («риски для данных»), lag_risks («риски отставания»), security_risks («риски безопасности»).

«Управление» включает cooperation («сотрудничество»), development («развитие»), ethics («этика»), governing («управление»), juridical («юридический»), rpp («государственно-частное партнерство»), societal («социальный»).

«Имидж» включает EU_member («член ЕС»), experience («опыт»), locomotive («локомотив»), open («открытый»), small («малый»).

«Использование» включает values («ценности»), business («бизнес»), education («образование»), healthcare («здравоохранение»), military («вооруженные силы»), r&d («исследования и разработки»), usage_state («использование государством»).

Выделение кодов «возможности и риски», «управление» и «использование», а также их подкодов опирается на коды и темы, ранее использованные в разметке или выявленные в результате анализа NLP в научной литературе (см., например: [10; 12; 21]). Код «имидж» и его подкоды были разработаны автором с опорой на страновые исследования, посвященные Нидерландам, их внешней политике и ее аспектам (см. введение). Хотя в научной литературе уже предпринимались попытки подобной разметки текстов о политике в отношении ИИ, созданных в других странах [16;

¹⁹ Digitale Transformatie Strategie. Rijksoverheid. 03.07.2025. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/kamerstukken/2025/07/03/digitale-transformatie-strategie-defensie>.

Таблица 2. Коды и подкоды
Table 2. Codes and Subcodes

Код – Пояснение	Подкод	Пояснение
Код – chances&risks Пояснение: утверждения, описывающие различные возможности и риски, связанные с использованием ИИ	chances	Утверждения, указывающие на широкие возможности использования ИИ
	data_risks	Утверждения, указывающие на риски безопасности данных из-за использования ИИ
	lag_risks	Утверждения, указывающие на риски отставания Нидерландов от стран-конкурентов в сфере ИИ
	security_risks	Утверждения, указывающие на риски внешней безопасности из-за использования другими странами ИИ против Нидерландов
Код – governance Пояснение: утверждения, описывающие систему норм и правил и подходы, связанные с использованием ИИ, или призывающие разработать такие нормы, правила и подходы	cooperation	Утверждения, описывающие нормы, правила и подходы, связанные с международным сотрудничеством в сфере ИИ
	development	Утверждения, призывающие более детально разработать нормы, правила и подходы в сфере ИИ, а также указывающие на недостаточность нынешних норм, правил и подходов
	ethics	Утверждения, описывающие нормы, правила и подходы, связанные с этикой использования ИИ
	governing	Утверждения, описывающие разработку государством и содержание норм, правил и подходов, связанных с использованием ИИ
	juridical	Утверждения, описывающие нормы, правила и подходы, связанные с юридическими сложностями, вызванными использованием ИИ
	rpp	Утверждения, описывающие нормы, правила и подходы, связанные с государственно-частным партнерством в сфере ИИ
	societal	Утверждения, описывающие нормы, правила и подходы, связанные с последствиями использования ИИ для общества
Код – image Пояснение: утверждения, описывающие самопозиционирование Нидерландов в сфере ИИ, образ страны, который правительство стремится транслировать	EU_member	Утверждения, указывающие на важность членства в ЕС как элемента самопозиционирования Нидерландов в сфере ИИ
	experience	Утверждения, указывающие на важность опыта научных разработок как элемента самопозиционирования Нидерландов в сфере ИИ
	locomotive	Утверждения, указывающие на важность лидерского поведения Нидерландов как элемента самопозиционирования страны в сфере ИИ
	open	Утверждения, указывающие на важность экономической и социальной открытости Нидерландов как элемента самопозиционирования страны в сфере ИИ
	small	Утверждения, указывающие на важность небольшого размера Нидерландов как элемента самопозиционирования страны в сфере ИИ
Код – usage Пояснение: утверждения, описывающие опыт и потенциал использования ИИ в Нидерландах различными компаниями и организациями в различных сферах	values	Утверждения, указывающие на важность верности Нидерландов своему ценностному фундаменту как элемента самопозиционирования страны в сфере ИИ
	business	Утверждения, описывающие опыт и потенциал использования ИИ в Нидерландах частными компаниями
	education	Утверждения, описывающие опыт и потенциал использования ИИ в Нидерландах образовательными организациями
	healthcare	Утверждения, описывающие опыт и потенциал использования ИИ в Нидерландах организациями здравоохранения
	military	Утверждения, описывающие опыт и потенциал использования ИИ в вооруженных силах Нидерландов
	r&d	Утверждения, описывающие опыт и потенциал использования ИИ в Нидерландах научными организациями
usage_state	Утверждения, описывающие опыт и потенциал использования ИИ в Нидерландах государственными организациями	

24], ввиду прицельного изучения именно нидерландского кейса представляется аналитически интересным сравнить самопозиционирование страны не с тем, какой имидж стремятся создать о своей ИИ-политике другие страны, а с тем, как Нидерланды позиционируют себя в других сферах. Это позволит сделать вывод относительно того, насколько политика страны вокруг ИИ встроена в общий политический курс Нидерландов, согласована ли она с другими направлениями.

Итак, в коде «имидж» были выделены следующие подкоды: EU_member («член ЕС»), experience («опыт»), locomotive («локомотив»), open («открытый»), small («малый»), values («ценности»). Все эти аспекты так или иначе связаны с позиционированием Нидерландами себя в мировой политике. Например, Э.Х.Баллин в качестве основ нидерландской идентичности отмечает открытость, укорененность в международно- и европейско-правовой традиции, особое внимание к индивидуальным правам человека и традицию разрешать противоречия путем сотрудничества и поиска компромисса [9]. Такое же понимание идентичности страны характерно для Б.Омен [19], которая дополняет этот перечень самопровозглашенной ролью «страны-ориентира» (gidsland) в сфере международного права и прав человека. По мнению исследовательницы, истоки этой роли лежат в правовой традиции Гуго Гроция и проведении страной Гаагских мирных конференций. В свою очередь, С.Крёйзинга указывает на эту особенность самопозиционирования Нидерландов на мировой арене, используя термины «особая миссия» или «высокоморальность» [14]. Автор возводит логическую цепочку трансформации восприятия Нидерландов, которая привела к складыванию этой особенности, к небольшому размеру страны. Еще в 1880-1890-х гг. последний, как рассуждает С.Крёйзинга, обусловил относительно незаинтересованность Нидерландов в соперничестве великих держав и, как следствие, восприятие руководством страны своей роли как ключевой для поддержания стабильного мира в Европе. Выражением этой роли также являлись приверженность нейтралитету до середины XX в., проведение Гаагских конференций и нацеливание колониальной политики на выполнение «цивилизаторской миссии» [14]. Небольшой размер Нидерландов также упоминается исследователями в контексте успешной политики страны в ЕС и других международных объединениях: они позволяют стране приумножить свое международное влияние, так как дают возможность выступать на международных площадках, вступать в коалиции с другими малыми государствами и часто также голосовать на равных с более крупными странами [22]. Необходимость выделения подкода «опыт» связана с широким внедрением различных ИИ-решений в Нидерландах, описанных во введении данной статьи. Подробное описание кодов и подкодов представлено в Таблице 2.

На втором этапе исследования с использованием специализированной программы Nvivo 15 была создана матрица данных, фиксирующая частотность упоминания каждой темы во всех документах, что позволило провести количественную оценку доминирующих направлений правительственного дискурса. Далее с использованием этой программы данные были визуализированы.

Результаты исследования

В ходе исследования было размечено 582 вхождения кодов и подкодов. Результаты представлены в древовидной диаграмме (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Частота применения кодов и подкодов в каждом тексте
Table 3. Frequency of Use of Codes and Subcodes in Each Text

	chancesrisks	chances	data_risks	lag_risks	security_risks	governance	cooperation	development	ethics	governing	juridical	ppp	societal	image	EU_member	experience	locomotive	open	small	values	usage	business	education	healthcare	military	r&d	usage_state
1*	10	3	1	4	4	7	2	2	2	0	2	3	0	2	0	0	2	0	0	0	13	3	0	0	13	0	7
2*	5	1	3	0	2	7	3	0	4	1	1	0	1	5	2	0	2	0	0	2	3	0	0	0	1	0	3
3*	3	3	0	0	0	3	2	0	0	0	0	0	2	1	1	1	0	0	0	0	2	1	0	1	1	1	1
4*	7	3	4	0	0	13	2	0	4	4	5	2	2	3	1	0	0	0	0	2	8	0	0	0	0	0	8
5*	17	6	4	5	4	32	10	7	4	3	5	6	7	15	0	8	4	0	0	3	26	9	2	5	2	7	3
6*	66	26	23	3	16	116	24	17	11	21	15	8	40	30	4	4	8	0	0	19	36	8	5	1	3	6	14
7*	5	1	4	0	0	10	1	2	2	1	1	1	2	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	2
8*	4	0	4	0	0	15	4	0	4	11	3	0	1	3	2	0	0	0	0	3	8	0	0	0	0	0	8
9*	4	3	2	1	0	4	2	2	0	2	0	1	1	1	1	0	0	0	0	0	3	2	0	0	0	0	1
10*	17	5	6	3	4	39	15	7	3	10	5	9	6	8	2	2	2	0	0	2	29	18	2	4	1	5	1

Источник: составлено автором с помощью ПО Nvivo
Source: compiled by the author using Nvivo software

Обозначения в Таблице 1:

- 1* – Стратегия цифровой трансформации.
- 2* – Международная киберстратегия на 2023–2028 гг.
- 3* – Письмо правительства Нидерландов Нижней палате Генеральных Штатов о внесении законопроекта о создании в Гронингене «ИИ-фабрики».
- 4* – Письмо правительства Нидерландов Нижней палате Генеральных Штатов о предварительной позиции правительства по вопросу об использовании генеративного искусственного интеллекта в работе правительственных учреждений.
- 5* – Национальная технологическая стратегия.
- 6* – Позиция правительства по генеративному искусственному интеллекту.
- 7* – Позиция правительства по вопросу об использовании генеративного искусственного интеллекта.
- 8* – Сводный отчет о цифровизации, март 2024 г.

9* – Отчет о деятельности в рамках Стратегии цифровизации экономики.

10* – Отчет о деятельности в рамках Стратегии цифровизации экономики 2024 г.

Наиболее часто встречающимся стал код «управление» (246 раз), примерно равны позиции кодов «возможности и риски» и «использование» (138 и 130 раз соответственно), а код «имидж» встретился наименьшее число раз (68). Такая ситуация ожидаема, так как транслирование определенного имиджа не является первоочередной задачей рассмотренных документов.

Наиболее часто встречающимися подкодами стали «сотрудничество» (65 раз) и «социальный» (62 раза), что свидетельствует об особой важности этих аспектов регулирования ИИ для Нидерландов. Два подкода – «открытый» и «малый» – не встретились ни одного раза, что характеризует особое отношение Нидерландов к формированию своего имиджа в сфере ИИ (подробнее будет рассмотрено далее в Обсуждении результатов). За исключением этих подкодов, меньше всего в документах встретились «образование» и «здравоохранение», что, вероятно, связано со специфичным характером этих областей: по этой причине в общих документах, рассмотренных в данной статье, им уделяется сравнительно немного внимания.

Плотность разметки различными кодами и подкодами в целом прямо пропорциональна размеру документов (с поправкой на тот факт, что некоторые документы посвящены более широкой теме, чем политика Нидерландов в отношении ИИ, и в таком случае производилась разметка лишь тех участков текста, которые посвящены ИИ). Наибольшее число кодов и подкодов получил документ Позиция правительства по генеративному искусственному интеллекту (248 раз), наименьшее – Письмо правительства Нидерландов Нижней палате Генеральных Штатов о внесении законопроекта о создании в Гронингене «ИИ-фабрики» (9 раз). Вероятно, это связано со специфическим предметом документа, в то время как разметка была направлена на поиск более общих утверждений и взаимосвязей в тексте.

Так как данное исследование направлено на выявление элементов самовосприятия Нидерландов в политике страны в области ИИ, необходимо отдельно остановиться на коде «имидж» и его подкодах. Этот код был использован наименьшее число раз во всем корпусе текстов (68), причем около половины вхождений пришлось на один документ (Позиция правительства по генеративному искусственному интеллекту, 30 раз), в то время как в Позиции правительства по вопросу об использовании генеративного искусственного интеллекта этот код вовсе не был использован, а в двух документах – Письме правительства Нидерландов Нижней палате Генеральных Штатов о внесении законопроекта о создании в Гронингене «ИИ-фабрики» и Отчете о деятельности в рамках Стратегии цифровизации экономики (2023 г.) – использован один раз. Однако отсутствие этой темы можно объяснить сравнительно небольшим объемом этих документов.

Рассматривая частоту подкодов «имиджа», мы можем установить, что наиболее частотным является подкод «ценности» (31 раз), а за ним с небольшим отрывом друг от друга следуют «локомотив», «опыт» и «член ЕС» (18, 15 и 13 раз соответственно).

Остальные два подкода – «открытый» и «малый» – не были отмечены ни в одном из документов.

Обсуждение результатов

В качестве одной из гипотез, сформулированных во введении данной статьи, предлагалось проверить, укладывается ли политика Нидерландов в отношении ИИ полностью в те общие закономерности, которые характерны для всех стран ЕС. В качестве таковых можно выделить, во-первых, рассмотрение проблематики ИИ в контексте международного стратегического и геополитического противостояния. Во-вторых, нормативный характер дискурса вокруг ИИ и акцент на «человекоцентричности» технологий, то есть обеспечении непротиворечия новых технологий правам человека. В частности, поэтому документы ЕС в области ИИ содержат критику в отношении принятия государственными органами решений с помощью ИИ. В-третьих, сквозной темой для политики ЕС в отношении ИИ является безопасность данных [23].

Эти вопросы затрагиваются и в нидерландских документах. О роли вопросов международной безопасности в определении политики в отношении ИИ свидетельствует использование подкодов «риски отставания» и «риски безопасности» (16 и 30 раз, или 2,7 и 5,2%, соответственно). Об этических соображениях и сложностях использования ИИ в госорганах – подкоды «этика» и «использование государством» (34 и 48 раз, или 5,8 и 8,2%). О внимании к обеспечению безопасности данных – подкод «риски для данных» (51 раз, или 8,8%).

Можно утверждать, что расстановка Нидерландами приоритетов в формулировании ИИ-политики определяется общеевропейскими тенденциями лишь отчасти. Внимание к этическим вопросам и «человекоцентричности» в развитии ИИ, а также обеспокоенность возможными рисками в области безопасности данных, характерные для ЕС, в целом заметны и в нидерландских документах. Однако внимание к проблемам этики и прав человека, как было сказано выше, в целом характерно для внешней политики Нидерландов из-за существования в этой стране сильной правовой традиции. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что в данном вопросе страна полностью следует за ЕС, как нельзя и сказать, что здесь проявляется национальная специфика.

Роль геополитического противостояния как общей контекстуальной рамки для развития ИИ для политики этой страны характерна в меньшей степени, чем для ЕС. Вероятно, это связано с высоким уровнем достижений в области высоких технологий в Нидерландах и потому отсутствием опасений серьезного отставания от конкурентов. Так в данном аспекте проявляется нидерландская национальная специфика, а именно – самовосприятие как высокотехнологичной страны.

Многие из нидерландских достижений стали возможны благодаря сотрудничеству с компаниями из стран, считающихся Европейским союзом

источниками угроз безопасности, в том числе в области ИИ (в первую очередь – Китай). Вероятно, нежелание Нидерландов чрезмерно упоминать геополитические вопросы в документах, посвященных ИИ, связано со стремлением этой страны сохранить существующие технологические связи. Это особенно важно в контексте критики, озвученной руководством США в адрес китайских технологических компаний, и стремлением американской администрации ограничить деятельность последних в западных странах. Ряд шагов, предпринятых Нидерландами во исполнение союзнических обязанностей в русле американской политики (например, наложение ограничений на экспорт наиболее продвинутых литографических товаров, производимых нидерландскими компаниями ASML и Nexperia, в Китай²⁰), уже обострил отношения между этой европейской страной и Китаем. Тем самым Нидерланды стремятся излишне не обострять сложившуюся ситуацию.

О том, что дискурс вокруг ИИ-политики в Нидерландах несет на себе отпечаток таких элементов самовосприятия страны, как высокотехнологичность, внимание к правам человека, верность союзническим обязательствам по ЕС и т.д., свидетельствует также то, что зафиксированное нами повышенное внимание к социальным вопросам (подкод «социальный») и государственному взаимодействию с предприятиями (подкод «государственно-частное партнерство») подтверждает выводы К.Дьеффала, М.Б.Зиверта и С.Вюрстера [11] о том, что позиция Нидерландов по вопросам развития ИИ определяется видением руководства страны своей роли как социального государства.

Данные о подкодах кода «имидж» показывают, что те элементы восприятия, на основании которых нами были сформулированы подкоды, в разной степени характерны для нидерландской ИИ-политики. О важности имиджевой составляющей «опыт» говорит высокая частота кода «использование», а о значимой роли составляющей «лояльный член ЕС» – частота подкода «сотрудничество» (65 раз, или 11,2%). Неясна ситуация с ролью социально-правовых и этических вопросов: с одной стороны, эти темы являются приоритетными для ЕС, а с другой – тот факт, что они часто встречаются в риторике Нидерландов, может объясняться собственными подходами этой страны.

Восприятие руководством Нидерландов страны как лидера мнений в высокотехнологичной сфере и как обладателя обширного опыта по внедрению таких технологий действительно часто встречается в документах. В то же время такие элементы самовосприятия, как открытость и небольшой размер государства, для правительственного дискурса вокруг ИИ в Нидерландах не характерны.

По нашему мнению, такая ситуация может объясняться тем, что правительство считает последние черты отрицательными для позиционирования Нидерландов. Открытость может быть воспринята как негативная характеристика потому, что означает уязвимость государства, особенно сейчас, когда речь все чаще идет об автономии. Такая логика прослеживается в других государственных документах,

²⁰ Brouwers B. Netherlands and Nexperia: correct in principle, risky in practice. IO+. 18.10.2025. URL: <https://ioplus.nl/en/posts/netherlands-and-nexperia-correct-in-principle-risky-in-practice>.

где открытость экономики напрямую упоминается в качестве характеристики Нидерландов – например, в Стратегии безопасности Королевства (Veiligheidsstrategie voor het Koninkrijk der Nederlanden)²¹. В свою очередь, эксплицитные ссылки на небольшой размер страны как фактор ее внешней политики, присутствующие в других источниках, связанных с внешней политикой Нидерландов (например, такие присутствуют в разделах веб-сайта правительства страны, посвященных привлечению в Нидерланды штаб-квартир международных организаций²² и ограниченному объему земельных участков, находящихся во владении предприятий²³), применительно к сфере ИИ могли бы означать, что руководство страны таким образом намекает на низкий потенциал для развития технологий. Вывод о взаимосвязи небольшого размера страны и ограниченности ее технологического потенциала можно сделать исходя из контекста упоминаний размера Нидерландов в других источниках. Так, государственный офис поддержки международных проектов национальных предприятий (продвижения нидерландских производителей за рубежом) «Инвестиции в Нидерланды» (Investin Holland) в своей брошюре «Искусственный интеллект в Нидерландах» утверждает, что страна в сфере ИИ «прыгает выше головы»²⁴. На своем веб-сайте, в разделе, посвященном высоким технологиям, нидерландская финансово-юридическая компания «Intercompany Solutions», осуществляющая сопровождение иностранных предприятий, стремящихся выйти на нидерландские рынки, напрямую говорит: «Нидерланды могут быть небольшой страной по площади, но не позволяйте этому ввести Вас в заблуждение»²⁵.

Выводы

Результаты исследования двух поставленных во введении статьи гипотез позволяют интерпретировать нидерландский подход как попытку совместить национальную специфику с наднациональной повесткой.

Политика Нидерландов в области ИИ отражает общие европейские тенденции только частично: в ней присутствуют элементы, связанные с «человекоцентричностью» высоких технологий и безопасностью данных. Однако выводы в области имиджевой составляющей ИИ-политики говорят о том, что ряд

²¹ Veiligheidsstrategie voor het Koninkrijk der Nederlanden (Rapport). Rijksoverheid. 03.04.2023. P. 17. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/documenten/publicaties/2023/04/03/veiligheidsstrategie-voor-het-koninkrijk-der-nederlanden>.

²² Nederland als gastland voor internationale organisaties. Rijksoverheid. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/internationale-organisaties-in-nederland/nederland-gastland>.

²³ Rijksoverheid wil genoeg ruimte voor de economie. Rijksoverheid. URL: <https://www.rijksoverheid.nl/onderwerpen/ruimtelijke-ordening-en-gebiedsontwikkeling/rijksoverheid-wil-genog-ruimte-voor-de-economie>.

²⁴ AI in the Netherlands. Invest in Holland. 2022. P. 2. URL: https://investinholland.com/wp-content/uploads/2022/10/AI-in-the-Netherlands-Powering-solutions-for-a-sustainable-world.web_2022.pdf.

²⁵ The Dutch hightech industry: a potential goldmine for innovative thinkers. Intercompany Solutions. 05.11.2020. URL: <https://intercompanysolutions.com/dutch-high-tech-industry/>.

факторов национального самовосприятия играют важную роль в этой политике. Приписываемые Нидерландам руководством страны характеристики, такие как стремление быть лидером и опыт в высоких технологиях, определяют позицию страны в сфере ИИ. В то же время ряд других характеристик, а именно – небольшой размер страны и (экономическая) открытость, характерные для Нидерландов в других аспектах внешней политики, для их позиции по ИИ не характерны, поскольку в контексте искусственного интеллекта могут быть восприняты отрицательно.

Кроме того, есть элементы национальной идентичности, которые совпадают с элементами, характерными для политики ЕС: значимость сотрудничества между европейскими странами и акцент на юридических и этических аспектах. Все они были зафиксированы нами как характерные для нидерландского дискурса вокруг ИИ, но не могут быть однозначно названы следствием влияния ЕС или же собственной позицией Нидерландов.

Эти выводы указывают на то, что политика Нидерландов определяется не только европейскими стандартами, но и внутренним стратегическим самовосприятием.

Список литературы

1. Вакарчук Д.О. Возможности и ограничения использования больших текстовых данных в отечественной и зарубежной политической науке на примере базы данных GDELT [Opportunities and Limitations of Using Big Text Data in Russian and Foreign Political Science on the Example of GDELT Database] // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 3. С. 30–46. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2024-3-30-46>.
2. Кохтюлина И., Смирнов А. ИИ как «Мягкая сила 3.0»: новая арена геополитики [AI as Soft Power 3.0: New Arena of Geopolitics] // Международная жизнь. 24.08.2025. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/52664>.
3. Лебедева М.М. Как современные технологии меняют мировую политику [How Current Technologies Change World Politics] // Новые технологии в мировой политике [New Technologies in World Politics] / Под ред. М.М.Лебедевой, Е.С.Зиновьевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2025. С. 7–25.
4. Посаженикова А.А. Высшее образование как инструмент «мягкой силы»: современное состояние и вызовы иммиграции (на примере стран Бенилюкса) [Higher Education as Soft Power Tool: Current State and Challenges of Immigration (Case of Benelux Countries)] // Современная Европа. 2025. № 3. С. 135–146. <https://doi.org/10.31857/SO201708325030118>.
5. Сергеев Е.А., Киселёва И.В. Трансформация подхода малых открытых экономик к расширениям Европейского Союза [EU Eastern Enlargement: A View from a Small Open Economy's Perspective] // Международные процессы. 2023. № 21(4). С. 133–155. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.4.75.6>.
6. Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А. Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности [Leveraging AI Technologies in Politics: Navigating Threats and Unveiling Opportunities] // Вестник Росийского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. № 27(3). С. 622–637. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637>.
7. Стадник И.Т. Как изучать политику безопасности в области ИКТ: возможности и ограничения критического дискурс-анализа [How to Study ICT-Security Policy: Opportunities and Challenges for Critical Discourse-Analysis] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. № 17(2). С. 183–200. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.205>.
8. Baele S.J. et al. AI IR: Charting International Relations in the Age of Artificial Intelligence // International Studies Review. 2024. Vol. 26(2). [viae013](https://doi.org/10.1093/isr/viae013). <https://doi.org/10.1093/isr/viae013>.
9. Ballin E.H. Constitutional Identity in the Netherlands: Sailing with Others // Constitutional Identity in a Europe of Multilevel Constitutionalism / Ed. by Callies C., van der Schyff G. Cambridge University Press, 2019. P. 222–242.

10. Berkel N. van et al. A Systematic Assessment of National Artificial Intelligence Policies: Perspectives from the Nordics and Beyond // Proceedings of the 11th Nordic Conference on Human-Computer Interaction: Shaping Experiences, Shaping Society (Tallinn, Estonia) (NordiCHI '20). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 2020. P. 1–12. <https://doi.org/10.1145/3419249.3420106>.
11. Djefall C., Siewert M.B., Wurster S. Role of the State and Responsibility in Governing Artificial Intelligence: A Comparative Analysis of AI Strategies // Journal of European Public Policy. 2022. Vol. 29(11). P. 1799–1821. <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2094987>.
12. Fatima S., Desouza K.C., Dawson G.S. National Strategic Artificial Intelligence Plans: A Multi-Dimensional Analysis // Economic Analysis and Policy. 2020. Vol. 67(C). P. 78–194. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2020.07.008>.
13. Franzke A.S., Muis I., Schäfer M.T. Data Ethics Decision Aid (DEDA): A Dialogical Framework for Ethical Inquiry of AI and Data Projects in the Netherlands // Ethics Inf Technol. 2021. Vol. 23. P. 551–567. <https://doi.org/10.1007/s10676-020-09577-5>.
14. Kruizinga S. A Small State? The Size of the Netherlands as a Focal Point in Foreign Policy Debates, 1900–1940 // Diplomacy & Statecraft. 2016. Vol. 27(3). P. 420–436. <https://doi.org/10.1080/09592296.2016.1196062>.
15. Le Mens G., Gallego A. Positioning Political Texts with Large Language Models by Asking and Averaging // arXiv:2311.16639v3 [cs.CL]. 2024. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2311.16639>.
16. Liebig L. et al. Subnational AI Policy: Shaping AI in a Multi-Level Governance System // AI & Soc. 2024. Vol. 39. P. 1477–1490. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01561-5>.
17. Miyaoka A. et al. Emergent Coding and Topic Modeling: A Comparison of Two Qualitative Analysis Methods on Teacher Focus Group Data // International Journal of Qualitative Methods. 2023. Vol. 22. P. 160940692311659. <https://doi.org/10.1177/16094069231165950>.
18. Nelson L.K. et al. The Future of Coding: A Comparison of Hand-Coding and Three Types of Computer-Assisted Text Analysis Methods // Sociological Methods & Research. 2018. Vol. 50(1). P. 202–237. <https://doi.org/10.1177/0049124118769114>.
19. Oomen B. Strengthening Constitutional Identity Where There is None: The Case of the Netherlands // Revue Interdisciplinaire D'études Juridiques. 2016. Vol. 77(2). P. 235–263. <https://doi.org/10.3917/riej.077.0235>.
20. Papadopoulos T., Charalabidis Y. What Do Governments Plan in the Field of Artificial Intelligence? Analysing National AI Strategies Using NLP // Proceedings of the 13th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV '20). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 2020. P. 100–111. <https://doi.org/10.1145/3428502.3428514>.
21. Papyshv G., Yarime M. The State's Role in Governing Artificial Intelligence: Development, Control, and Promotion through National Strategies // Policy Design and Practice. 2023. Vol. 6(1). P. 79–102. <https://doi.org/10.1080/25741292.2022.2162252>.
22. Verdun A. The Greatest of the Small? The Netherlands, the New Hanseatic League and the Frugal Four // German Politics. 2021. Vol. 31(2). P. 302–322. <https://doi.org/10.1080/09644008.2021.2003782>.
23. Viscusi G., Collins A., Florin M.-V. Governments' Strategic Stance toward Artificial Intelligence: An Interpretive Display on Europe // Proceedings of the 13th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV '20). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 2020. P. 44–53. <https://doi.org/10.1145/3428502.3428508>.
24. Wang L., Zhang L. A Quantitative Text Analysis of Artificial Intelligence Industry Policy in China // Proceedings of the Association for Information Science and Technology. 2020. Vol. 57(1). P. e358. <https://doi.org/10.1002/pra2.358>.
25. Wilson C. Public Engagement and AI: A Values Analysis of National Strategies // Government Information Quarterly. 2022. Vol. 39(1). P. 101652. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101652>.

Информация об авторах

ПОСАЖЕННИКОВА Анастасия Антоновна. Младший научный сотрудник Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова Российской академии наук. <https://orcid.org/0009-0000-1518-6299>. Адрес: Российская Федерация, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23. posnast@yandex.ru
ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна. Доктор политических наук. Кандидат психологических наук. Профессор. Заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского

государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0003-4162-0807>. Адрес: Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76. mmlebedeva@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1 ноября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Vakarchuk D.O. Opportunities and Limitations of Using Big Text Data in Russian and Foreign Political Science on the Example of GDELT Database. *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya» [Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Political Science. History. International relations"]*. 2024; 3:30–46 [In Russian]. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2024-3-30-46>.
- Kokhtyulina I., Smirnov A. AI as Soft Power 3.0: New Arena of Geopolitics. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]*. 24.08.2025 [In Russian]. Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/52664>.
- Lebedeva M.M. How Current Technologies Change World Politics. In: *New Technologies in World Politics / Ed. by M.M.Lebedeva, E.S.Zinovieva*. Moscow: Izdatelstvo Aspect Press [Aspect Press Publishing House], 2025:7–25 [In Russian].
- Posazhennikova A.A. Higher Education as Soft Power Tool: Current State and Challenges of Immigration (Case of Benelux Countries). *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]*. 2025; 3:135–146 [In Russian]. <https://doi.org/10.31857/S0201708325030118>.
- Sergeev E., Kiseleva I. EU Eastern Enlargement: A View from a Small Open Economy's Perspective. *Mezhdunarodnye protsessy [International Trends]*. 2023; 21(4):133–155 [In Russian]. <https://doi.org/10.17994/IT.2023.21.4.75.6>.
- Sokolov A.V., Frolov A.A., Babajanyan P.A. Leveraging AI Technologies in Politics: Navigating Threats and Unveiling Opportunities. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science]*. 2025; 27(3):622–637 [In Russian]. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-622-637>.
- Stadnik I. How to Study ICT-Security Policy: Opportunities and Challenges for Critical Discourse-Analysis. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya. [Bulletin of St. Petersburg University. International Relations]*. 2024; 17(2):183–200 [In Russian]. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2024.205>.
- Baele S.J. et al. AI IR: Charting International Relations in the Age of Artificial Intelligence. *International Studies Review*. 2024; 26(2):viae013 [In English]. <https://doi.org/10.1093/isr/viae013>
- Ballin E.H. Constitutional Identity in the Netherlands: Sailing with Others. In: *Constitutional Identity in a Europe of Multilevel Constitutionalism / Ed. by Calliess C., van der Schyff G*. Cambridge University Press, 2019:222–242 [In English].
- Berkel N. van et al. A Systematic Assessment of National Artificial Intelligence Policies:

Perspectives from the Nordics and Beyond. In: *Proceedings of the 11th Nordic Conference on Human-Computer Interaction: Shaping Experiences, Shaping Society (Tallinn, Estonia) (NordCHI '20)*. Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 2020:1–12 [In English]. <https://doi.org/10.1145/3419249.3420106>.

- Djefal C., Siewert M.B., Wurster S. Role of the State and Responsibility in Governing Artificial Intelligence: A Comparative Analysis of AI Strategies. *Journal of European Public Policy*. 2022; 29(11):1799–1821 [In English]. <https://doi.org/10.1080/13501763.2022.2094987>.
- Fatima S., Desouza K.C., Dawson G.S. National Strategic Artificial Intelligence Plans: A Multi-Dimensional Analysis. *Economic Analysis and Policy*. 2020; 67(C):78–194 [In English]. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2020.07.008>.
- Franzke A.S., Muis I., Schäfer M.T. Data Ethics Decision Aid (DEDA): a Dialogical Framework for Ethical Inquiry of AI and Data Projects in the Netherlands. *Ethics Inf Technol*. 2021; 23:551–567 [In English]. <https://doi.org/10.1007/s10676-020-09577-5>.
- Kruizinga S. A Small State? The Size of the Netherlands as a Focal Point in Foreign Policy Debates, 1900–1940. *Diplomacy & Statecraft*. 2016; 27(3):420–436 [In English]. <https://doi.org/10.1080/09592296.2016.1196062>.
- Le Mens G., Gallego A. Positioning Political Texts with Large Language Models by Asking and Averaging. *arXiv:2311.16639v3 [cs.CL]*. 2024 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2311.16639>.
- Liebig L. et al. Subnational AI Policy: shaping AI in a Multi-Level Governance System. *AI & Soc*. 2024; 39:1477–1490 [In English]. <https://doi.org/10.1007/s00146-022-01561-5>.
- Miyaoka A. et al. Emergent Coding and Topic Modeling: A Comparison of Two Qualitative Analysis Methods on Teacher Focus Group Data. *International Journal of Qualitative Methods*. 2023; 22:160940692311659 [In English]. <https://doi.org/10.1177/16094069231165950>.
- Nelson L.K. et al. The Future of Coding: A Comparison of Hand-Coding and Three Types of Computer-Assisted Text Analysis Methods. *Sociological Methods & Research*. 2018; 50(1):202–237 [In English]. <https://doi.org/10.1177/0049124118769114>.
- Oomen B. Strengthening Constitutional Identity Where There Is None: The Case of the Netherlands. *Revue Interdisciplinaire D'études Juridiques*. 2016; 77(2):235–263 [In English]. <https://doi.org/10.3917/riej.077.0235>.
- Papadopoulos T., Charalabidis Y. What DO Governments Plan in the field of Artificial Intelligence? Analysing National AI Strategies Using NLP. In: *Proceedings of the 13th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV '20)*. Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 2020:100–111 [In English]. <https://doi.org/10.1145/3428502.3428514>.
- Papyshev G., Yarime M. The State's Role in Governing Artificial Intelligence: Development, Control, and Promotion through National Strategies. *Policy Design and Practice*. 2023; 6(1):79–102 [In English]. <https://doi.org/10.1080/25741292.2022.2162252>.
- Verdun A. The Greatest of the Small? The Netherlands, the New Hanseatic League and the Frugal Four. *German Politics*. 2021; 31(2):302–322 [In English]. <https://doi.org/10.1080/09644008.2021.2003782>
- Viscusi G., Collins A., Florin M.-V. Governments' Strategic Stance toward Artificial Intelligence: An Interpretive Display on Europe. In: *Proceedings of the 13th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance (ICEGOV '20)*. Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 2020:44–53 [In English]. <https://doi.org/10.1145/3428502.3428508>.
- Wang L, Zhang L. A Quantitative Text Analysis of Artificial Intelligence Industry Policy in China. *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*. 2020; 57(1):e358 [In English]. <https://doi.org/10.1002/ptra2.358>.
- Wilson C. Public Engagement and AI: A Values Analysis of National Strategies. *Government Information Quarterly*. 2022; 39(1):101652 [In English]. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101652>.

About the authors

Anastasia A. POSAZHENNIKOVA. Junior Research Assistant of Department for European Political Studies at Institute of World Economy and International Relations. <https://orcid.org/0009-0000-1518-6299>. Address: 23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russian Federation. posnast@yandex.ru
Marina M. LEBEDEVA, DSc. (Polit.). CandSc. (Psychology). Professor. Head of Department of World Political Processes at the Moscow State Institute of International Relations. <https://orcid.org/0000-0003-4162-0807>. Address: 76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation. mmlebedeva@gmail.com

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: November 1, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-187-205](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-187-205)

Сентимент-анализ отношения пользователей новостных и экспертных телеграм-каналов к технологиям импортозамещения в России (Rutube и МАХ)

Александра Павловна Бочарова

Высшая школа экономики, Москва, Россия
arbocharova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-8342>

Аннотация. В условиях усиления политики цифрового суверенитета российское правительство последовательно продвигает курс на импортозамещение в сфере цифровых платформ, рассматривая видеохостинг Rutube и национальный мессенджер МАХ как ключевые альтернативы зарубежным сервисам. Статья представляет собой эмпирическое исследование общественного восприятия этих технологий на основе Telegram-дискурса, включающего 538 постов, около 200 комментариев и 12 тыс. эмодзи-реакций в новостных, политических и технологических каналах за период 2022–2025 гг. На основе комбинации сентимент-анализа (RuBERT), лексической слабой разметки и классификации эмодзи реконструируется эмоциональная структура пользовательских установок (доверие, страх, сарказм, скепсис, токсичность), а также выявляются различия между типами каналов и динамика их изменений. Показано, что ключевыми факторами отношения к отечественным платформам выступают готовность к переходу на новую технологию, институциональное доверие и

оценка государственной политики импортозамещения, тогда как классические переменные модели принятия технологий (Technology Acceptance Model, TAM) – восприимчивая полезность и простота использования – играют второстепенную роль. В российском контексте принятие и неприятие Rutube и MAX в значительной степени определяются политико-психологическими детерминантами: доверием к государству и регулирующим институтам, восприятием рисков нарушения приватности, угроз цифрового контроля и принудительности использования. Исследование дополняет рамку TAM переменной институционального доверия, концептом «цифровых скептиков» и вносит вклад в изучение политизированной цифровизации и формирования устойчивых паттернов общественного доверия к современным цифровым технологиям.

Ключевые слова: импортозамещение, цифровой суверенитет, Rutube, MAX, цифровые скептики, модель принятия технологий (TAM), Telegram-дискурс, сентимент-анализ, доверие, институциональное восприятие

Для цитирования: Бочарова А.П. Сентимент-анализ отношения пользователей новостных и экспертных телеграм-каналов к технологиям импортозамещения в России (Rutube и MAX) // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 187-205, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-187-205](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-187-205)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-187-205](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-187-205)

Sentiment Analysis of Users' Attitudes in News and Expert Telegram Channels Toward Import Substitution Technologies in Russia (Rutube and MAX)

Alexandra P. Bocharova✉

HSE University, Moscow, Russia

apbocharova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2167-8342>

Abstract. Against the backdrop of a tightening policy on digital sovereignty, the Russian government has consistently advanced a course towards import substitution in the field of digital platforms. It has positioned the Rutube video hosting service and the MAX messaging service as key alternatives to foreign services. This article presents an empirical study on public perceptions of these technologies, based on Telegram discourse. The study encompasses more than 600 posts, 2,000 comments and 12,000 emoji reactions on news, political and technology channels from 2022 to 2025. By combining sentiment analysis (RuBERT) with lexical weak supervision and emoji classification, it reconstructs the emotional structure of users' attitudes (trust, fear, sarcasm, skepticism and toxicity) and identifies differences between channel types and the dynamics of their development. The findings show that key factors shaping attitudes towards domestic platforms include willingness to switch to new technologies, institutional trust, and assessments of the government's import substitution policy. However, the classical variables of the Technology Acceptance Model (TAM) – perceived usefulness and ease of use – play a secondary role in this context. In Russia, acceptance or rejection of platforms such as Rutube and MAX is largely influenced by political, psychological factors, including trust in government and regulatory

bodies, perceived risks of privacy breaches, threats of digital surveillance, and coercive aspects of use. This study extends the Technology Acceptance Framework by incorporating the variable of institutional trust and the concept of “digital skeptics,” contributing to the understanding of politicized digitalization and the development of stable patterns of public confidence in contemporary digital technologies.

Keywords: Import substitution, digital sovereignty, Rutube, MAX, digital skeptics, Technology Acceptance Model (TAM), Telegram discourse, sentiment analysis, trust, institutional perceptions

For citation: Bocharova A.P. Sentiment Analysis of Users' Attitudes in News and Expert Telegram Channels Toward Import Substitution Technologies in Russia (Rutube and MAX). Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 1(19): 187-205, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-187-205](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-187-205)

Введение

В условиях международного санкционного давления на Россию и введения технологических ограничений российское правительство активно продвигает политику импортозамещения в цифровой среде, реализуя цель укрепления цифрового суверенитета государства [1]. В частности, с 2022 г. российское руководство проводит данную политику в том числе посредством разработки и поддержки отечественных платформ, призванных заменить иностранные аналоги в среде ИТ-услуг и цифровой инфраструктуры. За последние несколько лет значительное продвижение получил разработанный еще в 2006 г. отечественный видеохостинг Rutube как альтернатива иностранной платформе YouTube^{*1}, а с 2025 г. стал активно продвигаться российский мессенджер MAX, разработанный дочерней компанией VK. Несмотря на официальную поддержку и стратегическую значимость этих технологий, их массовое принятие оказалось неоднозначным. Так, специалисты отмечают, что стратегия импортозамещения в ИТ-секторе России сталкивается с серьезными ограничениями как технического, так и институционального характера, а также с неоднозначным принятием со стороны пользователей, что во многом связано с эффектами сетевого взаимодействия, сложившимися пользовательскими привычками и критическим восприятием частью граждан государственных цифровых инициатив [3]. Медиаотчеты сообщают, что Rutube после первоначального всплеска внимания в 2022–2023 гг. демонстрировал нестабильную динамику вовлеченности аудитории, а его развитие сопровождалось организационными и кадровыми изменениями².

¹ *Доступ к информационному ресурсу YouTube ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», 18+.

² Российский «убийца» YouTube* увольняет сотрудников. Сокращения масштабные // CNews. 27 авг. 2025. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-08-27_rossijskij_ubijtsa_youtube*.

*Доступ к информационному ресурсу YouTube ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», 18+.

Новый мессенджер МАХ также стал объектом активного публичного обсуждения и в ряде случаев – скепсиса: в дискурсе заметную роль играли жалобы на технические сбои и ироничные комментарии, указывающие на напряженное и противоречивое принятие технологии на раннем этапе ее внедрения³.

С другой стороны, данные ВЦИОМ показывают наличие достаточно существенного общественного запроса на отечественные мессенджеры и хранение данных на российских платформах. Так, в опросе 2025 г. 64% россиян поддерживают инициативу создания национального мессенджера (именно платформы МАХ) и 58% сообщили об осведомленности о его разработке. Кроме того, 55% пользователей мобильных приложений и мессенджеров предпочли бы, чтобы их данные хранились на российских серверах⁴.

Данное исследование представляет собой попытку пролить свет на отношение российских пользователей к отечественным продуктам технологического импортозамещения на примере анализа реакций и комментариев под новостями о российских технологиях Rutube и МАХ в мессенджере Telegram.

Каналы мессенджера Telegram представляют собой ключевое пространство, где разворачивается обсуждение вопросов импортозамещения и цифрового суверенитета. В России Telegram является не просто средством общения, но и важной платформой для новостных, экспертных каналов и комментариев пользователей. Весной 2025 г. аудитория Telegram в России превысила 100 млн пользователей⁵, что делает его одной из крупнейших цифровых платформ в стране и важным источником данных для анализа публичного дискурса. Анализ публикаций, комментариев и эмодзи-реакций на посты в новостных и экспертных каналах предоставляет уникальные данные о том, какие аффективные установки и реакции, включая поддержку и одобрение, скепсис, страх, сарказм, токсичную критику и пр., преобладают среди пользователей и авторов публикаций по тому или иному вопросу [2; 4; 14].

Данное исследование направлено на проведение сентимент-анализа пользовательского отношения в Telegram-дискурсе к технологиям импортозамещения в России на примере платформы Rutube и мессенджера МАХ. Теоретическая рамка исследования базируется на концептуальном осмыслении модели принятия технологий (technology acceptance model – TAM), представляющей наиболее комплексную рамку измерения восприятия и фактического использования технологий [5]. Ключевой в понимании причин и факторов неприятия технологии является концепция «цифровых скептиков» (digital doubters) – граждан, выражающих недоверие к цифровым технологиям, что обосновано наличием психологических

³ Мессенджер Мах: почему его критикуют и что ждать пользователям в будущем? // Дзен: сайт. URL: https://dzen.ru/a/aKfcajLZR1S_xEXE.

⁴ Национальный мессенджер: ожидания и перспективы // Аналитический центр. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 30 июля 2025 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nacionalnyi-messendzher-ozhidaniya-i-perspektivy>.

⁵ Telegram первым из мессенджеров охватил в России 100 млн пользователей // Forbes Russia. 2025. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/543944-telegram-pervym-iz-messendzerov-ohvatil-v-rossii-100-mln-pol-zovatelej>.

и политических факторов, объясняющих скептическое поведение таких граждан к определенным технологиям, включая недоверие государству или компаниям, страх нарушения приватности, недостаток информации о технологии и пр. [11; 15]. Методологическая рамка исследования объединяет автоматизированные методы анализа тональности и токсичности текстовых сообщений на основе комбинированной разметки данных с помощью модели RuBERT с теоретической перспективой, посвященной отношению граждан к новым технологиям на основе эмоций – доверия, скепсиса, страха, сарказма, рассчитанных на основе реакций пользователей⁶.

Дизайн исследования ориентирован прежде всего на выявление факторов неприятия и настороженного отношения к отечественным платформам, поскольку именно эти установки в наибольшей степени структурируют публичные дискуссии и задают рамки общественного восприятия цифровых инициатив государства. Поддерживающие установки, как правило, выражаются менее эксплицитно и реже сопровождаются развернутыми аргументами, что объективно ограничивает возможности их детальной операционализации на уровне текста. Основной исследовательский вопрос звучит следующим образом: как подписчики и авторы российских новостных и экспертных Telegram-каналов воспринимают и оценивают отечественные цифровые платформы (на примере Rutube и МАХ), какие аффективные факторы – эмоции и настроения – доминируют (поддержка, скепсис, страх, токсичная критика, сарказм и т.д.) и как они изменяются в динамике в ходе имплементации технологий в повседневную жизнь с течением времени?

Структура статьи выстроена следующим образом: в разделе «Материалы и методы» изложена теоретическая база исследования. Далее описана методология сбора данных из Telegram-каналов и процедура автоматизированного анализа и разметки. В разделе «Результаты исследования» приведены результаты анализа с описанием выявленных паттернов публичных настроений. Наконец, в выводах приведена интерпретация полученных результатов с точки зрения факторов восприятия технологий «цифровыми скептиками» и перспектив развития импортозамещения в рамках политики защиты цифрового суверенитета.

Материалы и методы

Теоретическая основа данного исследования сочетает элементы модели принятия технологий (Technology Acceptance Model – TAM) и концепции «цифровых скептиков» (digital doubters), рассматривая общественные установки не как прямую готовность к использованию технологий, а как эмоционально-когнитивное поле принятия и отторжения в условиях государственной политики цифровизации.

⁶ Исследованию токсичности постов в телеграм-каналах посвящено несколько современных исследований, например: [6; 14].

Классическая модель принятия технологий TAM была разработана в 1980-е гг. и позднее дополнялась исследователями и базируется на двух ключевых переменных, объясняющих намерение и фактическое использование индивидами новых технологий, а именно: воспринимаемой полезности и воспринимаемой простоты использования [8]. Последующие исследования показали, что в контекстах, где цифровые технологии несут политическую или нормативную нагрузку, эти факторы дополняются эмоциональными и социополитическими переменными, включая доверие, восприятие риска, безопасность и социальное влияние [7; 10; 15].

Концепция «цифровых скептиков» позволяет расширить рамку TAM, включив объяснение непринятия тех или иных технологий, в том числе государственных, на индивидуальном уровне [11]. Концепция исходит из того, что при активном внедрении цифровых технологий, сопровождаемом институциональным регулированием, формируется устойчивая группа пользователей, настороженно относящихся к государственным цифровым технологиям из-за недостатка доверия, страха надзора или сомнений в их эффективности. Исследования показывают, что такие пользователи могут оценивать технологии не только с точки зрения их удобства и простоты использования, но и с точки зрения доверия государству и компаниям, регулирующим использование этих технологий, а также с точки зрения ощущения собственной приватности в условиях повсеместного введения технологии [9; 11]. В условиях российских кейсов активного введения технологий импортозамещения Rutube и МАХ анализ доли цифровых скептиков и их установок в дискурсе Telegram-каналов позволит рассмотреть, какие установки имплицитно влияют на принятие или непринятие новых технологий в российском контексте, а также как они меняются с течением времени.

Эмпирической базой исследования послужили посты новостных и экспертных Telegram-каналов о новостях, касающихся распространения и регулирования отечественных технологий платформы Rutube и мессенджера МАХ, а также комментариев (при наличии) и реакций пользователей на эти посты. Для формирования массива текстов были отобраны шесть российских Telegram-каналов, входящих в число наиболее популярных Telegram-ресурсов в новостной и технологической категориях, согласно данным TGStat⁷ (Таблица 1), а также имеющие либо возможность реакций к постам, либо реакций и комментариев пользователей. Критериями включения стали релевантность тематике цифрового суверенитета, наличие активной пользовательской базы с комментариями и реакциями, а также содержательность постов: в частности, из корпуса исключались сугубо технические и рекламные публикации (например, «смотрите видео по ссылке на Rutube»). Данные выгружались из Telegram-каналов с помощью API в среде Google Colab на языке программирования Python с помощью пакета Telethon на основе написанного автором скрипта. В качестве периода сбора данных был выбран промежуток: с 1 марта 2022 г. – начало активной российской политики использования отечественных продуктов

7 TGStat – аналитический сервис мониторинга Telegram-каналов. URL: <https://tgstat.ru>.

ввиду начала специальной военной операции (СВО) и введения ограничений в отношении российских ресурсов на иностранных платформах, по 30 сентября 2025 г., что объясняется периодом подготовки данной статьи для журнала. Корпус включает более 600 постов, более двух сотен комментариев и более 12 тыс. эмодзи-реакций на посты.

Таблица 1. Выборка российских Telegram-каналов и их специфика
Table 1. Sample of Russian Telegram Channels and their Specifics

Название канала	Ссылка на канал	Категория канала	Количество собранных постов
Хабр	@habr_com	Технологический	251
RT на русском	@rt_russian	Новостной	204
Rozetked	@rozetked	Технологический	78
Коммерсантъ	@kommersant	Новостной	49
НЕЗЫГАРЬ	@russicaRU	Политический	21
TechInsider	@techinsiderru	Технологический	4

После получения данных на скачанном массиве постов, комментариев и реакций был использован комбинированный подход к разметке и классификации данных на основе принципа слабой разметки по регулярным выражениям на основе предварительной ручной разметки 20% массива и с помощью предобученной модели RuBERT, а также эмодзи-модели, основанной на классификации и количественном подсчете эмодзи в реакциях к каждому посту.

I. Полученный через Telegram API массив данных был размечен путем «слабой разметки»⁸ через инструмент Gemini в среде Google Colab на языке Python на лексических шаблонах, задающих ключевые семантические поля для каждого типа отношения и на основе размеченных ранее вручную автором статьи 20% массива. Каждый из шаблонов представлял набор регулярных выражений, отражающих установки и отношение граждан к технологии на основе модели TAM и концепции «цифровых скептиков» [8; 12]:

- доверие: позитивные высказывания, поддержка, одобрение;
- страх: слова, связанные с риском, слежкой, утечкой данных, негативным упоминанием службы Роскомнадзора⁹;
- скепсис: сомнение в качестве или функциональности технологии;
- сарказм: ироничные маркеры, насмешка;
- токсичность: бранная и/или агрессивная лексика.

8 Слабая разметка (weak supervision) – подход к подготовке обучающих данных, при котором метки присваиваются автоматически на основе эвристических правил, лексических шаблонов, словарей или частично размеченных вручную подвыборок, а не в результате полной ручной аннотации всего корпуса.

9 Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://rkn.gov.ru/>.

высказываний (менее 4% всех связанных публикаций по теме). Технологические каналы занимают промежуточное положение, демонстрируя умеренные значения всех трех показателей.

Таблица 4. Специфика дискурса по категориям каналов

Table 4. Discourse Specifics by Channel Categories

Категория каналов	Токсичность	Сарказм	Доверие
Новостные	Низкая ($\approx 0,06$)	Низкий сарказм ($\approx 0,03$)	Высокая доля доверия ($\approx 0,20$)
Политические	Высокая ($\approx 0,18$)	Среднее значение ($\approx 0,12$)	Доверие низкое ($\approx 0,04$)
Технологические	Умеренная ($\approx 0,08$)	Среднее значение ($\approx 0,10$)	Умеренное доверие ($\approx 0,10$)

На тепловой карте на рисунке 1 представлены доли эмоциональных реакций пользователей к постам шести выбранных Telegram-каналов, освещающих темы отечественных цифровых технологий из нашего массива данных. Заметно, что в зависимости от специфики дискурса Telegram-канала реакция пользователей неодинакова, что позволяет говорить о наличии поляризации мнений по вопросу отечественных технологий Rutube и MAX.

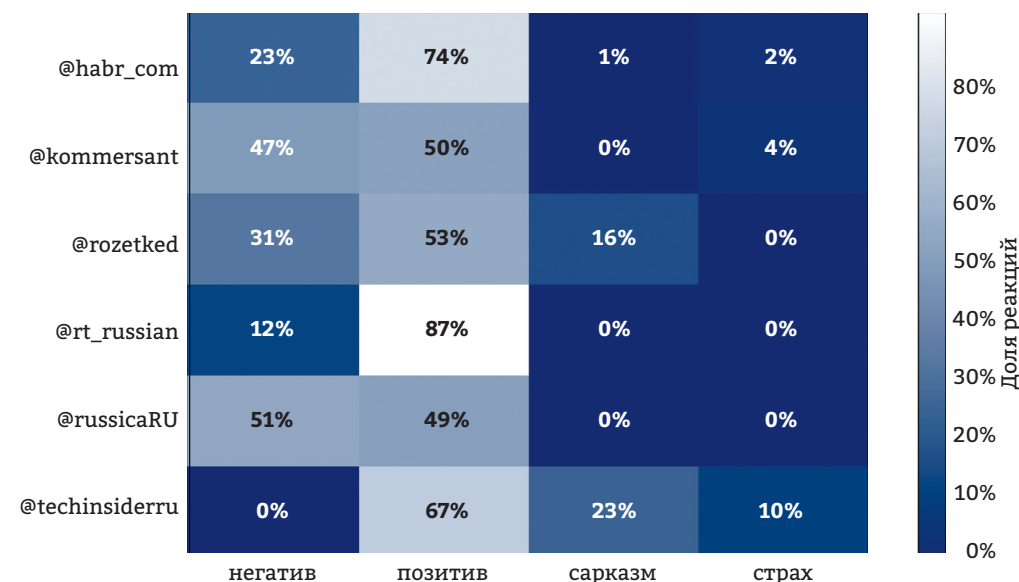
Наиболее позитивная реакция пользователей характерна для каналов с явно выраженной проправительственной ориентацией и фокусом на новостную повестку. Так, на канале @rt_russian (RT на русском) доля позитивных реакций составляет 87%, тогда как негатив ограничен 12%, а сарказм и страх практически отсутствуют. Подобное соотношение указывает на консолидированный нарратив поддержки цифрового суверенитета, транслируемый через медиа, близкие к государственной повестке. Аналогичная тенденция, хотя и в более сбалансированном виде, наблюдается у @habr_com (Хабр), где позитив (74%) сочетается с умеренным уровнем негатива (23%). Здесь реакция аудитории носит в большей степени технократический характер, поскольку пользователи воспринимают тему импортозамещения сквозь призму технологической состоятельности и профессиональных ожиданий.

Более сложная картина складывается на каналах с репутацией более политически нейтральных и деловых медиа и политических экспертных Telegram-каналов. Для @kommersant (Коммерсантъ) доли позитивных и негативных реакций практически равны (50 и 47% соответственно), что отражает сдержанно-критическое восприятие технологических инициатив: аудитория одновременно признает стратегическую значимость цифровых платформ, но может сомневаться в эффективности их реализации. У @russicaRU (НЕЗЫГАРЬ) ситуация схожая: паритет позитива и негатива (49 и 51%) свидетельствует о фрагментированности общественного мнения и наличии устойчивой группы цифровых скептиков.

Особый интерес представляет @rozetked (Rozetked), где фиксируется заметная доля сарказма (16%) при преобладании позитивных реакций (53%). Это указывает на

Рисунок 1. Тепловая карта эмоциональных реакций пользователей на публикации в Telegram-каналах, в % от общего количества публикаций каждого канала

Figure 1. Heat Map of Users' Emotional Reactions to Publications in Telegram Channels, as a Percentage of the Total Number of Publications in Each Channel

ироничный тип участия аудитории, характерный для технологических сообществ, где позитивное восприятие инноваций сочетается с дистанцированием и критикой качества исполнения. Для @techinsiderru (TechInsider) доля саркастических реакций еще выше (23%), наряду с 10% реакций, связанных со страхом, что может отражать повышенную чувствительность технологически подкованных пользователей к вопросам приватности, безопасности данных и контроля над цифровыми сервисами. Таким образом, специфика восприятия информации и реакций пользователей фрагментирована и зависит от политических установок конкретного онлайн-сообщества и специфики дискурса (новостной / технологический / политико-экспертный).

При этом важно подчеркнуть, что высокая доля позитивных эмодзи-реакций не тождественна наличию развернутого позитивного дискурса в комментариях и текстах публикаций. Анализ показывает, что при значительном количестве позитивных реакций доля комментариев с выраженными поддерживающими установками остается крайне низкой. Это указывает на преобладание имплицитных форм одобрения, не сопровождающихся аргументированной поддержкой технологий. В то же время критические, скептические и тревожные установки значительно чаще артикулируются в текстовой форме, что обуславливает аналитический акцент исследования на негативно окрашенных компонентах дискурса.

На основе анализа пользовательских комментариев Telegram-дискурса можно выделить три ключевых фактора критического отношения к отечественным цифровым платформам, в частности, к видеосервису Rutube и мессенджеру МАХ (Таблица 5). Прежде всего характерно наличие технологического скепсиса, характеризующегося фокусом пользователей на низкую стабильность, ограниченный функционал и сомнения в качестве реализации. Эти наблюдения усиливаются институциональным недоверием и критикой государственного контроля в информационном пространстве, что приводит к восприятию цифровых инициатив как административно навязанных и потенциально контролирующих инструментов. На этом фоне даже нейтральные или позитивные оценки технических достижений сопровождаются сомнениями в подлинности мотивов их внедрения. Наконец, третий фактор недоверия пользователей на основе дискурса заключается в недоверии общей политике защиты государственного технологического суверенитета, на фоне которой любые меры, направленные на создание и внедрение отечественных технологий, воспринимаются как вторичные и формальные.

Таблица 5. Факторы недоверия цифровых скептиков к отечественным технологиям с примерами

Table 5. Factors of Distrust of Digital Skeptics Towards Domestic Technologies with Examples

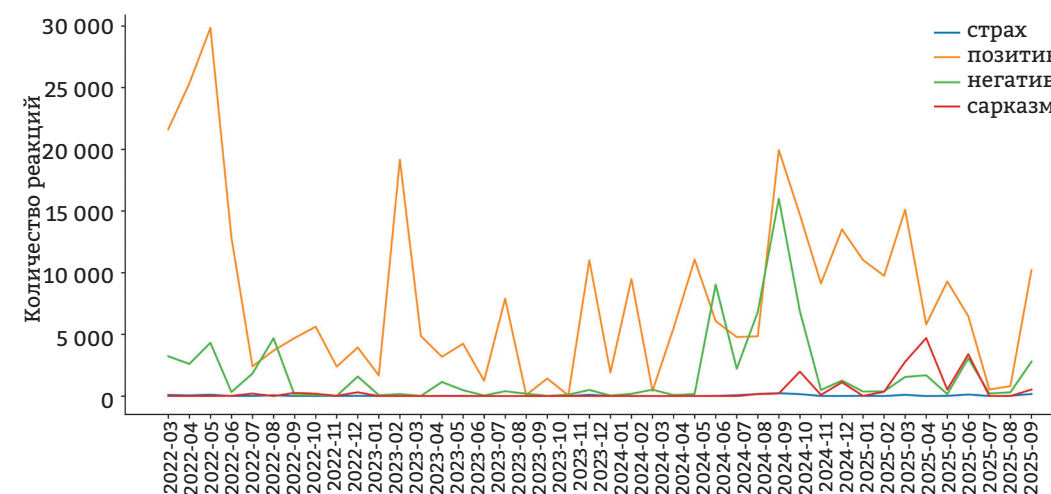
Сомнение в технической состоятельности отечественной технологии	Критика государственного монополизма	Отношение к продукту как «формальности», восприятие технологии как вторичной
«Полагаю, что ни одного стабильного отечественного аналога пока не существует»	«Информационные технологии – понятие более широкое, чем Rutube, хотя правительство думает иначе»	«И перерасход ресурсов на постоянную текучку, вместо нормальной работы»
«Ах, ну да, всё ПО само же заработает, и данные сами защитятся»	«Для меня лично Англия никогда не была “недружественной страной”, а вот Rutube – иногда да»	«Сделайте донаты вроде “а спроси его про...”»
«Качество и возможности используемого инструмента явно не дотягивают»	«Это не только в среде IT. Это вообще применимо ко всему нашему “импортозамещению”»	

В сопоставлении с моделью принятия технологий (ТАМ) эти результаты демонстрируют смещение акцентов в мотивации пользователей: восприятие полезности и удобства использования, традиционно являющиеся ключевыми предикторами принятия технологий [8; 12], уступают место политико-психологическим факторам, таким как недоверие государству и сомнение в качестве технологического продукта, что позволяет дополнить и расширить концептуальную модель принятия технологий ТАМ в российском контексте.

Что касается динамики изменения реакций пользователей во времени, то анализ реакций по темам Rutube и мессенджера МАХ с 2022 по 2025 г. демонстрирует

Рисунок 2. Динамика количества реакций пользователей под Telegram-постами по темам регулирования Rutube и МАХ, 2022–2025 гг.

Figure 2. Dynamics of the Number of User Reactions to Telegram Posts on the Topics of Rutube and Max Regulation, 2022–2025

ряд отчетливых всплесков, каждый из которых коррелирует с определенными этапами институционализации и регулирования отечественных цифровых платформ (Рисунок 2). В целом анализ временного ряда позволяет проследить, как общественное восприятие данных инициатив развивалось в ответ на ключевые государственные решения, а также как менялась эмоциональная структура дискурса. Анализ эмодзи-реакций показывает, что нейтральные и информационные публикации о Rutube и МАХ нередко сопровождаются позитивными формами аффективной реакции (одобрение, поддержка), что указывает на наличие поддерживающих сигналов, не артикулированных в текстовых комментариях (таких комментариев в массиве данных было не более пяти из всего массива). Таким образом, дискурс вокруг отечественных платформ нельзя охарактеризовать как однозначно негативный; он скорее носит поляризованный характер, в котором внешняя критика сосуществует с имплицитным одобрением и нейтральным принятием.

Первый значимый всплеск наблюдается весной-летом 2022 г. В этот период, на фоне приостановки функции монетизации для российских пользователей со стороны YouTube¹² и объявленного курса на импортозамещение цифровых сервисов, Rutube стал центральным объектом информационной повестки, что подтверждается резким скачком количества пользователей отечественной платформы весной 2022 г.¹³ В то

12 *Доступ к информационному ресурсу YouTube ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», 18+.

13 Трафик на RuTube вырос в четыре раза // CNews, 30 марта 2022 г. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2022-03-30_trafik_na_rutube_vyros_v_chetyre.

же время фиксируется рост негативных реакций, что указывает на амбивалентность общественного восприятия: вместе с оптимистичными ожиданиями по поводу технологического суверенитета возникали сомнения в устойчивости и качестве новой платформы.

Второй эпизод активизации дискурса приходится на начало 2023 г. (Рисунок 2). Здесь вновь усиливаются позитивные реакции, что может быть связано с ребрендингом Rutube и заявлениями о росте пользовательской базы¹⁴. Новый пик дискуссий возникает летом-осенью 2024 г. и сопровождается одновременным ростом позитивных и негативных реакций, а также появлением выраженного сарказма (красная линия). Именно в это время Роскомнадзор проводит замедление YouTube¹⁵ на территории России¹⁶. Дискурсивное напряжение проявляется в колебаниях между поддержкой идеи отечественных технологий и критикой регулирования, интерпретируемого как инструмент цензуры.

Следующий значимый период – весна-лето 2025 г., когда VK анонсирует запуск мессенджера МАХ как национальной коммуникационной платформы, а позже объявляет о добавлении МАХ в Перечень российского ПО, обязательного к предустановке¹⁷. Динамика реакций демонстрирует заметный рост сарказма и негатива, что отражает общественное восприятие проекта как символа дальнейшего расширения государственной инфраструктуры цифрового контроля. Обсуждения в социальных сетях в этот момент фокусируются на приватности, безопасности переписки и возможной принудительной интеграции с государственными сервисами.

Таким образом, динамика общественных реакций по темам Rutube и МАХ демонстрирует тесную зависимость между эмоциональной структурой дискурса и этапами институционализации отечественных цифровых платформ. Позитивные всплески совпадают с периодами официальных анонсов и технологических обновлений, тогда как рост негатива, сарказма и страха коррелирует с внедрением регуляторных мер, воспринимаемых как ограничительные. Такая поляризация мнений и реакций пользователей позволяет сделать вывод о том, что процесс решения о поддержке той или иной технологии на индивидуальном уровне еще находится в процессе становления и зависит не столько от факторов удобства использования технологии и ее доступности – ключевых факторов модели ТАМ [12], сколько от индивидуальных политико-психологических факторов, включая восприятие приватности, доверие государству и спецслужбам и добровольность использования [9; 11].

¹⁴ RuTube за год воспользовались 81 млн человек // ТАСС, 27 декабря 2023 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19638571>.

¹⁵ *Доступ к информационному ресурсу YouTube ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», 18+.

¹⁶ Пользователи пожаловались на недоступность YouTube на мобильных сетях // РБК. 19 декабря 2024 г. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/19/12/2024/67641a9b9a7947cd3f42f67b.

¹⁷ Власти назначили организацию, ответственную за суверенный мессенджер Max // CNews. 15 июля 2025 г. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-07-15_vlasti_v_rossii_naznachili.

Выводы

Результаты проведенного исследования позволили выявить устойчивые закономерности в восприятии пользователями Telegram отечественных цифровых продуктов Rutube и МАХ, а также продемонстрировать, как эмоциональные установки (доверие, страх, сарказм и скепсис) структурируют общественный дискурс вокруг проектов технологического импортозамещения. Результаты сентимент-анализа показывают, что отношение к государственным цифровым инициативам носит двойственный характер и формируется не только на основании восприятия функциональности технологий, что лежит в основе теоретических положений модели принятия технологий, но и под влиянием политико-психологических факторов: доверия к государственным институтам, восприятия угроз приватности и добровольности использования.

Анализ дискурса в Telegram-каналах показал, что позитивные реакции на технологии импортозамещения концентрируются преимущественно в новостных каналах (RT на русском) и профессионально ориентированных технологических сообществах (Хабр), где доминируют нарративы цифрового суверенитета и технологического патриотизма. В то же время в более политически нейтральных новостных и экспертных сообществах, представленных каналами Коммерсантъ, НЕЗЫГАРЬ и Rozetked, преобладают смешанные или иронично-критические оценки, что свидетельствует о присутствии устойчивой группы «цифровых скептиков». Наличие сарказма, страха и негативных эмоций в этих сообществах отражает когнитивное сопротивление принятию имплементируемых технологий, что подтверждает применимость концепции цифровых скептиков в российском контексте.

Более высокая доля негативно окрашенных публикаций в дискурсе вокруг мессенджера МАХ (по сравнению с Rutube) может быть связана с различиями в стадии институционализации этих платформ. МАХ на момент анализа представлял собой относительно новый продукт, активно вводимый в повседневное использование, что, как показывают предыдущие исследования цифровых инноваций, нередко сопровождается всплесками эмоциональных реакций, включая скепсис, иронию и сопротивление нововведениям. В то же время дискурс вокруг Rutube формировался на протяжении более длительного периода, что могло способствовать его относительной стабилизации и снижению эмоциональной интенсивности обсуждений.

Динамика реакций пользователей во времени продемонстрировала волнообразный характер общественного восприятия, связанный с ключевыми этапами институционализации отечественных платформ. Пики позитивных реакций соответствуют периодам официальных анонсов и технологических обновлений, тогда как рост негатива и сарказма совпадает с введением регуляторных мер: замедлением

YouTube^{*18} в 2024 г., а также решением о предустановке МАХ на продаваемые в стране устройства в 2025 г. Таким образом, отношение к цифровым технологиям в России формируется как результат постоянного баланса между рациональной оценкой удобства и эмоциональной реакцией на политический контекст их внедрения.

С методологической точки зрения использование комбинированного подхода – количественного сентимент-анализа на основе модели RuBERT на основе ручной разметки и анализа эмодзи-реакций – показало свою эффективность для выявления сложных аффективных паттернов в онлайн-дискурсе. Такой подход позволил выйти за рамки бинарной дихотомии «позитив – негатив» и реконструировать более тонкую эмоциональную структуру пользовательских установок. Вместе с тем интеграция теоретических моделей ТАМ с концепцией цифровых скептиков показала продуктивность междисциплинарного синтеза, позволяющего рассматривать принятие технологий не только как когнитивный, но и как политико-психологический процесс.

Вместе с тем исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, Telegram-дискурс не является полностью репрезентативным для российского общества: аудитория мессенджера характеризуется повышенной политической активностью и технологической компетентностью, что может усиливать критические и ироничные установки. Во-вторых, автоматическая разметка данных, несмотря на ручную разметку части массива, сохраняет риск ошибок интерпретации контекстуально окрашенных выражений, особенно в случаях сарказма и смешанных эмоций. В-третьих, исследование охватывает ограниченный набор каналов и период до сентября 2025 г., что не позволяет проследить долгосрочную динамику восприятия платформ МАХ и Rutube после возможных дальнейших обновлений и мер регулирования. В-четвертых, следует учитывать, что на ряде крупных новостных Telegram-каналов (в частности, RT) набор доступных эмодзи-реакций частично ограничен, что снижает наблюдаемость негативных реакций (например, ироничных или резко критических эмодзи) и может приводить к завышению доли позитивных реакций в агрегированной статистике (Рисунок 2). Наконец, в рамках исследования не осуществлялся анализ возможной координированной или автоматизированной активности пользователей (например, ботов), что теоретически может оказывать влияние на структуру реакций в публичных Telegram-каналах, однако не входило в задачи данного исследования.

Дальнейшие направления исследования могут быть связаны с расширением корпуса данных за счет включения пользовательских комментариев и обсуждений в других социальных сетях (например, VK) и Telegram-каналах, что позволит оценить различия в восприятии отечественных технологий на различных информационных платформах. Перспективным представляется также применение сетевого анализа для выявления взаимосвязей между каналами, транслирующими сходные

¹⁸ *Доступ к информационному ресурсу YouTube ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», 18+.

аффективные паттерны, и построение моделей эволюции эмоционального фона в зависимости от политико-информационных событий. Наконец, будущие работы могли бы использовать комбинированные методы (контент-анализ, анкетные опросы и поведенческие данные) для уточнения механизмов формирования доверия и скепсиса в отношении государственных цифровых инициатив. В целом результаты исследования подтверждают, что в российском контексте принятие отечественных цифровых технологий не может быть объяснено исключительно рациональными моделями ТАМ. Оно происходит в пространстве политически нагруженных эмоций, где ключевыми детерминантами становятся доверие, страх и ироничная дистанция – те самые факторы, которые формируют устойчивую позицию «цифровых скептиков». Таким образом, отечественные проекты технологического импортозамещения становятся не столько индикатором уровня цифрового развития, сколько важным измерением состояния общественного доверия в эпоху трансформаций цифрового пространства.

Список литературы

1. Международное управление Интернетом [International Internet Management] / Е.С.Зиновьева, А.А.Игнатов, А.А.Уланов, Э.Л.Сидоренко, А.В.Сытник, М.М.Базлуцкая, Н.Ю.Силаев, В.Е.Таран, И.О.Яникеева; под редакцией Е.С.Зиновьевой. М., 2025. 186 с.
2. Островская Е.А. Альтернативный медиадискурс об РПЦ: православные Telegram-каналы [Alternative Media Discourse about the ROC (Russian Orthodox Church): Orthodox Telegram Channels] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2(168). С. 454–476.
3. Руденко М.Н., Чернявский С.В., Чернявский В.С., Субботина Ю.Д. Импортозамещение информационно-коммуникационных технологий в России [Import Substitution of Information and Communication Technologies in Russia] // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 58. С. 77–87. <https://doi.org/10.17223/19988648/58/5>.
4. Соловьев В.А. Динамика идеологической поляризации в пространстве русскоязычных Telegram-каналов: моделирование методами машинного обучения [Dynamics of Ideological Polarization in the Space of Russian-Language Telegram Channels: Machine Learning Modeling] // Политическая наука. 2025. № 1. С. 240–259.
5. Almahri F.A.A.J., Saleh N.I.M. Insights into Technology Acceptance: A Concise Review of Key Theories and Models // Innovative and Intelligent Digital Technologies; Towards an Increased Efficiency. 2025. Vol. 2. P. 797–807.
6. Boussalis C., Craig C., Rudkin A.F. Collective Victimhood Narratives in Far-Right Communities on Telegram // Information, Communication & Society. 2025. Vol. 28. № 8. P. 1407–1424.
7. Chaudhry B.M., Shafeie S., Mohamed M. Theoretical Models for Acceptance of Human Implantable Technologies: a Narrative Review // Informatics. MDPI, 2023. Vol. 10. № 3. P. 69.
8. Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology // MIS quarterly, 1989. P. 319–340.
9. Degli Esposti S., Ball K., Dibb S. What's in it for Us? Benevolence, National Security, and Digital Surveillance // Public Administration Review. 2021. Vol. 81. № 5. P. 862–873.
10. Huang T. Psychological Factors Affecting Potential Users' Intention to Use Autonomous Vehicles // PLoS one. 2023. Vol. 18. № 3. P. e0282915.
11. Kostka G. Digital Doubters in Different Political and Cultural Contexts: Comparing Citizen Attitudes Across Three Major Digital Technologies // Data & policy. 2023. № 5. P. e27.
12. Marangunic N., Granic A. Technology Acceptance Model: A Literature Review from 1986 to 2013 // Universal access in the information society. 2015. Vol. 14. № 1. P. 81–95.
13. Tang J. et al. Quantitative Study of Individual Emotional States in Social Networks // IEEE Transactions on Affective Computing. 2011. Vol. 3. № 2. P. 132–144.

14. Tretiakov A., D'Antonio-Maceiras S., Martín A. Topic Modeling in Telegram Channels During the Russia-Ukraine Conflict // International Conference on Intelligent Data Engineering and Automated Learning. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 493–504.
15. Venkatesh V. et al. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View // MIS quarterly, 2003. P. 425–478.

Информация об авторе

БОЧАРОВА Александра Павловна. Младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ. <https://orcid.org/0000-0002-2167-8342>. Адрес: Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20. apbocharova@hse.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 3 ноября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 12 января 2026 г. Принята к публикации: 1 февраля 2026 г. Опубликовано: 1 марта 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. International Internet Management / E.S.Zinovieva, A.A.Ignatov, A.A.Ulanov, E.L.Sidorenko, A.V.Sytnik, M.M.Bazlutskaya, N.Yu.Silaev, V.E.Taran, I.O.Yanikeeva; edited by E.S.Zinovieva. Moscow, 2025:186 [In Russian].
2. Ostrovskaya E. A. Alternative Media Discourse about the ROC (Russian Orthodox Church): Orthodox Telegram Channels. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2022; 2(168):454–476 [In Russian].
3. Rudenko M.N., Chernyavsky S.V., Chernyavsky V.S., Subbotina Yu.D. Import Substitution of Information and Communication Technologies in Russia. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Tomsk State University Journal of Economics]. 2022; 58:77–87 [In Russian]. <https://doi.org/10.17223/19988648/58/5>.
4. Soloviev V.A. Dynamics of Ideological Polarization in the Space of Russian-Language Telegram Channels: Machine Learning Modeling. Politicheskaya nauka [Political Science]. 2025; 1:240–259 [In Russian].
5. Almahri F.A.A.J., Saleh N.I.M. Insights into Technology Acceptance: A Concise Review of Key Theories and Models. Innovative and Intelligent Digital Technologies; Towards an Increased Efficiency. 2025; 2:797–807 [In English].
6. Boussalis C., Craig C., Rudkin A.F. Collective Victimhood Narratives in Far-Right Communities on Telegram. Information, Communication & Society. 2025; 28(8):1407–1424 [In English].
7. Chaudhry B.M., Shafeie S., Mohamed M. Theoretical Models for Acceptance of Human Implantable Technologies: a Narrative Review. Informatics. MDPI. 2023; 10(3):69 [In English].

8. Davis F.D. Perceived Usefulness, Perceived Ease of Use, and User Acceptance of Information Technology. MIS Quarterly. 1989; 13(3):319–340 [In English].
9. Degli Esposti S., Ball K., Dibb S. What's in it for Us? Benevolence, National Security, and Digital Surveillance. Public Administration Review. 2021; 81(5):862–873 [In English].
10. Huang T. Psychological Factors Affecting Potential Users' Intention to Use Autonomous Vehicles. PLoS One. 2023; 18(3):e0282915 [In English].
11. Kostka G. Digital Doubters in Different Political and Cultural Contexts: Comparing Citizen Attitudes Across Three Major Digital Technologies. Data & Policy. 2023; 5:e27 [In English].
12. Marangunic N., Granic A. Technology Acceptance Model: A Literature Review from 1986 to 2013. Universal Access in the Information Society. 2015; 14(1):81–95 [In English].
13. Tang J. et al. Quantitative Study of Individual Emotional States in Social Networks. IEEE Transactions on Affective Computing. 2011; 3(2):132–144 [In English].
14. Tretiakov A., D'Antonio-Maceiras S., Martín A. Topic Modeling in Telegram Channels During the Russia-Ukraine Conflict. International Conference on Intelligent Data Engineering and Automated Learning. Cham: Springer Nature Switzerland. 2024:493–504 [In English]. https://doi.org/10.1007/978-3-031-77731-8_44.
15. Venkatesh V. et al. User Acceptance of Information Technology: Toward a Unified View. MIS Quarterly, 2003; 27(3):425–478 [In English].

About the author

Alexandra P. BOCHAROVA. Junior Research Fellow, Center for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), National Research University Higher School of Economics. <https://orcid.org/0000-0002-2167-8342>. Address: 20, Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation. apbocharova@hse.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 3, 2025. Approved after review: January 12, 2026. Accepted for publication: February 1, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Анализ реакции Telegram-канала «Russia Today на русском» позволяет выявить и описать специфическую модель поведения в условиях внезапного политического кризиса, которую мы определяем как «избирательный шок». Далее мы последовательно докажем существование этой модели на основе трех типов анализа.

Стребкова К.Е., Мальцева Д.А., Алейников А.В.

«Избирательный шок» как модель когнитивной реакции: сентимент-анализ и тематическое моделирование освещения Russia Today покушения на Д.Трампа

Если экспертные рейтинги оценивают ее [цифровизацию] через политические категории участия, плюрализма и свободы слова (подверженные контекстной и идеологической интерпретации), то GASI рассматривает цифровизацию как технический процесс перераспределения власти и данных, где каждый параметр (рента, цифровое покрытие, алгоритмизация) имеет количественное выражение и независим от политических установок.

Бочаров Ю.Б.

Индекс цифрового суверенитета GASI: выявление политизации глобальных рейтингов демократии и новые параметры сетевых режимов

Политические сети предстают как гибридные инфраструктуры, чья роль заключается не только в координации акторов, но и в структурировании самого поля глобальной политики.

Таранец В.А.

Политические сети как инфраструктуры глобального управления

Рост доли сообщений с идеологической и ценностной нагрузкой, в особенности в период с конца 2024 г. до середины 2025 г., возможно интерпретировать как переход к мобилизационной стратегии и стремление консолидировать электорат в преддверии выборов на основе общей идентичности и национальных ценностей.

Шпак М.А.

Трансформация официального публичного дискурса Аргентины в период правления Х.Милея (2023–2025 гг.)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научная статья

УДК 327.82 : [004.738.5 + 81'322]

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-208-230](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-208-230)

Политические науки

«Избирательный шок» как модель когнитивной реакции: sentiment-анализ и тематическое моделирование освещения Russia Today покушения на Д.Трампа

Карина Евгеньевна Стребкова^{12a}, Дарья
Александровна Мальцева^{12b}, Андрей Викторович
Алейников^{1c}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

^a streb.karina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7017-1310>

^b maltseva-da@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0213-6919>

^c a.alejnikov@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2942-5021>

Аннотация. Настоящая статья предлагает междисциплинарную теоретическую рамку для анализа аффективных и структурных сдвигов в медиаполе в условиях политических кризисов, основанную на двухсистемной модели мышления Д.Канемана. Предлагаемый подход апробируется на материале освещения государственным медиа Russia Today (RT) шокового события – покушения на Д.Трампа

14 июля 2024 г. в Пенсильвании. С помощью комплексного применения sentiment-анализа и тематического моделирования к корпусу из 1 260 сообщений Telegram-канала исследование выявляет модель «избирательного шока». Данная модель характеризуется мгновенной, но краткосрочной концентрацией редакционных ресурсов на шоковом событии (активация Системы 1), которая сопровождается резким пиком негативной тональности, достигающим максимального значения за весь исследуемый период. Тематический анализ подтверждает, что этот аффективный пик достигается за счет почти полной монополизации информационной повестки кризисным сюжетом, занимающим более 70% дневного покрытия и вытесняющим все прочие темы. После краткого периода максимальной эмоциональной интенсивности наблюдается быстрый «сброс» темы и возвращение к рутинной редакционной политике с восстановлением политематической структуры повестки. Результаты показывают, что когнитивные паттерны государственных медиа могут быть детерминированы их институциональной ролью и стратегическими задачами в контексте глобального информационного противостояния. Работа вносит вклад в развитие методологии исследований международной безопасности, предлагая инструментарий для количественного измерения когнитивных паттернов в медиадискурсе и открывая перспективы для изучения информационных операций в цифровую эпоху и разработки стратегий устойчивости к аффективным манипуляциям и дезинформационным кампаниям.

Ключевые слова: двухсистемная модель мышления, Система 1, sentiment-анализ, тематическое моделирование, государственные СМИ, политический кризис, информационная война, Russia Today, избирательный шок

Для цитирования: Стребкова К.Е., Мальцева Д.А., Алейников А.В. «Избирательный шок» как модель когнитивной реакции: sentiment-анализ и тематическое моделирование освещения Russia Today покушения на Д.Трампа // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 208-230, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-208-230](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-208-230)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-208-230](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-208-230)

Political Sciences

“Selective Shock” as a Cognitive Response Model: A Sentiment and Topic Modeling Analysis of Russia Today’s Coverage of the Trump Assassination Attempt

Karina E. Strebkova^{12a}, Daria A. Maltseva^{12b}, Andrei V. Aleinikov^{1c}

¹ Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

² RUDN University, Moscow, Russian Federation

^a streb.karina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7017-1310>

^b maltseva-da@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0213-6919>^c a.alejnikov@spbu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2942-5021>

Abstract. This article proposes an interdisciplinary framework, based on Daniel Kahneman's dual-system model of thought, to analyse the affective and structural shifts within the media landscape during political crises. The proposed framework is applied to the coverage by the state-affiliated outlet Russia Today (RT) of the shock event – the assassination attempt on Donald Trump – on July 14, 2024. Using an integrated application of sentiment analysis and topic modelling, the study identifies the "selective shock" model. This model is characterized by an immediate but short-term concentration of editorial resources on the event (a System 1 activation), accompanied by a sharp peak in negative sentiment. The topic modeling confirms that this affective peak is achieved through the near-total monopolization of the news agenda by the crisis narrative. Following a brief period of maximum emotional intensity, there is a rapid "reset" back to the routine editorial policy. The findings indicate that the cognitive patterns of state media can be determined by their institutional role and strategic objectives within the context of global information confrontation. The paper contributes to the methodology of international security studies by offering an analytical toolkit for the quantitative measurement of cognitive patterns within media discourse and opening perspectives for studying information operations in the digital age.

Keywords: Dual-System Model of Thought, System 1, Sentiment Analysis, Topic Modeling, State Media, Political Crisis, Information Warfare, Russia Today, Selective Shock

For citation: Strebkova K.E., Maltseva D.A., Aleinikov A.V. "Selective Shock" as a Cognitive Response Model: A Sentiment and Topic Modeling Analysis of Russia Today's Coverage of the Trump Assassination Attempt. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 1(19): 208-230, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-208-230](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-208-230)

Введение

Когнитивное измерение в исследованиях международных отношений

Трансформация природы международных конфликтов в XXI в. выдвинула на передний план новые формы противостояния, где традиционные военные инструменты дополняются или замещаются информационными операциями [10]. События последних лет – от вмешательства в избирательные процессы до масштабных дезинформационных кампаний – демонстрируют критическую важность понимания механизмов информационного воздействия на глобальную аудиторию [15]. В этих условиях медиа становятся активными акторами международных отношений, формирующими восприятие политических событий и влияющими на дипломатические процессы [17].

В этом контексте когнитивное измерение международной безопасности приобретает особое значение. Исследования показывают, что успешность информационных операций во многом зависит от способности активировать эмоциональные реакции целевой аудитории, обходя рациональные механизмы критической оценки информации [19]. Это превращает понимание когнитивных

механизмов обработки политической информации в вопрос национальной безопасности [22]. Однако методологический разрыв между теоретическим пониманием важности исследования работы когнитивных процессов в международных отношениях и эмпирическими возможностями их изучения препятствует развитию эффективных защитных стратегий в информационной сфере [1]. Дипломаты и политические аналитики нуждаются в инструментах, позволяющих быстро оценивать характер и интенсивность реакций на международные события, предсказывать траектории развития информационных кризисов и разрабатывать адекватные ответные меры [4], при этом традиционный анализ контента требует значительных ресурсов и не может быть масштабирован для обработки больших объемов данных [11].

Настоящая статья предлагает и апробирует междисциплинарную теоретическую рамку, объединяющую подходы когнитивистики, теории международных отношений и анализа медиа. Центральным элементом предлагаемого подхода выступает двухсистемная модель мышления Д.Канемана и А.Тверски [16], интегрированная с методами цифрового анализа и теоретическими концепциями гибридных угроз и информационной войны из области исследований международной безопасности (см., например: [10]). Из теории международных отношений мы также заимствуем, во-первых, понимание информационного пространства как стратегической среды, где государственные и негосударственные акторы конкурируют за формирование восприятий, нарративов и реакций целевых аудиторий (см., например: [4]), во-вторых, конструктивистское представление о медиа как агентах конструирования социальной реальности международной политики [3] и, в-третьих, концепцию медиаакторов как встроенных в более широкие структуры геополитического противостояния [24]. Эта междисциплинарная интеграция позволяет интерпретировать выявленные когнитивные паттерны как проявления различных доктрин информационного воздействия и стратегических логик различных типов акторов в условиях глобального информационного конфликта.

Двухсистемная модель мышления: от индивидуальной когниции к медиадискурсу

Двухсистемная модель мышления, разработанная Д.Канеманом и А.Тверски в рамках поведенческой экономики, представляет собой одну из наиболее влиятельных теоретических рамок для понимания процессов принятия решений [9]. Согласно этой модели, человеческое мышление функционирует посредством двух различных систем обработки информации.

Система 1 характеризуется быстротой, автоматичностью и интуитивностью. Она оперирует на основе эмоций, ассоциаций и эвристик, обеспечивая мгновенные реакции на внешние стимулы без осознанного контроля [21]. В контексте обработки информации Система 1 имеет более высокий показатель склонности к искажениям, в отличие от Системы 2, которая, напротив, функционирует медленно, требует

сознательных усилий и характеризуется аналитическим подходом к решению проблем [7]. Она активизируется при необходимости выполнения сложных вычислений, логических рассуждений или принятия взвешенных решений. Система 2 способна контролировать и корректировать импульсы Системы 1, однако этот процесс требует когнитивных ресурсов и времени [25].

Критически важным для данного исследования является понимание того, как эти когнитивные процессы проявляются на уровне дискурса. Адаптация двухсистемной модели для анализа медиакommunikации предполагает, что реакции Системы 1 в медиапространстве проявляются через мгновенные эмоциональные отклики на события, выражающиеся в резких изменениях тональности публикаций, использовании аффективно заряженной лексики и преобладании эмоциональных оценок над фактологическим анализом [26]. В то время как реакции Системы 2 выражаются в аналитических материалах и экспертных комментариях [20].

Ключевая гипотеза настоящего исследования заключается в том, что для акторов с четко определенными идеологическими рамками, таких как государственные СМИ, кризисные события служат триггером для мощной и немедленной активации Системы 1. Данная теоретическая рамка позволяет операционализировать различия в когнитивной обработке политических событий через количественные показатели медиадискурса. Сентимент-анализ в этом контексте выступает инструментом измерения интенсивности эмоциональной реакции, отражая работу Системы 1. Тематическое моделирование, в свою очередь, позволяет выявить структурный механизм этой реакции – как именно происходит когнитивная фокусировка на кризисном событии через монополизацию тематической повестки. Настоящая работа рассматривается как апробация предлагаемой методологии на единственном акторе (государственном медиахолдинге), что позволяет выявить тип институциональной реакции и зафиксировать когнитивные паттерны Системы 1 на макроуровне, минимизируя шум, свойственный децентрализованным медиа.

Материалы и методы

Политический кризис как естественный квазиэксперимент

Фундаментальной сложностью при изучении механизмов массового восприятия медиаконтента является разграничение реакций: пространство представляет собой зашумленную среду, где эффекты множества равнозначных стимулов накладываются друг на друга, что не позволяет изолировать и достоверно измерить конкретные когнитивные механизмы. В таких условиях для проверки гипотезы о первичной активации эмоционально-эвристических моделей мышления (Системы 1) было принято решение использовать реакции на непредсказуемое событие в качестве модели, созданной естественным путем. Оно должно быть независимым (неожиданное и не запланированное), релевантным для исследуемого медиапространства, а также

достаточно выраженным, что четко разрывает «рутинное» течение времени и позволяет создать контрольный («до») и тестовый («после») периоды. Выбор события такого типа продиктован необходимостью создать состояние, в котором смена когнитивного режима обработки информации становится видимой и измеримой. Это позволяет проанализировать базовые механизмы функционирования информационного поля, преодолевая интерференционные процессы.

Политический кризис как естественный квазиэксперимент в полной мере соответствует обозначенным методологическим требованиям. Следует отметить, что политический кризис в данном контексте трактуется как внезапное событие, создающее ситуацию высокой неопределенности, угрожающее стабильности политических институтов и требующее немедленной реакции со стороны акторов [6]. Такие события обладают рядом специфических характеристик, делающих их достаточно хорошими естественными экспериментами для изучения когнитивных механизмов обработки политической информации.

Во-первых, как правило, политические кризисы характеризуются темпоральной дискретностью – они позволяют установить границу между «до» и «после» события [14]. Это критически важно для идентификации причинно-следственных связей: изменения в паттернах медиареакций, наблюдаемые сразу после момента кризиса, могут быть с высокой степенью уверенности атрибутированы именно этому событию. В отличие от медленно развивающихся процессов (например, экономические тренды, демографические сдвиги), где установление каузальности проблематично, кризис создает естественную точку разрыва в потоке событий.

Во-вторых, политические кризисы обладают высокой медиагенностью (media salience) – они неизбежно становятся доминирующим фокусом внимания СМИ, вытесняя на периферию другие темы [27]. Это решает проблему «зашумленности» информационного пространства: в момент кризиса множество параллельных стимулов временно отступают на второй план, создавая относительно чистую среду, где влияние конкретного события может быть изолировано и измерено. Эффект тематической конвергенции, наблюдаемый во время кризисов, функционирует как естественный контроль посторонних переменных.

В-третьих, политические кризисы требуют интерпретативной реакции со стороны медиаакторов [23]. В отличие от плановых событий, где редакции имеют время для подготовки нарративов и координации позиций, кризис застает акторов врасплох, вынуждая их реагировать в режиме реального времени. Это создает условия для наблюдения менее отрефлексированных паттернов поведения, что позволяет выявить базовые институциональные и идеологические установки, которые особенно ярко проявляются у акторов с четко заданной редакционной политикой, таких как государственные СМИ.

Наконец, политические кризисы не могут быть воспроизведены экспериментально по этическим и практическим соображениям, что делает использование естественно возникающих кризисов единственным возможным способом их изучения. Попытка создать искусственный политический кризис для

исследовательских целей была бы методологически проблематичной, поскольку участники осознавали бы экспериментальный характер ситуации, что неизбежно искажало бы их реакции.

Таким образом, политический кризис представляет собой методологически оптимальную модель для изучения когнитивных механизмов обработки политической информации в медиадискурсе. Он сочетает характеристики контролируемого эксперимента (четкая темпоральная граница, изоляция эффекта, минимизация конфаундеров) с преимуществами наблюдения реальных процессов (экологическая валидность, подлинность реакций, невозможность искажения через осведомленность участников). Использование кризиса как квазиэкспериментальной модели позволяет преодолеть фундаментальное противоречие между внутренней и внешней валидностью, характерное для исследований политической коммуникации [2].

В качестве события было выбрано покушение на Д.Трампа, произошедшее 14 июля 2024 г. и в полной мере соответствующее ранее определенным критериям. Покушение на политического лидера такого уровня является по своей природе непредсказуемым актом, который невозможно спрогнозировать на основе предшествующего анализа информационного поля. Это позволило четко разделить временной ряд на контрольный («до») и тестовый («после») периоды, обеспечив чистоту условий и минимизировав влияние посторонних переменных. Кроме того, событие обладает исключительной информационной доминантой в российском медиапространстве, что необходимо для нивелирования интерференционных эффектов. Фигура Д.Трампа и потенциальные последствия покушения на его жизнь являются значимыми факторами в контексте российско-американского диалога, обеспечивая вовлеченность российского медиаполя в освещение и интерпретацию события.

Данное событие рассматривается как политический кризис, поскольку оно напрямую угрожает стабильности ключевых политических институтов, создает ситуацию неопределенности и форсирует немедленную реакцию со стороны всех значимых политических акторов. Покушение на Д.Трампа было направлено на кандидата в президенты в разгар избирательной кампании, что представляло собой прямое посягательство на фундаментальные основы демократического процесса – институт выборов и принцип мирной конкуренции¹. Событие мгновенно породило каскад критических неопределенностей: относительно здоровья и дееспособности кандидата², мотивов нападавшего³, вероятности эскалации внутривнутриполитического

1 Lerner K. Trump rally shooting comes amid rise in support for political violence. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/article/2024/jul/13/trump-rally-shooting-political-violence>.

2 Colvin J., Condon B. Trump campaign releases letter on his injury, treatment after last week's assassination attempt. URL: <https://apnews.com/article/trump-ronny-jackson-shooting-medical-report-e95a2888cd5eeb64820d6fa789b03463>.

3 FBI National Press Office. Update on the FBI Investigation of the Attempted Assassination of Former President Donald Trump. URL: <https://www.fbi.gov/news/press-releases/update-on-the-fbi-investigation-of-the-attempted-assassination-of-former-president-donald-trump>.

насилия⁴ и исхода президентских выборов в США⁵. Таким образом, выбор данного события позволяет исследовать фундаментальные механизмы ответа информационной системы на острый политический кризис.

Для анализа был определен симметричный четырехнедельный период, охватывающий две недели до (1–13 июля 2024 г.) и две недели после (15–28 июля 2024 г.) покушения на Д.Трампа. Выбор именно такого временного интервала является методологически обоснованным компромиссом, нацеленным на решение двух ключевых задач.

Двухнедельный период, предшествующий событию, позволяет зафиксировать репрезентативную «базовую линию» состояния медиаполя. Более короткий интервал (например, одна неделя) мог бы оказаться подвержен случайным флуктуациям и не отразить стабильное состояние информационной повестки. В то же время более длительный период увеличивал бы риск попадания в выборку других значимых, но не связанных с основным исследованием событий, которые могли бы исказить чистоту контрольных данных. Таким образом, двухнедельный срок является достаточным для фиксации устойчивой нормы, минимизируя при этом риск внешних искажений.

Двухнедельный период после события необходим для того, чтобы отследить полный цикл информационной реакции на кризис. Этот интервал позволяет не только зафиксировать момент непосредственного воздействия и острую фазу, но и проанализировать динамику аффекта. Ограничение периода одной неделей не позволило бы оценить продолжительность и характер «шлейфа» последствий, в то время как его чрезмерное расширение привело бы к размыванию эффектов на фоне новых информационных поводов.

Эмпирическая база исследования

Материалом для настоящего исследования послужили текстовые сообщения, опубликованные в русскоязычном Telegram-канале «RT на русском» (@rt_russian). Выбор данной платформы обусловлен наличием четко измеримой аудиторией (1 060 990 подписчиков на 28.10.2025) и высоким индексом цитируемости (свыше 20 814,4, по данным TGStat, на 28.10.2025). Выбор канала в качестве единственного объекта исследования обусловлен его ключевой ролью в медиасистеме и сфере международных отношений. RT является официальным государственным средством массовой информации, формирующим российскую внешнеполитическую повестку и отражающим позицию государственных элит. В рамках выбранного дизайна исследования «RT на русском» является репрезентативным примером государственного актора, действующего в поле стратегических коммуникаций

4 Abbruzzese J. Amid Trump assassination attempt, fears of political violence reach new heights. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/politics-news/shooting-donald-trump-rally-fears-political-violence-reach-new-heights-rcna161749>.

5 Steiner M. The Trump assassination attempt changes everything. URL: <https://therealnews.com/the-trump-assassination-attempt-changes-everything>.

и обладающего значительными возможностями по конструированию повестки. Сосредоточение анализа на одном субъекте позволяет детально верифицировать внутренний процесс переключения когнитивных режимов (от Системы 1 к Системе 2), исключая побочные переменные, возникающие при сравнении гетерогенных медиа с различными редакционными стандартами.

Сбор данных осуществлялся при помощи официального приложения платформы Telegram. Общий объем выгруженных данных составил 1 574 сообщения, из которых после предварительной обработки для анализа был отобран корпус из 1 260 текстовых документов. Данный корпус представляет собой исчерпывающую совокупность публичных сообщений, опубликованных каналом RT в указанные периоды.

Процедура предварительной обработки текстовых данных

После сбора первичный корпус данных, полученный в формате JSON (JavaScript Object Notation), был подвергнут многоэтапной процедуре предварительной обработки с целью нормализации текста и извлечения значимых лексических единиц для последующего анализа. Весь процесс был реализован с использованием языка программирования Python 3.12 и специализированных библиотек для обработки естественного языка.

Первым этапом стала селекция и очистка данных. Из всего массива сообщений были отфильтрованы и удалены объекты, не содержащие текстового поля (text). Далее из оставшихся текстовых сообщений была проведена экстракция (извлечение текстовых фрагментов из сложной структуры JSON-объекта) и конкатенация (последовательное объединение текстовых фрагментов в единую строку) для каждого сообщения, что позволило работать с цельными документами.

На втором этапе производилась нормализация текста. Каждое сообщение было приведено к нижнему регистру для устранения различий в написании. С использованием регулярных выражений (модуль re в Python) из текста были удалены все неалфавитные элементы и «шум»: URL-адреса, HTML-теги, эмодзи, хештеги, упоминания пользователей (@username), а также цифры и знаки препинания, за исключением дефисов внутри слов. Множественные пробельные символы были заменены на одинарные.

Третьим этапом стали сокращение размерности признакового пространства и унификация лексем. Для решения этой задачи был использован инструментальный библиотеки SpaCy и ее предобученная модель для русского языка ru_core_news_sm. Процесс включал в себя токенизацию (каждый текст был разделен на отдельные лексические единицы – токены), лемматизацию (для каждого токена была определена его начальная словарная форма), удаление стоп-слов (высокочастотных единиц, семантикой которых можно пренебречь). Использовался стандартный список стоп-слов для русского языка из библиотеки NLTK, который был дополнительно расширен специфичными для контекста терминами, такими как названия самих

Telegram-каналов (например, «rt»), чтобы исключить их влияние на результаты тематического моделирования.

Итогом стал финальный корпус данных, представляющий собой набор документов, где каждое сообщение преобразовано в последовательность нормализованных, очищенных от шума лемм, послуживших материалом для проведения сентимент-анализа и тематического моделирования.

Динамический сентимент-анализ как метод измерения аффективной реакции

Одной из основных задач исследования является количественное измерение аффективной реакции информационного поля на внешнее событие. Для решения этой задачи был применен метод динамического сентимент-анализа, который позволяет преобразовать качественные характеристики текстовых сообщений (их эмоциональную окраску) в количественные временные ряды, что делает возможным объективную фиксацию и анализ изменений в тональности медиадискурса.

В контексте теоретической рамки, основанной на двухсистемной модели мышления, сентимент-анализ выступает в качестве инструмента для эмпирической верификации гипотезы об активации «Системы 1». Предполагалось, что внешнее событие вызовет резкий, измеримый провал в интегральной тональности медиополя. Таким образом, ожидаемым результатом является демонстрация существенного сдвига среднего значения сентимента по всему корпусу сообщений за определенный день по сравнению с предшествующим периодом. Анализ подвергался очищенный и лемматизированный корпус текстов, полученный на процедуре предварительной обработки.

Техническая реализация процедуры сентимент-анализа была осуществлена с использованием современных подходов в области обработки естественного языка, основанных на трансформерной архитектуре. Был выбран инструментальный библиотеки Hugging Face Transformers, которая является индустриальным стандартом для работы с предобученными языковыми моделями. В качестве основной модели была использована blanchefort / rubert-base-cased-sentiment-rusentiment⁶, так как она специально обучена на задаче определения тональности для русского языка на размеченном корпусе RuSentiment и способна классифицировать тексты по трем категориям: POSITIVE (позитивный), NEGATIVE (негативный) и NEUTRAL (нейтральный).

Процедура анализа для каждого сообщения включала следующие шаги. Текст сообщения подавался на вход инициализированного pipeline библиотеки Transformers. Модель возвращала для каждого текста метку класса (например, NEGATIVE) и степень уверенности в этой классификации (score) в диапазоне от

⁶ Rogers A., Romanov A., Rumshisky A., Volkova S., Gronas M., Gribov A. RuSentiment: An Enriched Sentiment Analysis Dataset for Social Media in Russian. Proceedings of COLING 2018. URL: <https://huggingface.co/blanchefort/rubert-base-cased-sentiment-rusentiment>.

0,0 до 1,0. Для получения единого, континуального показателя интенсивности тональности результаты были преобразованы в интегральный балл сентимента (sentiment score) по следующей формуле: для позитивных сообщений балл принимался равным score, для негативных – -score, а для нейтральных – 0,0. Таким образом, каждое сообщение получило оценку в непрерывном диапазоне от -1,0 (максимально негативная тональность) до +1,0 (максимально позитивная тональность).

На финальном этапе была произведена агрегация данных на ежедневной основе. Все сообщения были сгруппированы по дате публикации, и для каждого дня был вычислен средний балл сентимента по всему корпусу сообщений за этот день, а также общее количество сообщений. Полученный временной ряд средних дневных значений сентимента стал основным объектом для анализа и визуализации, позволив наглядно отследить динамику эмоциональной реакции медиаполя на стимул.

Тематическое моделирование для анализа содержательной структуры дискурса

Если сентимент-анализ позволил измерить интенсивность аффективной реакции, то для анализа ее содержательного наполнения и структурных сдвигов был применен метод динамического тематического моделирования. Необходимость этого шага продиктована гипотезой исследования: внешнее событие не только вызывает эмоциональную волну, но и приводит к резкому сужению и фокусировке всей информационной повестки. Анализу подвергался тот же лемматизированный корпус текстов.

В качестве основного инструмента был выбран алгоритм BERTopic, основанный на использовании трансформерных языковых моделей, который позволяет получать более когерентные и интерпретируемые темы по сравнению с классическими вероятностными моделями [12]. Техническая реализация процедуры представляла собой вычислительный пайплайн, который применялся в цикле для каждого дня в исследуемых периодах.

На первом этапе было произведено обучение общей модели на всем корпусе текстовых данных за исследуемый период. Этот процесс позволил выявить крупные, семантически устойчивые макротемы, формирующие основу дискурса. Технически этот этап был реализован с использованием алгоритма BERTopic. Корпус лемм был векторизован с помощью предобученной модели-трансформера cointegrated/rubert-tiny2. Последующее снижение размерности векторов осуществлялось алгоритмом UMAP, а кластеризация – с помощью HDBSCAN, настроенного на поиск значимых по объему тематических групп. Ключевой особенностью пайплайна стало использование усовершенствованной модели представления тем KeyBERTInspired⁷.

⁷ Grootendorst M. KeyBERT: Minimal keyword extraction with BERT. URL: <https://github.com/MaartenGr/KeyBERT>.

Данная модель была выбрана ввиду ее способности определять семантическое ядро кластера, что позволяет получать более когерентные и интерпретируемые наборы ключевых слов по сравнению со стандартными частотными методами, такими как c-TF-IDF.

На втором этапе обученная глобальная модель была использована в качестве классификатора. Каждое отдельное сообщение из всего корпуса было обработано моделью, в результате чего ему был присвоен идентификатор одной из ранее выявленных стабильных макротем. Итогом всей процедуры стал детализированный набор данных, где каждому сообщению в корпусе сопоставлена метка конкретной темы. Для обеспечения валидности и надежности результатов автоматического тематического моделирования был проведен дополнительный этап экспертного контроля качества. Из общего корпуса была сформирована случайная стратифицированная выборка, включающая 300 сообщений (приблизительно 5% от общего объема), пропорционально представляющая все выделенные тематические кластеры. Каждое сообщение из этой выборки было проанализировано лингвистом-экспертом, который оценивал соответствие содержания текста присвоенной ему тематической метке. Данная процедура контроля не выявила существенных аномалий или систематических ошибок в работе модели, подтвердив высокую степень когерентности и интерпретируемости полученных тематических кластеров. Такая структура выходных данных, верифицированная экспертной оценкой, позволила провести точный и надежный анализ тематической структуры медиаповестки.

Важно отметить, что полученные моделью списки ключевых слов требовали дальнейшей интерпретации для присвоения им содержательных названий. Для обеспечения консистентности этого процесса извлеченные для каждой темы списки ключевых слов были представлены для анализа большой языковой модели Google Gemini, которая присвоила семантически обобщающий заголовок каждой теме.

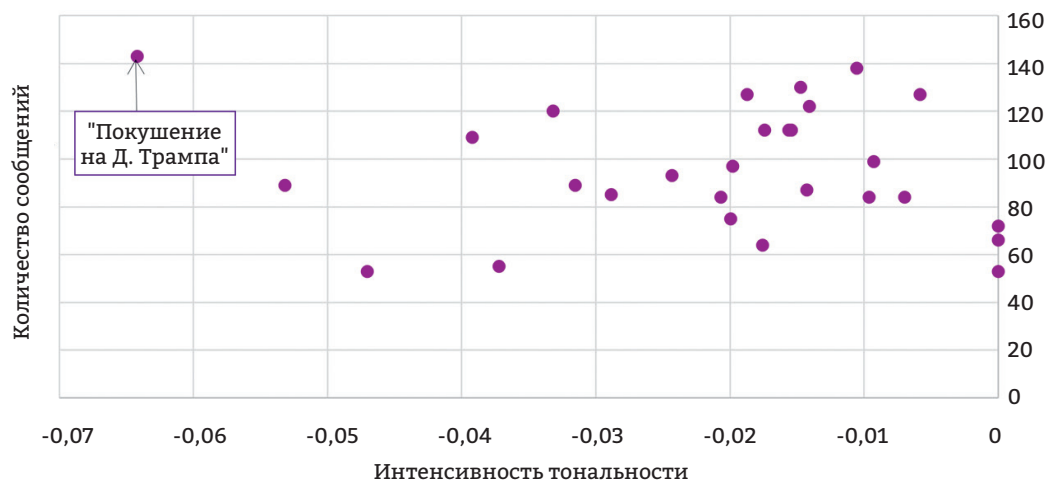
Результаты исследования

Анализ реакции Telegram-канала «Russia Today на русском» позволяет выявить и описать специфическую модель поведения в условиях внезапного политического кризиса, которую мы определяем как «избирательный шок». Далее мы последовательно докажем существование этой модели на основе трех типов анализа.

Анализ диаграммы рассеяния (рисунок 1) показал системный сдвиг практически всей совокупности данных в область отрицательных значений сентимента (ось абсцисс от 0 до -0,07). Наблюдение о том, что рутинная повестка данного канала практически лишена позитивно окрашенных сообщений, свидетельствует, что негативная рамка является базовым состоянием редакционной политики.

Рисунок 1. Соотношение количества сообщений и интенсивности тональности Telegram-канала «Russia Today на русском»

Figure 1. Relationship between Message Count and Sentiment Intensity on the Russia Today (RT) Telegram Channel

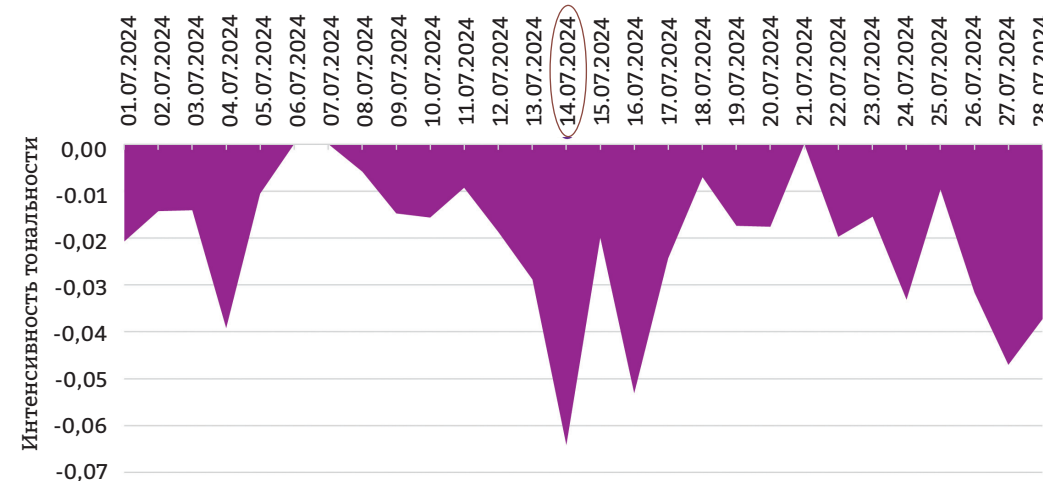
Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

На этом негативном фоне выделяется одна точка, соответствующая дню покушения на Д.Трампа. Данное наблюдение представляет собой выброс. Во-первых, оно характеризуется высоким количеством сообщений (более 140 публикаций). Это говорит о мобилизации редакционных ресурсов и полном захвате повестки дня одним событием. Во-вторых, эта точка одновременно занимает крайнее левое положение на оси тональности, демонстрируя максимальное значение негативной интенсивности ($X \approx -0,064$) за весь период. День покушения становится точкой, в которой информационная активность и негативная тональность достигают своих абсолютных максимумов одновременно. Это свидетельствует о том, что данное событие было воспринято редакцией как возможность для немедленной и интенсивной трансляции аффективно заряженного контента. Совмещенный пик информационной и аффективной интенсивности является ключевым визуальным доказательством существования модели «избирательного шока».

Для дальнейшего изучения динамики реакции был построен линейный график, отражающий ежедневные изменения интенсивности тональности для канала RT (Рисунок 2). Эта визуализация детализирует выводы, сделанные на основе анализа диаграммы рассеяния, и позволяет выявить сложную, многоэтапную модель реакции государственного медиа на кризис.

Рисунок 2. Динамика интенсивности тональности по дням Telegram-канала «Russia Today на русском»

Figure 2. Dynamics of Daily Sentiment Intensity of the Telegram Channel "Russia Today (RT) in Russian"

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

Докризисный период на графике (до 14 июля) характеризуется стабильно негативной волатильной тональностью. Отправной точкой самого кризисного события служит 14 июля. В этот день происходит резкий, обвальный провал тональности до абсолютного минимума за весь исследуемый период, что свидетельствует о мгновенной аффективной реакции на событие. Однако это падение является началом пролонгированной, но краткосрочной фазы негативности. Ключевым наблюдением является то, что сразу после достижения пика тональность формирует характерный V-образный отскок. Как показывает график, медиаполе немедленно начинает возвращаться к своим рутинно-негативным базовым значениям. Такая динамика мгновенного «удара» и быстрого «отката» свидетельствует о краткосрочном характере реакции, нацеленной на максимальный эффект в момент шока. Чтобы понять содержательную механику этого процесса, необходимо обратиться к тематическому анализу повестки дня (Таблица).

«Докризисный» период (1–13 июля) характеризуется политематической структурой, где отсутствует единая доминанта. Внимание редакции распределено между несколькими крупными блоками, такими как «Дипломатия и стратегические вызовы» (20,5%), «Хроника военных действий и оборонной политики» (16,7%) и «Правотворчество и правоприменение: от законопроекта до вердикта» (12,2%). Данная структура соответствует стандартному режиму функционирования.

Картина меняется 14 июля. В этот день происходит практически монополизация информационного поля одним сюжетом: тема «Покушение на Дональда Трампа»

Таблица. Тематическое моделирование медиаконтента Telegram-канала «Russia Today на русском»

Table. Results of the Topic Modeling Analysis of the Telegram Channel "Russia Today (RT) in Russian"

Период	Тема	Относительный объем темы, %	Выброс, %
1.07.2024 – 13.07.2024	Дипломатия и стратегические вызовы	20,5	24,3
	Хроника военных действий и оборонной политики	16,7	
	Правотворчество и правоприменение: от законопроекта до вердикта	12,2	
	Предвыборные кампании и борьба за власть	7,7	
	Чрезвычайные происшествия, атаки и бедствия	7,6	
	Погодные аномалии и катаклизмы	4,5	
	Государственный контроль и информационная война	4,5	
14.07.2024	Резонансные события в мире спорта и культуры	2	15,4
	Покушение на Д.Трампа	70,7	
	Погодные аномалии и катаклизмы	7,7	
	Дипломатия и стратегические вызовы	4,2	
15.07.2024 – 28.07.2024	Военные события и действия разведки	2	27,2
	Правотворчество и правоприменение: от законопроекта до вердикта	12,8	
	Дипломатия и стратегические вызовы	10,3	
	Социальные конфликты и политические скандалы	9,3	
	Чрезвычайные происшествия, атаки и бедствия	8,8	
	Предвыборные кампании и борьба за власть	7	
	Резонансные события в мире спорта и культуры	6,7	
	Хроника военных действий и оборонной политики	4,2	
	Эскалация между Израилем, Йеменом и Ливаном	2,8	
	Технологии: сбои, обновления и безопасность	2,8	
	Погодные аномалии и катаклизмы	2,8	
	Истории о животных	2	
Покушение на Д.Трампа	1,8		
Финансовые потоки и поддержка экономики	1,5		

Источник: составлено авторами
Source: compiled by the authors

занимает 70,7% всей повестки дня. Именно эта концентрация на событии, являющемся по своей природе негативным, напрямую объясняет одновременный пик как информационной плотности (более 140 сообщений), так и негативной тональности, зафиксированный на предыдущих этапах анализа. Вытеснение всех потенциально нейтральных тем создает информационную среду, в которой доминирует аффект кризиса, что является структурным проявлением работы Системы 1.

Наиболее показательным является анализ «посткризисного» периода (15–28 июля), который демонстрирует резкую смену редакционной стратегии. Происходит быстрый «тематический сброс»: кризисная тема практически исчезает из повестки, которая возвращается к политематической структуре, сопоставимой с «докризисной» нормой. Это объясняет V-образную динамику сентимента, наблюдавшуюся на линейном графике: как только триггер максимальной негативности был удален из активной повестки, тональность немедленно вернулась к своим рутинно-негативным базовым значениям.

Таким образом, комплексный анализ подтверждает существование модели «избирательного шока», которая характеризуется тремя ключевыми признаками: 1) мгновенной и интенсивной негативной реакцией на триггерное событие; 2) краткосрочной, почти полной монополизацией тематической повестки; 3) быстрым «сбросом» кризисной темы и возвращением к рутинной редакционной повестке.

Ограничения

Настоящее исследование, будучи углубленным анализом одного модельного случая, имеет существенные ограничения, которые одновременно открывают направления для будущей работы.

Фокус на единственном акторе (Russia Today) не позволяет определить, является ли выявленная модель «избирательного шока» устойчивой характеристикой всех государственных медиа или она специфична для российской медиасистемы. В этом контексте важным направлением для дальнейших исследований является сравнительный анализ реакций государственных СМИ из разных стран для проверки универсальности обнаруженных когнитивных паттернов.

Необходимо учитывать гипотетическое различие в динамике реагирования государственных и негосударственных медиаакторов. Предполагается, что реакция децентрализованных коммерческих медиаструктур характеризовалась бы существенно меньшей степенью темпоральной синхронизации и более высокой тематической фрагментацией. В отличие от зафиксированной в данном исследовании консолидированной модели, плюралистическая медиаструктура, вероятно, продемонстрировала бы более сглаженную амплитуду негативного сентимента. Эмпирическая верификация данного различия позволит в дальнейшем дифференцировать универсальные психолингвистические механизмы реакции от институциональных стратегий, свойственных государственным акторам.

Единичность кризисного события, а именно – покушения на политического лидера, также накладывает ограничения. Иные когнитивные механизмы могут

активироваться в ответ на кризисы другой природы, например, экономические или техногенные. Будущие исследования должны быть направлены на изучение реакций RT на события различного типа, чтобы определить, является ли «избирательный шок» универсальной или ситуативной стратегией.

Временные рамки исследования (один месяц) позволили зафиксировать краткосрочную динамику реакций, но не дали возможности проанализировать долгосрочные эффекты влияния события на медиадискурс. Лонгитюдное расширение анализа могло бы выявить эти долгосрочные когнитивные эффекты.

Методологические ограничения связаны с использованием автоматизированных методов анализа текста, которые не могут полностью заменить качественный анализ для понимания тонких нюансов политической коммуникации. Интеграция количественных и качественных методов могла бы обеспечить более полную картину изучаемых процессов.

Платформоспецифические факторы также требуют особого внимания. Анализ проводился исключительно на данных Telegram-каналов, что может не отражать динамику других цифровых платформ с различными форматами контента. Включение более широкого круга медиа из различных стран, политических систем и языковых зон необходимо для проверки того, являются ли обнаруженные когнитивные архитектуры универсальными характеристиками определенных типов медиа или они культурно и контекстуально специфичны.

Обсуждение результатов

Несмотря на ограничения, связанные с анализом одного кейса, полученные результаты вносят значительный вклад в понимание механизмов обработки политической информации в современном медиапространстве. Интеграция двухсистемной модели мышления с методами цифрового анализа текста позволила выявить когнитивную модель – «избирательный шок», – что расширяет существующие теоретические представления в нескольких важных аспектах.

На основании полученных эмпирических данных возможно выделение комплекса индикаторов, позволяющих дифференцировать модель «избирательного шока» от рутинной реакции медиасистемы на резонансные события. В отличие от стандартного цикла внимания к проблеме, характеризующегося фазой диффузии, описываемая модель демонстрирует мгновенную темпоральную сатурацию с выходом на пиковые значения непосредственно в момент возникновения триггера. Дополнительными валидирующими маркерами выступают значимая аффективная аномалия (отклонение тональности до экстремальных значений) и искусственная динамика затухания – резкое прекращение трансляции темы, синхронизированное с возвратом сентимента к базовому уровню. Наличие данной совокупности признаков позволяет классифицировать наблюдаемую реакцию как скоординированную операциональную стратегию.

Результаты подтверждают и конкретизируют положения теории аффективного интеллекта о центральной роли эмоций в политических процессах [18]. Модель «избирательного шока» представляет собой эмпирическое доказательство того, как принципы работы Системы 1 (быстрый, интуитивный, эмоциональный отклик) могут проявляться не на индивидуальном, а на институциональном уровне. Способность целой редакции к мгновенной мобилизации, синхронному пику аффективной интенсивности и тематической концентрации указывает на то, что для государственных медиа быстрая эмоциональная реакция является не спонтанным сбоем, а отработанным стратегическим механизмом.

Полученные данные существенно дополняют классическую теорию фрейминга [8] применительно к условиям цифрового медиапространства. Если традиционные исследования фрейминга сосредотачивались на статических аспектах подачи информации, то наши результаты демонстрируют важность динамического временного характера фрейминга в условиях кризисов. Модель «избирательного шока» – это тактический временной фрейм: максимальная концентрация ресурсов на одном событии в момент шока с последующим быстрым переключением. Это показывает, что время является активным измерением когнитивной конкуренции: важно не только то, что говорится, но и когда, как быстро и как долго.

Результаты исследования вносят вклад в понимание механизмов современных информационных конфликтов [5]. Модель «избирательного шока» можно рассматривать как конкретную тактику «информационного удара». Ее характеристики – высокая степень координации, способность быстро мобилизовать все редакционные ресурсы и затем переключиться на другие задачи – указывают на институциональную оптимизацию государственного медиа для ведения информационных операций. Издание избегает постоянной активации пиковых аффективных механизмов, что помогает максимизировать информационное воздействие, поскольку это не приводит к когнитивному истощению аудитории [13].

Полученные результаты имеют конкретные практические импликации. В сфере медиаграмотности они раскрывают конкретный когнитивный механизм, используемый для оказания максимального аффективного воздействия. Понимание паттерна «избирательного шока» позволяет потребителям информации более критично оценивать контент, распознавая в нем возможную стратегическую тактику. Для исследователей международных отношений и политических технологов работа предлагает методологическую рамку для анализа временной динамики информационных операций, смещая фокус с анализа содержания на анализ когнитивной стратегии актора. Для специалистов по информационной безопасности модель «избирательного шока» открывает перспективы для исследования когнитивных паттернов, позволяющих распознавать характерные тактики государственных акторов и прогнозировать траектории развития медиареакций в ходе кризисных событий.

Выводы

Настоящее исследование было нацелено на проверку гипотезы о том, что первичные реакции государственного медиа на кризисные события преимущественно отражают работу Системы 1 (быстрое, эмоциональное мышление). Для государственного медиа RT гипотеза подтвердилась в усиленном виде. Была выявлена модель «избирательного шока», характеризующаяся мгновенной интенсивной эмоциональной реакцией в день события и последующим быстрым затуханием как информационной плотности, так и аффективной интенсивности. Комплексный анализ показал, что этот паттерн представляет собой отработанный механизм: максимальный эмоциональный эффект достигается за счет краткосрочной монополизации тематической повестки, после чего следует быстрый «сброс» темы и возврат к рутинной редакционной политике.

Таким образом, для актора типа RT мы наблюдаем стратегическое доминирование и инструментализацию Системы 1. Происходит быстрый отказ от кризисной темы, что говорит о том, что целью является максимальное использование аффективного потенциала самого шокового момента.

Данное исследование представляет собой шаг в развитии междисциплинарной программы по изучению когнитивных измерений информационных конфликтов. Интеграция психологических теорий и цифровых методов анализа текста открывает новые перспективы для понимания того, как формируется восприятие внешнеполитической реальности. Выявленная модель «избирательного шока» представляет собой рабочую гипотезу, требующую дальнейшей верификации, но уже на этом этапе она демонстрирует эвристическую ценность предложенного подхода. Исследование показывает, что за внешне хаотичным потоком политической информации скрываются структурированные когнитивные паттерны, которые являются полем и инструментом противостояния.

Выявленная модель обладает также существенным прикладным потенциалом в сфере международной безопасности. Идентификация специфических маркеров аффективной мобилизации и структурной монополизации в режиме реального времени позволяет интегрировать предложенный инструментарий в системы мониторинга медиапространства и раннего предупреждения. Это обеспечивает возможность оперативной диагностики начала координированных информационных операций на основе фиксации аномальных сдвигов в структуре дискурса, что критически важно для разграничения спонтанных реакций медиаполя и управляемых кампаний стратегического воздействия.

Список литературы

1. Allen J. et al. Evaluating the Fake News Problem at the Scale of the Information Ecosystem // *Science Advances*. 2020. Vol. 6(14). P. eaay3539. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aay3539>.

2. Arceneaux K. The Benefits of Experimental Methods for the Study of Campaign Effects // *Political Communication*. 2010. Vol. 27(2). P. 199–215. <https://doi.org/10.1080/10584601003709407>.
3. Barnett M. Social Constructivism. *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* / J.Baylis, S.Smith, P.Owens (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 144–159.
4. Bjola C., Zaiotti R., eds. *Digital Diplomacy and International Organizations: Autonomy, Legitimacy and Contestation*. Routledge, 2020.
5. Bjola C., Papadakis K. Digital Propaganda, Counterpublics and the Disruption of the Public Sphere: the Finnish Approach to Building Digital Resilience // *Cambridge Review of International Affairs*. 2020. Vol. 33(5). P. 638–666. <https://doi.org/10.1080/09557571.2019.1704221>.
6. Boin A. *The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure* / A.Boin, P.'t Hart, E.Stern, B.Sundelius. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
7. De Neys W. Advancing Theorizing about Fast-and-Slow Thinking // *Behavioral and Brain Sciences*. 2023. Vol. 46. P. e111. <https://doi.org/10.1017/S0140525X2200142X>.
8. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43(4). P. 51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
9. Evans J.S.B.T. *Dual Process Theory: Perspectives and Problems* // W.De Neys (Ed.), *Dual Process Theory 2.0*. Routledge / Taylor & Francis Group, 2018. Pp. 137–155. <https://doi.org/10.4324/9781315204550>.
10. Giles K. *Handbook of Russian Information Warfare*. Rome: NATO Defense College, 2022.
11. Grimmer J. *Text as Data: A New Framework for Machine Learning and the Social Sciences* / J.Grimmer, M.E. Roberts, B.M. Stewart. Princeton: Princeton University Press, 2022.
12. Grootendorst M. BERTopic: Neural Topic Modelling with a Class-Based TF-IDF Procedure // *arXiv preprint arXiv:2203.05794*. 2022. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2203.05794>
13. Gurr G., Metag J. Examining Avoidance of Ongoing Political Issues in the News: A Longitudinal Study of the Impact of Audience Issue Fatigue // *International Journal of Communication*. 2021. Vol. 15. P. 1789–1809.
14. Hermann C.F. *International Crises: Insights from Behavioral Research*. New York: Free Press, 1972.
15. Heřmanová M., Eriksson Krutrök M., Divon T. "The Algorithm Loves the War": Ambivalent Visibility in Content Creator Practices during War. // *Continuum*. 2025. P. 1–17. <https://doi.org/10.1080/10304312.2025.2507777>.
16. Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
17. Manor I. *The Digitization of Public Diplomacy*. London: Palgrave Macmillan, 2022.
18. Marcus G.E., Valentino N.A., Vasilopoulos P. et al. Applying the Theory of Affective Intelligence to Support for Authoritarian Policies and Parties // *Advances in Political Psychology*. 2019. Vol. 40(1). P. 109–139. <https://doi.org/10.1111/pops.12571>.
19. Martel C. Reliance on Emotion Promotes belief in Fake News // *Cognitive Research: Principles and Implications*. 2020. Vol. 5(47). P. 1–20.
20. Newton C., Feeney J., Pennycook G. On the Disposition to Think Analytically: Four Distinct Intuitive-Analytic Thinking Styles // *Pers Soc Psychol Bull*. 2024. Vol. 50(6). P. 906–923. <https://doi.org/10.1177/01461672231154886>.
21. Pennycook G. The Psychology of Fake News // *Trends in Cognitive Sciences*. 2021. Vol. 25(5). P. 388–402. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.02.007>.
22. Rid T. *Active Measures: The Secret History of Disinformation and Political Warfare*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2020.
23. Seeger M.W. Best Practices in Crisis Communication: An Expert Panel Process // *Journal of Applied Communication Research*. 2006. Vol. 34(3). P. 232–244. <https://doi.org/10.1080/00909880600769944>.
24. Szostek J. Nothing is True? The Credibility of News and Conflicting Narratives during "Information War" in Ukraine // *The International Journal of Press / Politics*. 2018. Vol. 27(1). P. 143–167. <https://doi.org/10.1177/1940161217743258>.
25. Thompson V.A., Turner J.A., Pennycook G. et al. The Role of Answer Fluency and Perceptual Fluency as Metacognitive Cues for Initiating Analytic Thinking // *Cognition*. 2013. № 128(2). P. 237–251. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.09.012>.
26. Van der Meer T.G.L.A., Jin Y. Seeking Formula for Misinformation Treatment in Public Health Crises: The Effects of Corrective Information Type and Source // *Health Communication*. 2019. Vol. 35(5). P. 560–575. <https://doi.org/10.1080/10410236.2019.1573295>.
27. Walgrave S. The Contingency of the Mass Media's Political Agenda Setting Power: Toward a Preliminary Theory // *Journal of Communication*. 2006. Vol. 56(1). P. 88–109. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00005.x>.

Информация об авторах

СТРЕБКОВА Карина Евгеньевна. Преподаватель кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Стажер-исследователь кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов. <https://orcid.org/0009-0001-7017-1310>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. streb.karina@gmail.com.

МАЛЬЦЕВА Дарья Александровна. Кандидат политических наук. Доцент кафедры теории и философии политики, заместитель декана по молодежной политике факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов. <https://orcid.org/0000-0002-0213-6919>. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. maltseva-da@rudn.ru.

АЛЕЙНИКОВ Андрей Викторович. Доктор философских наук. Профессор кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского государственного университета. <http://orcid.org/0000-0003-2942-5021>. Адрес: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9. a.alejnikov@spbu.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 3 ноября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Allen J. et al. Evaluating the Fake News Problem at the Scale of the Information Ecosystem. *Science Advances*. 2020; 6(14):eaay3539 [In English]. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aay3539>.
- Arceneaux K. The Benefits of Experimental Methods for the Study of Campaign Effects. *Political Communication*. 2010; 27(2):199–215 [In English]. <https://doi.org/10.1080/10584601003709407>.
- Barnett M. Social Constructivism. *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations* / J.Baylis, S.Smith, P.Owens (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2017:144–159 [In English].
- Bjola C., Zaiotti R., eds. *Digital Diplomacy and International Organisations: Autonomy, Legitimacy and Contestation*. Routledge, 2020 [In English].
- Bjola C., Papadakis K. Digital Propaganda, Counterpublics and the Disruption of the Public Sphere: the Finnish Approach to Building Digital Resilience. *Cambridge Review of International Affairs*. 2020; 33(5):638–666 [In English]. <https://doi.org/10.1080/09557571.2019.1704221>.
- Boin A. *The Politics of Crisis Management: Public Leadership under Pressure* / A.Boin, P.'t Hart, E.Stern, B.Sundelius. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2016 [In English].
- De Neys W. Advancing Theorizing about Fast-and-Slow Thinking. *Behavioral and Brain Sciences*. 2023; 46:e111 [In English]. <https://doi.org/10.1017/S0140525X2200142X>.

- Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*. 1993; 43(4):51–58 [In English]. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
- Evans J.S.B.T. Dual Process Theory: Perspectives and Problems. W.De Neys (Ed.), *Dual Process Theory 2.0*. Routledge/Taylor & Francis Group, 2018:137–155 [In English]. <https://doi.org/10.4324/9781315204550>.
- Giles K. *Handbook of Russian Information Warfare*. Rome: NATO Defense College, 2022 [In English].
- Grimmer J. *Text as Data: A New Framework for Machine Learning and the Social Sciences* / J.Grimmer, M.E.Roberts, B.M.Stewart. Princeton: Princeton University Press, 2022 [In English].
- Grootendorst M. BERTopic: Neural Topic Modeling with a Class-Based TF-IDF Procedure. *arXiv preprint arXiv:2203.05794*. 2022 [In English]. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2203.05794>.
- Gurr G., Metag J. Examining Avoidance of Ongoing Political Issues in the News: A Longitudinal Study of the Impact of Audience Issue Fatigue. *International Journal of Communication*. 2021; 15:1789–1809 [In English].
- Hermann C.F. *International Crises: Insights from Behavioral Research*. New York: Free Press, 1972 [In English].
- Heřmanová M., Eriksson Kruttrök M., Divon T. "The Algorithm Loves the War": Ambivalent Visibility in Content Creator Practices during War. *Continuum*. 2025:1–17 [In English]. <https://doi.org/10.1080/10304312.2025.2507777>.
- Kahneman D. *Thinking, Fast and Slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011 [In English].
- Manor I. *The Digitalization of Public Diplomacy*. London: Palgrave Macmillan, 2022 [In English].
- Marcus G.E., Valentino N.A., Vasilopoulos P. et al. Applying the Theory of Affective Intelligence to Support for Authoritarian Policies and Parties. *Advances in Political Psychology*. 2019; 40(1):109–139 [In English]. <https://doi.org/10.1111/pops.12571>.
- Martel C. Reliance on Emotion Promotes belief in Fake News. *Cognitive Research: Principles and Implications*. 2020; 5(47):1–20 [In English].
- Newton C, Feeney J, Pennycook G. On the Disposition to Think Analytically: Four Distinct Intuitive-Analytic Thinking Styles. *Pers Soc Psychol Bull*. 2024; 50(6):906–923 [In English]. <https://doi.org/10.1177/01461672231154886>.
- Pennycook G. The Psychology of Fake News. *Trends in Cognitive Sciences*. 2021; 25(5):388–402 [In English]. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.02.007>.
- Rid T. *Active Measures: The Secret History of Disinformation and Political Warfare*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2020 [In English].
- Seeger M.W. Best Practices in Crisis Communication: An Expert Panel Process. *Journal of Applied Communication Research*. 2006; 34(3):232–244 [In English]. <https://doi.org/10.1080/00909880600769944>.
- Szostek J. Nothing is True? The Credibility of News and Conflicting Narratives during 'Information War' in Ukraine. *The International Journal of Press/Politics*. 2018; 27(1):143–167 [In English]. <https://doi.org/10.1177/1940161217743258>.
- Thompson V.A., Turner J.A., Pennycook G. et al. The Role of Answer Fluency and Perceptual Fluency as Metacognitive Cues for Initiating Analytic Thinking. *Cognition*. 2013; 128(2):237–251 [In English]. <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2012.09.012>.
- Van der Meer T.G.L.A., Jin Y. Seeking Formula for Misinformation Treatment in Public Health Crises: The Effects of Corrective Information Type and Source. *Health Communication*. 2019; 35(5):560–575 [In English]. <https://doi.org/10.1080/10410236.2019.1573295>.
- Walgrave S. The Contingency of the Mass Media's Political Agenda Setting Power: Toward a Preliminary Theory. *Journal of Communication*. 2006; 56(1):88–109 [In English]. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00005.x>.

About the authors

Карина Е. СТРЕБКОВА. Лектор, кафедра общей психологии, Санкт-Петербургский государственный университет. Исследователь, кафедра сравнительной политологии, РГГУ. <https://orcid.org/0009-0001-7017-1310>. Адрес: 7-9, Университетская наб., Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация. streb.karina@gmail.com

Дарья А. МАЛЬЦЕВА. Кандидат наук (политология). Доцент кафедры теории и философии политики, заместитель декана по молодежной политике факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов. <https://orcid.org/0000-0002-0213-6919>. Адрес: 6, Миклухо-Маклая стр., Москва, 117198, Российская Федерация. maltseva-da@rudn.ru

Andrei V. ALEINIKOV. DSc. (Philosoph.). Associate Professor of the Department of Conflictology, St.Petersburg State University. <http://orcid.org/0000-0003-2942-5021>. Address: 7-9, Universitetskaya nab., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation. a.alejnikov@spbu.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: November 3, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Научная статья

Политические науки

УДК 004.9:321.01

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-231-256](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-231-256)

«Избирательный шок» : выявление политизации глобальных рейтингов демократии и новые параметры сетевых режимов

Юрий Борисович Бочаров ✉

Политический аналитик, Хайфа, Израиль

yurabig@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9469-3554>

Аннотация. В статье исследуется феномен сетевой автократии как новой формы политического режима, сохраняющего формальные демократические институты при институционализации алгоритмического контроля над процессами участия и принятия решений. На основе авторского анализа 194 стран мира предложен интегрированный количественный инструмент – индекс GASI (Governance Algorithmic Sovereignty Index), позволяющий диагностировать и прогнозировать (с горизонтом 12–18 месяцев) переход политических систем к различным формам цифровой власти – от сетевой демократии до устойчивой сетевой автократии. Методология расчета GASI основана на сочетании трех параметров: ресурсной ренты (RENTA), уровня цифровой интеграции (DIGITAL) и алгоритмического управления (ALGO). Такой подход фиксирует функциональные механизмы воспроизводства власти и устраняет зависимость от субъективных экспертных оценок, характерных для существующих индексов демократии (Freedom House, V-Dem, Economist Intelligence Unit). Эмпирическое сопоставление показало на уровне 80% совпадения с международными рейтингами и около 20% системных аномалий, выявляющих политизацию экспертных оценок. Страны Глобального Юга, Ближнего Востока

и Восточной Азии, обладающие высоким уровнем цифрового суверенитета, систематически занижены, тогда как государства евроатлантического блока получают завышенные рейтинги демократичности. Эти расхождения подтверждают существование нормативно-политического смещения в глобальном индексном поле. Результаты демонстрируют, что GASI способен служить независимым инструментом оценки цифровых режимов, основанным на объективных данных и пригодным для использования в политологическом анализе, международных исследованиях, инвестиционном и ESG-мониторинге.

Ключевые слова: сетевая автократия, цифровой суверенитет, индекс демократии, индекс цифрового суверенитета GASI, алгоритмическое управление, цифровая интеграция, политическая трансформация, рентная экономика, V-Dem, Freedom House, цифровое государство

Для цитирования: Бочаров Ю.Б. Индекс цифрового суверенитета GASI: выявление политизации глобальных рейтингов демократии и новые параметры сетевых режимов // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 231-256, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-231-256](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-231-256)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-231-256](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-231-256)

The Digital Sovereignty Index (GASI): Revealing the Politicization of Global Democracy Ratings and New Parameters of Network Regimes

Yuri B. Bocharov ✉

Political Analyst, Haifa, Israel

yurabig@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9469-3554>

Abstract. The article examines the phenomenon of network autocracy as a new form of political regime that preserves formal democratic institutions while institutionalizing algorithmic control over participation and decision-making processes. Based on an author's analysis of 194 countries, the study proposes an integrated quantitative tool – the GASI (Governance Algorithmic Sovereignty Index), which allows diagnosing and forecasting (within a 12–18-month horizon) the transition of political systems toward various forms of digital power – from network democracy to stable network autocracy. The GASI methodology combines three parameters: resource rent (RENTA), digital integration (DIGITAL), and algorithmic governance (ALGO). This approach captures the functional mechanisms of power reproduction and eliminates dependence on subjective expert judgments typical of existing democracy indices (Freedom House, V-Dem, Economist Intelligence Unit). Empirical comparison revealed approximately 80% consistency with international ratings and about 20% of systemic anomalies that expose the politicization of expert assessments. Countries of the Global South, the Middle East, and East Asia with high levels of digital sovereignty are systematically underrated, whereas Euro-Atlantic states receive inflated democracy scores. These discrepancies confirm the presence of normative and political biases in the global index field. The results demonstrate that GASI can serve as

an independent assessment tool for digital regimes, based on objective data suitable for use in political analysis, international studies, investment, and ESG monitoring.

Keywords: network autocracy; digital sovereignty; democracy index; GASI; algorithmic governance; digital integration; political transformation; rent-based economy; V-Dem; Freedom House; digital state

For citation: Bocharov Yu.B. The Digital Sovereignty Index (GASI): Revealing the Politicization of Global Democracy Ratings and New Parameters of Network Regimes. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 1(19): 231-256, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-231-256](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-231-256)

Введение

На рубеже 2020-х гг. политическая наука столкнулась с парадоксом: демократические институты сохраняются формально, но их содержательная функция размывается. Выборы проходят регулярно, парламенты функционируют, суды выносят решения, однако ключевые политические решения все чаще принимаются вне публичного пространства путем контроля ресурсных потоков, цифровых платформ и алгоритмических систем управления [11, р. 25; 19, р. 362; 24, р. 145]. Этот феномен фиксируется в научной литературе как «постдемократический сдвиг» или «алгоритмизация власти» [15, р. 54; 30, р. 204]. В результате традиционные категории политической теории – «демократия» и «автократия» – утрачивают однозначность, а количественные методы их измерения становятся источником методологических и идеологических споров.

Наиболее известные глобальные рейтинги – Freedom House (Freedom in the World), Economist Intelligence Unit Democracy Index (EIU) и Varieties of Democracy (V-Dem) – претендуют на статус универсальных индикаторов демократического развития [25–27]. Однако, как показали исследования Г.Мунка и Дж.Веркейлена [25, р. 12], К.Боллена [8, р. 9], М.Курки [19, р. 365] и Д.Коллиера с С.Левицки [12, р. 432], методики построения этих индексов основаны на субъективных экспертных оценках, в которых политические ценности смешиваются с эмпирическими переменными.

Так, в индексе EIU более 60% итогового балла формируется из опросов аналитиков медиакорпорации «The Economist», в проекте V-Dem около трети показателей (~34% по данным V-Dem Codebook v13) создается на основе кодирования национальными экспертами; остальная часть – фактические и агрегированные данные; интеграция осуществляется с использованием байесовских и IRT-моделей [26, р. 18].

Р.Инглхарт и К.Вельцель, анализируя процессы модернизации и культурных изменений, отмечали, что либеральная демократия является не универсальной, а культурно обусловленной моделью, и ее механическое измерение в различных регионах мира неизбежно приводит к искажению результатов [18, р. 78]. Э.Морозов [24, р. 117] и Ш.Зубофф [30, р. 204] подчеркивают, что цифровизация усиливает не участие, а контроль, превращая «открытые» режимы в управляемые алгоритмические системы.

Таким образом, в современной политической методологии усиливается разрыв между измерением демократических институтов и фактическими механизмами цифровой власти.

В отечественной политологической литературе также растет внимание к проблеме политизации международных индексов демократии. Исследователи Д.А.Авдеев [1, с. 49], Е.В.Бондарик [2, с. 188], М.В.Горбачев [3, с. 86] и А.Ю.Мельвиль [5, с. 15] подчеркивают, что западные рейтинги нередко выступают нормативными инструментами, а не аналитическими моделями.

Авдеев обращает внимание на субъективность и несопоставимость критериев [1], Е.В.Бондарик – на идеологическую зависимость индексов свободы СМИ [2], Горбачев – на их цивилизационную ограниченность [3], а А.Ю.Мельвиль – на необходимость более эмпирического подхода к измерению политических режимов [5].

Их критика указывает на необходимость создания более объективных и универсальных методов измерения демократии, которые учитывали бы специфику каждой страны и избегали политической ангажированности. Тем самым формируется противоречие между экспертной и технической оценкой политических режимов: существующие индексы измеряют преимущественно нормативные признаки (плюрализм, участие, свободу слова), не учитывая реальные параметры цифровой инфраструктуры и распределения власти.

Отсюда возникает необходимость в новом инструменте, который фиксировал бы не только идеологическую легитимность, но и функциональные характеристики управления.

Материалы и методы

Современные индексы демократии позиционируются как объективные инструменты оценки политических режимов, однако их конструкция изначально несет элементы нормативной предвзятости. Наиболее известные рейтинги – Freedom House, Varieties of Democracy (V-Dem) и Democracy Index от Economist Intelligence Unit (EIU) – строятся на смешанной методологии, сочетающей количественные данные и экспертные оценки¹.

Как отмечают П.Норрис и М.Кастельс, измерение демократии в XXI в. неизбежно связано с цифровыми и сетевыми аспектами коммуникации, что изменяет саму природу политического участия [26, р. 72; 11, р. 151]. При этом структура индексов по-прежнему воспроизводит институционально-либеральную модель, сформированную в англо-американской традиции [12, р. 435; 16, р. 9; 19, р. 366].

Согласно официальной методологии Economist Intelligence Unit (2024) – De-

¹ Economist Intelligence Unit. Democracy Index 2023: Frontlines of Democracy. London: EIU, 2024. <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2023>; Varieties of Democracy (V-Dem) Dataset v13.1. University of Gothenburg, 2024. <https://www.v-dem.net>; Freedom House. Freedom in the World 2024. Washington, D.C.: Freedom House, 2024. <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2024>.

mocracy Index 2023: Frontlines of Democracy. Technical Notes, индекс включает 60 индикаторов, объединенных в пять категорий: электоральный процесс, функционирование правительства, политическое участие, политическая культура и гражданские свободы. Более 60% итогового значения формируется на основе экспертных опросов и аналитических оценок The Economist Group².

Проект V-Dem использует свыше 350 переменных; около трети индикаторов (≈34%) кодируются национальными экспертами, тогда как прочие основаны на наблюдаемых и административных данных; итоговые оценки строятся с применением байесовских и IRT-моделей³.

Исследователи Г.Мунк и Дж.Веркейлен указывают, что уже сама система экспертных весов делает индекс «недостаточно воспроизводимым в сравнительном анализе» [25, р. 12]. Аналогичный вывод делает К.Боллен, отмечая, что большинство индексов фиксируют не демократию как систему институтов, а восприятие демократии [8, р. 8]. Схожие критические замечания приводят Д.Коллиер и С.Левицки, отмечая, что постоянное добавление «прилагательных» к понятию демократии (participatory, liberal, electoral) делает концепт расплывчатым и политически манипулируемым [12, р. 438]. М.Курки [19, р. 365] фиксирует высокую степень концептуальной неопределенности, а Ф.Фукуяма [17, р. 88] связывает ее с кризисом политического представительства.

Э.Морозов и Ш.Зубофф указывают, что цифровизация усилила этот разрыв: свобода коммуникации становится иллюзией, прикрывающей рост алгоритмического контроля [24, р. 117; 29, р. 204]. Таким образом, несмотря на количественный характер, традиционные индексы не учитывают инфраструктурные аспекты цифровой власти.

Для EIU доля экспертного компонента превышает 60%, для V-Dem экспертное кодирование охватывает порядка трети показателей (≈34%), но оказывает существенное влияние через модельную интеграцию. По данным М.Каппеллы и Дж.Тейлора, выбор конкретного индекса (V-Dem, Freedom House, Polity IV) может радикально менять классификацию страны даже при одинаковых статистических данных (удалено – источник не подтвержден). Г.Мунк и Дж.Веркейлен подчеркивают, что расхождения усиливаются из-за ценностных установок и источников финансирования исследовательских центров [25, с. 14].

Российские исследователи отмечают, что экспертные индексы используются как инструменты политической легитимации и «мягкой силы».

Э.Д.Понарин указывает, что «различные рейтинги, выстраивающие страны мира в ранжированные ряды по разным показателям, несвободны от влияния политического фактора» [6, с. 96]. М.В.Горбачев подчеркивает, что «разрабатываемые методики измерения демократии основаны на количественном выражении качественных признаков и нередко трансформируются в инструменты

² Economist Intelligence Unit. Democracy Index 2023: Frontlines of Democracy. London: EIU, 2024. <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2023>.

³ Varieties of Democracy (V-Dem) Dataset v13.1. University of Gothenburg, 2024. <https://www.v-dem.net>.

идеологического контроля и политической верификации режимов» [3, с. 86]. По наблюдению А.Ю.Мельвиля, современные международные рейтинги демократии нередко строятся на априорных представлениях об «идеальной демократии», что вносит элемент нормативности и политической предвзятости в их аналитические модели [5, с. 15]. Их методологические конструкции формируют иерархию «правильных» и «неправильных» государств, подменяя измерение демократических институтов оценкой политической лояльности.

В то же время, как отмечает Д.А.Никотин, «прецеденты измерений демократии свидетельствуют о тенденции к применению комплексного подхода в политической науке... количественные показатели часто не согласуются с представлениями “здравого смысла” и требуют пояснения ученых. С другой стороны, ... проявления демократии не имеют статистических показателей...» [4, с. 129].

Как показал Т.Каротерс [10], а также подтверждают Д.Кэмпбелл и П.Пельцльбауэр [9], начиная с 1990-х гг. индексы демократии превратились в элемент внешнеполитической архитектуры. Страны с низкими рейтингами часто лишались доступа к международным кредитам, грантам и инвестициям, что дополнительно закрепляло их в позиции «демократически несостоявшихся». Эти наблюдения совпадают с российскими оценками, где авторы отмечают необходимость разработки новых индикаторов, способных фиксировать не идеологическую лояльность, а функциональные характеристики управления и цифровые механизмы власти.

Данные выводы подтверждаются и зарубежными авторами: К.Боллен [8], Р.Инглхарт [18] и Л.Даймонд [16] связывают институциональную зависимость индексов с ценностным гегемонизмом либеральной демократии. Э.Морозов [24] и Л.ДеНардис [15] обращают внимание на цифровое измерение этой зависимости: глобальные технологические корпорации становятся посредниками в интерпретации политических данных.

Анализ существующих исследований показывает, что традиционные индексы демократии измеряют не функциональные параметры управления, а степень соответствия политических систем нормативной либеральной модели. Это создает эффект «обратного зеркала»: страны, развивающие собственные модели цифрового суверенитета, получают заниженные оценки, а интегрированные в евроатлантические сети – завышенные.

По наблюдению российских исследователей, большинство международных рейтингов и индексов строятся на априорных ценностных стандартах, что придает им нормативный и политизированный характер. Так, Е.В.Бондарик подчеркивает, что использование качественных экспертных данных нередко «порождает сомнения в достоверности готовых результатов» и способствует «идеологизации рейтинга» [2, с. 190]. Аналогичной позиции придерживается Э.Д.Понарин, отмечая, что «различные рейтинги, выстраивающие страны мира в ранжированные ряды по разным показателям, несвободны от влияния политического фактора» [7, с. 96].

Необходимость нового подхода обусловлена этим противоречием. Требуется индекс, который:

- 1) опирается на верифицируемые данные;
- 2) минимизирует экспертную интерпретацию;
- 3) фиксирует не только результат (тип режима), но и механизмы воспроизводства власти.

Таким инструментом становится Индекс алгоритмического государственного суверенитета – GASI (Governance Algorithmic Sovereignty Index), основанный на трех параметрах: ресурсной ренте (RENTA), цифровой интеграции (DIGITAL) и алгоритмическом управлении (ALGO). Его методология исключает субъективное кодирование и позволяет использовать индекс как независимый технический фильтр для оценки и калибровки глобальных рейтингов демократии.

Для расчета индекса использованы открытые международные источники:

- World Bank – World Development Indicators (RENTA, GDP composition);
- International Telecommunication Union (DIGITAL adoption rates);
- UN DESA e-Government Survey (digital inclusion index);
- National AI Strategies, GovTech reports (ALGO presence);
- OECD Digital Government Index (validation control).

Результаты исследования

Методология индекса GASI. Концептуальные основания

Индекс GASI (Governance Algorithmic Sovereignty Index) разработан как инструмент измерения институционально-цифровой трансформации политических режимов – от традиционных демократий и гибридов к сетевым автократиям и сетевым демократиям. В отличие от существующих рейтингов (Freedom House, V-Dem, EIU Democracy Index), GASI не оценивает «качество демократии» или «уровень свободы», а фиксирует структурную конфигурацию механизмов власти, в которых цифровизация и алгоритмизация становятся системообразующими элементами.

Методологически GASI опирается на концепцию цифрового суверенитета (digital sovereignty) и сетевой власти (networked power), представленных в работах М.Кастельса [11], Е.Морозова [24] и Л.ДеНардис [16]. Эти подходы рассматривают контроль над данными, инфраструктурой и алгоритмами как основу политической легитимности в цифровую эпоху. Таким образом, индекс измеряет не нормативные, а функциональные параметры режима, то есть те, которые определяют реальное распределение власти в условиях цифрового общества.

Структура и компоненты индекса GASI

Индекс GASI (Governance Algorithmic Sovereignty Index) строится на трех взаимодополняющих компонентах, отражающих структуру цифровой власти и институциональную динамику политических режимов.

Первый компонент – ресурсная рента (R, RENTA) – измеряет долю рентных доходов (нефтяной, газовой, минеральной и иной природы) в валовом внутреннем продукте страны. Этот показатель отражает степень зависимости режима от распределения рентных потоков и, соответственно, от централизованных экономических механизмов легитимации. Для расчетов используется статистика Всемирного банка (World Development Indicators)⁴, где значения нормированы на диапазон от 0 до 1, при этом 1 соответствует максимальной рентной зависимости, эквивалентной 15% ВВП.

Второй компонент – цифровая интеграция (D, DIGITAL) – характеризует долю населения, охваченную национальными цифровыми идентификаторами, платформами электронного правительства и государственными онлайн-сервисами. Этот параметр отражает степень проникновения цифровой инфраструктуры в политическую сферу и фактический уровень цифрового суверенитета. Источниками данных служат международные отчеты ITU, UN DESA e-Government Survey и официальные порталы e-government. Значения также нормированы в диапазоне от 0 до 1.

Третий компонент – алгоритмическое управление (A, ALGO) – фиксирует степень институционализации алгоритмических механизмов контроля: использование предиктивной аналитики, биометрической идентификации, автоматизированных систем принятия решений в политическом и административном управлении. Этот параметр кодируется бинарно: 0 – отсутствие алгоритмического контроля, 0,5 – частичное внедрение, 1 – полная институционализация. Для определения уровня ALGO используются открытые правительственные данные, тексты законов, нормативные акты и официальные отчеты.

Совокупность трех параметров – R (экономическая база), D (инфраструктура) и A (механизм контроля) – позволяет измерять не идеологическую, а функциональную форму политического режима. Индекс GASI тем самым фиксирует реальную архитектуру цифровой власти, изолируя структурные характеристики режима от нормативных или экспертных интерпретаций демократии и авторитаризма.

Формула расчета

Формула индекса: **GASI=0,40R+0,35D+0,25A**

Коэффициенты (0,40; 0,35; 0,25) были получены в ходе тестовой регрессии на выборке из 194 стран (2022–2024 гг.) и отражают весовую значимость каждого параметра в формировании цифрового контроля.

● Параметр R (Rent Dependence) характеризует ресурсную ренту – долю доходов от добычи природных ресурсов в ВВП. Высокая рентная зависимость коррелирует с устойчивостью авторитарических режимов (Ross, 2012) [28, p. 34]. Минимальный порог

⁴ World Bank. World Development Indicators (WDI) Database. Washington, D.C.: The World Bank, 2024. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

в 15% установлен как нижняя граница ресурсной зависимости, при превышении которой рентные доходы начинают системно влиять на институциональную архитектуру власти [28].

● Параметр D (Digitalization) отражает уровень цифровой инфраструктуры и насыщенности электронного управления. Согласно данным UN Department of Economic and Social Affairs⁵, цифровизация усиливает предсказуемость и управляемость поведения граждан, формируя «технологическую подотчетность».

● Параметр A (Algorithmization of Governance) представляет институциональный компонент: даже частичная алгоритмизация процессов управления ведет к росту фильтрации участия и централизации контроля [24, p. 119; 30, p. 205].

Таким образом, индекс GASI измеряет степень структурной концентрации власти, основанной на взаимодействии трех факторов: ресурсной ренты, цифровизации и алгоритмизации.

Нормализация осуществляется методом min-max по формуле:

$$DI_{norm} = \frac{(DI - DI_{min})}{(DI_{max} - DI_{min})}$$

Такой подход обеспечивает сопоставимость данных по различным странам и параметрам, приводя все переменные к шкале 0–1.

Обоснование параметров и порогов индекса GASI

Параметр RENTA (R). Порог 15% ВВП принят как нижняя граница ресурсной зависимости, при превышении которой доходы от природных ресурсов начинают системно влиять на институциональную архитектуру власти. Этот критерий используется в литературе как разделитель между странами «с ресурсами» и «ресурсно зависимыми» [19, p. 142; 26, p. 88].

Как отмечает Ю.Шулика, «минимальный порог в 15% обусловлен тем, что в этот показатель могут не входить многие структурные элементы ВВП, смежных с деятельностью по добыче природных ресурсов» [9, с. 129]. По данным Всемирного банка⁶, распределение стран по доле ренты в ВВП демонстрирует естественный разрыв именно около 15%:

- ниже этого уровня – диверсифицированные экономики (Россия – 11%, Мексика – 8%, Норвегия – 7%);
- выше – сверхрентные монархии и постконфликтные экспортеры (Катар – 27%, Кувейт – 24%, Ирак – 20%).

⁵ United Nations Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government. New York: UN DESA, 2022. 292 p. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2022>.

⁶ World Bank. World Development Indicators (WDI) Database. Washington, D.C.: The World Bank, 2024. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

Использование 15% как верхнего предела нормализации ($\max = 15$) сохраняет межстрановую сопоставимость и исключает искажения выборки за счет экстремальных значений.

Порог 15% одновременно:

- 1) отражает эмпирический разрыв в распределении данных;
- 2) совпадает с теоретическим критерием «ресурсной зависимости»;
- 3) минимизирует влияние сверхрентных выбросов на вес RENTA в индексе GASI.

Параметр DIGITAL (D). Показатель D отражает уровень цифровой интеграции населения – охват цифровыми удостоверениями личности и онлайн-госуслугами⁷. Он агрегируется из трех нормализованных компонент:

- a) наличие национального цифрового ID (biometric / non-biometric);
- b) доля граждан, использующих e-government-порталы (UN DESA e-Gov Survey);
- c) проникновение широкополосного Интернета (ITU).

Как подчеркивают П.Норрис [27] и М.Кастельс [11], уровень цифровизации определяет не только доступ к государственным услугам, но и степень политической вовлеченности, формируя новую инфраструктуру гражданского участия.

Выбор этих трех индикаторов обусловлен тем, что:

- цифровое ID обеспечивает возможность однозначной идентификации граждан в сетевом управлении – основу алгоритмического контроля;
- использование госуслуг онлайн отражает доверие к цифровым платформам и готовность населения оставлять цифровой след;
- широкополосный Интернет задает инфраструктурный потолок участия: без него цифровое вовлечение ограничено даже при наличии ID.

Каждая компонента приводится к шкале 0–1 методом min-max, затем усредняется:

$$D = (ID + eGov + Broadband) / 3$$

Корреляция итогового показателя D с индексом Government Effectiveness (World Bank) составляет $r = 0,78$, что подтверждает валидность конструкта.

Параметр ALGO (A) – степень алгоритмизации управления. В базовой версии параметр кодируется трюично:

0 – отсутствие институционализированных алгоритмических практик;

⁷ International Telecommunication Union (ITU). Measuring Digital Development: ICT Indicators 2023. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2023.aspx>; United Nations Department of Economic and Social Affairs. United Nations E-Government Survey 2022: The Future of Digital Government. New York: UN DESA, 2022. 292 p. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2022>; Национальные порталы электронного правительства (e-government) – официальные государственные веб-ресурсы, предоставляющие услуги в электронной форме. Например, <https://www.gov.il>, <https://www.gosuslugi.ru>, <https://e-gov.bg>.

0,5 – частичное внедрение (пилоты, ограниченные по охвату);

1 – полная институционализация (обязательные скоринги, централизованные биометрические реестры, предиктивная аналитика в соцвыплатах или правоприменении).

Понятно, что трехуровневая шкала упрощает внутреннюю вариацию: одинаковый балл получают страна с единым пилотным скорингом и государство с системой «социального кредита». Для снижения оценочного разброса в следующей версии индекса предусмотрен переход к ALGO-subindex, построенному на пяти бинарных признаках ($f_1 \dots f_5 \in \{0,1\}$):

- обязательное цифровое удостоверение личности;
- автоматизированные решения в социальных выплатах или налогообложении;
- предиктивные риск-модели для граждан и фирм;
- централизованный биометрический реестр;
- правовое закрепление «автоматизированного принятия решений» без опции human-in-the-loop.

Суммарный балл вычисляется как

$$"ALGO" = \frac{(f_1 + f_2 + f_3 + f_4 + f_5)}{5},$$

что дает дискретную шкалу {0;0,2;0,4;0,6;0,8;1}.

Такое пошаговое градуирование позволяет сохранить диапазон 0–1, но снизить субъективный разброс и повысить межэкспертную надежность кодирования⁸.

Как отмечают Е.Морозов [24], Ш.Зубофф [30] и Л.ДеНардис [15], именно институционализация алгоритмических решений становится ключевым индикатором перехода от цифрового управления к алгоритмической власти, где центры принятия решений смещаются от политических институтов к инфраструктурным платформам и сетевым системам обработки данных.

Обоснование весовых коэффициентов индекса GASI

Весовые коэффициенты индекса GASI (0,40 / 0,35 / 0,25) были впервые определены и апробированы автором в ходе базового исследования «Сетевая автократия и количественная модель GASI: эмпирический анализ стран мира». В данной статье использованы те же значения, что обеспечивает воспроизводимость и сопоставимость результатов по расширенной выборке (194 страны за 2022–2024 гг.).

Корреляционная валидация показала:

- R (рентная зависимость) – $r = 0,72$, максимальная связь с устойчивостью авторитарических режимов;

⁸ Методика апробирована на тестовой выборке из 194 стран (2024 г.) в рамках проверки валидности индекса GASI. Статистическая обработка выполнена по данным World Bank (WDI) и V-Dem v13.

● D (цифровая интеграция) – $r = 0,63$, устойчивая связь с институциональной предсказуемостью;

● A (алгоритмизация управления) – $r = 0,59$, корреляция с показателями концентрации власти и фильтрации участия (по агрегированным данным исследуемых глобальных индексов демократии).

Это распределение позволяет сбалансировать три структурные компоненты:

- экономическую (R – рентная зависимость);
- технологическую (D – цифровая интеграция);
- институциональную (A – алгоритмическое управление).

Проверка на субрегиональных выборках (Ближний Восток, Азия, Европа) подтвердила статистическую устойчивость коэффициентов и отсутствие мультиколлинеарности.

Альтернативные веса (0,50 / 0,30 / 0,20 и 0,33 / 0,33 / 0,33) дали коэффициент сходства $\rho(\Delta) \geq 0,84$, что подтверждает робастность распределения коэффициентов и воспроизводимость результатов.

Таким образом, итоговые веса индекса GASI отражают как количественную, так и содержательную значимость трех факторов, описывающих ресурсно-цифровую природу современного режима власти. Подтвержденная устойчивость коэффициентов позволила перейти к типологизации политических систем по значениям индекса и валидации пороговых зон.

На основании авторских расчетов и агрегирования эмпирических данных по 194 странам мира разработана классификация политических режимов по значениям индекса цифрового суверенитета GASI, представленная в Таблице 1.

Таблица 1. Классификация режимов по значениям индекса GASI (составлено автором на основе данных World Bank, ITU и V-Dem)

Table 1. Classification of Modes by GASI Index Values (Compiled by the Author Based on Data from the World Bank, ITU and V-Dem)

Диапазон GASI	Тип режима	Характеристика
0,00–0,39	Традиционные демократии и слабые гибриды	Цифровизация в правовом поле; ALGO отсутствует или ограничено
0,40–0,54	Переходные режимы / сетевые демократии	Цифровизация высока, но алгоритмический контроль институционально сдержан
0,55–0,59	Протосетевые режимы	Частичная алгоритмизация, растущая рентная база; режим в зоне риска автократизации
$\geq 0,60$	Сетевые автократии	Алгоритмы встроены в управление; цифровой контроль институционализирован

Ключевой аналитический диапазон – 0,55–0,59, обозначающий зону бифуркации, где вероятен переход от сетевой демократии к автократии или наоборот. Этот диапазон служит сигнальной меткой для прогнозирования динамики

режима в горизонте 12–18 месяцев. Переход режима фиксируется при возникновении совокупности институциональных триггеров:

- 1) введение обязательного цифрового ID;
- 2) легализация скоринговых систем;
- 3) рост доли ренты $\Delta R \geq 2$ п.п.;
- 4) централизация государственных баз данных;
- 5) сокращение сектора НКО.

Таким образом, индекс GASI количественно фиксирует переходные состояния между открытыми цифровыми демократиями и устойчивыми сетевыми автократиями. Его структура сочетает экономическую, технологическую и институциональную логику цифрового суверенитета, а верифицированные коэффициенты обеспечивают межстрановую сопоставимость и аналитическую воспроизводимость.

Верификация индекса

Верификация индекса проводилась на кросс-региональной выборке: Ближний Восток, Азия, Европа и Северная Америка. Внутренняя согласованность (Cronbach's $\alpha = 0,81$) и межрегиональная стабильность значений подтверждают его статистическую надежность.

Таким образом, GASI сочетает простоту расчета, прозрачность методологии и возможность интеграции в любые аналитические системы (Python, R, Excel). Его архитектура делает индекс не только воспроизводимым, но и нормативно нейтральным, что позволяет использовать его как инструмент аудита и сопоставления политических режимов без вмешательства субъективного фактора.

Типологизация позволяет интерпретировать количественные различия индекса как отражение реальных институциональных траекторий.

Для проверки устойчивости и валидности индекса GASI был проведен трехэтапный эмпирический анализ:

1. Ближний Восток – регион с выраженной концентрацией рентных экономик и цифровых алгоритмических платформ (KSA, ОАЭ, Катар, Израиль, Египет).
2. Азия и Тихоокеанский регион – зоны высокой цифровизации и вариативных режимных траекторий (Китай, Индия, Малайзия, Вьетнам, Сингапур).
3. Глобальная выборка (194 страны) – комплексное тестирование индекса, сопоставленного с существующими международными рейтингами демократии (EIU Democracy Index, Freedom House, V-Dem Liberal Democracy Index).

На первом этапе анализ показал, что значения GASI четко соответствуют структурным характеристикам режимов (например, устойчивые сетевые автократии в странах Залива и Израиль как сетевая демократия).

На втором этапе (при анализе Азии) выявились первые расхождения между GASI и международными рейтингами.

Именно на третьем этапе, при сопоставлении глобальной выборки из 194 стран, зафиксировалось около 20–30 аномальных случаев, где расхождение

между индексами достигало значений $\pm 0,30-0,45$, что приводило к диаметрально противоположной классификации режима.

Эмпирическое сопоставление 194 стран показало, что среднее совпадение классификаций между индексом GASI и рейтингом EIU (Democracy Index) составляет $\approx 80\%$, что подтверждает базовую согласованность методологии. Согласно матрице классификации 3×3 (Confusion Matrix), точность модели составляет 88%, коэффициент согласия Cohen's $\kappa = 0,78$, что подтверждает внутреннюю согласованность распределения стран по типам режимов.

Оставшиеся примерно 20% случаев расхождений ($\Delta \geq 0,40$) оказались методологически наиболее значимыми: именно они выявляют структурную предвзятость традиционных экспертных индексов и демонстрируют потенциал GASI как инструмента их независимого аудита и верификации.

Таким образом, результаты сопоставления демонстрируют высокую валидность GASI и его способность идентифицировать методологические смещения в традиционных рейтинг-системах.

Анализ кластеров

Оставшиеся случаи расхождений отражают не статистические погрешности, а системные различия в самой логике измерения политической реальности. Экспертные индексы фиксируют нормативное представление о демократии – через институты и декларации, тогда как GASI измеряет функциональные параметры ресурсно-цифрового контроля, отражающие реальные механизмы власти. Сопоставление выявило две устойчивые группы государств, в которых эти логики дают противоположные результаты.

Кластер 1. Over-autocracy (GASI >> V-Dem / EIU). Технический индекс фиксирует более высокий уровень ресурсно-цифрового контроля, чем международные рейтинги. Типичные представители – ОАЭ, Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Оман, Катар, Иран, Беларусь, Венесуэла, Мьянма, Азербайджан, Камбоджа, Вьетнам. Общие признаки:

- высокая рентная база (обычно $\geq 10-15\%$ ВВП);
- широкое покрытие цифровыми идентификаторами (DIGITAL $\geq 70\%$);
- институционализированные алгоритмические механизмы контроля (ALGO = 1).

Экспертные шкалы недооценивают такие режимы из-за низкой электоральной конкуренции и отсутствия западных форм общественного участия, хотя с позиции GASI они представляют устойчивые рентно-цифровые автократии с высокой внутренней легитимностью.

Кластер 2. Over-democracy (GASI << V-Dem / EIU). В эту группу входят развитые государства с высокой цифровизацией (DIGITAL $\geq 85\%$) и низкой рентной зависимостью (RENTA < 5%), где экспертные индексы систематически завышают уровень демократии. Примеры: Норвегия, Финляндия, Дания, Швеция, Канада, Исландия, Эстония, Тайвань, Чили, Уругвай. В этих странах элементы предиктивного управления и

ALGO-регуляции интерпретируются как инструменты транспарентности, а не контроля. В результате наблюдается «нормативный бонус» – эффект, при котором принадлежность к евроатлантической институциональной модели автоматически увеличивает рейтинг демократичности, даже при углублении алгоритмизации публичного управления.

Анализ аномалий показывает, что наблюдаемые расхождения имеют не технический, а нормативно-геополитический характер.

- В первом кластере (Over-autocracy) страны систематически занижены из-за высокой автономии от западных институтов и преобладания суверенных цифровых архитектур.

- Во втором (Over-democracy) – наоборот, страны переоценены за институциональную лояльность и репутационный статус «эталонных демократий».

Вклад жестких аномалий в глобальный массив составляет около 13%, что при общей высокой согласованности ($\approx 80\%$) указывает на границы экспертной нейтральности и необходимость технических индикаторов, таких как GASI, для уточнения фактической картины властных структур.

Таким образом, сводный анализ показал, что статистические расхождения группируются в геополитически однородные кластеры. Они отражают институциональные и нормативные смещения в глобальной системе оценки режимов, что требует дальнейшей интерпретации.

Геополитическая структура аномалий: институциональные смещения и региональные контуры

Сопоставление индекса GASI с международными рейтингами демократии (V-Dem, EIU, Freedom House) показывает, что выявленные расхождения носят не случайный, а системный характер. Они коррелируют с геополитической принадлежностью государств и отражают различия в нормативных основаниях оценки политических режимов. Аналогичные эффекты политико-аналитического смещения ранее отмечались рядом исследователей [19–21], подчеркивавших, что международные индексы не свободны от ценностных предпосылок.

Систематическое занижение (GASI >> V-Dem / EIU): страны с цифровым суверенитетом. К данной группе относятся государства, характеризующиеся высоким уровнем цифровой интеграции и ресурсной ренты, но не встроенные в евроатлантические институты нормотворчества. Примеры кластеров:

- Ближний Восток и Персидский залив: ОАЭ, Саудовская Аравия, Катар, Кувейт, Бахрейн, Оман, Иран, Йемен. Эти страны обладают развитой инфраструктурой e-ID и алгоритмического администрирования (ALGO = 1), но в рейтингах EIU и V-Dem фиксируются как «автократии» из-за ограниченного плюрализма и низкой активности НКО. В терминах GASI они представляют устойчивую модель «рентно-цифровой централизации», которая обеспечивает внутреннюю легитимность, но не соответствует западным нормативным критериям [18].

● Юго-Восточная Азия: Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Сингапур. Независимые цифровые экосистемы и контроль данных формируют структуру сетевой автократии. Занижение объясняется дистанцированием от США и ЕС и кооперацией с КНР в сфере AI-регулирования и кибербезопасности.

● Постсоветская зона: Беларусь, Азербайджан, Казахстан, Армения. Для данных государств характерны высокий уровень госцифровизации ($ALGO \geq 0,75$) и контроль над информационными каналами; международные рейтинги занижают оценки из-за санкционной изоляции и непризнания западных институтов.

Таким образом, занижение в данных странах связано не с отсутствием демократических процедур, а с институциональной автономией и несовпадением модели «цифрового суверенитета» с универсалистской парадигмой демократии [26].

Систематическое завышение ($GASI \ll V-Dem / EIU$): нормативно привилегированные режимы. Во вторую группу входят развитые государства Запады и цифровые союзники США и ЕС, в отношении которых экспертные рейтинги показывают стабильно высокие оценки демократии, несмотря на углубляющуюся алгоритмизацию управления.

● Северная Европа и G7: Норвегия, Финляндия, Швеция, Дания, Исландия, Канада, Германия, Япония, США. Эти страны отличаются высокой цифровой интеграцией ($DIGITAL \geq 85\%$) и внедрением предиктивных алгоритмов в социальную сферу, но в индексах EIU они трактуются как «идеальные демократии». Эффект объясняется «нормативным бонусом» за принадлежность к евроатлантическим альянсам [20].

● Цифровые союзники США: Эстония, Тайвань, Южная Корея, Чили, Уругвай. Их рейтинг усиливается за счет геополитической функции контрпримеров для авторитарных моделей. Так, Тайвань получает в EIU 8,99 балла при наличии полностью институционализированной системы цифрового надзора ($ALGO = 1$). Аналогично Эстония остается в верхнем квартиле V-Dem, несмотря на высокую централизацию e-government и слабую внешнюю экспертизу данных.

Наблюдаемое завышение оценок демократии связано с эффектом «репутационного укрепления»: институционально лояльные режимы служат эмпирическими доказательствами жизнеспособности либеральной модели власти⁹ [18]. Анализ распределения аномалий показывает, что заниженные оценки преобладают в странах Глобального Юга и восточноазиатских режимах с высокой институциональной автономией, тогда как завышенные – в евроатлантических и партнерских государствах G7.

Соответственно, международные индексы демократии репродуцируют геоэкономическую иерархию и нормативную асимметрию между «центром» и «периферией» мирового порядка [25].

⁹ Economist Intelligence Unit. Democracy Index 2023: Frontlines of Democracy. London: EIU, 2024. URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2023>.

Иными словами, один и тот же уровень алгоритмизации власти в зависимости от геополитического контекста интерпретируется по-разному: в странах Запады – как технологическая транспарентность, в незападных – как авторитарная централизация. Такое различие подтверждает, что традиционные индексы демократии не являются внеполитическими инструментами анализа, а выполняют функцию нормативного кодирования глобального распределения власти [21].

Идентифицированные аномалии позволяют заключить, что в современном глобальном измерительном пространстве демократия и автократия определяются не только по институциональным признакам, но и по степени включенности государства в определенные сети нормативного влияния.

Индекс GASI, опираясь на объективные ресурсно-цифровые показатели, нейтрализует эффект идеологического смещения и позволяет фиксировать фактические, а не политически присвоенные параметры власти. Тем самым он служит не альтернативой, а корректирующим механизмом в системе глобальных политических индикаторов.

Интерпретация контроля: двойные стандарты цифровой оценки

Сопоставление индекса GASI (Governance Algorithmic Sovereignty Index) с международными рейтингами демократии (EIU, V-Dem) показывает, что расхождения между ними касаются не классификации режимов, а толкования самого феномена контроля. В обеих группах – и в «демократиях», и в «автократиях» – цифровизация ведет к росту алгоритмического регулирования и централизации принятия решений¹⁰ [29]. Различие заключается в интерпретации:

- в рамках западных индексов цифровое управление трактуется как признак транспарентности и good governance [15];
- в рамках GASI оно определяется как инструмент централизации и техногенного контроля.

Тем самым в мировом индикаторном поле возникает парадокс: одни и те же процессы в одних системах оцениваются как углубление демократии, а в других – как укрепление автократии.

В евроатлантических моделях (Норвегия, Канада, Эстония) алгоритмизация административных решений представляется как расширение открытости и эффективности управления. В терминах GASI такие практики рассматриваются как формирование «мягкой ALGO-зависимости» – устойчивого цифрового контроля над поведением граждан.

Для сетевых автократий (ОАЭ, Катар, Сингапур) централизация данных и алгоритмическое управление в западных рейтингах трактуются как дефицит свобод,

¹⁰ Varieties of Democracy (V-Dem) Dataset v13.1. University of Gothenburg, 2024. URL: <https://www.v-dem.net>.

тогда как в модели GASI – как институционализированный суверенитет цифрового пространства.

Промежуточную позицию занимают гибридные режимы (Турция, Казахстан, Вьетнам), в которых идет одновременная алгоритмизация и сохранение частичных демократических механизмов; GASI фиксирует эту зону как «бифуркационную» – точку перехода к сетевой автократии.

Различие в оценках не является исключительно методологическим. Оно отражает идеологическую асимметрию между двумя традициями понимания власти. Для евроатлантических систем контроль интерпретируется как форма ответственного управления, необходимая для сохранения общественного доверия. Для режимов Глобального Юга и Востока цифровой контроль воспринимается как механизм суверенитета и устойчивости в условиях внешнего давления. Иными словами, в первом случае контроль легитимируется через нормативные ценности, во втором – через функциональные результаты. Такая разница в легитимации и порождает «двойные стандарты цифровой оценки».

1. Формально индексы GASI и демократии в 80% случаев совпадают по типу режима, что свидетельствует о структурной согласованности моделей.

2. Содержательно они расходятся: EIU и V-Dem трактуют цифровое управление как признак демократической зрелости, тогда как GASI рассматривает его как индикатор усиления алгоритмического контроля.

3. Следовательно, цифровизация не делит мир на демократии и автократии, а создает единое поле алгоритмической власти с разными моральными интерпретациями.

Эта двойственность и определяет ценность индекса GASI – он фиксирует не политические ярлыки, а функциональную реальность современных сетевых режимов, позволяя различать реальное управление и его нормативное оформление в мировых рейтингах [24; 30].

Роль индексов демократии в глобальной политике и экономике

Международные индексы демократии (V-Dem, EIU, Freedom House) давно вышли за рамки академических классификаций и стали инструментами глобального управления. Их результаты используются:

- международными институтами – ООН, Всемирным банком, МВФ, Европейским союзом – как часть входных данных при распределении грантов, кредитов, санкций и торговых преференций;
- инвестиционными фондами и ESG-платформами (BlackRock, MSCI, S&P ESG Indexes), где рейтинг «демократичности» страны влияет на доступ к зеленым инвестициям и кредитным линиям¹¹;

11 Berg F., Koelbel J.F., Rigobon R. Aggregate Confusion: The Divergence of ESG Ratings // Journal of Sustainable Finance & Investment, 2023. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/20430795.2022.2161746>.

Таблица 2. Практические последствия расхождений между индексом GASI и международными рейтингами демократии

Table 2. Practical Implications of Discrepancies Between the GASI Index and International Democracy Ratings

Кластер / пример	Кто ориентируется	Как используется	Риск искажения
Over-autocracy (ОАЭ, KSA, Катар, Кувейт)	ESG-фонды, рейтинговые агентства	Получают «зеленый свет» как условно стабильные демократии (EIU ≥ 5,0)	Переоценка демократичности → занижение рисков цифрового контроля
Over-democracy (Канада, Норвегия, Эстония, Тайвань)	OECD, ЕС, G7	Используются как «эталонные демократии» для нормативного экспорта	Недооценка роста ALGO и скрытого контроля в публичных сервисах
Конфликтные кейсы (Иран, Мьянма, Йемен)	ООН, Всемирный банк, МВФ	Применяются санкции и ограничения, основанные на экспертных индексах	Ошибочное занижение – страны воспринимаются как «закрытые», хотя фактически проходят цифровую консолидацию

Источник: составлено автором на основе данных World Bank, IMF, OECD и ESG-индексов 2023–2024 гг. Source: compiled by the author based on data from the World Bank, IMF, OECD and ESG indices for 2023–2024.

• дипломатическими структурами и НКО, включая ОБСЕ, Freedom House и Transparency International, при формировании повестки «демократического продвижения» и soft power;

• медиа и цифровыми платформами, где показатели демократии функционируют как ярлыки легитимности в публичном пространстве¹².

Таким образом, демократические рейтинги выполняют одновременно аналитическую и регулятивную функции: они не только описывают политическую реальность, но и формируют параметры допустимости внешнеполитических и экономических решений.

Выявленные аномалии ($|\Delta| \geq 0,40$); (95% CI: 0,37–0,43, bootstrap n = 5000) показали, что техническая картина, фиксируемая индексом GASI, в ряде случаев не совпадает с экспертной нормативной оценкой, что имеет конкретные практические последствия.

Пороговое значение $\Delta = 0,40$ было выбрано на основании анализа ROC-кривой (AUC = 0,89) и индекса Юдена (Youden Index = 0,39), округленного до 0,40 как оптимального разделителя чувствительности и специфичности.

Для наглядного представления выявленных расхождений и их институциональных последствий была составлена сравнительная Таблица 2, отражающая, каким образом аномалии индекса GASI интерпретируются различными международными структурами и какие риски искажений они порождают. Для сопоставления использовалась методология Democracy Index 2023¹³.

12 Mounk Y., Foa R. Democracy's Confidence Crisis // Foreign Affairs, 2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com>.

13 Varieties of Democracy (V-Dem) Dataset v13.1. University of Gothenburg, 2024. URL: <https://www.v-dem.net>.

Технические данные GASI показывают, что демократические ярлыки могут вступать в противоречие с фактическими параметрами цифрового управления. Это означает, что международные институты, полагающиеся на экспертные индексы, рискуют ошибочно классифицировать режимы, что влечет искажения в санкционной, инвестиционной и гуманитарной политике.

Географическое распределение аномалий показывает концентрацию положительных Δ в регионах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии (рентно-цифровые режимы) и отрицательных Δ в Северной Европе и Северной Америке (демократии с высокой алгоритмизацией управления).

Таким образом, совокупный анализ аномалий подтверждает, что расхождения между техническим и нормативным подходами имеют геополитическую природу и отражают границы экспертной нейтральности существующих индексов. GASI, в отличие от них, позволяет фиксировать объективные ресурсно-цифровые паттерны без вмешательства идеологических оценок.

Выделим три типа институциональных искажений:

1. Регулятивное искажение – когда страна получает международные привилегии (ESG, кредиты, статус партнера) при фактической институционализации цифрового контроля (например, ОАЭ, Сингапур).

2. Нормативное искажение – когда высокий рейтинг демократии воспринимается как индикатор «моральной надежности», скрывая рост ALGO-инфраструктуры (например, Канада, Эстония).

3. Санкционное искажение – когда экспертные индексы фиксируют авторитаризм в условиях цифрового конфликта, не учитывая управляемость и предсказуемость режима (например, Иран, Мьянма).

Эти эффекты подтверждают, что традиционные рейтинги демократии обладают асимметричной чувствительностью – они точнее фиксируют институциональные различия в западных странах, но хуже распознают цифровые формы автократии и гибридизации в развивающихся регионах.

GASI выступает как корректирующий фильтр для международных индексов, позволяющий отделять нормативную оценку от структурного факта. Его применение дает три преимущества:

1. Снижение политизации – опора на количественные параметры (ренту, цифровизацию, ALGO) минимизирует экспертное смещение.

2. Повышение точности ESG-анализа – индекс позволяет корректировать риски цифрового контроля и управляемости.

3. Ранняя диагностика трансформации режимов – GASI фиксирует фазы перехода (0,55–0,59) еще до институциональных изменений, что делает его эффективным инструментом прогнозирования.

Тем самым GASI не заменяет международные рейтинги, а дополняет их, переводя политическую оценку в область воспроизводимых технических метрик.

Таким образом, практическая применимость GASI подтверждает его статус не только как аналитического индикатора, но и как возможного стандарта для

мониторинга цифровых режимов, что открывает переход к следующему этапу исследования – верификации прогностической мощности индекса.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило исходную гипотезу: цифровизация и алгоритмизация власти не только изменяют инструменты управления, но и трансформируют саму природу политических режимов. Разработанный индекс цифрового суверенитета GASI (Governance Algorithmic Sovereignty Index) показал, что цифровой контроль становится новым измерением политической устойчивости, в рамках которого границы между демократией и автократией утрачивают бинарный характер и превращаются в континуум управляемых конфигураций.

В отличие от традиционных индексов (Democracy Index (EIU), Freedom House и V-Dem) GASI опирается не на экспертные оценки, а на воспроизводимые технические параметры: долю ресурсной ренты (RENTA), уровень цифровой интеграции (DIGITAL) и институционализацию алгоритмического контроля (ALGO). Такой подход позволяет фиксировать функциональные свойства власти, а не идеологические нарративы о ней.

Эмпирический анализ 194 стран за 2023–2024 гг. выявил общий уровень согласованности GASI с существующими индексами около 80%, что подтверждает структурную сопоставимость моделей. Однако оставшиеся приблизительно 20% расхождений ($\Delta \geq 0,40$) имеют методологически значимый характер и отражают не ошибки измерения, а различия в интерпретации цифровизации как инструмента прозрачности или как инструмента контроля.

Проведенная верификация индекса цифрового суверенитета GASI подтвердила его статистическую устойчивость и прогностическую надежность, а также позволила эмпирически выделить пороговые состояния цифровых режимов, соответствующие переходу от сетевой демократии к протосетевой автократии. Различие между GASI и традиционными индексами заключается не в типологии режимов, а в трактовке цифровизации. Если экспертные рейтинги оценивают ее через политические категории участия, плюрализма и свободы слова (подверженные контекстной и идеологической интерпретации), то GASI рассматривает цифровизацию как технический процесс перераспределения власти и данных, где каждый параметр (рента, цифровое покрытие, алгоритмизация) имеет количественное выражение и независим от политических установок.

Это различие объясняет, почему экспертные индексы нередко создают эффект «морального бонуса» для союзников и «штрафа» для автономных режимов, тогда как GASI фиксирует фактическое совпадение структурных признаков цифрового контроля в странах с разной политической ориентацией.

Аномалии, подтверждающие политизацию рейтингов

Введение пятибалльной шкалы ALGO (0–1 с шагом 0,2) позволило уточнить уровень алгоритмической институционализации и математически продемонстрировать степень политизации существующих индексов демократии. Именно переход от трехбалльных и бинарных моделей к пятибалльной системе анализа дал возможность выявить две устойчивые группы стран с противоположными направлениями смещения:

Over-democracy – государства, в которых экспертные рейтинги завышают уровень демократичности (Норвегия, Швеция, Германия, Канада, Нидерланды), трактуя высокий цифровой контроль как проявление «прозрачности» и «открытого управления»;

Over-autocracy – страны, где аналогичные механизмы цифрового администрирования интерпретируются как признаки автократии (Россия, Китай, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Катар).

Эти результаты подтверждают системный характер нормативных искажений: одни и те же технологические процессы управления получают противоположные оценки в зависимости от политического контекста и внешнеполитической лояльности государств. Тем самым зафиксированные аномалии служат эмпирическим основанием для дальнейшего анализа политизации рейтингов и перехода к разработке алгометрического подхода к измерению власти.

Политизация рейтингов и алгометрия власти

Эмпирические результаты подтвердили политизацию существующих индексов демократии, согласуясь с выводами В.Меркеля [23], Г.Мунка [25], П.Норрис [26; 27] и других исследователей о нормативной предвзятости международных рейтингов. Этот эффект был математически верифицирован через сопоставление количественных параметров цифрового контроля и рентной зависимости, что позволило выявить устойчивое системное смещение экспертных оценок.

Политизация индексов проявляется как объективное расхождение числовых систем, в рамках которых демократические рейтинги выполняют функцию инструментов нормативного позиционирования, «поощряя» союзников и «штрафуя» акторов, обладающих высокой степенью автономии управления.

Разработанный индекс цифрового суверенитета GASI выступает как технический контрбаланс, устраняющий политические искажения и восстанавливающий эмпирическую достоверность оценки режимов. Его методология основана на воспроизводимых параметрах цифровой инфраструктуры, ресурсной зависимости и алгоритмической централизации.

На теоретическом уровне результаты исследования, по мнению автора, свидетельствуют о формировании нового направления в политической науке – алгометрии власти, под которой понимается совокупность методов количественного

измерения политических режимов на основе архитектуры данных, алгоритмических связей и цифровых зависимостей. В отличие от традиционных нормативных подходов, алгометрия власти фокусируется не на декларациях «свободы» и формальных признаках демократичности, а на измеримых показателях управляемости, цифрового суверенитета и алгоритмической автономии государства.

Таким образом, алгометрия власти задает методологическую основу для количественного анализа ранее описанных типологий сетевых режимов – сетевой демократии и сетевой автократии, обеспечивая переход от описательных моделей к аналитически воспроизводимой системе показателей.

От демократии к алгоритмическому континууму

Выявленные аномалии отражают не расхождение в фактах, а различие в эпистемологических основаниях измерения власти. Индекс цифрового суверенитета GASI демонстрирует, что дихотомия «демократия – автократия» уступает место спектру сетевых режимов, где решающее значение имеют не формы участия, а структура цифрового контроля и алгоритмическая управляемость.

Практическая значимость индекса проявляется в четырех направлениях:

- 1) политический анализ и прогнозирование – выявление фазовых переходов (0,55–0,59) и рисков алгоритмической консолидации;
- 2) ESG- и инвестиционные оценки – количественная диагностика цифрового контроля и управляемости;
- 3) международный мониторинг – независимая верификация цифровых режимов и коррекция политически мотивированных рейтингов;
- 4) академические исследования – формирование новой базы данных и методологии анализа цифрового суверенитета.

Индекс цифрового суверенитета GASI не противопоставляет себя существующим рейтингам, а дополняет их, устраняя идеологические искажения и предлагая функциональную модель измерения современного государства. Его ключевая ценность заключается в способности фиксировать переходные состояния – от сетевой демократии к алгоритмической автократии и обратно, открывая тем самым возможности для прогностического анализа политических режимов в эпоху цифрового суверенитета.

Список литературы

1. Авдеев Д.А., Журавлева Е.С. Индексы и критерии развития демократии в современном процессе [Indexes and Criteria for the Development of Democracy in the Modern Process] // ГОСРЕГ: Государственное регулирование общественных отношений. 2018. № 3(25). С. 54–61.
2. Бондарик Е.В. Основные международные индексы свободы СМИ: систематизация, критерии оценки и критика [Main International Media Freedom Indices: Systematization, Evaluation Criteria and Criticism] // Полития. 2019. № 3(94). С. 185–200. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-185-200>.
3. Горбачев М.В. Методологические уровни интерпретации современной российской демократии: цивилизационная уникальность и проблемы выбора идентификационной

- модели исследования [The Methodological Levels of Modern Russian Democracy Interpretation: Civilization Unique and the Problem of Search of the Effective Model of Identification Research] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010. Т. 10. Вып. 3. С. 84–87.
4. Никотин Д.А. Политический режим в постсоветской России: периоды трансформации и индексы демократии [Political Regime in Post-Soviet Russia: Periods of Transformation and Indices of Democracy] // Наука Краснояря. 2016. № 2(25). С. 127–141. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2016-2-127-141>.
  5. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств [The Political Atlas of Modernity: The Experience of Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States]. М.: Изд-во «МГИМО–Университет», 2007. 272 с.
  6. Понарин Э.Д. Об объективном, субъективном и манипулятивном в рейтингах стран [About the Objective, Subjective and Manipulative in Country Ratings] // СОЦИОДИГГЕР. 2021. Август. Т. 2. Вып. 7(12). С. 95–100.
  7. Шулика Ю. Анализ выживаемости авторитарных режимов в рентно-сырьевых экономиках: возможности и ограничения модели пропорциональных рисков [Survival Analysis for Authoritarian Regimes in Resource Rent Economies: Possibilities and Limitations of the Proportional Hazards Model] // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. Т. 12. № 4. С. 122–139. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-4-122-139>.
  8. Bollen K. Political Democracy: Conceptual and Measurement Traps // Studies in Comparative International Development. 1990. Vol. 25. P. 7–24.
  9. Campbell D.F., Barth Th.D., Pözlbauer P., Pözlbauer G. Democracy Ranking: The Quality of Democracy in the World. Vienna: Democracy Ranking. 2012. URL: <https://web.archive.org/web/20130911030535/http://democracyranking.org/wordpress/>.
  10. Carothers T. Democracy Assistance: Political vs. Developmental? // Journal of Democracy. 2009. № 20(1). P. 5–19.
  11. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2010.
  12. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research // World Politics. 1997. Vol. 49. № 3. P. 430–451.
  13. Crouch C. Post-Democracy After the Crises. Cambridge: Polity Press, 2020. 187 p.
  14. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971.
  15. DeNardis L. The Internet in Everything: Freedom and Security in a World with No Off Switch. New Haven: Yale University Press, 2020. 236 p.
  16. Diamond L. Ill Winds: Saving Democracy from Russian Rage, Chinese Ambition, and American Complacency. New York: Penguin Press, 2019. 368 p.
  17. Fukuyama F. Political Order and Political Decay. From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. New York: Farrar, Strauss y Giroux, 2014. 658 p.
  18. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy: the Human Development Sequence. New York: Cambridge University Press, 2005. 333 p.
  19. Kurki M. Democracy and Conceptual Contestability: Reconsidering Conceptions of Democracy in Democracy Promotion // International Studies Review. 2010. № 12(3). P. 362–386. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.00943.x>.
  20. Lake D.A. Hierarchy in International Relations. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 248 p. ISBN 978-0-8014-4715-7.
  21. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 517 p.
  22. Mejiias U.A., Couldry N. Data Grab: The New Colonialism of Big Tech and How to Fight Back. Chicago: University of Chicago Press, 2024. 328 p. ISBN 978-0-226-83230-2.
  23. Merkel W. Is There a Crisis of Democracy? // Democratic Theory. 2014. № 1(2). P. 11–25. <https://doi.org/10.3167/dt.2014.010202>.
  24. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York: Public Affairs, 2011. 409 p.
  25. Munck G.L., Verkuilen J. Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices // Comparative Political Studies. 2002. № 35(1). P. 5–34. <https://doi.org/10.1177/001041400203500101>.
  26. Norris P. Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. New York: Cambridge University Press, 2010. 360 p.
  27. Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty and the Internet Worldwide. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 303 p.
  28. Ross M.L. The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. Princeton: Princeton University Press, 2012. 312 p. ISBN 978-0-691-15430-0.

29. Way L. Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics // International Affairs. 2016. № 92(5). P. 1279–1280. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12731>.
30. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism. New York: PublicAffairs, 2019. 717 p.

Информация об авторе

БОЧАРОВ Юрий Борисович. Кандидат политических наук. Политический аналитик. <https://orcid.org/0000-0003-0345-0173>. Адрес: Израиль, г. Хайфа. yurabig@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 октября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Avdeev D.A., Zhuravleva E.S. Indexes and Criteria for the Development of Democracy in the Modern Process. GOSREG: Gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennyh otnoshenij [GOSREG: State Regulation of Public Relations]. 2018; 3(25):54–61 [In Russian].
2. Bondarik E.V. Main International Media Freedom Indices: Systematization, Evaluation Criteria and Criticism. Politiya [Politeia]. 2019; 3(94):185–200 [In Russian]. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-185-200>.
3. Gorbachov M.V. The Methodological Levels of Modern Russian Democracy Interpretation: Civilization Unique and the Problem of Search of the Effective Model of Identification Research. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. [Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology]. 2010; 10(3):84–87 [In Russian].
4. Nikotin D.A. Political Regime in Post-Soviet Russia: Periods of Transformation and Indices of Democracy. Nauka Krasnoyarsk'ya [Krasnoyarsk Science]. 2016; 2(25):127–141 [In Russian]. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2016-2-127-141>.
5. The Political Atlas of Modernity: The Experience of Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States. Moscow: Izd-vo «MGI MO–Universitet» [MGIMO University Publishing House], 2007. 272 p. [In Russian].
6. Ponarín E.D. About the Objective, Subjective and Manipulative in Country Ratings. SOCIODIGGER [SOCIODIGGER]. 2021; 7(12):95–100 [In Russian].
7. Shulika Yu. Survival Analysis for Authoritarian Regimes in Resource Rent Economies: Possibilities and Limitations of the Proportional Hazards Model. Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya [Bulletin of Perm University. Political Science]. 2018; 12(4):122–139 [In Russian]. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-4-122-139>.
8. Bollen K. Political Democracy: Conceptual and Measurement Traps. Studies in Comparative International Development. 1990; 25:7–24 [In English].
9. Campbell D.F., Barth Th.D., Pözlbauer P., Pözlbauer G. Democracy Ranking: The Quality of Democracy in the World. Vienna: Democracy Ranking. 2012. [In English]. Available from: <https://web.archive.org/web/20130911030535/http://democracyranking.org/wordpress/>.
10. Carothers T. Democracy Assistance: Political vs. Developmental? Journal of Democracy. 2009; 20(1):5–19 [In English].

11. Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2010 [In English].
12. Collier D., Levitsky S. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. World Politics. 1997; 49(3):430–451 [In English].
13. Crouch C. Post-Democracy After the Crises. Cambridge: Polity Press, 2020. 187 p. [In English].
14. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971 [In English].
15. DeNardis L. The Internet in Everything: Freedom and Security in a World with No Off Switch. New Haven: Yale University Press, 2020. 236 p. [In English].
16. Diamond L. Ill Winds: Saving Democracy from Russian Rage, Chinese Ambition, and American Complacency. New York: Penguin Press, 2019. 368 p. [In English].
17. Fukuyama F. Political Order and Political Decay. From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. New York: Farrar, Strauss y Giroux, 2014. 658 p. [In English].
18. Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change and Democracy: the Human Development Sequence. New York: Cambridge University Press, 2005. 333 p. [In English].
19. Kurki M. Democracy and Conceptual Contestability: Reconsidering conceptions of democracy in democracy promotion. International Studies Review. 2010; 12(3):362–386 [In English]. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.00943.x>.
20. Lake D.A. Hierarchy in International Relations. Ithaca: Cornell University Press, 2011. 248 p. [In English]. ISBN 978-0-8014-4715-7.
21. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 517 p. [In English].
22. Mejias U.A., Couldry N. Data Grab: The New Colonialism of Big Tech and How to Fight Back. Chicago: University of Chicago Press, 2024. 328 p. [In English]. ISBN 978-0-226-83230-2.
23. Merkel W. Is There a Crisis of Democracy? Democratic Theory. 2014; 1(2):11–25 [In English]. <https://doi.org/10.3167/dt.2014.010202>.
24. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York: PublicAffairs, 2011. 409 p. [In English].
25. Munck G.L., Verkuilen J. Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices. Comparative Political Studies. 2002; 35(1):5–34 [In English]. <https://doi.org/10.1177/001041400203500101>.
26. Norris P. Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited. New York: Cambridge University Press, 2010. 360 p. [In English].
27. Norris P. Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty and the Internet Worldwide. Cambridge: New York: Cambridge University Press 2001. 303 p. [In English].
28. Ross M.L. The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. Princeton: Princeton University Press, 2012. 312 p. [In English]. ISBN 978-0-691-15430-0.
29. Way L. Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics. International Affairs. 2016; 92(5):1279–1280 [In English]. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12731>.
30. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism. New York: PublicAffairs, 2019. 717 p. [In English].

About the author

Yuri B. BOCHAROV. CandSc. (Polit.). Political Analyst. <https://orcid.org/0000-0003-0345-0173>. Address: Haifa, Israel. yurabig@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: October 22, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Научная статья

Политические науки

УДК 321.01

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-257-273](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-257-273)

Политические сети как инфраструктуры глобального управления

Вячеслав Андреевич Таранец✉

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

slavataranec@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Аннотация. Статья посвящена концептуальному анализу политических сетей как инфраструктур глобального управления и формированию модели, позволяющей описывать скрытые механизмы координации, остающиеся за пределами институционально-центричных теорий. Актуальность исследования обусловлена усложнением глобальной среды, ростом многоакторности и распространением распределенных форм влияния, которые не сводятся к деятельности формальных международных институтов. В этих условиях возрастающее значение приобретают материальные и когнитивно-нормативные процессы, поддерживающие циркуляцию ресурсов, знаний и интерпретаций, но редко рассматриваемые в контексте глобального управления. Методологической основой исследования выступают акторно-сетевая теория, теория сетевого общества, социология инфраструктур и конструктивистский подход к структурам знания и норм. Их системная интеграция позволяет обосновать двойственную природу политических сетей как одновременно материальных каналов взаимодействия и механизмов производства интерпретационных рамок. На этой основе формируется авторская модель, выделяющая параметры инфраструктурности: механизмы циркуляции, процедуры нормообразования, конфигурации включения и исключения акторов, а также эпистемические режимы, определяющие горизонты легитимного политического действия. Сравнительный анализ иерархической и инфраструктурной логики глобального управления демонстрирует ограниченность нормативно-институциональных объяснений и показывает, что распределенные сетевые механизмы оказываются ключевыми для устойчивости глобальных процессов. Предложенная типология

политических сетей раскрывает различия в их организационной плотности и функциональной роли в поддержании глобального порядка. Полученные результаты позволяют трактовать политические сети как гибридные инфраструктуры, задающие условия формирования норм, распределения ресурсов и производства легитимности. Модель открывает перспективы дальнейшей эмпирической верификации и применения к анализу многоуровневых транснациональных сетевых конфигураций.

Ключевые слова: политические сети, глобальное управление, скрытая институциональность, нормативные механизмы, акторно-сетевая теория

Для цитирования: Таранец В.А. Политические сети как инфраструктуры глобального управления // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 257-273, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-257-273](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-257-273)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-257-273](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-257-273)

Political Networks as Global Governance Infrastructures

Vyacheslav A. Taranets✉

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia
slavataranec@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>

Abstract. The article develops a conceptual model of political networks as infrastructures of global governance, enabling analysis of coordination mechanisms that remain outside institutionalist explanations. The relevance of the study is driven by the increasing complexity of the global environment, the rise of multi-actor configurations, and the expansion of distributed forms of influence not reducible to formal international institutions. In this context, material and cognitive-normative processes that sustain the circulation of resources, knowledge, and interpretations gain importance yet remain insufficiently addressed in global governance research. Methodologically, the study integrates actor-network theory, network society theory, infrastructure studies, and constructivist approaches to norms and knowledge. On this basis, the proposed model identifies key infrastructural parameters: mechanisms of circulation, norm-production procedures, configurations of inclusion and exclusion, and epistemic regimes shaping the boundaries of legitimate political action. A comparative analysis of hierarchical and infrastructural logics demonstrates the limits of institutionalist perspectives and underscores the centrality of distributed network mechanisms for sustaining global processes. The typology of political networks reflects variations in organizational density and functional roles within the global order. The findings conceptualize political networks as hybrid infrastructures that condition norm formation, resource distribution, and the production of legitimacy. The model offers a foundation for further empirical verification and for examining multi-level transnational network configurations.

Keywords: political networks, global governance, hidden institutionalities, normative mechanisms, actor-network theory

For citation: Taranets V.A. Political Networks as Global Governance Infrastructures. Russia & World: Scientific Dialogue. 2026; 1(19): 257-273, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-257-273](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-257-273)

Введение

Глобальное управление традиционно определяется как совокупность формальных международных институтов, межправительственных механизмов и согласованных процедур, посредством которых государства координируют усилия по регулированию транснациональных процессов и поддержанию международного порядка. Однако широко принятые модели глобального управления, основанные на иерархической и институционалистской логике, оказываются недостаточными для объяснения фактических механизмов координации в условиях многоакторности и распределенной власти, поскольку зачастую игнорируют скрытые сетевые и инфраструктурные процессы, обеспечивающие воспроизводство мирового порядка.

Усиление взаимозависимости, рост числа негосударственных акторов, развитие цифровых инфраструктур, фрагментация источников власти и размывание границ между уровнями управления приводят к тому, что глобальные процессы формируются и поддерживаются не только через формальные институты. Классические подходы фиксируют лишь видимую часть глобальной архитектуры, игнорируя скрытые механизмы циркуляции норм, ресурсов и знаний, которые обеспечивают устойчивость мировой политики. При этом неформальные каналы взаимодействия, экспертные и технологические сети, эпистемические сообщества и транснациональные инициативы начинают выполнять функции, которые ранее были прерогативой межгосударственных механизмов.

Указанные факторы требуют переосмысления теоретического инструментария и выработки новых концептуальных подходов, способных описать структуру и динамику глобального управления за пределами формально-институциональных рамок. Одним из таких подходов является интерпретация политических сетей в качестве скрытых инфраструктур управления.

Несмотря на значительное развитие исследований глобального управления, подходы мейнстрима демонстрируют неспособность описать те механизмы координации, которые обеспечиваются не формальными институтами, а распределенными сетевыми структурами. Отсутствует целостная концептуальная модель, позволяющая одновременно фиксировать материальные, нормативные и когнитивные процессы, встроенные в повседневное функционирование политических сетей. Таким образом, остается не закрытым ключевой исследовательский вопрос: каким образом сетевые формы организации становятся инфраструктурными основаниями глобального порядка и за счет каких механизмов они воспроизводят управленческие процессы вне институциональных контуров?

Цель настоящей статьи – теоретическое обоснование гипотезы, согласно которой политические сети трактуются как инфраструктуры глобального управления, выявление их материальных и нормативных функций, а также типологизация политических сетей.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- проанализировать ограничения классических институциональных моделей глобального управления;
- наглядно продемонстрировать способности политических сетей к выполнению инфраструктурных функций;
- сформировать и описать устойчивую типологию политических сетей как инфраструктур управления.

Материалы и методы

Методологически исследование опирается на акторно-сетевую теорию Б.Латура [6], теорию сетевого общества М.Кастельса [3], учение о социологии инфраструктур С.Стар [9], конструктивистский подход А.Вендта [11] и П.Хааса [4], а также на компаративный анализ и концептуальное моделирование.

Научная новизна заключается в раскрытии двойной природы политических сетей: материально-организационной и нормативно-конструктивной. Вводится различие иерархической и инфраструктурной логик глобального управления, позволяющее выявить ограничения классических институциональных моделей. На основе предложенной автором концепции разрабатывается аналитическая модель политических сетей как инфраструктур, а также формируется типология сетевых структур.

Вклад исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании концепции, а также в типологизации предложенных видов политических сетей. Представленный теоретический синтез выходит за рамки акторно-сетевой теории, концепции сетевого общества и социологии инфраструктур в отдельности, создавая самостоятельную аналитическую оптику для исследования скрытых механизмов международного взаимодействия.

Для обоснования выдвигаемой гипотезы требуется обратиться к ряду теоретических подходов: акторно-сетевой теории, теории сетевого общества, социологии инфраструктур и конструктивизму. Именно их совместное использование позволит рассматривать политические сети как инфраструктурные основания политической системы, обеспечивающие устойчивость и воспроизводимость глобального управления.

Одним из теоретических оснований выступает акторно-сетевая теория (ANT), разработанная Бруно Латуром, Мишелем Каллоном и их последователями [6]. ANT трактует социальный порядок и власть не как изначально данные свойства институтов, а как эффект устойчивых связей между гетерогенными акторами (людьми, технологиями, документами, нормами). В контексте исследования это открывает возможность интерпретировать политические сети как гибкие, распределенные системы циркуляции смыслов, влияния и ресурсов.

Не менее значимой является идея сетевого общества Мануэля Кастельса [3]. Согласно его подходу, сети обладают собственной адаптивной природой: власть в глобальном обществе циркулирует по каналам, созданным сетевой архитектурой, а не концентрируется в формальных институтах. Это дополняет аргументацию ANT и позволяет рассматривать политические сети как институционализированные формы власти. В этой концепции сети предстают как инфраструктуры, задающие условия действия для других акторов и структурирующие поле глобальной политики.

Переосмысление роли политических сетей в управлении требует выхода за пределы традиционных представлений о власти, институте и властном взаимодействии [2]. Для углубления теоретической базы автор обращается к учению о социологии инфраструктур, центральный тезис которого состоит в том, что власть воспроизводится не только через формальные институты и акты принуждения, но и через скрытые, рутинные материальные и организационные структуры, необходимые для функционирования сложных систем [10]. Такие структуры обладают высокой институциональной устойчивостью и, как правило, политичны: властные отношения обнаруживаются даже в технических и организационных системах.

С этих позиций политические сети все чаще выполняют институциональные функции без официального оформления [7; 8]. Такой эффект можно обозначить как инфраструктурную институционализацию: устойчивость, регуляторная сила и воспроизводимость обеспечиваются не нормативными документами, а сетевой организацией ресурсов, норм и легитимности [1]. В отличие от иерархий и классических институтов сети обеспечивают гибкость, оставаясь при этом незаметными для традиционных аналитических инструментов.

Наряду с инфраструктурным измерением политические сети обладают ярко выраженной нормативно-конструктивной функцией. А.Вендт подчеркивает, что структура международной политики есть результат социального взаимодействия [11]. В этой логике политические сети выступают не просто каналами координации, а производителями смыслов и норм, определяющими состояние мирового порядка. Особое место занимает концепция эпистемических сообществ П.Хааса [4], согласно которой такое сообщество понимается как сеть экспертов, обладающих признанной компетентностью и едиными критериями интерпретации реальности. В условиях высокой неопределенности такие сообщества-сети формируют когнитивные и нормативные основания глобальной политики, существенно влияя на выработку решений и определяя параметры допустимого выбора.

Применительно к политическим сетям конструктивистский подход позволяет выделить несколько взаимосвязанных аналитических функций:

- производство знания и повестки (примером служит сеть GLOBSEC, активно участвующая в формировании политики кибербезопасности на международном уровне; здесь сеть выполняет функцию когнитивного фильтра, задавая параметры «здорового» дискурса и политики);

- нормативная социализация (так, участие развивающихся стран в инициативах устойчивого развития, координируемых сетями типа SDSN, способствует распространению и укоренению нормативной модели «устойчивого роста» как единственно допустимой парадигмы);

- формирование легитимности (наличие в составе сети акторов с международным авторитетом – например, нобелевских лауреатов, бывших глав государств – придает вес и авторитет предлагаемым решениям, даже при отсутствии юридической обязательности);

- закрепление норм через институционализацию практик (в этом смысле сети играют роль инкубаторов институтов, где формируются новые нормы до их формальной фиксации).

Таким образом, совокупность рассмотренных подходов (акторно-сетевой теории, теории сетевого общества, социологии инфраструктур и конструктивизма) позволяет выйти за пределы традиционных трактовок политических сетей и интерпретировать их как устойчивые, встроенные и воспроизводимые основания глобального управления. На пересечении материального и нормативного измерений сети предстают не только каналами координации, но и самостоятельными структурными элементами мирового порядка. Это делает возможным переход к формированию авторской модели политических сетей как инфраструктур глобального управления, уточняющей их природу, функции и место в современной политической архитектуре.

Авторская модель

Опираясь на представленные теоретические основания, политические сети могут быть концептуализированы как формы скрытой, но устойчивой институциональности, обеспечивающие функционирование глобальных процессов в условиях высокой степени взаимозависимости акторов. В отличие от классических институтов, чья деятельность опирается на формальные процедуры и иерархическую организацию, сети функционируют как инфраструктуры, то есть как материальные компоненты, каналы и скрытые механизмы, поддерживающие циркуляцию норм, ресурсов, знаний и управленческих решений. Предлагаемая модель исходит из предположения, что политические сети обладают двойственной природой, совмещая материально-организационное и нормативно-конструктивное измерения. Такое понимание позволяет рассматривать сети не как периферийные механизмы координации, а как фундаментальные основания мирового порядка.

Авторская модель политических сетей не сводится к простой сумме акторно-сетевой теории, концепции сетевого общества и социологии инфраструктур. Ее отличие заключается в интеграции нескольких теоретических фреймов в единую аналитическую конструкцию, позволяющую описывать сеть не только как форму социального взаимодействия, не только

как структуру циркуляции полномочий и информации и не только как скрытый слой материальных практик, но и как гибридную инфраструктуру, обеспечивающую воспроизводство транснационального порядка. Интеграция этих подходов формирует новое теоретическое измерение, в котором сети рассматриваются одновременно как материальные, нормативные и когнитивные механизмы координации, что выходит за рамки любой из исходных теорий в отдельности.

Операционализация предлагаемой модели предполагает анализ политических сетей через выявление четырех групп параметров:

- 1) материальных каналов взаимодействия и устойчивых практик, обеспечивающих воспроизводимость сетевых связей;
- 2) нормативно-конструктивных механизмов производства смыслов, интерпретаций и легитимности;
- 3) процедур циркуляции ресурсов, знаний и норм, формирующих инфраструктурную устойчивость;
- 4) механизмов включения и исключения акторов, задающих конфигурацию сетевой архитектуры.

Отметим, что в материально-организационном плане политические сети выполняют функции инфраструктуры, поддерживая устойчивые каналы взаимодействия между акторами, обеспечивая повторяемость процедур, передачу информации и циркуляцию ресурсов. Эти процессы являются скрытыми, поскольку встроены в рутинные практики и не требуют формального институционального оформления. Кроме того, в нормативно-конструктивном измерении сети выполняют роль производителей и носителей норм, смыслов и знаний. Нормативная сила сетей проявляется в способности вырабатывать устойчивые конструкты поведения, которые затем закрепляются в международной практике и могут предшествовать их формальной кодификации.

Как следствие, политические сети предстают как гибридные инфраструктуры, сочетающие материальное и нормативное измерения и выполняющие ключевую роль в воспроизводстве глобального политического порядка.

Предлагаемая модель позволяет выявить скрытую институциональность глобального управления, которая остается за пределами классических подходов и тем самым формирует альтернативу иерархическим трактовкам, акцентируя роль распределенных сетевых структур. Она объясняет устойчивость мирового порядка через инфраструктурные механизмы, а не только через деятельность формальных институтов, и способствует переосмыслению источников власти, смещая аналитический фокус с институциональных структур на процессы сетевой организации и воспроизводства [5]. Кроме того, модель задает основу для дальнейшего анализа, включая сравнительное исследование различных логик глобального управления и разработку типологии политических сетей.

Результаты исследования

Иерархическая и инфраструктурная логика глобального управления: сравнительный анализ

Переход к анализу политических сетей как инфраструктур глобального управления требует выявления различий между двумя ключевыми режимами организации глобального порядка: иерархическим и инфраструктурным. Классические подходы исходят из предпосылки о существовании вертикально организованной архитектуры, в которой основная регулятивная роль принадлежит государствам, международным организациям и формальным межправительственным процедурам. Эта логика предполагает наличие центра, обладающего правом устанавливать правила, распределять ответственность и координировать действия участников международной системы. Однако в условиях усложнения глобальных процессов, роста числа негосударственных акторов, развития цифровых технологий и появления новых форм транснационального взаимодействия иерархическая логика утрачивает способность описывать фактические механизмы регулирования. Значительная часть процессов глобального управления оказывается встроенной в нелинейные, распределенные структуры, функционирующие через сеть отношений, а не через институциональные центры. Это позволяет говорить о возникновении инфраструктурной логики, основанной на взаимодействии множества акторов, отсутствии фиксированного центра и доминировании скрытых механизмов координации.

Для более яркого проявления различий отметим: иерархическая логика исходит из предположения, что власть концентрируется в институтах, решения принимаются в рамках формализованных процедур, а ответственность за регулирование распределяется согласно институциональным мандатам. Она предполагает стабильность, четкую структуру и возможность управления через нормативные предписания. Инфраструктурная логика же, напротив, опирается на сетевые практики, повторяемые процедуры взаимодействия и рутину, формирующую «скрытую институциональность» глобального порядка. В ней власть проявляется как эффект распределенных процессов – циркуляции знаний, норм, информационных потоков и экспертной легитимности.

Важным отличием двух логик является механизм воспроизводства политического порядка. В иерархических структурах устойчивость обеспечивается нормативной кодификацией и институциональными правилами, тогда как в сетевых структурах устойчивость поддерживается через повторяемость практик, устойчивые каналы взаимодействия и встроенность сетевых элементов в повседневную деятельность общества. Эти механизмы могут быть невидимы для формальных моделей, однако именно они обеспечивают фактическую способность системы адаптироваться к изменениям. Кроме того, иерархическая логика предполагает

доминирование государства и международных организаций как главных центров власти, тогда как инфраструктурная логика исходит из распределенности влияния между государственными, частными, экспертными, технологическими и гражданскими структурами. Тем самым она лучше объясняет феномены нормативной социализации, экспертных сетей и транснациональных инициатив, которые играют ключевую роль в современной политике, но не вписываются в рамки классической институциональной архитектуры.

Сравнительный анализ двух логик позволяет выявить структурный переход в глобальном управлении – от централизации и нормативной регламентации к рассредоточенности, гибкости и инфраструктурной институционализации. Иерархическая логика сохраняет значимость, однако все чаще дополняется и во многих случаях вытесняется механизмами, возникающими в сетевых структурах. Это создает необходимость адаптации теоретических подходов и требует признания политических сетей самостоятельными элементами глобального порядка.

Таблица 1. Компаративный анализ иерархической и инфраструктурной логик глобального управления

Table 1. Comparative Analysis of Hierarchical and Infrastructural Logics of Global Governance

Критерий	Иерархическая логика	Инфраструктурная логика
Центр власти	Фиксирован	Децентрализован
Основание устойчивости	Нормативные правила	Повторяемость практик
Тип координации	Вертикальная	Горизонтальная
Механизмы влияния	Мандаты, процедуры	Потоки, нормы, знания
Вид институциональности	Формальная	Встроенная
Адаптивность	Низкая	Высокая
Тип акторов	Государство-центр	Многоакторность

Источник: составлено автором на основе проведенного исследования

Source: compiled by the author based on the conducted research

В качестве предварительного вывода отметим, что сопоставление иерархической и инфраструктурной логик демонстрирует ограниченность традиционных моделей и подчеркивает аналитическую продуктивность интерпретации политических сетей как инфраструктур. Сравнительный анализ также формирует основу для дальнейшей систематизации сетевых структур, что позволяет перейти к разработке типологии политических сетей, выполняющих различные функции в глобальном управлении.

Типология политических сетей как инфраструктур глобального управления

Выявленные особенности предложенной логики глобального управления позволяют перейти к систематизации политических сетей, выполняющих

различные функции в современной политической архитектуре. Поскольку политические сети сочетают материальные и нормативные механизмы, их типологизация должна учитывать как характер сетевых связей, так и специфические функции, обеспечивающие воспроизводство глобального порядка. Ниже автором предложены несколько устойчивых типов политических сетей, различающихся по доминирующему механизму влияния, характеру ресурсов и месту в глобальной системе.

Первую группу составляют ресурсно-организационные сети, обеспечивающие материальную инфраструктуру глобального взаимодействия. Они включают транслируемые через различные уровни каналы коммуникации, платформы обмена данными, организационные механизмы координации и структуры распределения материальных ресурсов. Подобные сети выступают связующими элементами между акторами, обеспечивая повторяемость процедур, доступ к ресурсам и устойчивость взаимодействия. Их влияние проявляется прежде всего в способности поддерживать функциональную связность глобальной системы, даже в отсутствие формального институционального центра. Такие сети представлены, например, структурами управления глобальными цифровыми потоками, такими как ICANN, задающей правила функционирования доменной системы Интернета. Функция сетей этой группы – обеспечение технологической и операционной устойчивости процессов, от которых зависит функционирование глобальных систем.

Второй тип образуют нормативно-конструктивные сети, создающие и распространяющие нормы, интерпретации и стандарты поведения. Эти сети включают экспертные группы, транснациональные инициативы, международные платформы по обмену знаниями и структуры, формирующие дискурсивные рамки глобальной политики. Их роль заключается в производстве смыслов и легитимности, определяющих параметры допустимых решений. Например, Climate Action Network и Human Rights Watch оказывают значительное влияние на формирование международной повестки, вырабатывая нормативные стандарты, которые затем распространяются среди акторов и закрепляются в практике.

Третий тип представляют когнитивные сети – структуры, создающие знания, аналитические модели и экспертные интерпретации глобальных процессов. Они задают способы понимания проблем, формируют экспертные консенсусы и влияют на выбор политических решений. Примером служит Межправительственная группа экспертов по изменению климата (IPCC), являющаяся одной из наиболее влиятельных глобальных когнитивных платформ.

Четвертый тип представляют сети повседневных инфраструктурных практик. Эти сети менее заметны, поскольку их деятельность встроена в рутинные процедуры глобального взаимодействия: логистику, технологические стандарты, операционные протоколы, механизмы технической совместимости. Они обеспечивают фоновую устойчивость глобальной системы. Характерным примером являются структуры семейства ISO, формирующие глобальные стандарты качества и обеспечивающие техническую совместимость в международных системах.

Пятый тип – гибридные многоуровневые сети, объединяющие элементы всех перечисленных категорий и функционирующие как сложные инфраструктуры управления. Они обеспечивают интеграцию нормативных, когнитивных и материальных механизмов, создавая устойчивые многоуровневые платформы взаимодействия. Примером выступает сеть SDSN, одновременно являющаяся когнитивным центром производства знаний об устойчивом развитии, нормативной структурой (через продвижение Целей устойчивого развития) и организационной платформой, обеспечивающей взаимодействие различных акторов.

Таблица 2. Типология политических сетей

Table 2. Typology of Political Networks

Тип сетей	Основание влияния	Основные функции	Примеры
Ресурсно-организационные	Материальные каналы	Техническая и операционная устойчивость	ICANN
Нормативно-конструктивные	Нормы и интерпретации	Формирование стандартов поведения	CAN, HRW
Когнитивные	Знания, экспертность	Производство интерпретаций и моделей	IPCC
Сети повседневных практик	Рутинные стандарты	Фоновая устойчивость процессов	ISO
Гибридные	Сочетание оснований	Комплексная координация	SDSN

Источник: составлено автором на основе проведенного исследования

Source: compiled by the author based on the conducted research

Представленная типология политических сетей отражает их многослойную природу и демонстрирует, что различные типы сетей выполняют взаимодополняющие функции в структуре глобального управления. Такая систематизация позволяет более полно описать механизм функционирования политических сетей и служит основой для дальнейшего анализа структурных изменений в глобальном управлении.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют утверждать, что политические сети действительно обладают устойчивыми инфраструктурными характеристиками, обеспечивающими воспроизводимость глобальных процессов вне зависимости от формального институционального контура. В ходе анализа стало очевидно, что способность сетей поддерживать циркуляцию ресурсов, знаний и норм не является побочным эффектом их деятельности, а представляет собой фундаментальный

механизм формирования устойчивости мировой политической системы. Это подтверждает тезис о сетях как скрытых, но системообразующих структурах глобального управления.

Исследование показало, что материально-организационная составляющая политических сетей играет ключевую роль в стабилизации взаимодействий между акторами. Каналы коммуникации, распределенные практики координации и повторяемые ритуалы обмена информацией функционируют как инфраструктурные элементы, которые действуют независимо от официальных регуляторных решений. Это позволяет говорить о существовании автономного уровня политической организации, чья устойчивость определяется не юридическими нормами, а встроенностью сетевых процессов в повседневную деятельность международных акторов.

Наряду с этим выявлено, что нормативно-конструктивное измерение сетей формирует когнитивные рамки, в пределах которых принимаются решения глобальной значимости. Политические сети оказываются носителями интерпретационных моделей, задающих структуру возможного и невозможного в глобальном управлении. Результаты анализа подтверждают, что сети способны генерировать собственные стандарты поведения и критерии легитимности, которые затем закрепляются в международной политической практике, нередко предвосхищая или замещая формальные механизмы регулирования.

Исследование инфраструктурных эффектов показало, что политические сети воспроизводятся через рутинные процессы, поддерживающие их долговременную устойчивость. Эта воспроизводимость не требует централизованного управления – наоборот, распределенная структура сетей позволяет им функционировать как самоорганизующиеся системы, в которых порядок является следствием повторения практик, а не принудительного институционального контроля. Такой механизм делает сети особенно значимыми в условиях возрастающей неопределенности и фрагментации глобальной среды.

Анализ теоретических подходов продемонстрировал, что ключевые концепции – ANT, теория сетевого общества, социология инфраструктур и конструктивистская традиция – дополняют друг друга и позволяют выявить двойственную природу политических сетей. Исследование подтвердило, что сети одновременно функционируют как материальные каналы и как эпистемические механизмы, объединяя организационную и нормативную логику в едином инфраструктурном модуле. Такой синтез становится важным объяснительным инструментом, позволяющим зафиксировать феномены, ускользающие от институционально-центричных моделей.

В результате разработки авторской модели стало возможно выделить параметры, структурирующие анализ политических сетей как инфраструктур. Было показано, что ключевое значение имеют механизмы циркуляции ресурсов и знаний, способы производства норм и легитимности, а также конфигурации включения и исключения акторов. Эти параметры создают аналитическую основу, которая

позволяет рассматривать сети не как фоновые элементы, а как активные структурные компоненты глобального порядка.

Сравнительный анализ иерархической и инфраструктурной логик глобального управления подтвердил ограниченность подходов, фокусирующихся на формальных институтах. Результаты исследования демонстрируют, что значительная часть процессов координации осуществляется через распределенные сетевые механизмы, которые не поддаются описанию в терминах вертикальной субординации. Инфраструктурная логика, основанная на повторяемости практик и циркуляции знаний, оказывается более адекватной для объяснения современных транснациональных взаимодействий.

Проведенная типологизация сетей выявила, что различные виды политических сетей обладают разной степенью инфраструктурной плотности и различным вкладом в глобальное управление. Это позволяет рассматривать сетевые структуры не как однородный феномен, а как многоуровневую систему, включающую организационные, нормативные, когнитивные и гибридные компоненты. Результаты исследования подтверждают, что именно многоуровневость сетевой институциональности обеспечивает ее устойчивость и гибкость.

Анализ конкретных механизмов влияния сетей показал, что их способность воздействовать на глобальные процессы становится особенно заметной в сферах, где формальные институты демонстрируют ограниченную эффективность. Сети создают альтернативные каналы выработки решений, распространяют экспертные интерпретации и обеспечивают нормативное выравнивание акторов в отсутствие строгих юридических процедур. Это указывает на постепенное перераспределение функциональных ролей между иерархическими и сетевыми структурами глобального управления.

Полученные результаты также подтверждают, что инфраструктурная логика не заменяет иерархическую, но образует параллельное измерение управления, которое взаимодействует с традиционными институтами, расширяя их функциональный диапазон. В условиях усложнения глобальных процессов сети выступают как компенсаторный механизм, обеспечивающий адаптивность системы и ее способность воспроизводиться вне зависимости от колебаний институциональной архитектуры.

В целом проведенное исследование позволило выявить скрытый уровень политической организации, основанный на взаимодействии материальных и нормативных механизмов. Политические сети предстают как гибридные инфраструктуры, чья роль заключается не только в координации акторов, но и в структурировании самого поля глобальной политики. Результаты демонстрируют, что анализ сетевых инфраструктур является перспективным направлением исследования, способным радикально расширить понимание природы глобального управления.

Результаты исследования уточняют характер скрытой институциональности глобального управления. Они показывают, что существенная часть координации осуществляется не через формальные институты, а через инфраструктурные механизмы, поддерживаемые политическими сетями. Это смещает

исследовательский фокус с нормативных конструкций межгосударственных организаций на распределенные процессы, обеспечивающие реальную устойчивость мировой политической системы.

Анализ выявил, что материальные и нормативные измерения сетей образуют единый инфраструктурный модус, в котором каналы циркуляции знаний, норм и ресурсов оказываются не менее значимыми для управления, чем институциональные правила. Политические сети функционируют как среда, встраивающая в себя формальные институты и задающая границы интерпретации глобальных проблем еще до начала официального переговорного процесса. Это подтверждает, что власть в глобальном контексте следует рассматривать не как локализованную, а как распределенную по сети акторов, практик и рутинных взаимодействий.

Интерпретация результатов показала, что различие между иерархической и инфраструктурной логиками не сводится к конкуренции двух подходов. Напротив, они формируют взаимодополняющую архитектуру: формальные институты задают юридические рамки, тогда как сети обеспечивают фактическую координацию и адаптивность системы. Такое понимание позволяет объяснить устойчивость глобального порядка в ситуациях, когда межгосударственные механизмы демонстрируют ограниченную эффективность.

Проведенная типологизация сетей подтверждает, что их влияние не является однородным: организационные, нормативные, когнитивные и гибридные структуры вносят различный вклад в формирование глобальной политики. Этот результат подчеркивает необходимость дифференцированного анализа сетевых форм координации и показывает, что инфраструктурная логика глобального управления проявляется в разных конфигурациях, зависящих от характера ресурсов и степени включенности акторов.

В целом обсуждение результатов демонстрирует, что политические сети следует рассматривать как полноценные инфраструктуры глобального управления, формирующие условия воспроизводства политического порядка вне институциональных центров. Такой подход расширяет аналитические возможности исследований мировой политики, позволяя фиксировать скрытые механизмы координации и объяснять процессы, недоступные классическим институциональным моделям.

Ограничения

Отметим, что предложенный подход к типологии обладает рядом ограничений, обусловленных как спецификой исследовательской модели, так и характером анализируемого материала. Во-первых, инфраструктурная природа политических сетей затрудняет их эмпирическую фиксацию. Во-вторых, типология политических сетей, представленная в статье, носит преимущественно концептуальный характер и требует апробации. В-третьих, модель инфраструктурной институциональности не претендует на исчерпывающий характер и может быть уточнена за счет включения дополнительных измерений, связанных с цифровыми режимами управления, техническими стандартами и алгоритмическими формами координации.

Дополнительного внимания требует вопрос верификации предложенной модели. Поскольку инфраструктурные механизмы по своей природе скрыты и проявляются в распределенных практиках, их эмпирическая фиксация возможна лишь через многоуровневые сравнительные case studies, анализ структур потоков, а также реконструкцию нормативных и когнитивных контуров сетей. Верификация модели предполагает сопоставление различных сетевых конфигураций, выявление устойчивых паттернов циркуляции норм и ресурсов и проверку воспроизводимости выявленных механизмов в разных институциональных контекстах. Это задает направление для дальнейших исследований и позволяет уточнить пределы применимости концепции.

Тем не менее практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная модель политических сетей как инфраструктур управления может быть использована для анализа транснациональных инициатив, экспертных платформ, цифровых режимов взаимодействия и гибридных коалиций. Инфраструктурный подход позволяет выявлять скрытые каналы координации, оценивать устойчивость сетевых структур и анализировать механизмы производства норм и знаний, что делает модель применимой как в академических исследованиях, так и в прикладном анализе глобальных политических процессов.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что значительная часть процессов глобального управления осуществляется вне рамок формальной институциональной архитектуры. Инфраструктурная логика политических сетей позволяет выявить эти процессы и объяснить функционирование глобальной системы даже при ослаблении межгосударственных институтов.

Предложенная модель политических сетей как гибридных инфраструктур демонстрирует, что воспроизводство глобального управления обеспечивается сочетанием материальных и нормотворческих механизмов. Сравнение иерархической и инфраструктурной логик показывает, что последняя обладает большей объяснительной силой в условиях многоакторности и высокой взаимозависимости: она позволяет проследить распределение власти, производство норм и процессы легитимации, не сводимые к централизованным структурам. Перспективным направлением дальнейшего исследования является эмпирическая проверка предложенной модели на материале конкретных транснациональных сетей, что позволит уточнить параметры инфраструктурной логики и выявить ее границы.

Методологическая значимость разработанной модели состоит в том, что она задает операционные параметры для изучения скрытых инфраструктур глобального управления и позволяет фиксировать те механизмы координации, которые не поддаются описанию в рамках классических институциональных подходов. Предложенная концепция формирует аналитическую оптику, пригодную для систематического

исследования материальных, нормативных и когнитивных элементов сетевой институциональности и их вклада в воспроизводство глобального порядка.

Представленная типология политических сетей подтверждает многоуровневый характер сетевой институциональности. Ресурсные, нормативные, когнитивные инфраструктуры повседневных практик и гибридные сети выполняют разные, но взаимодополняющие функции, формируя комплексный инфраструктурный модус глобального управления.

Таким образом, инфраструктурный подход позволяет по-новому интерпретировать природу глобального управления, выявляя скрытые механизмы его воспроизводства и расширяя аналитические возможности исследования мировой политики. Он открывает перспективы дальнейшего изучения сетевых структур и их роли в трансформации мирового порядка.

Список литературы

1. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость: монография [Political Ontology of Digitalization and State Governance: a monograph] / А.А.Балаян, А.В.Волкова, О.А.Игнатъева [и др.]; под. ред. Л.В.Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. 351 с.
2. Bowker G.C., Star S.L. *Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. 377 p.
3. Castells M. *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. 597 p.
4. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination // *International Organization*. 1992. Vol. 46, № 1. P. 1–35.
5. Held D. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Stanford: Stanford University Press, 1995. 324 p.
6. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.
7. Rhodes R.A.W. *The New Governance: Governing without Government* // *Political Studies*. 1996. Vol. 44, № 4. P. 652–667.
8. Rosenau J.N. *Governance, Order and Change in World Politics* // *Governance without Government: Order and Change in World Politics*. Ed. by J.N.Rosenau, E.-O.Czempiel. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 1–29.
9. Star S.L. *The Ethnography of Infrastructure* // *American Behavioral Scientist*. 1999. Vol. 43, № 3. P. 377–391.
10. Star S.L., Ruhleder K. *Steps Toward an Ecology of Infrastructure: Design and Access for Large Information Spaces* // *Information Systems Research*. 1996. Vol. 7, № 1. P. 111–134.
11. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 452 p.

Информация об авторе

ТАРАНЕЦ Вячеслав Андреевич. Аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>. Адрес: Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. slavataranec@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 5 декабря 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. *Political Ontology of Digitalization and State Governance: a monograph* / A.A.Balayan, A.V.Volkova, O.A.Ignatieva [et al.]; ed. by L.V.Smorgunov. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press» [Aspect Press Publishing House], 2022. 351 p. [In Russian]
2. Bowker G.C., Star S.L. *Sorting Things Out: Classification and Its Consequences*. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. 377 p. [In English]
3. Castells M. *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford; Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2010. 597 p. [In English]
4. Haas P.M. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*. 1992; 46(1):1–35 [In English].
5. Held D. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Stanford: Stanford University Press, 1995. 324 p. [In English]
6. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p. [In English]
7. Rhodes R.A.W. *The New Governance: Governing without Government*. *Political Studies*. 1996; 44(4):652–667 [In English].
8. Rosenau J.N. *Governance, Order and Change in World Politics*. *Governance without Government: Order and Change in World Politics*. Ed. by J.N.Rosenau, E.-O.Czempiel. Cambridge: Cambridge University Press, 1992:1–29 [In English].
9. Star S.L. *The Ethnography of Infrastructure*. *American Behavioral Scientist*. 1999; 43(3):377–391 [In English].
10. Star S.L., Ruhleder K. *Steps Toward an Ecology of Infrastructure: Design and Access for Large Information Spaces*. *Information Systems Research*. 1996; 7(1):111–134 [In English].
11. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 452 p. [In English]

About the author

Vyacheslav A. TARANETS. Postgraduate Researcher, Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University). <https://orcid.org/0009-0009-4361-9683>. Address: 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation. slavataranec@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: December 5, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Трансформация официального публичного дискурса Аргентины в период правления Х.Милея (2023–2025 гг.)

Мария Александровна Шпак✉

Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова (ИМЭМО РАН), Москва, Россия
m.shpack.new@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0188-7717>

Аннотация. Статья посвящена исследованию официального дискурса офиса президента Аргентины Х.Милея в период с 2023 по 2025 г. Избрание Х.Милея президентом страны стало результатом системного кризиса, усталости населения от традиционно правящей политической элиты и отражением поляризации электората. Важную роль сыграли его активное присутствие в медиaprостранстве и востребованный избирателями политический нарратив, что позволяет рассматривать этот кейс с учетом не только политических и социально-экономических, но и коммуникационных аспектов. В статье предпринимается попытка выявить основные векторы трансформации публичного нарратива офиса Х.Милея в течение первой половины его президентского срока (2023–2025 гг.). Использование комплекса количественных и качественных методов, включающих тематическое моделирование и ручной контент-анализ, позволило, во-первых, выявить латентные семантические структуры в корпусе текстов и, во-вторых, провести более глубокий анализ содержания публичной коммуникации офиса президента, ее тематического и стратегического наполнения. Автор приходит к выводу, что официальный правительственный дискурс в рамках рассматриваемого периода претерпел ряд трансформаций: на смену активной агитации и продвижению нарратива системного кризиса пришел этап стабилизации, в преддверии выборов перешедший в мобилизационную фазу; открыто

конфронтационный нарратив в отношении оппозиционных сил трансформировался в сторону институционального прагматизма и поисков компромисса с умеренной оппозицией; внутривнутриполитическая мобилизация, характерная для начальных этапов правления Х.Милея, в более поздний период сменилась активизацией усилий по выстраиванию аргентинской обновленной внешнеполитической идентичности.

Ключевые слова: официальный дискурс, публичный нарратив, Аргентина, Хавьер Милей, цифровые методы исследования, контент-анализ, тематическое моделирование (LDA)

Для цитирования: Шпак М.А. Трансформация официального публичного дискурса Аргентины в период правления Х.Милея (2023–2025 гг.) // Россия и мир: научный диалог. 2026. № 1(19). С. 274–295, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-274-295](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-274-295)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-274-295](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-274-295)

Political Sciences

Transformation of Argentina's Official Public Discourse under J.Milei's Administration (2023–2025)

Maria A. Shpak✉

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia
m.shpack.new@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0188-7717>

Abstract. The article examines the official public discourse of Argentina under the administration of J.Milei between 2023 and 2025. J.Milei's electoral victory was a result of a structural crisis, public exhaustion with traditional political elites, and polarization of the national electorate. Media exposure and an appealing political narrative were also important factors, which allow us to consider this case in terms of both political and socio-economic aspects, as well as from the communication perspective. The research aims to identify the main vectors of transformation in the public discourse during the first half of Milei's term as president (2023–2024). The complex of quantitative and qualitative methods, including topic modeling and content analysis with manual coding, allowed us to, first, identify latent semantic structures in the text corpus, and, second, carry out a more in-depth analysis of the content of presidential office public communication and its thematic and strategic components. The author concludes that the official government discourse underwent a series of transformations during the period under review. Active campaigning and the promotion of the narrative of a system crisis gave way to a stabilization phase, which then transitioned into a mobilization phase leading up to national parliamentary elections. Overtly confrontational narratives against opposition forces have shifted towards institutional pragmatism and compromise with moderate opposition. The internal political mobilization typical of the early stages of Milei's rule was gradually replaced by intensified efforts to construct a renewed Argentine foreign policy identity.

Keywords: official discourse, public narrative, Argentina, Javier Milei, digital research methods, content analysis, topic modeling (LDA)

For citation: Shpak M.A. Transformation of Argentina's Official Public Discourse under J.Milei's Administration (2023–2025). *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2026; 1(19): 274-295, [https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1\(19\)-274-295](https://doi.org/10.53658/RW2026-4-1(19)-274-295)

Введение

Постановка проблемы

Политический процесс в странах Латинской Америки отличает внутренний динамизм, высокий уровень поляризации электората, конкуренция противостоящих друг другу политических сил и продвигаемых ими нарративов. Избрание в 2023 г. президентом Аргентины либертарианца, лидера партии «Свобода наступает» (исп. – “La Libertad Avanza”) Хавьера Милея обозначило резкую смену идейно-политического и экономического курса страны. На его победу на выборах в 2023 г. повлияли как комплекс системных факторов, в частности, кризисное состояние аргентинской экономики, так и активное присутствие кандидата в медиапространстве и востребованный избирателями предвыборный нарратив, сочетавший меры по борьбе с системным кризисом и негативную репрезентацию политической элиты страны. В этом контексте приход к власти в Аргентине Х.Милея и его деятельность на посту президента представляют интерес не только как политологическое, но и как коммуникативное явление.

Публичный дискурс Х.Милея в СМИ и социальных сетях, в особенности в период электоральной кампании 2023 г., – предмет пристального внимания отечественных и зарубежных ученых. В существующих исследованиях анализу подлежали содержание его предвыборного нарратива, стратегии агитации и мобилизации сторонников [2; 4], наличие популистских компонентов в его риторике в качестве кандидата в президенты и на посту главы государства [5; 6]. Однако официальный аргентинский публичный дискурс и его изменения в период президентства Х.Милея, трансформация тематического наполнения и используемых исполнительной властью коммуникационных стратегий до настоящего времени не становились предметом детального анализа. Между тем исследование публичной коммуникации официальных органов власти, с учетом политического, институционального, социально-экономического и международного контекста, может продемонстрировать, как руководство страны адаптируется к внутри- и внешнеполитическим вызовам, как строится информационное и медийное сопровождение проводимого им политического курса.

Цель исследования: выявить векторы трансформации официального публичного дискурса Аргентины в течение первой половины президентского срока Х.Милея (декабрь 2023 – октябрь 2025 г.), в частности, проследить, как менялись темы,

доминирующие в коммуникации, и их содержание. В соответствии с целью был сформулирован исследовательский вопрос: как и по каким направлениям изменения внутри- и внешнеполитического контекста в рамках периода исследования влияли на трансформацию официального правительственного дискурса?

Политический контекст: Аргентина в период президентства Хавьера Милея

Хавьер Милей пришел к власти в Аргентине на фоне системного финансового и социально-экономического кризиса. Проблемный потенциал в аргентинской экономике накапливался не одно десятилетие [3, с. 11], и при левоцентристском кабинете представителя Хустисиалистской (перонистской) партии А.Фернандеса (2019–2023) ситуация продолжила ухудшаться, в результате чего кризисные явления в экономике и финансах Аргентины к 2023 г. достигли апогея [1, с. 81; 3, с. 13].

В стране параллельно действовали несколько обменных курсов, обесценивание национальной валюты – аргентинского песо – вело к росту потребительских цен, уровень инфляции в годовом выражении к концу 2023 г. достиг 211,4%¹. По данным за первое полугодие 2023 г., порядка 40,1% аргентинцев жили за чертой бедности (на 10,5 п.п. выше, чем годом ранее)².

Результаты президентских выборов 2023 г. в Аргентине стали отражением кризиса политического представительства: системные политические силы – как правого, так и левого толка (правоцентристский кабинет М.Макри в 2015–2019 гг. и перонистское правительство А.Фернандеса в 2019–2023 гг.) – оказались не способны справиться с кризисом [7, р. 130]. В этом контексте программа кандидата-либертарианца, в которой он предложил комплекс радикальных рыночных реформ с целью «оздоровления» аргентинской экономики, а также сформированный им в ходе кампании образ нового политического лидера, далекого от традиционно правящей политической элиты страны, получили поддержку избирателей и позволили Х.Милею занять пост президента.

После прихода к власти первого президента-либертарианца аргентинский экономический курс претерпел радикальные изменения: произошел резкий переход от государственного дирижизма, свойственного перонистским правительствам, к сокращению роли государства в экономике [9; 14, р. 107]. Программа Х.Милея включала девальвацию национальной валюты, сокращение государственных расходов, в частности субсидий, жесткую денежно-кредитную политику, постепенную либерализацию валютного и торгового регулирования [14, р. 111]. Также предполагалось сократить количество государственных министерств, провести приватизацию государственных предприятий. Наиболее амбициозные планы

1 Índices de precios. Vol. 8. No. 1. Instituto Nacional de Estadística y Censos (Argentina). URL: http://www.indec.gov.ar/uploads/informesdeprensa/ipc_01_24DBD5D8158C.pdf.

2 Nota sobre la evolución de la indigencia y pobreza. Ministerio de Economía. URL: https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/nota_sobre_la_evolucion_de_la_indigencia_y_pobreza_s1_2023_final_1.pdf.

избранного президента включали долларизацию аргентинской экономики – отказ от песо и замену его долларом США, ликвидацию Центрального банка страны [10, р. 49].

Основным аргументом новой власти в пользу глубокого переформатирования политических институтов и экономического курса страны была угроза гиперинфляции, вину за которую Х.Милей возлагал на прежнее правительство³. Аргентинская экономика действительно пребывала в глубоком кризисе, однако, как показывают существующие исследования, риск гиперинфляции в правительственном дискурсе несколько преувеличивался в целях оправдания инициированной «шоковой терапии» [14, р. 112–114]. Также возможно выделить активное использование Х.Милеем антиэлитистской риторики: радикальные реформы обосновывались необходимостью борьбы с «политической кастой» – неопределенным коллективным актором, под которым понималась политическая элита страны.

За неполные два года работы правительству под руководством Х.Милей удалось реализовать часть его предвыборных обещаний. Курс на дерегулирование экономики и фискальную устойчивость позволил существенно снизить инфляцию⁴ и впервые за долгое время достичь профицита бюджета. В апреле 2025 г. Аргентина заключила соглашение с Международным валютным фондом (МВФ) о выделении нового кредита в 20 млрд долл. для стабилизации экономики и продолжения структурных реформ⁵.

В то же время радикальные меры либертарианского кабинета усугубили кризис в социальной сфере. Рекордное сокращение государственных расходов, урезание или закрытие социальных программ и массовые увольнения вызвали спад экономической активности, резкий рост безработицы и уровня бедности [7, р. 130; 10, р. 51–53; 14, р. 115–116]. По некоторым прогнозам, в настоящее время в Аргентине велик риск новой экономической рецессии⁶.

Реакцией аргентинского общества, в частности, его наиболее уязвимых слоев, стали масштабные акции протеста и три всеобщие забастовки, организованные крупными профсоюзами. Участие в протестах принимали широкие слои населения – от госслужащих и пенсионеров до представителей феминистского, экологического, правозащитного движений [7, р. 133].

Проведение структурных экономических реформ сталкивалось с ожесточенным сопротивлением оппозиции. Партия «Свобода наступает» не имела достаточной поддержки в парламенте Аргентины (39 из 257 в Палате депутатов и 6 из 72 в Сенате), что вынуждало правящие силы вступать в ситуативные альянсы с умеренной оппозицией. Ключевые инициативы исполнительной власти зачастую

³ Discurso de asunción del presidente Javier Milei. Congreso Nacional. URL: <https://www3.hcdn.gob.ar/dependencias/prensa/archivos/discursoasuncionmilei.pdf>.

⁴ Inflación. Estudio del AMO. URL: <https://estudiodelamo.com/inflacion-argentina-anual-mensual/>.

⁵ IMF Executive Board Approves 48-month US\$20 billion Extended Arrangement for Argentina. International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2025/04/12/pr25101-argentina-imf-executive-board-approves-48-month-usd20-billion-extended-arrangement>.

⁶ La probabilidad de que la Argentina caiga en recesión se mantiene casi en 100%, según la Universidad Di Tella. Infobae. URL: <https://www.infobae.com/economia/2025/10/22/la-probabilidad-de-que-la-argentina-caiga-en-recesion-se-mantiene-casi-en-100-segun-la-universidad-di-tella/>.

блокировались парламентом. Так, законопроекты, внесенные в парламент вскоре после инаугурации Х.Милей и содержавшие инициативы по ключевым направлениям реформ – «Закон об основах и отправных точках для свободы аргентинцев» (исп. Ley de Bases y Puntos de Partida para la Libertad de los Argentinos, далее – Ley de Bases) и «Указ о необходимости и срочности “Основы для восстановления аргентинской экономики”» (исп. Decreto de Necesidad y Urgencia 70/2023 «Bases para la Reconstrucción de la Economía Argentina», далее – DNU 70/2023), – под давлением оппозиции подверглись существенной корректировке, что не позволило реализовать идеи президента в полном объеме [3, с. 16–18].

Работу либертарианского правительства осложнила и серия репутационных кризисов, связанных со скандалами вокруг президента и его ближайшего окружения. В их числе – дело о мошенничестве с криптовалютой \$LIBRA, расследование которого (и выявление возможной роли в нем публичных заявлений Х.Милей) в настоящее время продолжается; коррупционный скандал, отношение к которому могла иметь сестра президента Карина Милей⁷, болезненное поражение правящей партии на парламентских выборах в столичном регионе в сентябре 2025 г. Эмоциональность президента и резкость его риторики также послужили причиной ряда внешнеполитических кризисов. Тем не менее в октябре этого года сторонники Х.Милей одержали уверенную победу на промежуточных выборах в национальный парламент⁸.

В этом контексте актуально рассмотреть, как правительство и президент реагировали на стоящие перед ними вызовы, каким образом строилось информационное и медийное сопровождение внутренней и внешней политики и какие изменения официальный правительственный дискурс претерпел в течение первой половины президентского срока Х.Милей.

Публичный нарратив Х.Милей в период электоральной кампании и после избрания президентом Аргентины

Успех Х.Милей на выборах 2023 г., помимо системных факторов, описанных выше, связан также с медиатизацией политики – процессом, в рамках которого медиа становятся все более влиятельным институтом, интегрированным во все сферы общественной жизни [13, р. 4]. В контексте взаимной интеграции цифровых и политических технологий и распространения политической агитации через социальные сети способность Х.Милей использовать логику традиционных и новых медиа для конструирования собственного политического имиджа и мобилизации сторонников сыграла значимую роль в его победе на президентских выборах [2, с. 76; 5, р. 4–5].

⁷ Шпак М.А. «Время собирать камни»: к итогам выборов в провинции Буэнос-Айрес // ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vremya-sobiraty-kamni-k-itogam-viborov-v-provintsii-buenos-ayres>.

⁸ Шпак М.А. «Величайший шоумен. Продолжение»? К итогам парламентских выборов в Аргентине // ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/velichayshiy-shoumen-prodolzhenie-k-itogam-parlamentskih-viborov-v-argentine>.

В основе электорального нарратива Х.Милея – противопоставление народа Аргентины (в риторике кандидата – «хороших аргентинцев») и политической элиты страны («политической касты»). В рамках кампании избирателям предлагалось сделать выбор между текущей моделью развития, ставшей причиной кризиса, и политическим проектом Х.Милея, предполагающим радикальные реформы. Сам Х.Милей позиционировал себя не как профессиональный политик, а как экономист, цель которого – вывести страну из затяжного кризиса [2, с. 72; 4]. Предвыборная программа кандидата во многом носила общий характер, центральное место в ней занимали экономические преобразования, меры по борьбе с инфляцией и растущим уровнем бедности [2, с. 76]. Экономическая ситуация в Аргентине описывалась как «худший кризис за последние 100 лет», а вина за ухудшающееся состояние экономики, ситуации в области безопасности, финансовой и социальной сферах возлагалась на действующие власти – представителей «политической касты».

В публичной коммуникации Х.Милея – как в ходе электоральной кампании, так и после избрания президентом – возможно выделить популистские компоненты и стратегии: выстраивание дихотомии «народ – элита», дискурсивное конструирование политической реальности, опора на персоналистское лидерство и прямую коммуникацию с электоратом, в частности, через социальные сети. В то же время ключевой для популистов концепт «народа» в нарративе Х.Милея остается крайне неопределенным. «Хорошие аргентинцы» воспринимаются им не как однородная группа, а как отдельные индивиды, поддерживающие его программу и кандидатуру и стремящиеся к переменам. Это связано, в частности, с приверженностью Х.Милея либертарианской идеологии, сфокусированной на индивидуальных правах и свободах граждан [6, р. 10]. В свою очередь, образ противника – «политической касты», к которой причислены политическая, экономическая, медийная элита страны, – в дискурсе Х.Милея сконструирован достаточно подробно [5, р. 10; 6, р. 11].

В этом контексте Х.Милея определяют как «частичного популиста» [6, р. 18; 12], а необходимость борьбы с системным кризисом, к которой он апеллировал в ходе кампании и после прихода к власти, позволяют заключить, что теоретической рамкой, наиболее подходящей для анализа его нарратива, является понимание популизма как стиля реагирования на кризисные ситуации [6, р. 19]. Сочетание в дискурсе Х.Милея бинарной оппозиции «народ – элита» и ключевой роли индивидуальных свобод также дает основания определить его коммуникационную и политическую стратегию как новую форму популизма – либертарианский популизм [6, р. 18].

В существующих исследованиях рассмотрена коммуникация Х.Милея в рамках предвыборной агитации и после прихода к власти. На материале публикаций в СМИ и социальных сетях, а также публичных выступлений Х.Милея проанализированы используемые им стратегии политической агитации, содержание нарратива и его основные характеристики. В то же время детального исследования официального правительственного дискурса и его трансформации в течение первых двух лет президентского срока Х.Милея до настоящего времени не проводилось. Формат пресс-релизов, избранный в качестве материала для анализа, дает возможность

проанализировать специфику официального дискурса правительства Х.Милея, особенности информационного и медийного сопровождения проводимого кабинетом политического курса, изменения в риторике и фреймировании ключевых проблем и достижений, происходивших в период правления либертарианской администрации.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составил корпус текстов официальных пресс-релизов (заявлений), выпущенных офисом президента Аргентины после прихода к власти Хавьера Милея. Хронологические рамки исследования охватывают период с 10 декабря 2023 г. (инаугурация Х.Милея) по 31 октября 2025 г. (дата опубликования последнего пресс-релиза на момент написания статьи). Методы исследования включали количественный и качественный контент-анализ, предполагавший тематическое моделирование по методу LDA (Latent Dirichlet Allocation), а также ручное кодирование сообщений и дальнейшую интерпретацию полученных результатов.

На первом этапе тексты пресс-релизов были выгружены с сайта офиса президента Аргентины⁹ с использованием Web Scraper¹⁰. Выгрузка объемом в 117 опубликованных заявлений предварительно обработана вручную: удалены даты публикации и метаданные, а также две публикации, не относящиеся к пресс-релизам президентской канцелярии. Исходный корпус разделен на четыре периода: 10.12.2023–09.06.2024 (7 610 слов), 10.06.2024–09.12.2024 (6 352), 10.12.2024–09.06.2025 (8 642), 10.06.2025–31.10.2025 (2 790). В итоговый корпус, таким образом, вошли тексты общим объемом в 25 394 слова¹¹.

Для выявления латентных тематических кластеров в текстах заявлений для каждого из четырех корпусов проведено тематическое моделирование по методу латентного распределения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation, LDA). Код на Python доступен для просмотра в формате блокнота в среде разработки Google Colaboratory¹².

Обработка текстов и тематическое моделирование проведены с использованием следующих пакетов и библиотек:

- pandas – для загрузки, обработки и анализа табличных данных;
- numpy – для математических операций;
- openpyxl – для работы с файлами в формате Excel;

⁹ Oficina del Presidente. Noticias. Argentina.gob.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/opra/noticias>.

¹⁰ Web Scraper. URL: <https://webscraper.io/>.

¹¹ Датасет доступен по ссылке: URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1QfgTbYkYa1urz3D7RwXBq8uu780J2pMs/edit?usp=drive_link&ouid=101543118679566361233&rtfpof=true&sd=true. Лист Comunicados_full_raw содержит первоначальные результаты выгрузки, далее на четырех листах, обозначенных датами и пометкой “processed”, размещены тексты заявлений за каждый из четырех временных отрезков в рамках периода исследования, предварительно обработанные для анализа.

¹² Код для Python с комментариями в формате блокнота в Google Colab. URL: <https://colab.research.google.com/drive/13mjbzxfIXCFvHXNKDbqfnNOVXmw7ZUP>.

- textacy – для дополнительной обработки текстов;
- scikit-learn (sklearn) – для векторизации текстов и реализации алгоритма LDA;
- NLTK – для токенизации и извлечения встроенного списка испанских стоп-слов;
- spaCy – для более глубокой обработки текстов. Для проведения лемматизации и морфологического анализа текстов на испанском языке была загружена предобученная модель spaCy (es_core_news_sm).

Тексты за каждый из четырех периодов подверглись базовой предобработке: все слова приведены к нижнему регистру, удалены специальные символы и лишние пробелы. Более глубокая предобработка проводилась с использованием модели spaCy. На этом этапе проведены токенизация и лемматизация, удалены знаки препинания и стоп-слова.

В список стоп-слов, помимо встроенных испанских слов из библиотеки NLTK (артикли, местоимения, служебные части речи, вспомогательные глаголы и т.д.), добавлены слова, характерные для официальной политической коммуникации и не влияющие на содержание (“presidente”, “javier”, “milei”, “gobierno”, “nacional”), а также маркеры времени и места (“aquí” – «здесь», “hoy” – «сегодня», “ahora” – «сейчас» и др.).

Векторизация документов реализована по методу «мешок слов» (Bag of Words) с использованием функции CountVectorizer. Для каждого корпуса текстов параметры векторизации подбирались в индивидуальном порядке для получения наиболее корректных результатов моделирования (см. код для Python по ссылке 12).

Далее для уточнения результатов тематического моделирования все официальные заявления были проанализированы вручную. Контент-анализ предполагал выявление ключевых фреймов и их тематического наполнения в рамках каждого периода с использованием ручного кодирования данных (за единицу информации был взят 1 абзац текста) и последующее выявление динамики представленности каждой из тем в рамках всего периода исследования (10 декабря 2023 г. – 31 октября 2025 г.).

Результаты исследования

Результаты тематического моделирования

Для выявления скрытых тем в каждом из четырех корпусов текста проведено тематическое моделирование по методу LDA. Оптимальное количество тем для каждого корпуса определено через тестирование моделей с различным числом тем (от 3 до 15 тем для текстов заявлений за первые три периода, от 2 до 6 тем – для последнего, более краткого периода).

После обучения модели LDA для каждой темы выделены по 10 ключевых слов с весами, рассчитанными как доля, занимаемая термином в распределении вероятностей темы. Для каждой темы определена объединяющая ключевые

слова смысловая категория, представляющая собой компонент нарратива офиса президента. Также рассчитано распределение тем в корпусах текстов за каждый период.

Результаты тематического моделирования в рамках каждого периода представлены в таблицах 1–4.

Таблица 1. Результаты LDA за первые полгода правления Х.Милея (10 декабря 2023 г. – 9 июня 2024 г.)

Table 1. LDA Results for the First Period of J.Milei's Administration (December 10, 2023 – June 9, 2024)

Тема	Топ-10 ключевых слов (с весами)	Доля (в %)
Ключевые структурные реформы, Ley de Bases	argentino (26.739), ley (15.999), libertad (13.971), pueblo (12.186), punto (11.200), libertad argentino (11.197), diputado (9.825), partida (9.197), partida libertad (9.197), partida (9.197)	23,9%
Агитация, поддержка либертарианского курса	argentino (13.658), nación (10.834), libertad (7.203), elegir (7.168), social (6.201), año (6.046), pueblo (5.203), convocar (5.094), mayo (4.993), seguridad (4.806)	22,2%
Экономические реформы	ministro (15.206), fiscal (10.382), interior (8.198), público (7.199), gabinete (7.121), encuentro (6.747), económico (6.204), guillermo (6.197), cargo (6.170), ley (5.918)	22,2%
Внешняя политика	nación (8.431), argentino (5.988), privilegio (3.202), problema (3.201), embajador (3.201), viaje (3.200), lunes (3.200), participar (3.200), comitiva compuesto (3.197), compuesto (3.197)	10,6%
Заключение «Майского пакта» с губернаторами	argentino (20.415), pacto (15.195), político (12.204), mayo (11.403), pacto mayo (11.196), nación (9.943), firma (6.198), marzo (6.197), gobernador (5.671), fuerza (5.203)	21,1%

Источник: составлено автором

Source: compiled by the author

В течение первых шести месяцев после прихода к власти в Аргентине Х.Милея дискурс офиса президента был сфокусирован главным образом на структурных экономических реформах, инициированных правительством (таблица 1). Доля сообщений об экономических преобразованиях, включавших представление в парламент двух ключевых законопроектов – Ley de Bases¹³ и DNU 70/2023¹⁴, составляла более 46%. Более 20% официальной правительственной коммуникации было посвящено продвижению и поддержке либертарианского курса избранного президента и его кабинета. Свыше 20% сообщений затрагивали «Майский пакт»¹⁵ – соглашение между президентом Аргентины и губернаторами большинства провинций страны, призванное установить и согласовать с региональными властями

¹³ Ley 27742. Ley de Bases y Puntos de Partida para la Libertad de los Argentinos. Boletín Oficial de la República Argentina. URL: <https://www.boletinoficial.gob.ar/detalleAviso/primera/310189/20240708>.

¹⁴ Decreto DNU 70 / 2023. Bases para la Reconstrucción de la Economía Argentina. Argentina. gov.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/decreto-70-2023-395521/texto>.

¹⁵ Se firmó el Pacto de Mayo. Casa Rosada. URL: <https://www.casarosada.gob.ar/slider-principal/50570-se-firmo-el-pacto-de-mayo>.

долгосрочные принципы государственной политики и снизить конфликтность в отношениях между государственной властью и губернаторами. Внешняя политика в этот период оставалась на периферии информационной повестки исполнительной власти.

Таблица 2. Результаты LDA за вторые полгода правления Х.Милея (10 июня 2024 г. – 9 декабря 2024 г.)

Table 2. LDA Results for the Second Period of J.Milei's Administration (June 10, 2024 – December 9, 2024)

Тема	Топ-10 ключевых слов	Доля (в %)
Внешняя политика, Израиль	israel (12.238), terrorista (10.172), inteligencia (9.980), argentino (9.147), sector (7.271), servicio (7.254), agencia (7.245), amenaza (7.243), ataque (6.266), recurso (6.248)	25,2%
Проблемы безопасности, система разведки	sistema (14.631), cargo (10.251), nación (10.167), seguridad (9.821), inteligencia (9.346), millón (8.262), dirección (7.250), agencia (7.249), ministerio (7.249), empresa (7.219)	22,1%
Ход рассмотрения законопроектов и проведения реформ	argentino (32.274), ley (17.242), nación (13.327), libertad (12.260), proyecto (10.248), fiscal (9.239), compromiso (9.006), aprobación (8.246), diputado (8.244), gasto (7.624)	35,1%
Деятельность кабинета	económico (9.711), político (8.801), lugar (6.230), informar (4.463), estatal (4.258), público (4.068), intervención (4.047), dejar (3.995), ejecutivo (3.893), política (3.623)	17,6%

Источник: составлено автором
 Source: compiled by the author

Второй период руководства либертарианского кабинета (10 июня – 9 декабря 2024 г.) характеризуется повышенным вниманием к процессу рассмотрения в парламенте и реализации экономических реформ, а также к процессуальным аспектам деятельности правительства (таблица 2). Во внутренней политике в отдельное направление выделено освещение мер в сфере безопасности (что было одним из приоритетов в предвыборной программе Х.Милея) с акцентом на реформирование национальной системы разведки. В этот период также заметен рост представленности в дискурсе внешнеполитической повестки, при этом ключевой в ней являлась тема солидарности Аргентины с Израилем в конфликте с ХАМАС.

Ключевые изменения в публичной коммуникации офиса президента в течение третьего полугодия работы либертарианского кабинета – превращение политики в сфере безопасности и борьбы с преступностью в основной приоритет и одновременное снижение доли информационного сопровождения хода прочих реформ (таблица 3). Повышенное внимание также уделено конфликтным отношениям правительства и парламента и необходимости компромисса с умеренной оппозицией для продолжения избранного политического курса.

Таблица 3. Результаты LDA за третий период правления Х.Милея (10 декабря 2024 г. – 9 июня 2025 г.)

Table 3. LDA Results for the Third Period of J.Milei's Administration (December 10, 2024 – June 9, 2025)

Тема	Топ-10 ключевых слов	Доля (в %)
Проблемы безопасности	defensa (9.206), operación (9.167), informar (9.133), empresa (7.209), régimen (7.205), público (7.202), libertad (7.200), fuerza (6.206), continuar (6.202), investigación (6.199)	27,6%
Внешняя политика: аргентинские заложники у ХАМАС	político (10.252), historia (6.845), nación (5.564), terrorista (5.203), liberación (5.201), hamás (5.200), proceso (4.207), elegir (4.202), niño (4.202), decretar (4.202)	18,9%
Продолжение инициированных реформ	nación (9.203), libertad (8.213), vida (7.206), ley (7.203), continuar (7.182), político (7.121), inteligencia (5.210), paso (5.208), congreso (5.205), derecho (4.916)	18,9%
Внутренняя политика: ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций	informar (5.086), bahía (4.199), blanca (4.199), económico (3.206), reafirmar (3.203), ley (3.202), salud (3.202), directo (3.200), asistencia (3.195), cumplir (3.047)	9,7%
Отношения исполнительной и законодательной власти	nación (24.043), senado (12.109), proyecto (9.209), candidato (8.199), pliego (8.199), justicia (6.829), político (6.226), decisión (6.208), pueblo (6.023), proceso (5.205)	24,9%

Источник: составлено автором
 Source: compiled by the author

Таблица 4. Результаты LDA за четвертый период правления Х.Милея (10 июня 2024 г. – 31 октября 2025 г.)

Table 4. LDA Results for the Fourth Period of J.Milei's Administration (June 10, 2025 – October 31, 2025)

Тема	Топ-10 ключевых слов	Доля (в %)
Внешняя политика: отношения с США	informar (5.382), argentino (5.315), trump (3.375), nación (3.354), unidos (3.346), donald (3.339), secuestrar (3.333), octubre (2.352), unido (2.345), ejército (2.342)	22,4%
Внутренняя политика, национальные интересы и ценности	argentino (16.352), nación (6.988), impulsar (5.333), valor (5.333), compromiso (5.333), proyecto (4.334), defensa (4.333), político (3.339), fuerza (3.336), decisión (3.336)	48,3%
Проблемы безопасности	argentino (6.333), seguridad (5.355), vahidi (5.333), terrorismo (4.430), unidos (4.357), justicia (4.349), ministerio (4.336), nación (3.659), internacional (3.339), atentado (3.333)	29,3%

Источник: составлено автором
 Source: compiled by the author

В июне – октябре 2025 г. значимым фактором, влиявшим на официальный правительственный дискурс, стали региональные выборы в провинции Буэнос-Айрес в сентябре, а также ключевые для правящей партии промежуточные всеобщие выборы в парламент Аргентины, состоявшиеся 26 октября 2025 г. В этом контексте во внешнеполитическом нарративе приоритетное положение занимали отношения

Аргентины и США и поддержка, оказанная Д.Трампом аргентинскому лидеру и его кабинету в условиях кризиса, усугубившегося в преддверии национального голосования. Кроме того, правительственная коммуникация в большей степени, чем ранее, транслировала сообщения патриотической направленности, делая акцент на достижениях кабинета и общих для аргентинцев символах и ценностях, используя их в том числе для консолидации сторонников президента.

На основе результатов тематического моделирования возможно выделить ряд тенденций, описывающих характер трансформации официального дискурса офиса президента Аргентины в 2023–2025 гг.

Изменение соотношения внутри- и внешнеполитической повестки

В течение первого полугодия правления Х.Милея внешняя политика Аргентины составляла менее 11% официального дискурса, публичная коммуникация была в большей степени сфокусирована на информационной поддержке инициированных президентом преобразований. Для второго периода (10.06.2024–09.12.2024) характерна резкая переориентация: доля освещения внешнеполитических аспектов возросла до 25,2%. В течение второго года правления Х.Милея заметно постепенное снижение доли сообщений, связанных с международными связями Аргентины, однако этот компонент нарратива оставался в числе приоритетных. В последний период исследования, предшествующий национальным выборам в Аргентине и охватывающий июнь – октябрь 2025 г., сохраняется внимание к внешнеполитической повестке, однако возможно выделить возвращение фокуса на внутриполитические меры и достижения кабинета.

Кроме того, выявлена качественная трансформация внешнеполитического нарратива правительства: в период с декабря 2023 г. по июнь 2024 г. сообщения, касающиеся внешней политики, носили общий характер; в июне 2024 – июне 2025 г. для нарратива правительства характерна главным образом трансляция произраильской позиции Аргентины в контексте конфликта в секторе Газа и акцент на проблемах безопасности в связи с внешней террористической угрозой; в течение последних предвыборных месяцев заметен сдвиг внешнеполитической повестки в сторону трансляции сообщений о взаимоотношениях Х.Милея и президента США Дональда Трампа и анонсированных американской администрацией мерах поддержки аргентинского лидера и проводимого им политического курса.

Количественная и качественная трансформация внутриполитического дискурса

Наиболее важные изменения фиксируются в публичной риторике офиса президента, касающейся политического курса Х.Милея и инициированных им реформ. Возможно выделить три этапа развития внутриполитического дискурса кабинета Х.Милея.

На первом этапе (декабрь 2023 г. – июнь 2024 г.) публичная коммуникация была направлена на продвижение инициированных реформ и информирование о них населения страны. Второй этап (10 июня 2024 г. – 9 июня 2025 г.) возможно обозначить как период консолидации и стабилизации. Для него характерно сохранение

приоритетного положения экономических реформ, однако в коммуникации заметно смещение фокуса с агитации в их поддержку на информационное сопровождение процесса рассмотрения экономических законопроектов в парламенте, деятельности правительства и хода преобразований. На этом этапе в официальном правительственном дискурсе появился новый приоритет – обеспечение национальной безопасности, в частности, борьба с преступностью и реформирование системы разведки. Небольшую долю (9,7% в рамках третьего полугодия правления Х.Милея) занимало информирование о реагировании правительства на чрезвычайные ситуации и мерах поддержки населения).

В рамках третьего этапа (10 июня – 31 октября 2025 г.) заметно снижение внимания к экономическим реформам, поскольку значительная часть инициированных в 2023 г. преобразований уже была реализована, и повышение внимания к идеологическим и ценностным аспектам. Внутриполитический нарратив, доминирующий на этом этапе (более 48% всех сообщений), охватывал общие проблемы и достижения правительства, что служило не только для информирования населения, но и в целях предвыборной агитации. На третьем этапе сохранялся фокус на проблемах обеспечения безопасности, которые связаны в том числе с внешней политикой страны и защитой от террористической угрозы.

Институциональные препятствия политике правящего кабинета, освещение конфликта исполнительной и законодательной власти

В условиях отсутствия поддержки избранного президента и сформированного им кабинета в обеих палатах парламента страны, а также конфликтных отношений центральной и региональной власти (в частности, разногласий с губернаторами провинций) освещение динамики взаимоотношений правительства Х.Милея с оппозицией стало одним из значимых компонентов правительственного нарратива.

В течение первого полугодия работы кабинета более 20% официальной публичной коммуникации было посвящено продвижению «Майского пакта» с губернаторами провинций страны, подписанного в июле 2024 г. В дальнейшем (10 июня 2024 г. – 31 октября 2025 г.) идея о необходимости компромисса между исполнительной властью и членами обеих палат парламента и препятствиях, которые сохраняющаяся конфликтность создает для ликвидации последствий кризиса в Аргентине, была интегрирована в нарратив о ходе рассмотрения реформ и продолжении их реализации.

Результаты тематического моделирования, проведенного на материале официальных заявлений офиса президента Аргентины за 2023–2025 гг., позволяют проследить эволюцию коммуникационной стратегии исполнительной власти, отражающую как смену внутриполитических приоритетов, так и адаптацию к меняющимся международно-политическим реалиям. Правительство Х.Милея постепенно смещало фокус с продвижения структурных экономических реформ и либертарианских идей, что было необходимо на первом этапе для обретения и укрепления поддержки инициированного политического курса, на актуальные проблемы безопасности, процессуальные аспекты деятельности правительства,

ход проводимых преобразований и достигнутые кабинетом результаты, что свидетельствует о переходе к этапу консолидации, реализации реформ и оценке их эффективности.

Концентрация на внутривнутриполитической повестке, предвыборной агитации и национальных ценностях, характерная для июня – октября 2025 г., при сохранении акцента на обеспечении безопасности и внешнеполитической ориентации на США, указывает на то, что в преддверии парламентских выборов офис президента делал ставку главным образом на консолидацию электората вокруг идеи возрождения аргентинской экономики, ставшего возможным благодаря успешной политике правящего кабинета.

Результаты контент-анализа официальных заявлений с использованием ручного кодирования

После проведения тематического моделирования все тексты официальных заявлений были подвергнуты ручному кодированию (за единицу информации принимался один абзац текста). Результаты распределения тем в рамках каждого периода представлены в таблице 5.

Результаты контент-анализа подтверждают выводы, сделанные на основе тематического моделирования, позволяют более полно раскрыть содержание официального правительственного дискурса в 2023–2025 гг. и выделить ряд новых особенностей.

В течение первых 6 месяцев президентского срока Х.Милея официальная коммуникация сфокусирована главным образом на медийной поддержке разработанного президентом и его кабинетом курса реформ. Сообщения содержали информацию о продвижении ключевых законопроектов, мерах по снижению инфляции, переговорах с Международным валютным фондом (МВФ), трудовой, пенсионной, налоговой реформах. Существенное внимание уделено решению кадровых вопросов и преодолению кризиса управления¹⁶, критике экономической политики предыдущего аргентинского правительства, на которое возлагалась ответственность за системный кризис, унаследованный правительством Х.Милея¹⁷. Внешнеполитический нарратив включал сообщения по широкому спектру тем: освещались поддержка Израиля в конфликте с ХАМАС, зарубежные визиты Х.Милея и его выступление на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2024 г. Ряд сообщений посвящены критике главы правительства Испании П.Санчеса в контексте конфликта между испанским и аргентинским лидерами весной 2024 г.

¹⁶ Comunicado Oficial Número 32. Argentina.gob.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/comunicado-oficial-numero-32>.

¹⁷ Comunicado Oficial Número 31. Argentina.gob.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/comunicado-oficial-numero-31>.

Таблица 5. Результаты контент-анализа официальных заявлений офиса президента Аргентины, опубликованных в декабре 2023 г. – октябре 2025 г.
Table 5. Results of the Content Analysis of Official Statements by the Argentine President's Office in December 2023 – October 2025

Тематика сообщений	I период (10.12.2023 – 09.06.2024)	II период (10.06.2024 – 09.12.2024)	III период (10.12.2024 – 09.06.2025)	IV период (10.06.2025 – 31.10.2025)
Внешняя политика и международные отношения	32	32	41	22
Экономический кризис и ответственность за него предыдущего правительства	12	8	4	–
Экономические реформы и дерегулирование	10	10	27	6
Ley de Bases, DNU 70/2023 и структурные реформы	18	4	–	–
Бюджетное регулирование и сбалансированность экономики	15	6	5	2
Отдельные реформы	14	7	30	–
Государственное управление и кадровые перестановки	28	17	12	8
Результаты экономической политики и достижения	–	4	5	1
Национальные символы и ценности, патриотизм	8	1	21	5
«Майский пакт» и государственные соглашения	10	2	–	–
Конфронтация с оппозицией	20	15	14	3
Безопасность и общественный порядок	10	24	10	7
Внутренняя политика	–	–	10	4
Социальная политика	3	–	–	–
Борьба с коррупцией и прозрачность	–	1	6	–
Всего	180	131	185	58

Источник: составлено автором
Source: compiled by the author

Для второго полугодия (июнь – декабрь 2024 г.) характерно сохранение приоритетного положения экономических и иных реформ. Освещались меры, направленные на обеспечение сбалансированности аргентинской экономики, решения о приватизации государственных компаний. Заметен рост внимания к внешней политике и проблемам внутренней безопасности с акцентом на реформирование национальной системы разведки¹⁸. Кроме того, появились первые публикации о результатах работы кабинета и экономических достижениях, в частности, о росте заработной платы и снижении инфляции¹⁹. Сохранялись проблема конфликтных отношений правительства с парламентом и губернаторами провинций и акцент на необходимости поиска компромисса для дальнейшего восстановления экономики Аргентины²⁰.

В третьем периоде (декабрь 2024 г. – июнь 2025 г.) в правительственном дискурсе сохранялся фокус на экономических реформах и дерегулировании, в частности, реформе избирательной системы и миграционного законодательства. При этом исчез акцент на ключевых законопроектах, поскольку они, хотя и в урезанном виде, были одобрены парламентом. Заметно снижение доли публикаций, освещающих конфронтацию правительства и оппозиции, сохранялось внимание к улучшению макроэкономических показателей. Кроме того, появился новый нарратив – о борьбе с коррупцией и обеспечении прозрачности, который, в частности, касался расследования дела о криптовалюте \$LIBRA²¹. Возможно также отметить изменение внешнеполитического нарратива: после избрания Д.Трампа президентом США возросло количество сообщений об аргентино-американских отношениях²². Кроме того, фиксируется резкое увеличение доли патриотической риторики, сообщений, продвигающих национальные символы и ценности²³, что в контексте электоральной кампании, посвященной региональным и национальным выборам в стране, могло служить для консолидации электората и агитации в пользу правящих сил.

Заключительный период (10 июня – 31 октября 2025 г.) характеризуется сохранением основных приоритетов и главенствующей ролью внешнеполитического нарратива. В международно-политической повестке доминировала тема переговоров Х.Милея и Д.Трампа, подчеркивался дружественный и стратегический характер отношений Аргентины и США²⁴. Повышенное внимание к связям Буэнос-

18 Sistema de Inteligencia Nacional. Argentina.gob.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/sistema-de-inteligencia-nacional>.

19 Comunicado Oficial Número 46. Argentina.gob.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/comunicado-oficial-numero-46>.

20 Comunicado Oficial Número 49. Argentina.gob.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/comunicado-oficial-numero-49>.

21 Anuncio Oficial. Argentina.gob.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/anuncio-oficial>.

22 Comunicado Oficial Número 75. Argentina.gob.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/comunicado-oficial-numero-75>.

23 Comunicado Oficial Número 71. Argentina.gob.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/comunicado-oficial-numero-71>.

24 Comunicado Oficial Número 113. Argentina.gob.ar. URL: <https://www.argentina.gob.ar/noticias/comunicado-oficial-numero-113>.

Айреса и Вашингтона могло быть связано, во-первых, со стремлением Х.Милея продемонстрировать близость Аргентины к западным странам и, во-вторых, с необходимостью американской поддержки для укрепления позиций президента, правительства и правящей партии накануне национальных парламентских выборов 26 октября 2025 г.²⁵

Таким образом, на основе данных контент-анализа возможно заключить, что официальный дискурс офиса президента Аргентины в 2023–2025 гг. претерпел ряд трансформаций, связанных с меняющимся внутривластным и институциональным контекстом, а также с международной конъюнктурой. Сохранение приоритетного положения внешней политики отражает стратегический характер позиционирования Аргентины на международной арене при администрации Х.Милея, а ориентация главным образом на Вашингтон после победы Д.Трампа – стремление продемонстрировать идейно-политическую близость Буэнос-Айреса с консервативными правительствами стран Запада. Во внутренней политике выявлен сдвиг от преимущественно «оборонительной» стратегии на первых этапах, связанной с унаследованным экономическим кризисом, институциональными противоречиями и конфликтными отношениями правительства с парламентом, к «наступательной»: продвижению идеи возможного компромисса между властью и умеренной оппозицией, освещению проводимых масштабных реформ и экономических успехов. Акцент на проблемах безопасности, обеспечении сбалансированности аргентинской экономики, мер по борьбе с инфляцией и высоким уровнем бедности объясняется как важностью этих тем для населения страны, так и приоритетным положением, которое эти проблемы занимали в предвыборной программе Х.Милея. Рост доли сообщений с идеологической и ценностной нагрузкой, в особенности в период с конца 2024 г. до середины 2025 г., возможно интерпретировать как переход к мобилизационной стратегии и стремление консолидировать электорат в преддверии выборов на основе общей идентичности и национальных ценностей.

Выводы

Исследование официального дискурса офиса президента Аргентины Хавьера Милея, проведенное с использованием комплекса количественных и качественных методов анализа, включающего тематическое моделирование (LDA) и ручной контент-анализ, позволило проследить динамику представленности ключевых тем в публичной коммуникации и выявить ряд векторов ее трансформации.

Переход от агитации и продвижения реформ к консолидации и стабилизации политического курса, а затем – к мобилизации населения в преддверии национальных выборов.

25 Шпак М.А. «Величайший шоумен. Продолжение»? К итогам парламентских выборов в Аргентине. ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/velichayshiy-shoumen-prodolzhenie-k-itogam-parlamentskih-viborov-v-argentine>.

Если на первых этапах правления кабинета Х.Милея в качестве доминирующих выделялись агитационные нарративы, продвигающие ключевые проекты реформ, инициированных правительством, и ценности либертарианской идеологии, в дальнейшем заметно смещение фокуса на процессуальные аспекты (ход рассмотрения законопроектов в парламенте), а также на информирование населения о достигнутых правительством успехах, в том числе об улучшении макроэкономических показателей и реализации заявленных преобразований. По мере приближения национальных выборов 26 октября 2025 г. в дискурсе также увеличилась доля патриотической риторики и сообщений, затрагивающих национальные ценности. Можно отметить, что в преддверии выборов власти Аргентины активно задействовали символическую политику в целях мобилизации электората на основе общности национальной идентичности и демонстрации достижений правящего кабинета.

Трансформация нарратива, относящегося к оппозиции: переход от открытой конфронтации к институциональному прагматизму.

В рамках исследуемого периода наблюдается постепенное снижение доли конфронтационной риторики в отношении оппозиции действующему правительству. Если в течение первого года правления Х.Милея нарратив конфронтации с оппозицией активно присутствовал в дискурсе, в 2025 г. отмечается снижение его доли в коммуникации. Заключение «Майского пакта» с губернаторами летом 2024 г. и поиски компромисса с умеренной оппозицией по отдельным законопроектам позволили снизить градус конфликтности в отношениях правящей партии и оппозиционных политиков и перейти к более умеренной и прагматичной риторике. Одновременно заметно снижение присутствия в дискурсе нарратива об ответственности предыдущих властей страны за кризисное состояние аргентинской экономики, финансовой и социальной сферы и рост числа публикаций, демонстрирующих достижения текущей администрации.

Переход от внутренней мобилизации к активному позиционированию на международной арене и выстраиванию обновленной аргентинской внешнеполитической идентичности.

Если на первом этапе (декабрь 2023 г. – июнь 2024 г.) внешняя политика занимала периферийное положение по сравнению с информационным сопровождением структурных реформ, то начиная со второго полугодия президентского срока Х.Милея международно-политическая повестка вошла в число приоритетов правящей администрации. Качественная трансформация внешнеполитического нарратива – от большого количества тем, связанных с внешним позиционированием Аргентины, до явной приоритизации отношений с США – демонстрирует не только адаптацию к актуальным внешнеполитическим реалиям, но и важный ценностный сдвиг в сторону принадлежности к числу западных держав и ключевых союзников консервативных правительств в Западном полушарии. В контексте предвыборной кампании 2025 г. демонстрация дружественных отношений с Вашингтоном служила сигналом о переориентации Аргентины на страны Запада, а также подтверждением поддержки текущей аргентинской администрации со стороны США.

Представленные векторы трансформации официального публичного дискурса в период правления в Аргентине Хавьера Милея (2023–2025) дают возможность проследить процесс адаптации политического актора, склонного к популистской риторике, к контексту осуществления государственной власти на различных этапах. В рамках периода исследования зафиксирован постепенный переход от мобилизационной риторики, активного продвижения нарратива системного кризиса и резкой критики политических оппонентов к освещению процедурных аспектов, хода инициированных преобразований, демонстрации достигнутых результатов и конструированию позитивного национального проекта.

В методологическом плане исследование, с одной стороны, демонстрирует некоторую ограниченность потенциала использования тематического моделирования на средних данных. Автоматизированный анализ требует тщательной предобработки текстовых данных, не учитывает специфику национального политического, социально-экономического, культурного контекста, а также игнорирует синтаксический контекст, что может снижать точность результатов исследования. С другой стороны, подход, предполагающий комбинирование тематического моделирования по LDA и ручного контент-анализа, представляется продуктивным, поскольку он позволяет выявить латентные семантические структуры в корпусе текстов и проследить динамику их представленности (с помощью LDA), а ручное кодирование благодаря более глубокому анализу помогает получить полное представление о тематическом наполнении официального дискурса и провести более точную интерпретацию нарративных стратегий правительства Аргентины.

Список литературы

1. Ивановский З.В. Выборы 2023 г. и политический ландшафт Латинской Америки [Elections of 2023 and the Political Landscape of Latin America] // Свободная мысль. 2024. № 1. С. 71–86.
2. Шпак М.А. Особенности публичного нарратива Хавьера Милея в медиапространстве (на материалах электоральной кампании 2023 г. в Аргентине) [Distinctive Features of Javier Milei's Public Narrative in Media Space (Based on 2023 Election Campaign in Argentina)] // Полицентричный мир. 2025. Vol. 2. № 1. С. 67–88. [https://doi.org/10.20542/pwj-2025-2\(1\)-67-88](https://doi.org/10.20542/pwj-2025-2(1)-67-88).
3. Яковлев П.П., Яковлева Н.М. Аргентина на траектории смены моделей развития: Вызовы, ответы, риски [Argentina on the Trajectory of Changing Development Models: Challenges, Answers, Risks] // Латинская Америка. 2024. № 3. С. 6–24. <https://doi.org/10.31857/S0044748X24030014>.
4. Ariza A. La 'Casta' y los 'Argentinos de Bien': Narrativa Electoral de Javier Milei // Revista Más Poder Local. 2024. No. 57. P. 68–86. <https://doi.org/10.56151/maspoderlocal.239>.
5. del Pino Díaz D. Javier Milei y el Populismo Empresarial en Argentina: "El Empresario Exitoso es un Benefactor Social" // Revista de Comunicación de la SEECI. 2024. № 57. P. 1–21. <https://doi.org/10.15198/seeci.2024.57.e882>.
6. Heinisch R., Gracia O., Laguna-Tapia A., Muriel C. Libertarian Populism? Making Sense of Javier Milei's Political Discourse // Social Sciences. 2024. Vol. 13. № 11. P. 599. <https://doi.org/10.3390/socsci13110599>.
7. Marticorena C., Soul J. Far Right times in Argentina: Social and Labour Conflicts at the Beginnings of Milei's government // Global Labour Journal. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 130–135.
8. Mazzoleni G. Mediatization of Society // W.Donsbach (ed.) The International Encyclopedia of Communication. Vol. VII. Malden, MA: Blackwell, 2008. P. 3052–3055.
9. Moch E. The Implementation of the Austrian School of Economics in Argentina: Javier Milei's Concept of Freedom and the Role of the State // East African Journal of Business and Economics. 2024. Vol. 7, № 2. P. 328–342. <https://doi.org/10.37284/eajbe.7.2.2479>.
10. Moch E. Transformation from Neoclassicism to Austrian School: Javier Milei's Economic Evolution

- // East African Journal of Business and Economics. 2025. Vol. 8. № 1. P. 46–62. <https://doi.org/10.37284/eajbe.8.1.2619>.
- Moffitt B. How to Perform Crisis: A Model for Understanding the Key Role of Crisis in Contemporary Populism // Government and Opposition. 2015. Vol. 50. № 2. P. 189–217. <https://doi.org/10.1017/gov.2014.13>.
  - Sendra M., Marcos-Marne H. Is Milei a Populist? People and Market in the New Radical Right in Argentina // Contemporary Politics. 2024. Vol. 30. № 5. P. 639–655. <https://doi.org/10.1080/13569775.2024.2311982>.
  - Strömbäck J., Esser F. Mediatization of Politics: Towards a Theoretical Framework // F.Esser, J.Strömbäck (eds.). Mediatization of Politics. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 3–28. https://doi.org/10.1057/9781137275844_1.
  - Waldman J., Ordoñez L. A Libertarian Stabilization Program and Its Consequences // *Economía e Políticas Públicas*. 2024. Vol. 12. № 1. P. 106–118. <https://doi.org/10.46551/epp2024v12n0108>.

Информация об авторе

ШПАК Мария Александровна. Младший научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). <https://orcid.org/0009-0006-0188-7717>. Адрес: Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. m.shpack.new@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26 ноября 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 февраля 2026 г. Принята к публикации: 20 февраля 2026 г. Опубликована: 1 марта 2026 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Iwanowski Z.V. Elections of 2023 and the Political Landscape of Latin America. *Svobodnaya mysl'*. [Free Thought]. 2024; 1:71–86 [In Russian].
- Shpak M.A. Distinctive Features of Javier Milei's Public Narrative in Media Space (Based on 2023 Election Campaign in Argentina). *Policentrichny' mir* [Polycentric world]. 2025; 2(1–2):67–88 [In Russian]. [https://doi.org/10.20542/pwj-2025-2\(1\)-67-88](https://doi.org/10.20542/pwj-2025-2(1)-67-88).
- Yakovlev P.P., Yakovleva N.M. Argentina on the Trajectory of Changing Development Models: Challenges, Answers, Risks. *Latinskaya America* [Latin America]. 2024; 3:6–24 [In Russian]. <https://doi.org/10.31857/S0044748X24030014>.
- Ariza A. La 'Casta' y los 'Argentinos de Bien': Narrativa Electoral de Javier Milei. *Revista Más Poder Local*. 2024; 57:68–86 [In English]. <https://doi.org/10.56151/maspoderlocal.239>.
- del Pino Díaz D. Javier Milei y el Populismo Empresarial en Argentina: "El Empresario Exitoso es un Benefactor Social". *Revista de Comunicación de la SEECI*. 2024; 57:1–21 [In English]. <https://doi.org/10.15198/seeci.2024.57.e882>.

- Heinisch R., Gracia O., Laguna-Tapia A., Muriel C. Libertarian Populism? Making Sense of Javier Milei's Political Discourse. *Social Sciences*. 2024; 13(11):599 [In English]. <https://doi.org/10.3390/socsci13110599>.
- Martcorena C., Soul J. Far Right Times in Argentina: Social and Labour Conflicts at the Beginnings of Milei's Government. *Global Labour Journal*. 2024; 15(2):130–135 [In English].
- Mazzoleni G. Mediatization of Society. W.Donsbach (ed.) *The International Encyclopedia of Communication*. Vol. VII. Malden, MA: Blackwell, 2008:3052–3055 [In English].
- Moch E. The Implementation of the Austrian School of Economics in Argentina: Javier Milei's Concept of Freedom and the Role of the State. *East African Journal of Business and Economics*. 2024; 7(2):328–342 [In English]. <https://doi.org/10.37284/eajbe.7.2.2479>.
- Moch E. Transformation from Neoclassicism to Austrian School: Javier Milei's Economic Evolution. *East African Journal of Business and Economics*. 2025. 8(1):46–62 [In English]. <https://doi.org/10.37284/eajbe.8.1.2619>.
- Moffitt B. How to Perform Crisis: A Model for Understanding the Key Role of Crisis in Contemporary Populism. *Government and Opposition*. 2015; 50(2):189–217 [In English]. <https://doi.org/10.1017/gov.2014.13>.
- Sendra M., Marcos-Marne H. Is Milei a Populist? People and Market in the New Radical Right in Argentina. *Contemporary Politics*. 2024; 30(5):639–655 [In English]. <https://doi.org/10.1080/13569775.2024.2311982>.
- Strömbäck J., Esser F. Mediatization of Politics: Towards a Theoretical Framework. Esser F., Strömbäck J. (eds.). *Mediatization of Politics*. London: Palgrave Macmillan, 2014:3–28 [In English]. https://doi.org/10.1057/9781137275844_1.
- Waldman J., Ordoñez L. A Libertarian Stabilization Program and Its Consequences. *Economía e Políticas Públicas*. 2024; 12(1):106–118 [In English]. <https://doi.org/10.46551/epp2024v12n0108>.

About the author

Maria A. SHPAK, Junior research fellow of the Center for development and modernization studies. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO). <https://orcid.org/0009-0006-0188-7717>. Address: 23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russian Federation. m.shpack.new@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: November 26, 2025. Approved after review: February 10, 2026. Accepted for publication: February 20, 2026. Published: March 1, 2026.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, массмедиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в постсоветских странах;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружелюбного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

Институт издает научный журнал «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» (РИНЦ, ВАК) и приглашает авторов к публикациям (<https://www.russia-world.ru/jour/index>).

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
о проведении X Международной научно-практической конференции
«Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность»**

Уважаемые коллеги!

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК) приглашает принять участие в X Международной научно-практической конференции «Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность», которая состоится 19–20 мая 2026 года в Москве на площадке Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Конференция является международной экспертной площадкой для обсуждения актуальных вопросов развития современных международных и региональных политических процессов, научного и экспертного взаимодействия, а также выработки рекомендаций, направленных на укрепление международного диалога и доверия.

В рамках конференции запланированы пленарное заседание, экспертные сессии, а также специальный экспертный диалог с участием российских и зарубежных ученых, представителей государственных структур, общественных и политических деятелей. Регистрация на конференцию доступна по ссылке: <https://forms.gle/wLfu5VRjmrqJH6Aa7>

Основные даты программы

19 мая 2026 года

Состоятся рабочие встречи зарубежных участников конференции с целью содействия конструктивному экспертному диалогу по вопросам развития международных и региональных процессов в Евразии.

20 мая 2026 года

Пройдут пленарное заседание и экспертные сессии.

Место проведения:

г. Москва, Нахимовский просп., 51/21,
Институт научной информации по общественным наукам РАН.
Время проведения: 10:00–18:00 (по московскому времени; регистрация с 9:30)

Программа 20 мая

- Открытие мероприятия
Представители федеральных органов законодательной и исполнительной власти, Администрации Президента РФ, посольств зарубежных стран, международных организаций
- Сессия 1
Современный мир: новые риски, вызовы и возможности. Академический взгляд
- Сессия 2
Современный мир: новые риски, вызовы и возможности. Взгляд государственных и политических деятелей
- Торжественное мероприятие по случаю 5-летия научного журнала «Россия и мир: научный диалог»
- Обеденный перерыв
- Сессия 3
Южный Кавказ и Россия: диалог в новой реальности
- Сессия 4
Стратегическое партнерство России и стран Центральной Азии: вызовы и возможности
- Сессия 5
Россия и Европа в эпоху перемен
- Сессия 6
Арктика в новой реальности: стратегии России и глобальные вызовы
- Сессия 7
Интеграции евразийского пространства: к 35-летию СНГ
- Прием от имени НИИРК

Зарубежные экспертные сессии

В рамках подготовки к основному заседанию конференции проводится серия зарубежных экспертных сессий:

7 апреля 2026 года

Кыргызская Республика, г. Бишкек

**Бишкекский экспертный диалог
«Интеграционные форматы в Центральной Азии»**

Цель – экспертный анализ текущих интеграционных процессов в Центральной Азии, оценка их влияния на политику, безопасность и коммуникационные режимы региона, а также определение механизмов регионального взаимодействия в условиях многовекторности.

Возможно только очное участие

15–16 апреля 2026 года

Республика Армения, г. Ереван

**Ереванский экспертный диалог
«Южный Кавказ: новые реалии и перспективы»**

Цель – экспертная оценка и анализ ключевых политических, экономических и информационных процессов на Южном Кавказе, а также факторов, влияющих на региональный баланс сил, устойчивость, кооперацию и общественные настроения.

Возможно только очное участие

27–28 апреля 2026 года

Республика Сербия, г. Белград

**Белградский экспертный диалог
«Славянский мир в меняющихся реалиях: стратегии диалога»**

Цель – экспертная оценка и анализ новых реалий развития славянского мира, факторов, способствующих диалогу, и обсуждение перспектив устойчивого взаимодействия между государствами, обществами и экспертными сообществами.

Возможно только очное участие

По результатам Конференции будет издан сборник материалов (РИНЦ, eLIBRARY.RU).

Будем рады вашему участию в работе конференции и экспертных мероприятий.

С уважением,
Организационный комитет
X Международной научно-практической конференции
«Россия и мир: диалоги – 2026. Новая реальность»

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

Редактор-переводчик – д-р культурологии, профессор Т.Г.Бортникова

Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА

Издательский дом Perspèctum

г. Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 01.03.2026

Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42. Тираж 200 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Research of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Editor-translator – DSc. (Cultural studies), Professor Tatiana G. Bortnikova

Proofreader – CandSc (Filol.) Ilya A. Emelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS

Publishing House Perspèctum

22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow Tel. +7 495 146 83 02

Signed in the press on 01.03.2026

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pečhati» 80/42, Revolyucionnyj prospect, Podolsck, Moscow oblast
Circulation 200 copies

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

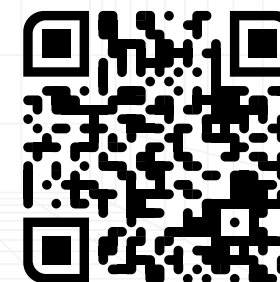
перспèктум

ЧЕЛОВЕК и МИР
ДИАЛОГ

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

Обложки журнала этого года объединяет тема космизма — философского и художественного направления начала XX века, обращенного к познанию Вселенной и места человека в ней.

Оформление и дизайн этого выпуска вдохновлено творчеством Николая Рериха (1874–1947) — художника, мыслителя и путешественника, близкого идеям космизма. Испытав влияние восточной философии, он создал учение «Живая этика» («Агни-Йога»), видя в искусстве путь духовного восхождения.

Рерих написал более 7000 картин, оформлял «Русские сезоны» Дягилева, участвовал в создании храмовых росписей, возглавлял объединение «Мир искусства». Он руководил экспедицией по Гималаям и Центральной Азии, во время которой писал картины на высоте свыше 5000 метров, а позже стал инициатором «Пакта Рериха» — международного договора о защите культурных ценностей.

С 20-х годов прошлого века в разных странах мира существуют общества и музеи Рериха. Его искусство — это мост между земным и космическим, попытка увидеть в человеке частицу единого Вселенного духа.